

ПОЛУСОЛНЦЕ

КРИСТИНА РОБЕР

Young
Adult

МИФ

ПЛЕЙ-ЛИСТ

The Sound of Silence – Pentatonix

The World we made – Ruelle

Going down fighting – Phlotilla

Rakuen – Do as Infinity

Better than this – Paloma Faith

Спой – Миша Марвин (feat. Мот)

Mother – Ina Wroldsen

Minefields – John Legend, Faouzia

Riverside – Agnes Obel

У меня немаэ дому – Один в каноэ

Shine a light – AG feat. Connie Lim

Born alone die alone – Madalen Duke

Shinjitsu no Uta – Do as infinity

Time to give – White lies

Red Violet. Магия Азии

КРИСТИНА РОБЕР

ПОЛУ(ОЛНЦЕ

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9(=520)
ББК 84(2Рос)6-445.1
Р58

Робер, Кристина

Р58 Полусолнце / Кристина Робер. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 512 с. — (Red Violet. Магия Азии).

ISBN 978-5-00195-399-9

Япония. Эпоха враждующих провинций.

Рэйкен. Наполовину смертная, наполовину кицунэ. Странница, способная проникать в мир мертвых и мечтающая отыскать там свою семью.

Шиноту. Молодой господин, владелец рисовых полей, в жизни которого нет места магии и демонам — до тех пор, пока он не встречает Рэйкен.

Хэджам. Чистокровный демон, воспитавший Странницу. Он пойдет на все, чтобы найти и вернуть Рэйкен. Но захочет ли она возвращаться?

Каждый из них преследует собственную цель. Каждый скрывает свою тайну. И только мертвым известно, кто из них сумеет дойти до конца.

УДК 82-312.9(=520)
ББК 84(2Рос)6-445.1

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-399-9

© ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022
© Кристина Робер, текст, 2022

Мам, это тебе

*Когда день клонится к закату и я вижу на небе лишь половину
солнца, мне хочется верить, что там, по ту сторону мира,
другая половина светит тебе*

Пролог

Я хотел сжечь это место к чертям собачим, но, оказывается, никакая ненависть к богам не дает мне такого права.

Это я понял сразу, заметив спешащего ко мне священника. Он даже рта не успел раскрыть, но по виду его раздувающихся ноздрей стало ясно, что факел придется потушить.

Досадно на самом деле. И ужасно несправедливо. Я всего лишь хотел поставить эффектную точку в посещениях святилища этой злобной стервы Инари*. Ладно-ладно, может, и не злобной. Но когда могущественная женщина, какой-то своей конечностью причастная к моему существованию, за пять лет ни разу не ответила на мои вежливые вопросы (крики, вопли, ругательства — я очень старался, даже пару раз сорвал голос!), логично, что у меня вырос зуб на нее.

И я бы, наверное, смог объяснить всю глубину несправедливости этому бедному священнику, но, посмотрев в его выпученные глаза, плонул да бросил факел. Старичок с облегчением отер пот со лба и укоризненно цокнул языком. Я лишь пожал плечами — обычное дело! — и устало опустился на землю. Хотел было трубку раскурить,

* В синтоизме богиня плодородия, покровительница земледельцев и рисовых полей. Здесь и далее — примечания автора.

но передумал: в своих мечтах я курил исключительно с видом на стены и тории*, обьятые рыжим огнем.

Таким же рыжим, как лживые глазища Рэйкен.

Я глубоко вздохнул.

Мой друг Ючи говорил, что я оправлюсь от потери сразу же, как только приму, что моя любовь к этой женщине была вовсе не любовью, а губительной одержимостью, которую она же мне и внущила. Чувства, которым я противился, которые буквально сжирали меня изнутри, — оказывается, на самом деле их не существовало... Вот так просто. Наверное, я и вправду баран или глупый хого**, как окрестила меня моя ненаглядная лгунья, потому что за пять лет так и не принял этой правды. Признать, что меня водили вокруг пальца? Нет уж! Лучше сдохнуть от неразделенной любви, пусть даже несуществующей.

Баран. Сомнений нет.

Прищурившись, я уставиля на бедного священника, кружашего у главной лестницы храма в жалких попытках казаться занятым делом. Я беспощадно сверлил его взглядом, пока он не сдался и не посмотрел на меня в ответ.

— Вы помните ее? Помните, как я пришел за ней?

Священник нахмурился. Хотел притвориться, что безуспешно роется в памяти, но я сердито поджал губы и замотал головой:

— Нет. Даже не думайте прикидываться. Я-то вас помню. Так уж вышло, что с некоторых пор память у меня слишком хорошая.

Священник обреченно вздохнул и засеменил в мою сторону. Немного постояв рядом и не дождавшись никакой реакции, он сел возле меня на землю и уставился на храм.

— Помню, господин.

* П-образные ворота без створок в синтоистском святилище.

** Защитник.

— Вот скажи, зачем вы отдали ее мне? Неужели ради денег?

Он посмотрел на меня как на самую пропащую душу, и столько в его взгляде было жалости, что я впервые за много лет стал сам себе по-настоящему противен. Заерзав на месте, я почесал подбородок. Весь в жесткой щетине. Надо бы побриться, в конце концов.

— Прежний служитель святыни, достопочтенный Исумаки Камамото, питал слабость к отвергнутым. Он был уверен, что сама богиня Инари послала вас.

Я презрительно фыркнул, борясь с желанием выложить бедолаге правду, но побоялся, что его вера не выдержит такого испытания.

— У вашей несравненной богини своеобразное чувство юмора, — прошипел я.

— У богини безграничное сердце, способное сострадать всем своим созданиям. Даже... — Священник стыдливо потупил взгляд, — самым недостойным из них.

Каков черт.

Недостойным!

Сам ты... Постойте... Это он обо мне или о Рэйкен?

Я был готов разразиться язвительной тирадой, но в последний момент прикусил язык. Когда я успел стать таким циничным? Проведя почти всю жизнь в тоске по утраченной семье, подавляя в себе чувство несправедливости от того, что взвалил на меня умерший брат, я никогда не позволял себе озлобиться. Но потеря Рэйкен превратила меня в существо, отвергающее все живое и прекрасное. В последние дни, проведенные с ней, я с ужасом представлял, как вернусь в поместье Сугаши одиноким, без племянников, о которых заботился всю сознательную жизнь, без друга, который хоть и нагло использовал мое доверие, но все же был рядом в самые тяжелые минуты. Я думал, что все преодолею, лишь бы близкие были со мной. Но сейчас, спустя пять лет, намеренно затворялся от всех. В гордом

одиночество ел себя изнутри большими ложками и даже не давился.

Так многое произошло в те злосчастные десять дней. Случившееся могло изменить меня, но именно ее потеря убила во мне прежнего Шиноту Сугаши — упрямого юнца, прячущего спутанные лохмы под косынкой, в душе — крестьянина, на деле — господина, наследника рисовых полей и опекуна очаровательных близнецовых, ненавидевшего все сверхъестественное.

Я поднялся на ноги и медленно побрел к святилищу. Остановившись у подножия лестницы, засунул руки в карманы и зашептал со всей мольбой, на которую только был способен:

— Злобная ли ты гадина или богиня с безграничным сердцем — мне плевать. Но прошу тебя в последний раз! Найди ее, в каком бы из загробных миров ни обитала ее душа, и дай мне с ней поговорить. Один раз! Я должен убедиться, что успел. Я должен знать, как она умерла. Если сделаешь это, обещаю... зараза... хорошо, обещаю: я перестану скрываться от вас.

Пестрые стены храма оставались безмолвными. Каменные статуи кицунэ* равнодушно взирали своими мертвыми глазами. Ни шороха. Ни ветерка. Наверное, если бы Инари действительно слышала меня, она бы соизволила подать знак. В прошлый раз ведь пришла.

— Дрянь глухая, — буркнул я, забыв о смирении.

Священник по-прежнему сидел на земле и молча смотрел перед собой. И я вдруг понял, что это конец. Ни мое упрямство, ни моя злость — ничто ее не вернет. Я исчерпал все варианты и теперь должен смириться с тем, что сделал. Спаситель я или убийца — кто знает. Но мне придется выбрать версию, с которой получится жить свою новую бесконечную жизнь.

* Лисы-оборотни, посланники богини Инари.

Я побрел к главным ториям с твердым намерением завершить свое унизительное паломничество в этот храм, как вдруг замер. Между деревьями что-то мелькнуло. Не почудилось ли мне? Я всмотрелся... Ее глаза! Это были ее глаза! Сердце сделало кувырок и остановилось. Я бросился вперед, но не успел добежать даже до ворот, когда заметил маленькую белую лису, со всех лап удиравшую в глубь леса.

Я онемел. Могла ли Инари так издеваться надо мной? Неужели это был настоящий кицунэ? Она отправила свою шавку следить за мной? Не может быть...

А что, если...

Нет, невозможно! Рэйкен не была кицунэ. Разве что и в этом она мне лгала.

ЧАСТЬ I
СТРАНИЦА

Глава I

Пленница

Япония, начало XVII века

Шин

С тех пор как старый служитель храма Инари, Исумаки Камамото, закрыл у нас над головой двери в подземелье, я потерял счет времени. Проход был узким, и, задевая плечами земляные стены, я едва сдерживался, чтобы не браниться при своем спутнике. Я злился на себя за то, что не послушал Коджи и пренебрег доспехами, злился на него за то, что в кои-то веки племянник решил не наставлять.

— Откуда здесь этот тоннель? — Я оступился и, с трудом удержав равновесие, тихо зашипел.

Священник отвел морщинистую руку с факелом в сторону и скосил на меня взгляд:

— До леса Пойманых Душ день пути, господин. И это для немощного старика. А демону раз плонуть добраться сюда. Если бы мы не укрылись, то не шли бы сейчас здесь с вами. Сами сделали, кто ж еще. Когда жить захочешь, и не такое сотворишь.

— Что еще за лес Пойманых Душ? — прокряхтел я: тоннель внезапно стал еще уже и мне пришлось сгорбиться, прижать руки к груди и втянуть шею в плечи.

— Да как же! — в голосе священника сквозило недоумение. — Вы, Шиноту-сама, из *такого* рода и не знаете?

— Из какого такого?

— Какой вы скрытный, — хмыкнул священник. Он опустил факел, и пламя осветило бурую землю, размытую водой. Видимо, здесь были какие-то источники. — Вы хоть и носите эти платки на голове, да разве я не знаю, что под ними?

Ах ты старый жук! Я стиснул пальцы в кулаки, а надо бы стиснуть их на морщинистой шее... Отродясь не встречал я ни демонов, ни прочей нечисти и стал уже забывать, что в мире еще остались такие вот древние священники, повидавшие не только темные стороны войны*, но и тех, кому вообще не положено показываться среди смертных.

Я уже искал пути отступления, прикидывая, как свести тему на нет, но священник замолчал. То ли был таким деликатным, то ли мы приближались к цели. Видимо, все же второе, потому что внезапно мне удалось выпрямиться и вдохнуть полной грудью: затхлый воздух, наполнявший тоннель, улетучился и повеяло прохладой.

Коридор изогнулся, и мы оказались в просторной пещере. Там я невольно зажмурился и даже закрыл глаза рукой — так сильно меня ослепило.

— Другого выбора нет: ей во тьму нельзя, — донесся бесстрастный голос священника.

Я заморгал и, когда глаза привыкли, увидел перед собой металлические прутья, идущие прямо из каменного потолка и уходящие в стальное основание.

— Пришлось укрепить, — пояснил священник, поймав мой удивленный взгляд. — Мы тогда не знали, насколько она сильная. Сейчас, конечно, опасности нет, совсем высушилась... Да вы смотрите, смотрите. А то зачем пришли тогда.

* Период Сэнгоку в Японии (вторая половина XV — начало XVII века) — «эпоха воюющих провинций».

И я подошел к клетке. Свет лился прямо с потолка — приторно-желтый, очень яркий, — ярче полуденного солнца. И в этом свете растворялись все детали.

— Там наверху офуда*. — Священник указал на потолок. Но мое внимание было обращено к ней.

На первый взгляд бесформенная груда в ветхих синих одеждах. Ноги скрестила, выставив иссущенные старостью грязные пальцы. Голову склонила низко, укрыв себя длиннющими спутанными волосами — такими пыльными, что даже цвета не разобрать. А ладонями уперлась в колени, как будто пыталась подняться, да сил не хватало.

Меня пробрало отвращение, смешанное со страхом. Никогда прежде я не видел демонов.

— Это она? А говорили, что Странница — красавица неописуемая, оттого и опасная такая. Но это... — я не находил слов, — рухлядь какая-то.

— Шиноту-сама, так двадцать лет прошло. Закрыли мы ее красавицей, но старость свое взяла.

— Старость, — повторил я, пробуя это слово на вкус. Схватившись за прутья, я продолжал наблюдать за фигурой в клетке. Она сидела неподвижно, словно и не дышала вовсе. — Разве демоны стареют?

— Стареют, если лишить их источника силы. — Священник пожал плечами.

— Ее источник — темнота?

— Да. Офуда я вам дам — используйте ночью.

— А ее сила может вернуться?

— Кто знает... Ну что, забираете?

Впервые за два года поисков я замешкался. Не осталось на свете человека, который ненавидел бы демонов больше, чем я. Мое сердце переполнялось такой лютой злобой при одном лишь упоминании о них, что самому становилось

* Разновидность талисмана или амулета.

страшно. Да только кто мне еще поможет... Кто еще проведет меня на ту сторону?

Я сверлил взглядом ее пальцы, как будто ждал, что ответ появится на бледных высохших костяшках, и вдруг она подняла голову и уставилась на меня жуткими, полисьи изогнутыми глазами — такими черными, как будто в них был сокрыт проход, который я так долго искал.

— Рэйкен ее зовут, — словно издалека донесся голос священника.

— Демон она, и всё тут, — выдохнул я.

Старуха опалила меня темнотой своих глаз, а потом внезапно — едва уловимо — покачала головой. Бледные губы изогнулись в жуткой презрительной усмешке.

Третий день мы идем с нашим грузом, выискивая безопасный путь в поместье Сугаши. Можно было бы пройти через деревни и выиграть сутки, но если жители увидят нас в компании демона — сразу убют. Даже несмотря на мой рассеченный шрамом глаз и блестящий колчан за спиной.

Меня зовут Шиноту Сугаши, и я самый глупый человек на свете. Мне посчастливилось расти в золотое время, ходить по земле, очистившейся от крови минувших войн, дышать воздухом, свободным от злобы и мести. Мне суждено было жить бок о бок с другими людьми, не страшась быть обманутым демонами, не боясь за чистоту душ своих родных.

И вот я иду, и мою спину прожигает темный взгляд мерзкого отродья.

Рэйкен. Я не хотел помнить ее имени, но слова священника не шли у меня из памяти. Я вспомнил их, когда вместе с моим племянником Коджи переместил старуху в клетку,

установленную на повозке, а служитель святилища Инари закрепил на прутьях защитные орудия и на прощание благословил нас молитвой.

Рэйкен ее зовут.

Голос его надломился, и я уловил странные нотки... горечи? Что это могло значить? Священник не хотел отпускать ее? Но я же избавил его святыню от демона, да еще и денег оставил в придачу столько, что им на век вперед хватит — и храм содержать, и сироткам помогать.

Рэйкен.

Имя-то какое. Резкое, хищное, хитрое. Мне захотелось произнести его вслух, чтобы убедиться: эти шесть букв звучат как проклятье. Рэй-кен.

Коджи стал уговаривать нас сделать привал, и я нехотя кивнул. Пока мои спутники разбивали лагерь, я невольно скосил взгляд на повозку. Старуха сидела в той же позе, что и в подземелье, и все так же смотрела вниз. Ее новая клетка была в разы меньше. Мы купили ее в одной из деревень по пути в храм Инари. Я хотел укрепить ее металлом, ввинтить в пол цепи и разместить крепление для головы. Кто знает, с какой силой нам предстояло столкнуться. Но, узнав о моих намерениях, Коджи от смеха упал на колени и трясясь еще долго — я даже трубку успел раскурить.

— Дядя, ты, конечно, меня удивляешь. Она двадцать лет взаперти провела. Смотри, скоро в пыль рассыплется. Но чтобы тебе было спокойно, я попрошу священника скрепить клетку заклятьем.

Я хмуро оглядел это самое «заклятье»: полосы пергамента с черными иероглифами. Коджи, конечно, верил в могучую силу служителей, верил, что эти каракули сдержат демона. Но я-то боялся. И ненавидел себя за это.

Я взглянул на своего друга Кацу: тот одобрительно кивнул, и его ухмылка утонула в жесткой бороде.

Местом для привала мои спутники выбрали клочок земли на берегу тонкой речушки, протекавшей через пшеничное поле. Солнце стояло высоко и светило жарко. Я весь взмок. Пришлось снять колчан и лук и освободиться от доспехов, которые я все-таки надел сразу, как только вышел из святилища. Закатав рукава короткого кимоно, я опустился на колени, щедро зачерпнул воды в ладони и умылся. Горячий ветер в мгновение высушил кожу.

Кацу снял черное хаори*, омыл шею и руки, а Коджи подвел кобылу к реке и дал напиться.

Изнемогая от жары, я снова взглянул на старуху в клетке и невольно подумал, каково ей было столько лет... Но чувствуют ли демоны? Холод, жару, жажду, боль...

Словно прочитав мои мысли, Коджи подошел к повозке и просунул между прутьями чашу с водой.

— Пей, — властно сказал он.

Я улыбнулся. Мой Коджи не был кугэ**, не вращался в знатных кругах, но его голос и манеры с детства были полны императорского достоинства. Такой же была и его сестра Мидори.

Демон никак не отреагировал на великолодушный жест. Тогда Коджи поднял с земли палку и подтолкнул чашу к старухе:

— Пей.

Мы с Кацу с любопытством наблюдали за этой картиной. Коджи скрестил руки на груди, расправил плечи и требовательно уставился на пленницу. И — вот чудо — ее одеревенелые конечности зашевелились, пальцы с длинными когтями задвигались. Она протянула руку к чаше

* Жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно.

** Аристократ.

и попыталась за нее ухватиться, но морщинистые руки тряслись так сильно, что ничего не вышло: чаша опрокинулась и вода растеклась по полу клетки.

Кацу усмехнулся, но Коджи нахмурился. Старуха опустила ладонь в лужицу, промокнула пальцы, а потом поднесла их к губам и облизала.

— Ей надо пить. И есть, — сказал племянник. — Как будем ее кормить? Эй, чем ты питаешься?

Ответа не последовало. Кряхтя, демон приняла свою обычную позу, только голову склонила еще ниже.

— Оставь, — буркнул я, зачерпнув воды из реки. — Будет есть то же, что и мы. Перекусим и двинемся дальше.

— Куда, Шиноту? — подал голос Кацу.

Он небрежно накинул хаори на голые плечи и уставился на меня с деланным равнодушием. Но я хорошо знал своего друга.

— С юга не обойти — селения, с другой стороны — болота. Может, прямо? — Он указал рукой вдаль — туда, где виднелись темные пятна деревьев.

И в этот момент случилось неожиданное. Старуха зашевелилась, упала на колени, медленно подползла к прутьям и ухватилась за них, выставив угловатую морду. Мы с Коджи одновременно схватились за оружие, но быстро сообразили, что опасности нет: уткнувшись впалыми щеками в решетку, она просто смотрела вперед.

— Это лес Пойманых Душ, — тихо сказал Коджи, убиравая меч в ножны.

— Ну и что. Демонов там давно никто не видел, а нам надо пройти, — хмыкнул Кацу.

— Там очень темно, — возразил я, выуживая из походного мешка смятую карту. Разложив ее на земле, я ткнул в точку на юге от огромного леса. — Это разве не твоё родное селение? От него ведь ничего не осталось?

Кацу хмуро кивнул.

— Значит, людей там нет. Мы можем спокойно обогнуть лес и двинуться в его сторону. На пути к поместью еще четыре деревни, — я по очереди ткнул пальцем. — Жилые они или нет — неважно, мы можем идти ночью.

— Минимум двое суток на то, чтобы обогнать лес, и еще четыре дня и четыре ночи, чтобы пройти деревни? Глупости, Шиноту! Пройдем через лес за два дня и еще через день будем дома.

Я сложил карту, убрал ее обратно в мешок и выпрямился.

— Кацу, если что-то случится в этом лесу и мы ее потеряем, я себе никогда не прощу. Это последний шанс найти Мидори.

Какое-то время мы с Кацу испытующе смотрели друг на друга. Потом он коротко кивнул. За спиной у меня Коджи облегченно вздохнул. Я обернулся: вслед за старухой он уставился вдаль. В его глазах заискрилось любопытство.

— Что, демон, к своим хочешь? — усмехнулся я, подходя поближе. — Небось чувствуешь их.

Старуха повернула голову ко мне и беззвучно зашевелила губами.

— Что ты там лопочешь?

— И... ид...

— Что?

— И... ди... от.

— И-ди-от? — Коджи несколько минут удивленно смотрел на меня, а потом разразился заливистым смехом. Кацу подхватил.

Старуха сверкнула черными глазами, дернув уголками губ, и снова повернулась к лесу. Я вдруг почувствовал такую злость, что, подбежав вплотную к клетке, хотел, просунув руки, схватить ее за плечи и хорошенъко встряхнуть, а то и вовсе оторвать голову, потому что впервые в своей жизни я видел демона и хотел убедиться, что простому смертному

по силам побороть его... Но ничего этого сделать я не успел: стоило мне приблизиться, как демон резко вскинула руку и сдернула зеленый платок, которым я обматывал голову. Мои волосы, закрученные в десятки каштановых локи, тяжело рассыпались по плечам. Старуха зарычала, распахнув глаза, бросила платок в мою сторону и отползла в глубь клетки.

— Хого, — шепнула она.

Хого. Защитник. Мой род, род Сугаши, в прежние века защищал людей от демонов. Мы не были первоклассными воинами, да и в битвах почти не участвовали. Исключительным в нас было то, что наша аура способна была укрывать людей от демонического чутья.

Но как именно — увы, этого я не знаю.

Мой брат исчез, так и не посвятив меня в тайны происхождения Сугаши. Я знал лишь, что мало кто из демонов видел нас и мало кто из людей помнил о нас и мог описать своего спасителя. На протяжении веков мои предки держались в тени, каким-то неведомым образом защищая смертных от зла. И еще наши волосы... Мы рождались с локи, которые невозможно было расплести или распутать.

После смерти брата я пытался изучить историю рода Сугаши, но мало преуспел в этом. Выжившие на войне никогда не слышали о хого, да и мало кто хотел вспоминать те времена. Записей не сохранилось, и я убеждался в словах брата. За несколько дней до своего исчезновения он сказал мне:

«Хого — это не та история, которую нужно записывать. Хого — это твое сердце. Ты — самая большая тайна и возможность однажды даровать людям шанс на мирную жизнь. Когда придет время, ты найдешь в себе это».

Значит, я был тайной. Но эта старуха, как и священник, сразу поняла, кто я такой. И, кажется, она испугалась. Только не колчана с блестящими наточенными стрелами и не прочных прутьев новой клетки, а моих волос.

Мы решили обойти лес Пойманых Душ с восточной стороны и, казалось, правильно рассчитали расстояние. Но не планируя даже приближаться к нему, каким-то непостижимым образом к закату очутились у его подножия. Не сговариваясь, мы остановились и нерешительно уставились на таинственную, вытянувшуюся до небес стену мощных стволов, увенчанных густыми кронами.

Коджи оглянулся на поле, а потом обратил ко мне озадаченный взгляд:

— Чувствуешь?

Я молча кивнул. Из леса веяло мертвым холодом. Воздух стал колючим, и в душе вдруг разлилась такая тоска, что мне захотелось вернуться на жаркое поле, снова умыться речной водой и навсегда забыть о демоне в клетке. На миг я представил сакуру — единственное дерево, росшее вблизи поместья Сугаши, и вымощенную желтым камнем дорожку, по которой любила гулять Мидори. Вспомнил, как ходил за ней и пытался шутить, но получалось глупо. Каждый раз она звонко смеялась, подбегая ко мне, и гладила по щеке, а ее кристально чистые голубые глаза игриво сияли.

— Мидори, — прошептал я, и реальность в одночасье обрушилась на меня.

Ее больше нет.

— Не знаю, как вы, а я не хочу идти вдоль этого леса ночью, — заявил Кацу.

— Ты же рвался напролом!

— Передумал, — отрезал он, нервно потирая шею. Мой друг казался напуганным. — Давайте заночуем здесь, по очереди будем дежурить.

Перспектива ночевать возле леса пугала меня еще больше, чем дорога в темноте вдоль него, но нам нужно было спать. Мы отошли в сторону на несколько десятков метров и разбили лагерь: разложили одеяла, Коджи развел костер и нагрел воду в походном котелке.

Стоило солнцу скрыться за горизонтом, как нас обдало ледяным ветром. Мы согревались горячим чаем, хотя я знал, что у Кацу припрятана бутылка саке и алкоголь сейчас подошел бы больше. Но ночуя с демоном, да еще и вблизи этого жуткого места, стоило сохранять трезвость рассудка.

Покончив со своей порцией, Кацу наполнил миску остатками риса, бросил сверху разогретую булку и подошел к старухе, по-прежнему неподвижно сидящей в позе лотоса. Он что-то тихо сказал ей.

— Интересно, что они... — начал было Коджи, поднимаясь, но я удержал его:

— Не нужно.

Племянник разочарованно вздохнул, но подчинился. Он уставился на лес. В ярких голубых глазах Коджи отражались языки пламени. Он вглядывался в неизвестность, таящуюся между стволами деревьев. Я нахмурился. Мы никогда не обсуждали это, но я знал, что Коджи помешан на демонах. Его влекло к тайным знаниям с самого детства. Каждый раз, когда он слышал о предмете своей одержимости, утонченные черты его лица преображались, вспыхивали и на щеках выступал румянец. Меня это пугало.

Я не мог в полной мере довериться Коджи, так как опасался, что из любопытства он пренебрежет осторожностью и подвергнет опасности всех нас. И я бы никогда не взял его с собой, если бы не одно но: Мидори была его

сестрой. Не просто сестрой, а близнецом, и Коджи отчаянно хотел узнать, почему ее забрали у нас.

Кацу вернулся спустя несколько минут. Старуха осталась неподвижна.

— Хотел покормить, — бесцветно сообщил друг, выуживая из-за пазухи темно-желтую косынку из змеиной кожи. — Ну а что: сама она не ест, а я боюсь, что такими темпами мы привезем в поместье труп.

Он повязал косынку на голову и поправил ножны с двумя кинжалами:

— Ложитесь спать, я дежурю первым. Через пару часов разбужу тебя, Шин.

В затылке странно кольнуло. Я ощутил необъяснимое предчувствие.

— Слушай, друг, — тихо сказал я, укладываясь на походное одеяло, — а ты раньше слышал об этом лесе? Что тебе дед рассказывал?

— Немного. Лет сто назад какую-то женщину из крестьян обманули. Она умерла, но перед смертью связала себя с этим местом заклинанием. Не знаю подробностей, Шин, но дедушка говорил, что из-за этой магии лес с тех пор притягивает души женщин, умерших не мирной смертью. Поэтому он и называется лесом Пойманых Душ. Это все, что я знаю.

Я лежал на спине, думая о том, что рассказал Кацу, и вслушивался в звуки леса. Меня терзало глупое желание услышать что-то из ряда вон выходящее, чтобы появился предлог убраться отсюда побыстрее, но вскоре треск догорающего костра и тихий стрекот цикад увлекли меня в сон.

— Шиноту! Коджи!

Голос Кацу ворвался в мое сознание. Я вскочил, в панике озираясь по сторонам. Мой взгляд остановился на друге, который яростно пинал клетку. Открытую клетку.

— Ох... — вздохнул Коджи за спиной.

— Простите меня, — ворил Кацу. — Я заснул. Не со-бирался же... Вот черт! Она сбежала, Шин!

Втроем мы одновременно посмотрели в сторону леса. Проклятье! Да как это случилось, она же едва дышала! Наспех покидав вещи в походные мешки, мы бросились к пугающей стене из деревьев. На минуту Коджи отстал, чтобы освободить лошадь от сбруи.

— Беги! Давай! — крикнул он на ходу, догоняя нас.

Войдя в лес, мы словно перепрыгнули черту, отделяющую нас от прежнего мира, и, оказавшись в кромешной темноте, застыли. Здесь было тихо и спокойно. Именно таким мне и представлялся загробный мир. Я всматривался в мертвую черноту и, к своему ужасу, не без странного удовольствия ощущал на коже эту опасную прохладу, коей было пропитано здесь все: ветхая земля под ногами, темные стволы исполинских деревьев, листья, покоящиеся на ветвях. Ни шороха, ни звука.

Мы медленно двинулись вперед. Сначала тишина не внушила опасений, но чем дальше мы удалялись от границы и по мере того, как блеклый звездный свет уходил из поля зрения, тем сильнее нас одолевала тревога. Я чувствовал, как менялось настроение моих спутников, видел, какими нервными становятся движения Кацу, затылком ощущал возросшую настороженность Коджи.

Сколько прошло времени — не знаю, но в какой-то момент, когда деревья расступились и тропинка расширилась, Коджи тихо охнул и остановился.

— Что?

— Не знаю... — Огляdevшись по сторонам, мой племянник присел на корточки, вытянул ногу и, задрав штанину, оголил лодыжку и внимательно осмотрел. — Как будто что-то коснулось...

Я машинально взглянул на Кацу и успел лишь заметить озадаченность на его лице, как тут же отскочил в сторону: мне в голову что-то врезалось.

Мы встали спинами друг к другу и схватились за оружие. Я натянул тетиву, яростно выискивая наконечником невидимую цель. Кацу вытащил свои ножи и принял боевую стойку, выставив кулак, сжимающий рукоять, перед грудью. Коджи обнажил клинок.

Но вокруг все замерло.

Кацу шикнул и кивком предложил двигаться дальше. Мы тихо ступали, напуганные и настороженные, высматривая в темноте опасность. Звенящая тишина давила, обманчивое спокойствие молотом било в виски, и все тело покрылось вязким, липким потом.

Мы всё шли и шли, и в какой-то момент даже расслабились. Я все еще держал стрелу наготове, но острием вниз, Коджи убрал свой вакидзаси* в ножны, и только Кацу сжимал кинжал на уровне груди, головным взглядом провожая темноту.

Опасная тишина...

А потом из недр леса вырвался серый поток, похожий на грязное плотное облако, и понесся прямо на меня. Я прицелился, но размытое нечто взвилось вверх в сантиметре от моего лица, скрывшись в густой кроне. И я выстрелил.

— Что это было? Вы видели?

— Ее проделки? — предположил Кацу.

— Вряд ли. Она наверняка уже далеко убежала.

Мы разбрелись в разные стороны. Я держал стрелу наготове, осторожно осматривая ближайшие деревья. Трава вокруг них пожухла, смешалась с грязью, ноги ворочили прогнившие листья.

А потом в воздухе снова сгустились грязные клубни. Они со свистом рассекали кроны, лавируя между стволами. Кацу выпрыгнул из-за деревьев, размахивая клинками. Мелькнуло лезвие меча Коджи. Кто-то из них выругался, взвизгнул. Я взял на прицел один из сгустков,

* Короткий японский меч.

притаившийся в верхушке ближайшего дерева, выстрелил, но промахнулся, и он спикировал на меня. Я потянулся к колчану за новой стрелой, но вдруг что-то врезалось в меня сбоку. Выронив лук, я отпрыгнул и ударился о ствол спиной. Пригнулся, нащупывая оружие.

Справа Кацу сдавленно закричал, и черноту леса рассек очередной сгусток. Я увидел друга, распластавшегося на земле. Он вытянул руки перед собой, шаря пальцами в траве в попытках схватить нож, а призрачный сгусток стремительно несся на него.

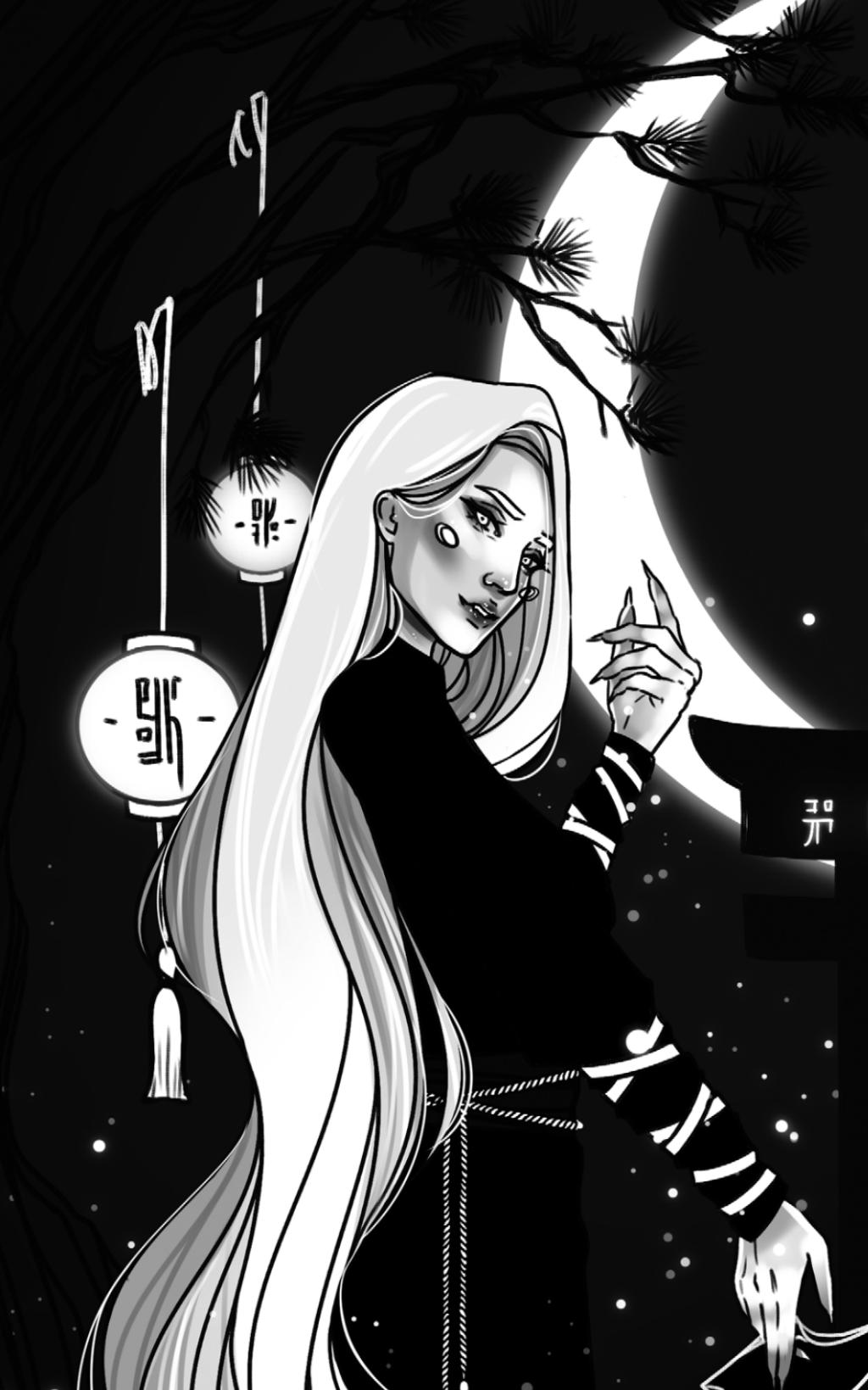
И вдруг между нами вспыхнуло что-то яркое. Из ниоткуда возникли желтые полосы, разрезавшие темноту, словно звериные когти. Кацу сгруппировался, закрыв голову, и тут же над ним высветилась чья-то рука. Сгусток врезался в запястье, но острые когти растерзали его одним движением, оставив над Кацу лишь стаю угасающих искр.

— Все живы? — Коджи вынырнул из-за деревьев и, врезавшись в меня, тут же отскочил, выставив меч перед собой.

— Стой! — крикнул я, поднимая руки вверх.

Тяжело дыша, Коджи опустил вакидзаси и повернулся к Кацу. Тот приподнялся на локтях и смотрел прямо перед собой широко распахнутыми глазами.

Когтистая рука, так ловко разделавшаяся с неопознанным сгустком, принадлежала женщине. Черт возьми, самой прекрасной женщине, которую мне когда-либо доводилось видеть. Высокая и гибкая, она была в широких белых одеждах — хакама и коротком кимоно, подпоясанном золотой веревкой. Руки от локтей до запястий стягивали светлые шнурки. Заостренное лицо с высокими скулами и алыми губами, удивительная форма глаз — изогнутая, вытянутая, манящая, а глаза — яркие, рыжие, с узкими хищными зрачками. Но самым поразительным был меховой золотисто-белый плащ, который словно вырастал из ее плеч. Мех частично покрывал изящные руки. А поверх него струились гладкие, блестящие белые волосы.

Прислонившись плечом к стволу дерева, она вертела в руках кинжал и равнодушно смотрела на нас. Кацу осторожно отполз, и Коджи помог ему подняться.

— Не теряй больше. — Незнакомка бросила оружие владельцу. Несмотря на замешательство, мой друг ловко поймал кинжал и поспешил убрать в ножны.

— Ты... ты кицунэ? — выдохнул Коджи. В его голосе послышались восторженные нотки.

— Не совсем. — Женщина выпрямилась. — Но ты близок к истине.

— Тогда кто ты? И что за твари здесь были? Это демоны? — Я сделал несколько шагов к ней, стараясь говорить ровно, но голос предательски дрожал. Я не понимал, боюсь или смущаюсь, как болван.

— Здесь нет демонов. Разве что я, — ухмыльнулась она.

Я замер, при克莱ившись взглядом к ее губам. Этот жуткий изгиб, так поразивший меня при первой встрече.

— Рэйкен, — выдохнул я имя. Из моих уст оно звучало как проклятие, но при этом подходило ей.

— Что? Старуха? — протянул Коджи. Или Кацу. Я не разобрал, потому что впился взглядом в ее прекрасное наглое лицо, которое в один миг стало омерзительным.

Я выхватил из рукава офуда, который успел сорвать с клетки, когда мы бежали в лес, быстро проткнул его стрелой и выпустил ее, целясь в полу мехового плаща, но демон подпрыгнула так высоко, что стрела пролетела под ее босыми ступнями, даже не коснувшись их, и воткнулась в ствол дерева.

— Запечатать меня хочешь этой штукой? — холодно рассмеялась Рэйкен. Вытянув руку назад, она вытащила стрелу из дерева и переломила пополам, талисман сорвалася и смяла, а наконечник спрятала в рукаве. — В следующий раз лучше прикрепи себе на зад, проку больше будет. Может, убережешь себя от нежданных приключений.

Я готов был разразиться руганью, броситься на нее и сражаться до последнего, пусть бы и длилась эта битва всего минуту, но тут Коджи рассмеялся.

— Плевать тебе на офуда, да? — сквозь смех спросил племянник.

Я изумленно застыл. Рэйкен ухмыльнулась и склонила голову набок, словно ее внезапно одолело любопытство.

— Что значит плевать? — не понял я. — На тебя эта штука не действует? Тогда почему ты не сбежала раньше? И зачем вернулась?

— Все лучше, чем сидеть в клетке. — Она пожала плечами. — К тому же мне жутко интересно, зачем ты купил меня. Разыскал же, забрался в такую глушь. Показался демону на глаза. Глупый ты, смелый или просто ничего не знаешь?

Рэйкен шагнула в мою сторону, и белоснежные волосы заскользили по земле.

— Пойдем, маленький хого Шин, найдем место для привала. И ты наконец расскажешь, что же тебе от меня нужно.

Затем Рэйкен обратилась к остальным:

— Я пойду впереди и, если почувствую, что кто-то из вас тянется к оружию, оторву голову. А если еще раз бросишь в меня эту дрянь, — она небрежно кивнула на смятый офуда на земле, — затолкаю ее тебе в глотку.

Глава 2

Мертвые мико*

Шин

Рэйкен возглавляла нашу процессию. В темноте таинственного леса ее белые одежды и волосы зловеще освещали путь. Я шел за ней, шаг в шаг, и не мог побороть изумления, вызванного ее преображением: от старого сморщенного существа не осталось и следа. Священник говорил про тьму, в которой могла возродиться ее сила, но я и представить не мог, что демон, запертыи в клетке на двадцать лет, мог так быстро оправиться.

Она была такой легкой, что ее изящные ступни словно едва касались земли. Грациозная стать излучала жизнь и могущество, а демоническая красота беспощадно завлекала в свои сети. Я смотрел на нее, улавливая колыхание мехового плаща, с удивлением понимая, что это и не плащ вовсе, а часть ее тела — таким подвижным он был. Замечал даже легкое движение волос и задерживал дыхание, когда она ненадолго останавливалась, поворачивала голову в сторону и, зажмурившись, принюхивалась.

Но я ни на секунду не забывал, кем была Рэйкен. Она убивала людей. Заманивая в ловушку, хитростью выведывая

* Служительницы синтоистских храмов.

их слабости, заставляла заключать контракты, уступать свои души демону. Неспроста ее создали такой... совершенной.

Я шел за ней, пресекая попытки Коджи выйти вперед, и живо представлял, как такой же слабохарактерный дурак, как мой племянник, только завидев ее, отдавал всего себя, отрекался от семьи и принципов, лишь бы коснуться ее, быть обласканным взглядом этих жутких, чарующих рыжих глаз.

Что и говорить, я и сам хотел коснуться ее. И в какой-то момент даже...

— Оторву, — рыкнула она.

Я вздрогнул и смущенно спрятал руку в карман хакама.

— Сосредоточься, хого. Этот лес играет твоим разумом, — Рэйкен говорила нараспев. Не было в ее голосе насмешки, но слова все равно звучали жеманно, как будто она наслаждалась моей неосведомленностью. — Здесь слишком много неотмщенных душ. Ты не видишь их, но они чувствуют тебя и могут играть твоими слабостями.

— Нет у меня слабостей, — огрызнулся я.

Коджи прыснул, и я ткнул его локтем в живот. Предатель!

— Ненависть ко мне и мне подобным — твоя слабость.

Я порывался спросить, как она и подобные ей существа могут использовать мою ненависть против меня же, но прикусил язык. Да, я ненавидел Рэйкен просто за то, что она была демоном. Но мне не хотелось тешить ее самолюбие своим невежеством, и, пожалуй, сейчас впервые за двадцать семь лет жизни я пожалел, что почти ничего не знаю о ее мире.

Мы долго петляли между деревьями. Темнота вокруг сгущалась, но наши глаза уже привыкли, да и светлый силуэт демона впереди значительно облегчал дело. Но мне было неспокойно. Не только от того, что совсем недавно мы попали в передрягу с какими-то душами и что нашим провожатым стало опасное существо. Но и еще по одной

причине. Я не мог сосредоточиться. Видел деревья вокруг и осознавал, что нахожусь в таинственном лесу, скрывающем сотни неизведанных опасностей. Помнил, что за мной уверенно следовали Коджи и Кацу. Но голова стала тяжелой, а мысли расплывались. Сквозь картину реальности перед глазами то и дело проступали образы: вспышки света, блики. Мне казалось, что я вижу очертания лиц на стволах деревьев и что мой слух улавливает тревожные шепоты.

Я порывался завести разговор — о чем угодно, лишь бы отвлечься, — но Рэйкен молчала. Подумав, что ей куда больше известно о правилах игры в этом месте, я тоже решил молчать. Приkleился взглядом к ее сияющим в темноте волосам и запретил себе смотреть по сторонам.

Мешок с пожитками изрядно оттягивал спину, конечности ныли. Вдруг она остановилась.

— Отдохнем здесь.

Я с удивлением обнаружил, что деревья расступились и мы оказались на поляне в обрамлении кустов с лиловыми листьями. Демон стояла в центре, и вокруг нее распространялся светящийся золотистый ореол, выхвачивая из темноты соцветия мелких диких ромашек. Без лишних слов мои спутники сбросили поклажу и уселись прямо на землю.

— Спать сегодня нельзя, — обратилась Рэйкен к Кацу, который намеревался улечься на свой мешок. — Вы совсем неподготовленные, смертные.

— А что можно? — с вызовом спросил я. Внезапно мне открылись нерадужные перспективы ближайших дней: плясать под дудку Рэйкен, держать ухо востро и каждую минуту бояться неизвестности.

— Разложите пожитки, разведите костер, поешьте — делайте все, что вы обычно делаете, — бросила она, задрав голову и с любопытством рассматривая деревья вокруг. — Если уснете — будить не буду. Защищать тоже.

С этими словами она оттолкнулась от земли одной ногой, в стремительном прыжке взлетела на ветку прямо за моей спиной и устроилась на ней, лениво потягиваясь.

Никто из нас не проронил ни слова. Мы с Коджи разложили одеяла. Кацу выудил из мешка лепешки, фрукты, а флягу с водой протянул мне и подбадривающе улыбнулся, но я лишь вяло кивнул в ответ. Коджи с головой нырнул в свой мешок и долго копался в нем, пока не вытащил заветренный кусок пирога с яблоком, который добыл пять дней назад в одной из деревень по пути в храм Инари.

— Он, конечно, не первой свежести, но вкусный, — торжественно объявил племянник.

— Ерунда! — с энтузиазмом откликнулся Кацу. — Жрать хочется — сил нет. Давай...

Но Коджи уже подошел к дереву, на ветке которого устроилась Рэйкен.

— Ты... ты любишь яблоки?

Кацу выругался сквозь зубы. В другой ситуации он бы уже набросился на Коджи и отобрал вожделенную еду. Но сейчас с нами был демон, и мой друг, как и я, и Коджи, не знал, как себя вести.

— Яблоки? — удивленно переспросила Рэйкен, спрыгивая на землю.

— Ага. Это пирог. Ты ведь так и не сказала, чем питаешься.

Коджи вел себя как идиот. Даже в темноте на его щеках был виден румянец, а глаза светились от восторга, словно глаза влюбленного юноши. Он протягивал ей несчастный кусок черствого пирога, и руки его заметно тряслись — то ли от волнения, то ли от нетерпеливого желания сделать для этого опасного существа что-то приятное. Я подавил улыбку и тут же отругал себя: Коджи — дурак, и как только мы немного отдохнем, я вправлю ему мозги.

— Я не ем человеческую еду, — холодно ответила Рэйкен, шагнув к нему. — Кости. Есть они в твоем мешке?

Коджи отступил, растерянно хлопая глазами. В воздухе повисло напряжение. У меня даже застучало в висках. Кацу потянулся к оружию, но я предупредительно выставил руку. Рэйкен не сводила с бедного Коджи глаз. Потом острые черты ее лица резко смягчились, и она звонко рассмеялась.

— Давай сюда, идиот! — И, не дожидаясь реакции, выхватила из рук кусок.

Все немного расслабились. Кацу развел огонь и установил котелок, чтобы нагреть воду и заварить чай. Я расположился на одеяле рядом с другом, жуя пшеничный хлеб и исподлобья наблюдая за Рэйкен и Коджи.

— Если демон любит яблоки — это хороший знак? — шепнула Кацу.

— Это не значит, что она не любит кое-что другое, — буркнул я.

Тем временем Рэйкен заняла место у подножия ствола, подтянула ноги к груди и принялась обнюхивать кусок пирога, а Коджи сидел напротив и завороженно пялился на нее. На ум пришла сцена из далекого прошлого. Анда, покойная мать моих племянников, принесла домой щенка. Мидори налила ему миску молока, и пока тот обнюхивал ее, дети, затаив дыхание, рассматривали его во все глаза. Я ухмыльнулся и засунул в рот остатки хлеба.

— Рэйкен, — донесся тихий голос Коджи, — а можно к тебе прикоснуться?

— Нет, — отрезала она, в последний раз обнюхала пирог и наконец откусила.

— Почему?

— А ты что, всем даешь себя трогать?

— Н-у-у, — смущаясь Коджи, — я не против, чтобы женщины ко мне прикасались. Если хочешь...

Рэйкен резко подалась вперед, почти уткнувшись носом в его лицо, и поддела пальцем за подбородок. Я моментально вскочил на ноги, но даже шагу ступить не успел.

Она выплюнула резкое «нет» и снова откинулась на ствол дерева, возвращаясь к пирогу.

— Коджи, иди сюда, — позвал я.

Племянник разочарованно вздохнул и присоединился к нам, заняв место между мной и Кацу.

— Что на тебя нашло?!

— Прости. — Коджи потупил взгляд и принял размешивать воду в котелке.

Мы поели в молчании. Кацу разлил чай. На этот раз никто не предложил Рэйкен угоститься. Она сидела под деревом, скрестив ноги и укрывшись своим меховым плащом, и внимательно наблюдала за нами. Взгляд рыжих глаз изучающе скользил по каждому. Мы с Кацу завели тихую беседу, намеренно игнорируя ее. Коджи насупился. Растигнувшись на одеяле и подперев голову рукой, он хмуро смотрел в пустоту перед собой.

Тревога в груди росла, и тишина этого леса давила со всех сторон, сжимая легкие. Предчувствие чего-то нехорошего щекотало темечко. Я не знал, что будет дальше. Еще вчера был уверен во всем, а сейчас совершенно не понимал, как вести себя.

Покончив с чаем, Кацу вытянулся на одеяле. Его веки стали смыкаться, и я потряс друга за плечо. Он вскочил, озираясь по сторонам:

— Слышали?

— Успокойся, это жрицы, — равнодушно протянула Рэйкен.

Все навострили слух. Откуда-то из недр леса доносилось мелодичное пение. Слов было не разобрать, но голоса были такими тонкими, такими пронзительными... Голова стала тяжелой. Кацу медленно поднялся на ноги и уставился в темноту. Волевой подбородок подрагивал, хвосты чешуйчатой повязки шевелились от призрачного дыхания. Он весь напрягся и уже выставил вперед ногу, но Коджи резко схватил его за руку и потянул вниз.

— Жрицы вас не тронут, пока вы не будете обращать на них внимание, — на этот раз голос демона звучал суворо.

Кацу удивленно моргнул и посмотрел на меня.

— Она сказала... сказала, что я могу принять участие в бою. Могу помочь, потому что больше некому.

— Хватит юлить, Рэйкен, — недовольно произнес я. — Давай выкладывай, что это такое. И что нам с тобой делать дальше.

— Вам со мной? — ухмыльнулась она, поднимаясь. Белоснежные волосы вспыхнули следом, осветив ствол дерева, на которое она опиралась. — Ох, маленький хого, ты оказался заложником собственного плана.

Рэйкен проплыла в сторону Кацу и внезапно обняла его за плечи, легко, одной рукой прижала к себе и... запела, касаясь губами его уха. Слова звучали тихо, как перезвон колокольчиков в деревне, которая осталась далеко позади.

Я ошарашенно уставился на них. Ее волосы танцевали у нее в ногах, словно были живыми, а лицо Кацу, мгновение назад переполненное тревогой, сейчас выражало безмятежность.

Наконец Рэйкен отпустила его и повернулась к нам. А Кацу растерянно хлопал глазами и растирал ладонью ухо. Меня охватило волнение. Я не хотел, чтобы она подходила ко мне близко. И чувство это было таким сильным, что я с трудом мог устоять на месте — лучше уж убежать или взяться за стрелы. Но Кацу кивнул мне, давая понять, что все хорошо.

Рэйкен подошла. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, но в рыжих глазах застыл вопрос. Она спрашивала разрешения!

Я колебался. Теперь она стояла совсем близко — можно было протянуть руку и зарыться пальцами в искрящийся мех ее плаща. Внезапно я понял, что больше не слышу манящего пения жриц — только смотрю на нее и растворяюсь в мистическом облике белых одежд.

— Давай, — выдохнул я.

— Но не смей трогать меня, — предупредила Рэйкен.

Ее ладонь была холодной и мягкой. От прикосновения шею пронзили тысячи мелких осколков и рассыпались по всему телу. Меня словно вырвало из гипнотического сна. А потом горячее дыхание коснулось уха, и я снова провалился в необыкновенную дрему, ведомый лишь голосом, который наполнил меня изнутри.

Стан твоей подруги манит. Речи ее сладки и безбрежны.

Ты желаешь стать ее защитником, спасти от смерти лесной.

Слушай мой голос. Слушай меня. Я страшнее, я опаснее.

Вспоминай мой голос, Шиноту, а иначе сгинешь навек.

— Ты опаснее, — прошептал я, не осознавая, что Рэйкен уже давно молчит. Она все еще держала мою голову прижатой к своей щеке. И я впервые уловил ее запах — резкий, приторно-сладкий, от которого слезились глаза. А потом, сам не ведая, что творю, схватил ее за горло и сжал изо всех сил.

Лес исчез, а с ним — мои друзья. Мы остались на поляне вдвоем, залитые блеском ее белых одежд, утопая в желтых цветах. Я душил ее, а она просто смотрела на меня. Без гнева, не предпринимая попытку вырваться или защищаться. Ногти на моих пальцах удлинились и проткнули ей кожу. Я увидел кровь и удивился: подумать не мог, что под кожей у демонов тоже кровь — такая же красная, с металлическим запахом.

— Не борись со мной, Шиноту. Слушай мой голос. — Слова Рэйкен зазвучали вокруг нас, обволакивая пронзительным эхом. — Я нужна Мидори.

Имя прозвучало так тихо, что я даже не сразу осознал его. Растиерялся и почувствовал, как напряжение постепенно уходит из пальцев. В следующий миг я очнулся, все еще прижатый к Рэйкен, с ее холодной ладонью на шее.

— Что случилось? — донесся взволнованный голос Кацу. — Почему так долго?

— Мидори? — удивленно шепнула Рэйкен мне в ухо, а потом отступила.

Коджи и Кацу выждающие смотрели на нас, а я задумчиво растирал пальцы, пытаясь очиститься от невидимой крови. Что это было? Видение, которое наслала Рэйкен? Но откуда она узнала о Мидори?

— Теперь моя очередь? — нетерпеливо спросил Коджи, вставая между нами.

Коджи

Вопрос Кацу поставил меня в тупик. Неужели он не видел? Дядя душил Рэйкен, на его пальцах выросли когти! Я взглянул на друга и по выражению его лица понял, что тот действительно ничего не видел. Но тогда получается, что этого не было? Может, это один из миражей, которые видели Кацу и Шиноту с той минуты, как ступили на землю леса Пойманных Душ?

Нужно было сразу сказать дяде, что магия не коснулась меня. Расспросить их подробнее. Я знал, что они попали под власть леса. На их лицах поселились тени. Шиноту — всегда серьезный и решительный, с привычной хмурой складкой на лбу, — теперь его щеки неустанно дергались, а на висках от напряжения вздулись вены. А Кацу, воспитанный на дедовских военных байках и не боявшийся ничего, сейчас втягивал голову в плечи и избегал смотреть на деревья.

Но я ничего подобного не чувствовал, и мне было досадно. Как будто лес совершенно не замечал меня. Почему? Из нас троих я единственный, кто искал магию, единственный, кто жаждал встречи с потусторонними существами! Как несправедливо... Если дядя Шиноту прав и Мидори не покончила с собой, то я ей завидую. Значит, ее забрал кто-то из них — из подобных Рэйкен. Или она сама ушла. Но я, конечно же, никогда не скажу об этом дяде.

Я восторженно смотрел на Рэйкен и чуть ли не присыпал на месте от нетерпения, но она все не оставляла дядю. Ее прекрасное заостренное лицо оставалось холодным, но в удивительных рыжих глазах мелькали тревожные огоньки. Руку готов дать на отсечение, что Шиноту не заметил этого. Для него это великолепное создание было лишь демоном, кровожадным существом, забравшим его любимую Мидори.

Наконец Рэйкен отпустила дядю и направилась ко мне. Я даже дышать перестал. Чувствовал, как с каждым ее шагом поднимался ветер. Он оседал на моих плечах, лениво кружил, играя с краями одежд, трепал волосы. Я пытался поймать ее взгляд, но Рэйкен смотрела куда-то в сторону. Она положила ладонь мне на шею и притянула к себе — так же, как делала с другими.

Мне стало тепло и уютно.

— Тебе не нужен мой заговор, ты же не слышишь зова жриц, — зашептала она. — Ты вообще ничего не чувствуешь — ни душ, ни колдовства тьмы. Ты не человек. Ты давно подозревал об этом, но не ведал, у кого спросить.

По спине прокатилась волна холода. Я крепко защмурился, лишь бы другие не заметили ужаса в моих глазах.

— Ты не открылся хого, потому что боишься, что он возненавидит тебя. Потому что ты такой же, как я.

Я вцепился в ее плечи, покрытые меховым плащом, и тут же отдернул руки: меня словно молнией ударило. Рэйкен с глухим рыком отскочила и влепила мне пощечину. Удар был такой силы, что я отлетел назад и уперся спиной в дерево.

Шиноту успел воспользоваться ее замешательством. Он выхватил стрелу из колчана и ткнул острием ей в шею, но Рэйкен и бровью не повела. Дядя тяжело дышал, грудь резко вздымалась. Он сверлил ее гневным взглядом, крепко стиснув зубы. А Рэйкен злобно смотрела на меня.

И тут произошло еще кое-что. По-прежнему не обращая внимания на Шиноту с его стрелой, она дернула в сторону свой меховой плащ, и тот растворился в темноте. А сама она начала стремительно меняться. Белые одежды темнели на глазах, пока снова не стали грязного синего цвета, под стать тому тряпью, в котором мы нашли ее в храме Инари. Белоснежные волосы вобрали свечение и окрасились в пшеничные оттенки. Теперь перед нами был истинный облик Рэйкен — необыкновенно красивой, но такой очеловеченной. Только глаза остались прежними — рыжими, с лисьим разрезом.

Рэйкен поднесла палец к острию стрелы и спокойно отвела ее в сторону.

— У подножия леса, с южной стороны, раньше жили люди. Россыпь деревень, и каждую охраняла своя жрица.

Рэйкен развязала веревку, подпоясывающую кимоно, и небрежно взмахнула рукой: невесть откуда взявшийся ветер подхватил ее волосы и закрутил в жгут. Она завязала их и ловко забралась на ветку дерева. Забыв об обожженной ударом щеке, я сел на одеяло. Шиноту бросил на меня тревожный взгляд, но я коротко покачал головой и даже улыбнулся. Облегчение от того, что она решила сохранить мой секрет, быстро сменилось любопытством. Дядя тоже расслабился, убрал стрелу в колчан, но садиться не стал: он прислонился к дереву рядом с Рэйкен и скрестил могучие руки на груди, всем своим видом давая понять, что держит ухо востро и демон в своем новом обличье по-прежнему не внушает ему доверия.

— Деревня на юге? — переспросил Кацу. — Моя мать была жрицей из тех краев. Селение на берегу Янтарного озера.

— О-о-о, вот так совпадение. Когда-то я тоже там жила, — озадаченно протянула она. — Тогда вспоминай почаше мой заговор. А ты, — Рэйкен кивнула мне, — следи за ним и не давай уходить далеко.

— Ты сама доброта, — хмыкнул Шиноту.

— Отнюдь. У меня личные счеты.

— Спасибо за откровенность, демон.

— Ёкай, маленький хого. Демон с человеческим обличьем — это ёкай.

— Глубоко плевать, — фыркнул Шиноту.

Я закатил глаза.

Рэйкен проигнорировала его выпад и со скучающим видом обратилась к Кацу:

— Так что там твоя мать — она умерла? Как?

— Не знаю. Дедушка забрал меня и бежал из деревни, когда я был совсем маленьким. — Кацу задумчиво шевелил палкой золу под котелком. — Он говорил, что на деревню напали и ему удалось спасти только меня. Ты думаешь, душа моей матери здесь, в этом лесу?

На мгновение на лице Рэйкен отразилось удивление, словно она не поверила услышанному. Шиноту с опаской покосился на Кацу.

— Ее звали Кена. Та мико, с которой все началось, — тихо сказала Рэйкен. — Она тяжело заболела, и ее мать заключила контракт — продала свою душу в обмен на здоровье дочери.

— Тебе продала? — фыркнул Шиноту.

Боги, дядя! Я с упреком посмотрел на него.

— Да, мне, — просто ответила Рэйкен. — Хочешь знать, как это было?

— Нет уж, оставь себе.

В ответ Рэйкен лишь криво ухмыльнулась.

— Когда Кена узнала об этом, она лишила себя жизни. В этом лесу. Только не учла глупая мико, что ее покойная мать пожелала долголетия души своей дочери. Так лес ее и поймал. А дальше... Душа Кены годами впитывала в себя темноту этого леса и так ослабла и обозлилась, что начала искать соратников. Не знаю подробностей, но, говорят, лес наводнили мононоке — души людей, умиравших здесь или поблизости.

Я немного читал о мононоке — призраках людей, чьи души по тем или иным причинам не упокоились, а остались в мире смертных мстить, убивать и сеять зло.

— Значит, моя мать могла стать мононоке... — протянул Кацу.

Я сочувственно взглянул на него. Когда Кацу появился в поместье Сугаши, он сказал, что война отняла у него семью. Остался лишь дед, священник, который защищал деревню от вторжения демонов и многому научил внука. Для меня, с детства ведомого необъяснимой тягой к посторонним силам, появление Кацу было чудом. Я ходил за ним по пятам, ночевал под дверью его спальни, всячески угождал ему, готовя завтраки и заваривая чай, но Кацу был глух и слеп.

— Мой дед был служителем храма, — зачем-то сказал он. — Я родился за несколько лет до окончания войны и изгнания демонов. Мы бежали на восток, на равнину, и поселились в деревне среди рисовых полей. Там было безопасно — демоны будто отчего-то ходили мимо. Когда мне исполнилось десять, дедушка повстречал хого Такимару Сугаши, и мы больше никогда не говорили о случившемся.

— Такимару — это мой отец, — пояснил я Рэйкен.

— Такимару, — эхом откликнулась она, выпрямилась на ветке и как-то странно взглянула на Шиноту. Будто впервые увидела его.

— Что ты на меня уставилась? — Дядя нахмурился. Он всегда хмурился, когда пытался скрыть неловкость.

Я заерзал на месте, раздраженный: что между ними происходит?

— Твой дед остался в деревне, вблизи которой жил Такимару Сугаши, не потому, что ту местность очистили от демонов, а потому, что Такимару Сугаши был очень сильным хого и своей аурой мог защитить сразу многих.

— А ты откуда знаешь? — спросил Шиноту.

— Все, кто знает про хого, знают, что Сугаши — самые сильные. — Рэйкен подняла голову и задумчиво уставилась в темную листву.

— Такимару ты знала? — не унимался Шиноту.

Но Рэйкен уже погрузилась в свои мысли. Мне безумно захотелось в них проникнуть. Она сразу поняла, кто я, увидела то, над чем я бился большую часть своей жизни. Может быть, именно в этом таилась моя одержимость ею и подобными существами? Может, я просто хотел понять, кто же я на самом деле?

Шин

Такимару Сугаши, отец Мидори и Коджи, был моим кровным братом. Он исчез, когда мне было семь. Растворился, словно его никогда и не было. Но я был уверен, что он погиб. Потому что Такимару, которого я знал, никогда бы не оставил меня одного, не сказав ни слова.

Брат был гораздо старше меня — на двадцать лет — и заменил мне отца. Его забрали так рано — он не успел поведать о мистической силе хого, о том, как мне с ней жить и как защитить своих племянников.

Когда Рэйкен посмотрела на меня — пронзительно и с толикой узнавания, — я сразу заподозрил, что она могла знать Такимару. Мы были очень похожи: те же каштановые локи по пояс, упрямый взгляд карих глаз, квадратные лица с острыми скулами и волевыми подбородками. Одного телосложения — высокие и крепкие. Только Такимару был первоклассным бойцом и двигался ловко и уверенно, а моя поступь была неуклюжей.

Но что, если мне показалось? Рэйкен — единственный демон в моей жизни, но не в мире. И все же было легче думать, что она может быть причастна к бедам моей семьи. Я не верил в такие совпадения, но больше винить было некого.

Блондинка в поношенной синей одежде, в которую она так внезапно превратилась, надолго ушла в свои мысли, и вопреки нашей цели у меня не было желания ее торопить. Этот день длился бесконечно долго. Я не знал, сколько времени мы провели в лесу, не знал, наступило ли утро, или, может быть, снова ночь. Темнота вокруг была непоколебимой, свет от костра тускнел, и желтые цветы под ногами поблекли.

Мы все очень устали. Кацу подпирал дерево, задумчиво всматриваясь в пустоту. Я заметил, как мой друг несколько раз вздрагивал и озирался по сторонам. Наверное, прислушивался к голосам. То, что мы узнали о его матери, было ужасным. Если ее душа действительно застряла в этом лесу и представляла для него опасность, сколько времени ему понадобится, прежде чем броситься ее искать?

Помню, как мы с ним впервые встретились. Это случилось за несколько недель до исчезновения Такимару. Кацу был старше меня почти на четыре года и выглядел совсем взрослым. Он пробрался к нам в поместье и сразился на ножах с невидимым соперником. Меня поразил его суровый взгляд и воинственность, с которой он размахивал оружием. Я тогда испугался и, натянув косынку на голову, затаился за деревьями, но в какой-то момент не выдержал и спросил его, зачем он сражается. «Чтобы однажды найти тварь, убившую мою маму!»

Когда исчез Такимару, дружба с Кацу стала для меня спасением. Его ненависть к демонам подпитывала мою собственную. Мы чертили на земле иероглифы, воображая, что это заклинания, которые навеки скрепят нашу дружбу, и обещали всегда помогать друг другу. Если он когда-нибудь узнает, кто виновен в смерти его матери, я отправлюсь мстить вместе с ним.

Правда, со временем наш запал поутих. Кацу все реже говорил о своих планах и все чаще гулял с крестьянскими

девчонками, а я втайне радовался, что больше не слышу о демонах.

Но сейчас, глядя на своего друга, я впервые задумался о том, что он мог никогда не оставлять мыслей о мести. Да, дедушка хорошо натаскал его. Кацу должен понимать, что если его мать стала мононоке, то больше она ему и не мать вовсе. Она лишь злобный дух, демон, и вряд ли сможет рассказать о том, кто ее убил. Да и какое это теперь имеет значение, ведь столько лет прошло!..

Но тут же я подумал о другом: а если бы моя мать, или Такимару, или Мидори... Если бы их души оказались здесь, что бы я сделал? Уже бежал бы на их поиски, чего уж врать.

Коджи сидел на одеяле и затуманенным взором смотрел в огонь, изредка бросая в нашу с Рэйкен сторону хмурые взгляды. Я дивился переменам в его внешности. Когда мы отправились на поиски демона, он смотрел воинственно, заражал нас энтузиазмом. Коджи был младше меня на семь лет, ростом чуть ниже, скромнее комплекцией. Но когда мы приближались к храму, он вырвался вперед, шагал уверенno, размашисто, твердо сжимая рукоять вакидзаси, и я видел в нем взрослого, настоящего воина. А сейчас... Он выглядел потерянным — таким, каким был два года назад, когда у нас забрали Мидори.

— Расскажи мне о ней, — раздался голос Рэйкен, протяжный и обволакивающий.

Я распахнул глаза, с ужасом осознав, что опустился на землю и готов был задремать. Она соскользнула с ветки и присела напротив меня. Задумчивость покинула ее лицо, и рыжие глаза вновь горели любопытством.

— Не считаешь же ты, что мы останемся в этом лесу навеки? — хмыкнула она в ответ на мое замешательство. — Мне бы хотелось понять, куда идти. Здесь многоя сторон. Так что давай, говори, что тебе нужно от меня. И кто она, эта Мидори?

Я машинально взглянул на Коджи: племянник в упор смотрел на меня, сжав губы.

— Сестра Коджи, моя племянница. Два года назад она пропала, и я хочу знать почему.

Реакция Рэйкен была непредсказуемой: она вытаращилась на меня, губы затряслись и вдруг раскрылись от тихого смеха.

— Ты издеваешься? — рявкнул я.

— Прости-прости, — сквозь смех выдавила она и выдохнула с показным облегчением. — Я не смеюсь над твоим горем. Просто... я не ищу пропавших людей.

— А она и не пропала вовсе! — воскликнул Коджи, да так громко, что даже задумчивый Кацу подскочил. — Мидори покончила с собой! Да, Шиноту, она покончила с собой! А ты никак не можешь это принять! — Племянник уставился на Рэйкен. — Он хочет, чтобы ты провела нас в Ёми. Мы должны найти Мидори и узнать, почему она это сделала.

— Провести вас в мир мертвых? — Губы Рэйкен снова дрогнули, но на этот раз она сдержала смех. — А с чего вы взяли, что я знаю туда дорогу?

— Но ты же демон!

— Но я не мертвая, как ты мог заметить. Вот пришли бы лет через десять, когда мое тело окончательно бы высохло, тогда и поговорили.

— Ты — Странница. Разве нет? — спросил я и удивился сомнению в своем голосе. А если я ошибался? Когда вина за случившееся с Мидори окончательно раздавила меня, дедушка Кацу рассказал мне о Страннице — редком существе, которое способно проходить в другие миры и касаться человеческих душ. И я два года искал ее. Два года, черт возьми!

— Странница. Но я не водила души в ад. Я лишь заключала контракты.

— Но куда они попадали — те, кто продал свои души?
Разве не в Ёми?

— Понятия не имею. — Рэйкен откинула прядь волос с лица и облизала губы. Казалось бы, простой жест... Я стиснул зубы: почему она, демон, выглядит и ведет себя как обычная женщина! — В Ёми, куда-то еще, а их тела... В общем, я не водила никого в мир мертвых.

— Что их тела? — тихо спросил Кацу.

— Когда человек лишается души, его тело становится желанной будкой для демонов.

— Ты, видимо, отхватила самую желанную, — хмыкнул я.

— Мне льстит, что ты так оцениваешь мою внешность, тем более что это тело мое. Истинное от рождения.

К щекам прилила краска, и я мысленно выругался.

— Но... но ты же демон, — сказал Кацу.

— Кицуунэ, лисий демон, — подхватил Коджи.

— Я — ханъё, полукровка: мой отец — кицуунэ, а мать — смертная.

Рэйкен сказала это так, словно вынесла себе приговор. Было похоже, что такая наследственность неприятна ей. Но какая мне, в конце концов, разница, что ей приятно, а что нет? По крайней мере, теперь понятно, откуда в ней столько... человеческого.

— Но разве кицуунэ заключают контракты? — осторожно спросил Коджи.

— Если очень хочется, — отрезала Рэйкен. — С чего ты взял, что твоя сестра покончила с собой? А ты, — она повернулась ко мне, — с чего ты взял, что она горит желанием видеться с вами, раз уж сама приняла решение проститься с жизнью?

— Не сама! Она не могла. Ее жизнь была прекрасной.

— А-а-а. — Рэйкен криво улыбнулась, сверкая своими жуткими рыжими глазами. — Любовь. Не можешь

смириться, что женщина, которую ты любил, оставила тебя? — Она наклонилась ко мне совсем близко. — Но так бывает, маленький хого. Людям свойственно принимать глупые решения.

— То есть все контракты, которые ты заключила, — это глупые решения тех бедняг? — Я тоже подался вперед, да так резко, что едва не ткнулся носом в ее нос. — Хочешь сказать, что не ты убедила их продаться демонам? Не ты окучивала их, выспрашивала секреты, обманом заключала сделки?

— Ты глупец, хого Шин. Ни один человек не согласится продать свою душу, если цена, которую я за нее предлагаю, для него не стойт того. Когда-нибудь ты это поймешь.

Мне ужасно захотелось сделать что-то плохое, как-то навредить ей, лишь бы сбить эту самоуверенность с ее лица... Но Коджи отвлек меня.

— А место, куда они попадают... Что, если моя сестра тоже заключила контракт? Помоги, Рэйкен, молю! Ты же можешь узнать, ты видишь других демонов... Мы искали кого-то из вас два года, и за это время вышли только на твой след. Кто, если не ты? Кто узнает, где Мидори? Ведь где-то же ее душа должна быть!

— Еще недавно ты говорил, что она покончила с собой, — холодно заметила Рэйкен, откидываясь на дерево и всем своим видом давая понять, что теряет интерес к беседе.

— Я не знаю... — сдался Коджи, обреченно вздыхая. — Просто чувствую, что даже если она покончила с собой, то не сама, ее вынудили. Мы же близнецы.

Рэйкен поднялась, расправила одежду и, тряхнув длинными волосами, равнодушно посмотрела на нас.

— Мне нужно подумать.

Она запрыгнула на ветку дерева, которое облюбовала с первой минуты на поляне, затем забралась выше, и еще, и еще, пока темная листва не поглотила ее силуэт целиком. А я растерянно смотрел ввысь, боясь упустить из виду кончики блестящих пшеничных волос. Все летело к черту.

Глава 3

Преследователь

Рэйкен

Я родилась босой и предпочла босой и оставаться. Мне нравилось чувствовать под ногами влажную землю, ощущать царапины от ветвей. Нравилось знать, что хоть что-то на моем теле было свободным, не нуждающимся в защите.

Я прыгала по ветвям деревьев, и листья хлестали меня по щекам, кололи руки, но я не могла остановиться. Ощущение свободы — могучее, всепоглощающее — манило меня. Друг хого, этот угрюмый мужчина по имени Кацу, так хотел найти свою мать и узнать, кто убил ее, что пошел на обман: освободил меня, да еще и с условием бежать в лес, но мне это было только на руку. Я хотела лишь одного — оказаться подальше от людей, от полуохлых демонических отродий, хотя бы на несколько минут забыть о двадцати годах, проведенных в заточении, и позволить себе вообразить, что моя прежняя жизнь навсегда исчезла, а впереди — чистое, не обремененное обещаниями будущее.

Могли ли боги наконец обратить на меня внимание и подарить второй шанс?

Эта мысль отрезвила меня. Я остановилась, вцепившись в ветку прямо над головой. Он нарек меня Рэйкен, и Рэйкен я скоро умру.

При рождении мне дали имя Рэй Кеноки. Мама говорила, что я родилась по воле солнца и, чтобы я никогда не забывала об этом, боги наградили меня золотыми волосами. Когда-то она любила меня. Когда-то она гордилась тем, что родила дочь от лисьего демона.

Я была сокровищем. Пока тьма не позвала меня.

Сев на ветку и подтянув колени к подбородку, я задумчиво всматривалась в пустоту под собой. Мой отец сражался на стороне людей и самоотверженно защищал наше родное селение. Я помню, как каталась на его спине, а он, белоснежный, треххвостый, настоящий демон-лис, несся по полям, и я раскидывала руки в стороны, пытаясь пальцами ухватиться за колосья.

А потом он погиб. И за мной явилась тьма.

— Ax, Рэйкен...

Язвительный шепот затаился в листьях дерева. Я резко подскочила и присела на корточки, высматривая источник шума.

— Лисица Рэйкен, ты вернулась. Мы ждали тебя. Та-ак ждали...

Я глубоко вздохнула и, не дожидаясь, пока говорящий покажет себя, начала быстро спускаться. Как далеко я ушла? Глупая. Нужно срочно вернуться к хого. Теперь я зависима от него. Без его защиты меня быстро обнаружат.

До шести лет я росла обычной девчонкой. От отца мне достались только рыжие глаза да светлые волосы. Ни ушей, ни хвоста, ни способности чувствовать ауру демонов... Мама была уверена, что я родилась человеком, хотя такое было невозможно. Спустя два года после его гибели она вышла замуж за смертного и родила сына, моего братишку Касси. Отчим умер от горячки, но я никогда

не забуду его, потому что он оставил после себя чудесного мальчика.

Я всем сердцем любила Касси. Он был черноволосым, как мама, со светлыми карими глазами и очень любопытным. Когда брат научился ходить, я брала его с собой в поле играть с другими детьми, катала на спине, как когда-то катал меня отец, и защищала перед задирами.

А потом мне исполнилось шесть. Не знаю, что изменилось. Я никогда не выходила одна из хижины после заката. А тут вышла и как загипнотизированная побрела в сторону дороги. По ней обычно к нам в селение попадали путники или воины, просившие кровя и пищи. Мама не разрешала выходить на дорогу: я хоть и была высокой, но все равно легко могла попасть под копыта лошадей.

Помню, как шла и в голове у меня не было ни одной мысли. Только перезвон колокольчиков — сначала слабый, едва уловимый. Но чем ближе я подходила к дороге, тем звучнее он становился. В какой-то момент впустоте замаячил блик. Я протянула руку, чтобы схватить его, отчего-то решив, что он имеет телесную оболочку. Вот тогда все и случилось. Моя рука скользнула в темноту. Как будто передо мной находилась невидимая завеса и я пробила ее своими пальцами. На той стороне, где оказалась моя рука, было прохладно и ветрено, а еще я нашупала нечто мягкое, словно дотронулась до чьей-то щеки.

Испугавшись, я отдернула руку. Я хотела было бежать обратно к хижине, но вдруг из того самого места, где маячил блик, показалось существо. Ростом с меня, с короткими взъерошенными волосами болотного оттенка и хитрыми красными глазками. Оно скалило тонкие, острые зубы и, наверное, выглядело опасным, но я остановилась и с любопытством уставилась на него.

Они. Демоненок из ада. Вот кем было это существо.

До того момента я никогда не задумывалась, что демоны тоже бывают разные. Я знала только отца-ёкай — совершенное создание, с красивым человеческим лицом и абсолютно нормальным телом. Да, у него был хвост и лисьи уши, а еще от матери я знала, что отец мог принимать свой истинный облик — облик огромного белого лиса. И я думала, что все демоны такие... что они мало чем отличаются от людей и живут с ними на равных.

Но в ту ночь я узнала другое.

Мерзкие, рогатые и зубастые, с цветной кожей и зловонными пастьями, чуждые всего человеческого, с приземленным мышлением, ведомые лишь жаждой крови, чтобы утолить свой нескончаемый голод. И я отчего-то увидела их.

Тот демоненок лишь скалился, заискивающе цокая мерзким розовым языком, пока мне не надоело и я просто не ушла.

Мне стоило рассказать о случившемся маме, стоило расспросить ее о демонах, но вот что странно: я не восприняла увиденное как что-то из ряда вон выходящее. Жуткий лик не испугал меня, не заставил задуматься о других тайнах этого мира. Все показалось мне обычным, словно так и должно было быть. Словно я знала, что рано или поздно увижу темную сторону.

Лавируя между деревьями, я бежала обратно, к хого и его спутникам. Голоса потеряли четкость, слились в неразборчивый свистящий звук, от которого было легко отмахнуться. К тому же совсем скоро я уловила человеческий запах. Мне хотелось одного: успеть коснуться хого до того момента, как эти мерзкие твари вернутся к себе и разнесут молву о том, что я воскресла.

Если он узнает об этом, мне не жить.

Но я не успела. Когда впереди замаячили змеевидные волосы хого, мой слух полоснул голос, который я боялась и... жаждала услышать.

— Рэй, девочка моя. Я так долго искал тебя.

Шин

Она прыгнула мне на спину, обхватила бедра ногами, холодной ладонью намертво зажала рот, а второй рукой поддела подбородок. В шею уперлось острье.

— Молчи, пожалуйста, только молчи, — шепнула она.

Горячее дыхание разлилось вокруг приторным сладким ароматом.

— Рэй, милая, Рэй...

Этот голос был мне незнаком. Низкий, мужской, заискивающий. Он струился из темноты, со всех сторон сразу, словно его обладатель молниеносно перемещался за деревьями вокруг нас.

Сердце пустилось в пляс. Хватка Рэйкен была чудовищной. Я не мог даже пошевелиться, но вызванный ее внезапным нападением страх быстро улетучился. Она прижималась ко мне слишком сильно, и я телом уловил ее напряжение и судорожную дрожь. Это Рэйкен боялась!

— Сокровище мое, — зазывал голос, — выходи-выходи. Дай снова увидеть тебя.

Ладонь Рэйкен, зажимающая мне рот, затряслась, и я, сам не понимая почему, прикусил фалангу ее пальца. Она едва ощутимо вздрогнула и снова застыла.

Мне стало зябко. От слов незнакомца сквозило холодом, по позвоночнику пронеслись мурашки. Я даже не пытался пошевелиться, внезапно осознав, что от Рэйкен исходит куда меньше опасности, чем от этого существа.

А потом я увидел его — размытый, прозрачный дух, плывущий между деревьями. Высокий и статный, с развевающимися темными волосами, в струящейся светлой накидке с широкими рукавами, из-под которых выглядывали белоснежные кисти рук с длинными изящными пальцами. Он двигался в нашу сторону, но взгляд бездонных глаз блуждал по сторонам.

Почему-то он не видел нас.

Когда призрачное существо остановилось совсем близко, Рэйкен уткнулась носом мне в ухо, а я снова прикусил ее палец и инстинктивно зажмурился. Мне отчего-то казалось, что не стоит смотреть в глаза призраку.

— Ты слышишь меня, Рэй, я это знаю. Почему ты так жестока? Ты больше не любишь меня?

Пронзительный холод щипал руки и щеки. От напряжения тело ныло. В груди защемило от нехватки кислорода. Я вдруг испугался, что еще чуть-чуть — и он увидит нас. Мне хотелось вздохнуть, а еще лучше — выругаться во весь голос, но я лишь сильнее прикусил палец Рэйкен.

И тут все закончилось. Теплый ветерок коснулся шеи. Я снова почувствовал приторный аромат, исходивший от бесцеремонно висевшего у меня на спине демона. Открыв глаза, я не увидел ничего необычного — только непроглядную темноту безмолвных деревьев и слабый огонек костра, который поддерживали мои друзья на поляне.

Глубоко вздохнув, я повел плечами, и она наконец отпустила меня, бесшумно спрыгнув на землю. Острием, которое упиралось в шею, оказалась моя же стрела. Я хотел наброситься на нее с вопросами, но Рэйкен выставила руку и, даже не глядя в мою сторону, на согнутых ногах закружила вокруг меня, принюхиваясь.

— Все расскажу, но нам надо уйти, — шепнула она. — Какого черта ты оставил их?

— По нужде, — буркнул я и получил в награду короткий упрекающий взгляд.

— Пойдем, — Рэйкен заткнула стрелу за пояс и вцепилась в мое запястье. — Не смотри так, мне придется держаться за тебя.

— Раньше не держалась.

— Ты — защитник, хого. Лишь одно твое присутствие способно скрыть от ненужных глаз любого.

— Прямо-таки любого?

— Того, кого ты считаешь нужным скрыть. Боюсь, что в данный момент твое великодушие на меня не распространяется.

Я громко фыркнул, и Рэйкен холодно взглянула на меня. А потом яркая вспышка ослепила нас. Сквозь деревья, обнятые темнотой, стремительно прорывался солнечный свет. Очертания леса растворялись в яркой зелени, а густые кроны поглощали ясное голубое небо. Я и вздохнуть не успел, как вдруг мы уже стояли позади ветхой хижины, среди кустарников дикой малины.

Рэйкен так сильно стиснула мое запястье, что я хотел было вырваться, но она быстро перехватила руку, повернувшись спиной к сцене, которая теперь разворачивалась передо мной.

Женщина в аккуратном платье крестьянки, с блестящими черными волосами, тонкая и хрупкая, выла от горя, зажимая рот обеими ладонями. Я так остро ощутил ее боль, что сам готов был разразиться слезами, но вместо этого выглянул из-за ее спины и увидел девчонку. Она была моложе той, что остервенело сжимала сейчас мое запястье, на вид лет пятнадцати. С пшеничными волосами по плечи, высокая, босая, в простеньком платье, подпоясанном широкой лентой. Она держала перед собой мальчика — совсем юного, гораздо младше ее, и очень похожего на женщину, которая была с ними.

— Рэй, — голос призрачного незнакомца, лишь минуту назад терзавший нас в темном лесу, снова зазвучал отовсюду, — неужели ты забыла о нем, Рэй?

Краем глаза я увидел, как Рэйкен стиснула зубы и защмурилась. Девчонка с пшеничными волосами душила мальчика, а тот безмолвно плакал и смотрел на женщину, с которой они были так похожи. Ее сын?..

— Что же ты делаешь, Рэй, — шептала черноволосая женщина сквозь рыдания. — Что же ты наделала...

Глаза мальчика закатились, он обмяк, и девчонка едва успела подхватить его. Она опустилась на колени, прижала мертвое тельце к себе и уткнулась в него головой.

Женщина упала на траву и завыла. Сквозь ее горе прорвался холодный шепот незнакомца, но я не слышал слов. Сцена с задуманным мальчиком, ярким солнцем и зеленой травой быстро растворялась в темноте.

Рэйкен дышала шумно и прерывисто, а внутри меня все разрывалось на части. От горя, которое я каким-то образом разделил с черноволосой женщиной, от ненависти, вспыхнувшей к таинственному призраку и девчонке, которая задушила мальчика.

— Это произошло на самом деле?

— Нет.

— Лжешь! За что ты его убила?

— Тебя это не касается, хого.

— Скажи. — Я с силой развернул ее к себе, схватил за плечи и хорошенъко встряхнул. — Ты торчишь с нами уже сутки! Мы свои намерения озвучили, а ты юлишь. Что тебе нужно от нас? Зачем сбежала, а потом вернулась? Зачем осталась? Тебе же от поисков Мидори никакой выгоды!

— Ты боишься меня, хого Шиноту? — спокойно спросила она.

Я замешкался. Перемены в ней поражали: от недавних эмоций не осталось и следа, острое лисье лицо излучало лишь холодное спокойствие.

— Не могу я бояться того, кто сам боится. Нет, Рэйкен, я тебе просто не доверяю.

— Это хорошо. С этим можно работать.

Рэйкен отступила на шаг.

— Смотри, хого, расклад такой. Мы можем заключить сделку...

— Ага, как же, — бросил я.

— Выслушай, идиот, — устало вздохнула она. — Я помогу тебе найти мир, в котором сейчас обитает твоя Мидори, но взамен ты подаришь мне свою защиту.

— Каким образом? В туалет с тобой ходить за ручку?

— Если понадобится, будешь ходить! Демон, который наслал сейчас видение, жаждет мою голову. И без твоей защиты он обнаружит меня раньше, чем я найду эту вашу Мидори. Чуешь, чем пахнет?

Вот гадина. Я не знал, насколько правдивы ее сказки, но видел сам, как она боится этого призрака. Что там между ними произошло — непонятно, да и не слишком хотелось лезть в эти дебри. Но их разборки действительно могли закончиться ее смертью, а у меня других ключей в загробный мир не было.

— Ну давай сюда свой контракт.

— Контракт? Слово мое — контракт. Или тебе так хочется где-нибудь оставить свою подпись?

— Твое слово ничего не стоит. Я тебе не доверяю, сказал же.

— Удивишься, хого, но я тоже не верю таким, как ты. Тоже мне святоша нашелся. Но попробуем вместе рискнуть? Я даю тебе слово, что найду дорогу в Ёми и разыщу там душу Мидори. А ты пообещай, что до тех пор будешь рядом со мной, будешь защищать меня, не оставишь ни при каких обстоятельствах, только если я сама об этом не попрошу.

— Защищать тебя, пока ты не найдешь Мидори? — фыркнул я. — И искать ее ты будешь до моей старости?

— Зачем? — Казалось, удивление на ее лице было искренним. — Думаешь, мне нравится проводить время в твоей компании?

Она рассмеялась, упиваясь моей растерянностью.

— Обещай, глупый хого.

— Обещаю, — процедил я сквозь зубы.

— А теперь поцелуй меня.

— Что?!

Рэйкен закатила глаза.

— Какой же ты зануда. Вот малышке Мидори повезло.

Пойдем.

Наградив меня насмешливым взглядом, она развернулась.

— Рэйкен...

— Ну что?

— Так кто он, тот призрак?

— Что же ты такой приставучий, а? Я украла у него кое-что и этим сильно подпортила ему жизнь. Доволен?

А теперь прекращай лезть не в свое дело.

Глава 4 Кокоро

Рэйкен

Конечно, я солгала. Говорить, что это не касалось Шиноту, — все равно что утверждать, будто в моей внешности нет ничего необычного. Но я надеялась хранить свою тайну до самой смерти: такой упертый хого никогда не поймет, почему двадцать лет назад я сделала то, что сделала. Нет, подумать только — и как этот любопытный мальчишка вырос в такого ограниченного идиота!

Милостивая Инари, знаю, ты никогда не заговоришь со мной. Но, пожалуйста, услышь меня, дай сил пережить этот путь.

Пожалуйста.

С тех пор как я впервые увидела демона в темноте, прошло два года. Я не искала встречи с ним и ему подобными, не высматривала блики. Жила себе как раньше: ходила в школу, играла с ровесниками, заботилась о младшем брате и помогала маме выращивать овощи и ягоды на продажу.

Единственное, что изменилось, — я больше не опасалась выходить в темноту одна.

Но они находили меня сами. Сначала просто подглядывали, затаившись среди звезд и листвы, иногда появлялись на заднем дворе нашей хижины, но не пытались заговорить или установить контакт. Я замечала их всегда, и они знали об этом. Улыбались, скалились. И, что странно, я тоже улыбалась.

Мне нравилась моя тайна. Она была безобидной, ведь все взрослые знали о существовании демонов, и что такого, если я отчего-то видела их. А еще я думала, что это умение — видеть то, что другим невидимо, — делает меня ближе к отцу.

Странности начались на девятом году моей жизни. Война за власть в нашей стране набирала обороты. Мы хоть и жили в отдалении от основных сражений, но я то и дело ловила обрывки разговоров о жертвах, о жестоких боях и демонах, которые примкнули к людям в надежде поживиться.

Моему брату Касси исполнилось четыре года. Мама созвала его ровесников поиграть у нас во дворе. День стоял жаркий и безоблачный. Взрослые работали в поле и периодически заходили к нам потрепать именинника по голове да утолить жажду фруктовой водой, которую мама всю ночь настаивала на сливах и яблоках.

Я сидела на траве у входа в хижину, перечитывала школьные записи и тихо напевала, посматривая за братом. И тогда увидела его. Это был наш сосед, Ашимару, добрый работяга с огрубевшими руками и россыпью солнечных морщин у глаз. Полгода назад его молодая жена умерла при родах. Ребенка не удалось спасти — задохнулся в утробе. Мама часто навещала бедного вдовца или отправляла меня с гостинцами. Вечерами она смотрела в сторону его хижины, прижимая руки к груди, и ее взгляд становился печальным.

И вот Ашимару подошел к тропинке, ведущей к нашему дому, заметил меня и улыбнулся — устало, но искренне, как всегда, — и я увидела тени на его лице. Сначала решила, что всему виной старая липа, но быстро поняла, что дело в другом: тени эти хаотично блуждали по щекам, перебирались на лоб и волосы и резко спускались ниже. Я вскочила, подбежала к нему и, прищутившись, начала внимательно его рассматривать. И вдруг губы Ашимару задвигались:

— Рэй, теперь мы можем говорить с тобой.

Я отшатнулась и пронзительно закричала, и чем больше он скалился, тем сильнее я кричала. Дети бросили играть и прибежали к нам, из хижины выскочила мама, со всех сторон деревни тянулись запыхавшиеся соседи. На меня были устремлены недоумевающие взгляды, а я кричала и кричала, пока жуткий голос губами Ашимару не произнес:

— Зачем ты так, Рэй? Мы же друзья. Ты одна из нас. Разве тебе не хотелось поговорить с нами?

— Нет!

Одна из теней отбилась от собратьев и поползла по руке Ашимару. Когда она достигла его ладони, я резко ударила по ней. Каким-то образом моим пальцам удалось проникнуть под кожу. Не разорвать ее, а скользнуть внутрь, словно его тело было из масла. Со знанием дела я ухватила тень за хвост и дернула на себя, вытащив наружу безобразное прозрачное существо, похожее на болотную воду.

— Рэй, что ты делаешь? — услышала я голос матери.

А я не знала, что делала. Просто так было нужно. Что-то внутри подсказывало, что именно так и следовало поступить. С минуту я наблюдала за извивающимся мерзким существом, а затем сжала его в ладони и со всей силы приложила о камень у себя под ногами. И оно исчезло, окропив мои босые ступни склизкой жидкостью.

Ашимару залился неприятным смехом и бросился бежать, а все вокруг смотрели на меня боязливо и с осуждением.

Краем глаза я заметила, как мать прижала к себе Касси, а тот спросил:

— Мама, Рэй может бороться с демонами?

— Нет, юноша, — откликнулся кто-то из соседей. — Просто сестрица твоя — сама из этих.

— Еще бы! — подхватил другой. — Вспомните ее папашу!

Потрясение сменилось такой сильной обидой, что у меня зазвенело в ушах. Мать обняла меня за плечи и втолкнула в хижину, бросив соседям, чтоб забирали детей и расходились. А я не понимала, что сделала не так.

Надо ли говорить, что с тех пор моя жизнь превратилась в кошмар?

Прежние друзья делали вид, что меня не существует, не отвечали на вопросы, а если им нужно было что-то сказать мне, называли меня «демоница» или, что еще хуже, «безумная». Однажды мальчишка, с которым мы вместе ходили в школу, запустил в меня камнем и рассек кожу в районе яремной впадины. Где бы я ни появлялась, все расходились. Люди, которые застали мое рождение, слышали мои первые слова и видели первые шаги, люди, которые уважали моего отца и никогда не презревали его помощью, в одночасье вычеркнули меня из своей жизни. Как будто Рэй Кеноки и вовсе не существовало.

Мама держалась стойко, пресекала любые нападки, но я часто слышала, как она плакала ночами, думая, что мы с братом спим. А Касси приходил ко мне, садился в ногах, прислонял голову к коленям и говорил, что даже если я стану самым опасным демоном, он никогда не разлюбит меня.

— А еще, сестрица, я так злюсь, что сам я — человек. Вот бы стать таким, как ты. Уж я бы им задал!

— Не говори глупостей, Касси!

— Ничего не глупости. Несправедливо, что ты так одионока. Если бы я стал таким, как ты, мы бы могли убежать отсюда и задать всем жару!

Впервые брат заговорил об этом, когда ему исполнилось девять лет, а мне — четырнадцать. Это было начало конца. Да, я действительно была одинокой. И глупой.

Шин

Я не стал рассказывать друзьям о том, что случилось. Да меня никто и не спрашивал. Завидев Рэйкен, Коджи засветился так, будто получил вожделенный подарок. Даже Кацу повеселел.

— Нам нужно выбраться из леса, тогда я смогу попасть в Ёми, — сообщила Рэйкен.

— Откуда попасть? — спросил Кацу.

— Разыщем темное и безопасное место.

— А почему здесь нельзя?

— Демоны. Их очень много в лесу — я просто не пройду. Давайте найдем другое место для ночлега. Вам надо выспаться. Дальше пойдем без остановок.

Никто и не думал спорить. Мы быстро сложили мешки и покинули поляну.

От обещаний Рэйкен у меня открылось второе дыхание. Совсем скоро — возможно, через пару дней — я увижу Мидори! В приподнятом настроении я шагал за Рэйкен, по-прежнему стараясь не смотреть по сторонам, чтобы ненароком снова не увидеть лиц на деревьях или еще какого наваждения, насыщенного лесом. Вместо этого я напряженно вслушивался, но эта часть ночи была мертвя. Стояла такая тишина, что я слышал дыхание Кацу, замыкавшего процессию.

В какой-то момент Рэйкен остановилась, принюхалась и резко сменила курс, нырнув вправо, в кусты дикой малины.

— Вода — там, — ответила она на незаданный вопрос.

— Вода? — озадаченно повторил Коджи.

— Приглушает запахи. Защита вашего хого сильна, но для некоторых существ ничего не стоит пробиться и через нее.

— Для каких существ? Неужели нас кто-то ищет?

— Не нас, — шепнул я, обернувшись к Кацу, и, поймав его озадаченный взгляд, кивнул в сторону полукровки.

— Значит, опасна не только она, но и кто-то, кто охотится на нее? — шепнул в ответ друг.

— Я все слышу, — пропела Рэйкен.

— У нас нет выбора. Найдем Мидори и навсегда забудем о ней.

— Если нас раньше не грохнут.

— Я все еще слышу вас.

Коджи прыснул. Я вздохнул, подавив улыбку.

— Но я вот чего не понимаю, — уже громче сказал Кацу. — Защита Шиноту работала в поместье, и нас никто не мог найти. Почему здесь иначе?

— Пораскинь мозгами. Вы же сами пришли в этот лес. Не настолько твой друг силен, чтобы оставаться невидимым в гостях.

Кацу закатил глаза, но от комментариев воздержался.

Рэйкен прокладывала дорогу, когтями ловко расправляясь с ветками дикого кустарника, который до этого казался непроходимым. Было странно это видеть. Почему-то я решил, что, избавившись от прежнего белого облика, она превратилась в обычную женщину. Какая глупость! Стоило ей взмахнуть рукой — и ногти в мгновение заострились, оставляя за собой искрящиеся золотые разрезы. Демоническая сущность всегда будет с ней — неважно, какого цвета ее одежда и волосы. Об этом не стоило забывать.

Спустя десятки минут, сотни царапин на ногах и руках и бесчисленное количество ругательств, которыми тихо разбрасывался Кацу, мой слух наконец уловил умиротворяющий рокот воды. Кожу защекотала прохлада. Рэйкен была права. Из зарослей кустарника мы вышли на поляну,

которую венчал водопад. Его исток терялся где-то в вышине, укрытый массивными ветвями деревьев, а устьем стало небольшое озеро с невероятной лазурной водой, подсвечиваемой мерцающими светлячками.

Коджи хотел вырваться вперед, но Рэйкен оттолкнула его. Она опустилась на колени, уткнулась носом в воду и долго вынюхивала, а затем внезапно подпрыгнула и взмахнула когтями в воздухе:

— Пошли вон!

В ее руке, визжа, извивалась крыса — тощая, с проплешинами в шерсти и болезненно-красными глазами. Рэйкен вдруг запустила пальцы ей под кожу и резким движением вытащила призрачный густок.

— Они совсем отчаялись, раз пытаются обосноваться в телах полуздых грызунов, — хмуро сообщила она, растирая пальцами душу демона. — Похоже, этот лес держит не только погибших людей. Поэтому, — Рэйкен поджала губы, всматриваясь в красные глаза онемевшей от страха крысы, — не советую здесь умирать, — с этими словами она свернула ей шею. — Теперь можно.

Она пустила нас на берег, а сама уселась под деревом.

Мы вдоволь напились холодной воды, умылись и стали готовиться к ночлегу. Коджи подтянул свое одеяло к одеялу Кацу и лег на бок, плотно сжимая рукоять своего вакидзаси. Кацу растянулся на спине, подложив руки под голову, и по его лицу блуждали тревожные тени. Мне хотелось расспросить друга, узнать, как он справляется с тем, что душа его матери может быть совсем близко, но присутствие Рэйкен не располагало к откровенным разговорам.

Все мое естество противилось тому, чтобы говорить с ней, да и вообще находиться рядом. Это было опасно.

Я не врал, когда сказал, что не боюсь ее, но она сама была опасностью — со всеми своими тайнами, неизвестными мне силами, этим ужасным призраком и прошлым, в котором она убила ребенка. И я разрывался между тем, чтобы никогда не говорить с ней, и желанием выяснить как можно больше. В итоге второе победило.

— То видение...

— Отстань.

— Да послушай. Мне плевать, кто это был. Сколько лет назад... Тридцать, сорок?

Рэйкен покачала головой.

— Больше? Черт возьми, сколько тебе лет?

— Не чертыхайся.

— Не учи меня. Так сколько?

— После ста перестала считать.

Теперь понятно, с чего вдруг я для нее «маленький» хого. Кацу тихо присвистнула.

— И что, такие, как ты, никогда не стареют?

— Стареют, когда захотят. Я пробовала, но ты помешал.

От такого заявления я поперхнулся и в недоумении уставился на нее:

— Хочешь сказать, что сидела в монашеской клетке по своей воле? Вот лгунья.

— Да, ты уже говорил, — парировала Рэйкен.

В ее голосе мелькнули задорные нотки, но глаза отстраненно смотрели в землю. И отчего-то меня это тревожило. Ее прежняя манера говорить — жеманная, высокомерная, слегка игривая, — нравилась мне куда больше и казалась безопасной. Мне даже захотелось потребовать, чтобы она вернула свой неприкосновенный меховой плащ, вновь облачилась в белое и стала загадочным демоном, которого я бы с радостью сторонился. Абсурдно, но рядом со вчерашней Рэйкен я чувствовал себя спокойнее, чем с этой угрюмой и растерянной женщиной.

— Отстань от меня, хого, и ложись спать.

— Ну уж нет, будем дежурить по очереди.

— Отдохни, — отозвался Коджи. — Я буду сторожить первым. А потом разбуджу тебя, обещаю.

Мне не понравилось, каким взглядом он посмотрел на Рэйкен: я боялся, что мой глупый племянник без надзора сделает что-то неправильное.

— Ложись, — отозвалась Рэйкен. — Пока все спокойно. Но скоро нам может понадобиться твоя защита. Если не будешь спать — долго не продержишься.

И я уснул, отгоняя тревожные мысли о том, что эта полукровка задумала провернуть нечто коварное.

Рэйкен

Мне было страшно.

Даже хого заметил это... За прошедшие десятилетия я здорово поднатащаскалась в умении контролировать свои лицо и тело, как самый искусный демон. Но его появление испугало меня не на шутку, и не потому, что я боялась смерти, а потому, что верила: раз уж брат Такимару Сугаши нашел меня спустя целых двадцать лет за много километров от родного дома, да еще и привел с собой Коджи, похоже, сама судьба направила его ко мне. Значит, то, что я сделала до заточения в храме, еще не закончилось.

Демонам не присущи сентиментальность и безоговорочная вера в судьбу. Но я же была полукровкой, и моя человеческая сущность следовала знакам.

Только вот что мне нужно сделать? Неужели просто найти Мидори?

Я выпрямилась во весь рост, разминая затекшие конечности, и, поймав взгляд Коджи, вздрогнула от мимолетного наваждения: глаза у него были голубые, в точности как у моего преследователя. Иногда мне казалось, что

через это юное, красивое и благородное лицо на меня смотрит демон из прошлого.

Коджи нетерпеливо улыбнулся мне и уже открыл было рот, но я опередила его:

— Посидим на берегу.

Он едва совладал с собой и даже умудрился подняться спокойно, не наступая на головы своих спящих спутников. Мы сели на влажную землю. Закатав штаны, я с удовольствием погрузила ступни в прохладную воду и несколько минут молча смотрела на резвящихся прямо перед носом светлячков. Маленький уголок рая в мертвом лесу.

— Рэйкен, — шепотом позвал Коджи.

Я кивнула, давая понять, что слушаю.

— Я... я... боги, это так глупо, ты всего второй день с нами. Но я не понимаю, что со мной происходит... такого никогда раньше не было.

Я невольно улыбнулась, вспомнив историю из прошлого — с таким же спящим ханьё, как Коджи. Мне были понятны его чувства. Я сама была такой.

— Тебя влечет ко мне? — просто спросила я, поворачиваясь к нему. Светлячок вился у его лица, предательски освещая покрасневшие щеки. Он кивнул, поджав губы. — И влечение это настолько сильное, что ты даже не хочешь узнать больше о том, почему не чувствуешь лесного морока?

Коджи снова кивнул, робко опустив глаза. Я взяла его за руку:

— Сделай что хочешь. Я не против.

Коджи растерянно моргнул и нахмурился, словно не поверил. Чтобы убедить его, я придвигнулась ближе. Он прикоснулся к моим волосам, робко провел по ним, взял за руку и наконец поцеловал. Губы у него были горячими и мягкими, дыхание сбивалось. Я не закрыла глаза и успела пересчитать бледные веснушки на его лбу. Даже уловила запах хого, который проснулся и теперь подсматривал за нами.

Коджи отстранился и, облизав губы, с поникшим видом уставился в воду.

— Не то? — улыбнулась я.

Он покачал головой.

— Я был уверен, что... не знаю... что влюбился в тебя. Вот так быстро и просто, как в сказке. А когда там, на поляне, ты сказала, что мы с тобой одинаковые, еще больше убедился в этом. Дело в том... — Он посмотрел на меня, и его голубые глаза вспыхнули. — Понимаешь, меня так влекло к тебе, словами не описать! Когда я увидел тебя в этом белом облике, то почувствовал, что... вот же она! Та, которой мне так не хватало в этой жизни. Только не смейся! Я знаю, что слишком юн и с женщинами толком дел не имел, но это чувство было необъяснимым и в то же время таким убедительным!

— Но ты поцеловал меня и понял, что влечение было не плотским? — подсказала я, предвкушая дальнейший разговор. До этого момента я считала, что не имею права задавать вопросы о том, что волновало меня больше всего.

— Именно. Не плотским.

— Не расстраивайся. — Я дружески потрепала его по плечу, и Коджи улыбнулся. — Скажи... Когда ты увидел их впервые? Шиноту ведь не было рядом?

— Да-да! Мне было лет пять. Мы с Мидори играли, и она сорвала с моей шеи амулет. — Рука Коджи нырнула под рубаху и вытащила веревку, на которой болталась змеевидная прядь каштановых локи. — Я тогда разозлился и убежал. Так злился, Рэйкен, словами не передать, и бежал поэтому долго. А потом, когда понял, что натворил, было уже поздно, вокруг стемнело, и это существо показалось прямо из ниоткуда! Я, дурак, испугался и пропустил обратно.

Не спрашивая разрешения, я дотронулась до амулета — и поняла, как Мидори удалось пропасть.

— А откуда ты знаешь, что так было?

— Я и сама примерно в твоем возрасте начала видеть их. До этого мама считала, что мне посчастливилось родиться обычным человеком, несмотря на отца-ёкайя. — Я зачерпнула ногой воду и вскинула ее вверх: капли окропили нам колени, и я отбросила тягостные воспоминания о детстве. — Эти демоны — они только со слабыми так себя ведут. Когда набираешь силу, уже не обращаешь на них внимания, да и они сами к тебе не приближаются, потому что боятся. Ты ханьё, и ты гораздо сильнее, как и я. Только меня не защищали силы хого, и выбраться я не смогла. А у тебя этот амулет наверняка с рождения? Ты же понимаешь, что его оставил Такимару?

— Не совсем. Это моя прядь.

Мы оба вздрогнули, повернув головы. Шиноту стоял позади нас, всего в нескольких шагах, а я так увлеклась разговором, что совсем позабыла о нем. Он смотрел на Коджи так, словно впервые увидел его: брови выгнулись дугами над округлившимися глазами, грудь прерывисто поднималась и опускалась. Что ж, нехорошо получилось.

Его племянник резко вскочил на ноги и отступил назад.

— Почему же ты мне никогда ничего не говорил? — В голосе хого было столько горечи, что мне даже стало жаль его.

— Да как же мне сказать, если я и сам не понимал, что это такое! Что бы ты сделал? Совет мне дал? Ты всегда твердил о своей ненависти к демонам. А тут я, твой любимый племянник, вижу их!

С этими словами Коджи бросился бежать. Шиноту растерянно смотрел ему вслед, потом хотел было отправиться за ним, но я успела схватить его за лодыжку.

— Оставь, глупый хого. Ничего с ним не случится.

— Чтоб тебя, Рэйкен! — зашипел он, со злостью дергая ногой. Я разжала пальцы. — Какого такого... ты полезла к нему с этими расспросами?

Сказать по правде, люди редко удивляли меня, но этому упретому баару удалось. Зачерпнув ладонью воду, я брызнула ему в лицо.

— Сядь, идиот.

Шиноту стиснул зубы и глубоко задышал — так, что затрепетали ноздри, — потом отер рукавом лицо и, бросив еще один взгляд на деревья, за которыми скрылся Коджи, молча сел рядом со мной.

— Так что ты там говорил?

— Вот скажи одно, — хого внезапно схватил меня за руку и потянул на себя, — ты с самого начала знала про Коджи? В игры свои играла?

Он встряхнул меня, клацнув зубами, и мое терпение лопнуло. Я взмахнула пальцами, выпуская острые когти, и полоснула по руке, сжимавшей мою рубаху. Шиноту зашипел, наградив меня свирепым взглядом, но предпринять ничего не успел: я прыгнула на него, повалила на спину и, сев сверху, схватила рукой за горло и прижала к земле. Хого дернулся, но я приставила коготь к его глазу.

— Не люблю людей за однобокость мышления. Вы, слабаки, всегда ищете виноватым кого-то третьего, хотя все ваши проблемы — от того, что вы боитесь говорить правду друг другу. Хочешь ты этого или нет, но твой племянник не человек и никогда им не станет. — Шиноту потянулся к моей руке, но я оказалась проворнее и, с силой сжав его шею, наклонилась так низко, что коснулась носом его носа. — Ты ищешь свои ответы, он — свои. Не смей винить меня в том, кто он такой! Никто из нас не выбирает свою сущность!

В этот момент мне хотелось сказать ему больше. Поведать о своем селении и людях, которые огнем выдворяли меня из родного дома, о том, кем на самом деле был Коджи, о том, что той Мидори, которую он знал и любил, скорее всего, уже нет ни в одном из существующих миров. Потому что мы, демоны, не выбираем, кем

нам становиться. Если бы хого по-прежнему отбивался от моей хватки, я бы не выдержала и обрушила на него все, что знаю.

Но, видимо, мои последние слова достигли его разума. Шиноту перестал вертеться и, зажмутившись, развел руки в стороны ладонями вверх, показывая, что сдается.

— Ради всех твоих милостивых богов, слезь с меня, — прошептал он, тяжело вздохнув. — Твой запах сведет меня в могилу. Голова болит.

В другой ситуации я бы оценила юмор и даже удивилась, что у такого занудного существа он вообще присутствует, но сейчас меня это разозлило. Не отдавая себе отчета, я облизала ему нос и веки и с притворной улыбкой перевернулась на спину, разминая пальцы.

— Гадость, — бурчал Шиноту, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Не старайся, — подначивала я. — Моя слюна — ядовитая, она уже в твоей крови.

— Вот дура! Может, мне тоже облизать тебя, чтоб ты ушла на все четыре стороны с моей защитой?

— Ни в чем себе не отказывай. — Широко улыбнувшись, я оголила плечо и убрала волосы с шеи, а потом картинно нахмурилась. — Подожди, а ты умеешь?

Шиноту неожиданно испустил вздох.

— Ты ужасно развратная.

Я хмыкнула, натянув рубашку обратно. Игристое настроение улетучилось. Стало тоскливо.

Шин

Родителей я не знал. Мама умерла в родах. Такимару утверждал, что она успела прижать меня к груди и поцеловать в лоб, но мне было известно, что это не так. Не успела даже взглянуть. Когда меня вытащили, мама уже не дышала.

Отец был с нами еще три года. Спросите, как он выглядел, и я не смогу сказать ни слова. По пальцам пересчитать, сколько раз я видел его. Он с утра до ночи работал в полях с крестьянами. Может, ненавидел меня, а может, просто от горя не мог находиться в доме. Кто знает. Я рос на руках старшего брата, который воспитал меня. Когда отец умер, я плакал, но только оттого, что эта смерть подкосила Такимару.

Шесть лет мы с братом были одни против целого мира. Нет, он никогда не рассказывал мне об ужасах войны, не пугал демонами. Но мы жили уединенно, никого не подпускали к себе, ни разу не выезжали в другие города. Такимару всегда был со мной. Он привил мне любовь к полям, учил стрелять из лука, держать меч, рассказывал о кодексе самураев, хотя мы не имели к ним никакого отношения. С самого детства я знал только одну жизнь — с братом. Он был моим якорем, моей защитой и обещанием будущего, в котором больше не произойдет ничего внезапного.

Мы и вправду жили очень уединенно, даже несмотря на то, что на полях Сугаши работали десятки крестьян из соседних деревень. Но дорога до селений занимала не меньше часа, а из прислуги в нашем доме были только кухарка и горничная, да последняя и то по вечерам уходила навещать престарелую мать.

Дом наш стоял в центре полей — небольшой, с тремя спальнями, просторной кухней и уютным внутренним двориком, вымощенным обтесанными камнями. Вокруг даже не было забора — только поля с трех сторон и озеро с кристально чистой водой. На другом его берегу раскинулась одинокая сакура, по соцветиям и оттенку коры которой мы следили за сменой времен года. От дома к озеру вела желтая каменная тропинка, по бокам которой мама в молодости высадила сочные кусты можжевельника. Они все время разрастались вширь и ввысь, и Такимару неустанно срезал ветви.

— Никакой темноты, — бурчал он. — В темноте таятся кошмары.

В нашем доме даже по ночам горели свечи. Чтобы не случилось пожара, Такимару соорудил для каждой высокие каменные подсвечники.

Так мы и жили. Утром я ходил в школу, днем помогал брату в полях, а вечером Такимару учил меня сражаться. Нет — защищаться. «Не ищи боя, Шиноту. Если врага можно обойти — сделай это. Мы не воины, мы — защитники и используем свою силу только в крайнем случае».

Мне было шесть, когда Такимару впервые пропустил наши вечерние занятия. Помню, я прождал его несколько часов на берегу озера, погрузив ступни в воду. Стояла поздняя осень, и меня трясло от холода, но я упрямо терпел, высматривая брата. А потом заметил его на другом берегу. Не одного, а с Андой. Конечно, я тогда не знал ее имени. Да и не все ли равно? Главное — я впервые увидел искреннюю улыбку брата, услышал его смех. И заплакал.

Такимару нашел меня у озера, продрогшего до костей, отнес домой и, закутав в одеяло, долго ругал. А я и слова сказать не мог от необъяснимой обиды. Так и провалился в сон и мучительную затяжную простуду. Наша кухарка будила меня, чтобы насильно напоить горячим бульоном, прикладывала полотенца, чтобы остудить жар. Несколько дней я жил между сном и реальностью, одержимый бредом, в котором незнакомка на берегу озера превращалась в чудовище и пыталась отнять у меня брата. И когда однажды я с трудом разлепил глаза и увидел ее возле своего футона*, то закричал от страха.

— Тише-тише, — ласково шептала она, прикладывая теплую ладонь к моему лбу. — Все будет хорошо. Верь мне, все будет хорошо.

* Традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраса, расстиляемого на ночь для сна.

Ее голос парализовал меня. Лучистые светло-карие глаза, наполненные любовью и состраданием, до сих пор иногда снятся мне.

— Вы пришли, чтобы отнять у меня брата?

Анда рассмеялась и ласково погладила меня по щеке.

— Верь мне, все будет хорошо.

С ее появлением наше одинокое мужское существование наполнилось теплотой. Я и подумать не мог, что так бывает. Смех, который смущал, а иногда и пугал меня в полях, теперь ежедневно звучал в нашем внутреннем дворике, и я со всех ног бежал по коридору, чтобы увидеть ее улыбку. Ревность к этой женщине быстро сменилась безграничной любовью. Такимару растил из меня мужчину — уверенного, но закрытого, а Анда учила быть чутким. Ее безграничные доброта и забота заставляли мое маленько сердце, никогда не знавшее материнской любви, потихоньку расцветать.

То был чудесный год — год, когда я впервые обрел полноценную семью. А потом, в утро, когда родились близнецы, все изменилось. Кажется, в момент, когда стены поместья сотряс безудержный плач этих существ, на крышу впервые опустились тени. Я помню, как мерк блеск в глазах Анды, помню, как она вымученно улыбалась, прижимая к себе маленькие орущие комочки, что-то шептала им, глотая слезы. Такимару ушел. Исчез, не сказав никому ни слова. В следующие два года раз в несколько дней я приходил к спальне Анды, прижимался к дверям и шептал: «Все будет хорошо. Верь мне, все будет хорошо».

Но ни моя детская бескорыстная любовь, ни чудесные близнецы, о рождении которых так мечтала Анда, не смогли удержать ее на этом свете. Она угасала медленно и, казалось, без видимых причин. Но я наблюдал, как день за днем тоска по мужу забирала по капле ее жизнь. Через два года исхудавшая и изможденная Анда заснула и больше не проснулась.

Подобно моему отцу, эта женщина сгорела от тоски по любимому человеку.

Так я остался один на один с наследством Сугаши: светлым безжизненным поместьем и рисовыми полями, двухгодовалыми близнецами со странными голубыми глазами — и загадочным бременем хого, о значении которого ничего не знал. Мне было девять лет. Если бы не заботливые крестьянские женщины и дедушка Кацу, с которым мы познакомились спустя год, я бы попросту не выжил.

Я верил, что Анда могла стать той самой женщиной, которая изменила бы мое отношение к людям и жизни в целом. Я бы научился у нее мягкости, научился принимать и отдавать любовь. Я бы смог вырасти совсем другим человеком и воспитать близнецов правильно. Но единственное, чему я научился, был контроль. Закаленный потерями, я стал одержим сохранить то, что было, беспрекословно отвергая все новое и непонятное.

Из сна меня вырвал крик. Я рывком поднялся на ноги и начал озираться по сторонам, часто моргая. Белоснежные волосы Рэйкен мелькнули перед носом, полоснув по щекам.

— Хватай стрелы, хого! — приказала она, и воздух слева от меня заискрился золотом ее когтей.

Не тратя время на изучение обстановки, я потянулся к месту, где только что спал, но колчана не обнаружил. И вдруг понял, что уснул на берегу озера, а оружие осталось на одеяле возле деревьев. Я бросился туда, пригнувшись и накрыв голову руками.

— Демоны! — Кацу взмахнул ножом, пытаясь поразить невидимого противника, но потерял равновесие и едва не упал.

Над головой пронесся резвый туманный сгусток, и я в кувырке добрался до своего одеяла, рванул на себя колчан и лук, отточенным движением выхватил стрелу и натянул тетиву в поисках мишени.

Души демонов — такие же, как те, что напали на нас в первые часы в этом лесу, — хаотично носились над головами, резко пикировали, уходили в сторону от ударов и терялись в листве. Моя стрела поразила одного, вторая развеяла в пух и прах самого большого, летевшего к Кацу, который размахивал ножами у подножия деревьев.

— Опасайся черных, они не духи, а из плоти и крови! — откуда-то сверху раздался голос Рэйкен.

И вдруг белая прядь волос подобно стреле пролетела мимо моего лица, едва не задев покалеченный глаз, обхватила сгусток и разорвала в клочья. На мгновение я застыл. Ее волосы — живые! Оружие... Как ножи или меч Коджи.

— Потом, дурак. Не отвлекайся!

Зрение и слух обострились, стрела была наготове. Я кружил на месте, высматривая новые мишени, и вдруг заметил то, о чем говорила Рэйкен. Существа из плоти, черные, склизкие, с рогатыми головами и туловищами неопределенных форм. Они летали так же быстро и бессистемно атаковали, как и те, что из тумана, и на такой скорости могли бы с легкостью слиться с темными стволами деревьев.

— Шиноту, сверху! — крикнул Коджи.

Я упал на колени, отклонился назад и направил стрелу ввысь, но даже тетиву натянуть не успел: существо было уже в нескольких сантиметрах от меня. Я едва успел вытащить другую стрелу из колчана и ударить наотмашь, как вдруг демон рассыпался золотыми искрами и рядом со мной мягко приземлилась Рэйкен.

— Боевой костюм? — хмыкнул я, поднимаясь на ноги.

— Парадный. — Рэйкен откинула белоснежные волосы на меховой плащ и кисло улыбнулась.

Я не успел ответить: сразу шесть демонов летели на нас с обеих сторон, и мы, не сговариваясь, стали спина к спине и приняли бой. Я орудовал стрелой, как гарпуном, Рэйкен ловко разрывала тела когтями и успевала кричать другим, предупреждая об опасности.

— Коджи здесь? — выдохнул я, уворачиваясь от очередного бесплотного демона.

— Да, слева от меня... Не отвлекайся! — Рэйкен вдруг резко вскочила мне на плечи, оттолкнувшись, подпрыгнула вверх и рассекла в воздухе черное тельце, а еще одно стерла в порошок прядями волос.

И вдруг что-то невероятно сильное ударило меня в бок. Колени подогнулись, и я упал, испустив истошный крик. Внутри, под ребрами, разгоралось самое настоящее пламя. Я прижал к месту удара руки и с ужасом почувствовал пульсацию под кожей.

— Кацу! — заорала Рэйкен, подхватив меня под руки и оттаскивая к деревьям. — Кацу! Прикрой нас!

Все плыло перед глазами. Я стиснул зубы, но не смог сдержать глухой вой, рвавшийся изнутри.

Рэйкен уложила меня на спину и одним рывком сорвала рубашку. Из глаз у меня текли слезы. От боли я ничего не видел, только чувствовал ее холодные руки на коже и хотел лишь одного — чтобы она не отпускала меня.

— Ты смотри, какой прыткий, — шипела Рэйкен, исследуя пальцами мой живот. — К сердцу рвется, вот ведь упертый. Борись, хого! Если доберется до сердца, я уже не помогу... Да лежи ты смирно!

— Легко... го... говорить... — рычал я, сжимая пальцы в кулаки. Казалось, что тело вот-вот взорвется — то ли от жара, то ли от резких толчков, посыпаемых неведомым существом, блуждавшим под моей кожей.

— Готов?

И она воткнула свои острые когти мне в бок. Я заорал так, что даже подался вперед. Из глаз посыпались искры,

тело прошиб холодный пот. Меня словно свежевали, как скотину. Мозг затуманился, и все замедлилось — мысли, звуки. Рэйкен дернула меня на себя, погружая пальцы под ребра. Боль была настолько невыносимой, что я вцепился в меховые плечи и, крепко зажмурившись, уткнулся носом ей в шею.

И в тот момент меня как будто ударила молния. Я все еще чувствовал пальцы Рэйкен там, внутри, и чувствовал жирное тельце демона, стремящегося к сердцу, но ощущения от прикосновения к ее плащу отодвинули все на второй план, и на миг я потерял связь с миром. Слышал тоскливыи голос своей разломленной души и отдавался неконтролируемому потоку, уносящему меня в одиночество.

Такое ужасное чувство, такая разрушительная безнадежность. Бесконечные секунды я вслушивался в этот тихий плач и тщетно пытался сказать своей душе, что с нами все будет хорошо.

А потом звуки окружающего мира стали громче, и Рэйкен со злобным рыком оттолкнула меня. Глаза ослепила золотая вспышка.

Я лежал на спине, тяжело дыша. По мне словно прошлось стадо лошадей. Боль от раны разлилась по телу, конечности не слушались. Но ощущение тоскливого одиночества ушло, и я, вопреки последствиям, оставленным демоническим захватчиком, почувствовал себя счастливым.

Кацу сообщил, что все закончилось и никто серьезно не пострадал. Потом друг без лишних слов принялся обрабатывать рану.

Коджи рассудительно заметил, что со мной все будет хорошо, потому что Рэйкен удалось вытащить демона через относительно небольшое отверстие.

Я молча кивал, сжимая и разжимая пальцы. Подушечки пульсировали, помня странное прикосновение к меху Рэйкен. Я не мог понять, что же на самом деле почувствовал (чувства словно принадлежали не мне),

но отчего-то знал, что не должен был так бесцеремонно касаться ее.

— Рэйкен... — прошептал я.

— На берегу, — сказал Кацу. Он закончил с промывкой раны. — Придется зашить.

— Делай, что нужно, — бесцветно ответил я и, с трудом разлепив глаза, повернул голову.

Она стояла по колено в воде и с остервенением терла руки. Меховой плащ снова исчез, и высокий силуэт скрывали пшеничные волосы с брызгами моей крови. Я снова закрыл глаза и мысленно выругался. Что-то изменилось, мое сердце говорило об этом. Но я не мог понять что. Слишком устал. Кацу воткнул иглу мне в кожу, но я лишь рефлекторно вздрогнул. Эта боль была ерундой по сравнению с тем, что только что произошло.

Я отключился прежде, чем Кацу закончил заниматься моей раной, и пришел в себя, когда друзья готовили еду. Они сидели у костра, на котором в походном котелке Кацу варился рис. Жестикулируя, Коджи о чем-то увлеченно рассказывал: наверное, вспоминал, как разделывался с демонами. А ближе всех, спиной ко мне, сидела Рэйкен. Внезапно обрадовавшись ей, я понял, что боялся: она уйдет из-за того, что я сделал.

Тихо окликнув ее, я дотронулся до кончиков влажных от воды волос.

— Слушаю, — буркнула она, не оборачиваясь.

Меня вновь охватило раздражение.

— Ты не могла бы... наклониться ко мне. Не хочу... чтобы... Мне нужно кое-что тебе сказать.

Рэйкен фыркнула, но все же повернулась на месте, скрестила ноги и равнодушно уставилась на меня. Я надеялся увидеть хотя бы намек на злость или презрение, чтобы мне было легче сказать то, что я хотел. Но черты ее тонкого лисьего лица ничего не выражали. Лишь рыжие глаза мрачно светились в темноте.

Я вздохнул.

Ладно, давай. Твоя совесть будет чиста.

— Извини... что схватился за твой... не знаю до сих пор, что это.

— Парадный костюм, — подсказала она.

На секунду мне показалось, что я уловил знакомые игривые нотки в ее голосе.

— Да, парадный костюм. И ты спасла мне жизнь, хотя мы договаривались, что я буду защищать тебя...

— Оставь, хого, — хмыкнула она, закатив глаза. — Твоя жизнь — залог моего спокойствия, только и всего. Радуйся, что демон не успел добраться до сердца. Тогда даже я не смогла бы ничего сделать.

— Почему?

Рэйкен криво улыбнулась, наклонилась к моему уху и горячо прошептала:

— Потому что таким полукровкам, как я, без спросу нельзя сердце людских касаться!

— Все бы тебе ерничать. — Я слабо оттолкнул ее. — Поговори со мной нормально хоть раз.

— Какой смысл, хого? Ты извиняешься, потому что твоя совесть этого хочет, но ты никогда не поверишь моим словам до конца, потому что твое сердце противится мне.

Я удивился ее проницательности, но упрямо сказал:

— Обещаю, что поверю.

Рэйкен непринужденно пожала плечами.

— Слишком тонка грань между решениями, которые принимает человеческий разум, и истинными желаниями человеческого сердца. Ты можешь быть убежден, что чего-то желаешь, можешь думать, что действительно хочешь этого, но никогда не заставишь сердце поддаться. И пока этого не случится, твое сердце будет биться под незримым для тебя барьером, и мне, демону, его не преодолеть. Ты не веришь мне, хого, в отношении меня ты предвзят — не разумом, а сердцем. Именно эта истина — истина,

которая живет в каждом человеке, — способна убить меня, если я буду упорствовать и захочу коснуться сердца. Даже с целью спасти его от демона. Кокоро, хого. Сердце чувствующее и сердце мыслящее.

«Твое сердце противится мне». Я осознавал, что она права. Что-то изменилось между нами, я понимал это. Сначала ушел страх. Потом была битва, в которой во мне родилась признательность к поступкам демона. Ну и что, что она совершила их ради собственной выгоды, — разумом я принимал ее действия с благодарностью. Но также я чувствовал свое сердце, в котором все еще жила необъятная тревога.

— Кто ты, Рэйкен? — спросил я, сам не веря, что говорю это. — Демон или человек?

— И демон, и человек, — просто ответила она.

— Ни то, ни другое.

— Нет, глупый хого, я и то, и другое. Когда ты осознаешь это, сможешь впустить и все остальное в свою черно-белую жизнь.

Она посмотрела в сторону костра. Коджи и Кацу с любопытством косились на нас. Племянник был весел и, поймав мой взгляд, робко улыбнулся.

Внезапно в груди стало тяжело. Неужели я был настолько предвзятым? Неужели то, что Коджи, которого я растил с детства, оказался демоном, могло заставить меня отречься от него? Глупости. Я смотрел на него и не чувствовал ничего, кроме сожаления за свою идиотскую вспыльчивость.

— Не понимаю я, Рэйкен, почему он такой? Может, ты ошиблась? Мой брат был хого, а его жена — смертной. Или я ошибаюсь?

— Вправду не понимаешь? — удивилась Рэйкен. — Страшно представить, как прочен купол, под которым ты живешь.

Я крепко зажмурился и резко распахнул глаза. Как же она так быстро изучила меня?

— Ты позволил себе полюбить Мидори, свою племянницу, только потому, что всегда знал: она и Коджи тебе не родные по крови. Приемные дети Такимару Сугаши.

— Но я постарался забыть об этом, потому что не понимал... — Сейчас я даже не пытался остановиться, как и не пытался оспорить ее заблуждение относительно моих чувств к Мидори. В эту минуту Рэйкен была единственной, с кем я хотел поделиться сомнениями. — Анда, жена Такимару, родила их. Или я решил, что родила. Но ведь было кое-что еще... Я видел...

Перед глазами мелькнул размытый образ из прошлого. Нечто, светлое и расплывчатое, стояло передо мной в стенах поместья накануне рождения близнецов. И было очень холодно.

Я рассказал это Рэйкен, и она странно посмотрела на меня — то ли нахмурилась, потому что я нес ахинею, то ли, наоборот, удивилась, что я знаю такие подробности.

— Могло ли это существо принести Коджи и Мидори? И если так, то... — Внезапно правда, от которой я отмакивался с той минуты, как подслушал разговор Рэйкен и Коджи, в одночасье настигла меня. — Мидори тоже?..

Женщина с пшеничными волосами показалась мне незнакомкой. Я видел схождение и жалость во взгляде демонических рыжих глаз.

— Возможно, бедный хого, твое проклятье — полюбить существо, которому не место в твоем мире, и тогда уже решить, как сделать выбор: разумом или сердцем.

— А ты, Рэйкен, ты ведь тоже выбирала?

Я сразу пожалел, что вновь попытался залезть к ней в душу. Таинство вмиг разрушилось, и лицо демона преобразила язвительная гримаса.

— Раз уж ты вновь пылаешь интересом к закромам моего сердца, значит, поправился. Пошевеливайся! Нам надо решить, как искать твою женщину.

Глава 5

Мацу

Рэйкен

Мой пятнадцатый день рождения должен был пройти так же тихо, как и предыдущие. После случая с Ашимару почти никто не переступал порога нашей хижины. Лишь редкие соседи по старой памяти заглядывали к маме, чтобы купить ягоды и травы, которые она выращивала в саду, да и те останавливались у тропинки, ведущей к двери, неловко переминаясь с ноги на ногу и озираясь по сторонам. Наверное, боялись встретиться со мной. А я, став в их глазах злобным демоном, пряталась в нашем с Касси спальном закутке и боялась лишний раз вздохнуть. Мне дела не было до осуждающих взглядов соседей или бранных слов в мой адрес, но я видела печаль в глазах мамы и не хотела ее расстраивать.

В мой пятнадцатый день рождения мы были дома втроем. Мама приготовила рисовый пирог и заварила ароматный чай из малиновых листьев. Касси очень изменился. Мой брат вытянулся, в детских округлостях лица пробивалась взрослая мужественная грубость, и, хотя ясные карие глаза по-прежнему горели любопытством, я все чаще стала замечать в них осознанную задумчивость. Он начал рассуждать уверенно, с достоинством мужчины,

которого так не хватало нашей семье. А ведь ему было всего девять лет!

Мы ели пирог под рассказы брата о занятиях в школе и работе в полях. Еще несколько лет назад он жаловался на сверстников, которые злословили о моем отце, ругался на них и распинался о планах мести. Мама расстраивалась, даже злилась и каждый раз просила его замолчать. А ночью, когда мы засыпали и Касси убеждал меня, что скоро вырастет и поставит всех на место, я сама просила его не связываться с ними и больше не поднимать эту тему при маме.

— Но почему, Рэй? Они обижают тебя! Да я им...

— Нет, Касси. Их больше. Подумай, что будет, если они перейдут от разговоров к делу...

— Уже перешли! — зашипел брат, с прищуром сверля взглядом россыпь шрамов на моей шее.

— Это ерунда! Вот если они решат выдворить нас из дома, куда мы пойдем?

Сейчас он уже год как не заговаривал об этом, заполняя частое молчание болтовней о буднях девятилетнего мальчика. Мы с мамой увлеченно слушали его и смеялись. И, наверное, со стороны выглядели счастливой семьей, но я знала, что времена искренней беззаботности потеряны навсегда.

Нет, мама никогда ни в чем меня не упрекала. Она не ввязывалась в споры с соседями, опасаясь, что ее, женщину без защиты мужчины, из злости могут проучить или, что хуже, выгнать из селения. А идти нам было некуда. Но я замечала, каким взглядом она отвечала на любое дурное слово в мой адрес и как она смотрела на меня, когда думала, что я не вижу.

Нет, она не винила меня, никогда не упоминала о том, как сильно разочарована моими пробудившимися способностями. Но с годами я все больше убеждалась в том, что мама сгорает. Бремя в моем лице, так неожиданно

упавшее на ее хрупкие плечи, становилось непосильным, и я начала задумываться о том, чтобы покинуть семью.

Когда мы расправились с пирогом, мама неожиданно хлопнула в ладоши, наградив нас с Касси такой счастливой улыбкой, что мы даже удивились. Как давно она так не улыбалась!

— А теперь, наша взрослая Рэй, время подарка.

Касси засиял, тихо присвистнув, и напустил на себя заговорческий вид. Я была уверена, что он ничего не знал, но подыграла, не желая преуменьшать его значимость.

Мама открыла плетеный короб, в котором хранила свои нехитрые пожитки, и достала сверток, перевязанный золотистой веревкой. От волнения мое сердце забилось сильнее.

— Милая Рэй, дочка моя, я должна была вручить тебе это в день твоей свадьбы. Но я не могу больше ждать. Твой дар и твое проклятье — мы вместе справимся, — но с этим, я уверена, ты обретешь то, чего тебе сейчас недостает.

— И что же это? — прошептала я, таращась на сверток.

— Уверенность в том, что ты — очень важная часть нашего необъятного мира.

Слова мамы звучали у меня в голове, когда я трясущимися руками разворачивала сверток. В нем был костюм из хлопчатобумажной ткани синего цвета, состоящий из широкого короткого кимоно и штанов с завязками на щиколотках. Поверх лежали светлые кожаные шнурки, предназначенные для фиксирования объемных рукавов.

— Твой отец, кицунэ Хиро Кеноки, оставил мне это перед тем, как принял решение уйти на войну.

Затаив дыхание, я бережно разглаживала складки одежды, ощущая пальцами забытое тепло его тела и вспоминая, как он катал меня на спине, как, укладывая спать, утыкался носом в ухо и фырчал так, что становилось щекотно... Прижав сверток к груди, я прильнула к маме и обняла ее

так крепко, как только могла, роняя слезы на ее щеку. Со звонким смехом Касси бросился к нам и тоже обнял.

— Надень, сестренка, надень!

Я не успела ответить. Дверь в хижину распахнулась, и мы испуганно уставились на нежданного гостя. Я не сразу смогла рассмотреть молодого мужчину с растрепанными волосами, потому что уже стемнело, а в нашей хижине горела лишь одна свеча. Кажется, это был сын швеи Амиры, что жила в начале улицы.

— Айка-chan, простите... — Он спешно поклонился до самой земли. — Мой друг Ситоку... на него напали!

Мы с Касси переглянулись. Быстро сжав мое плечо, мама подошла к гостю.

— Чем я могу помочь, господин Исаму?

— Не вы...

Он неожиданно посмотрел на меня.

— Внутри Ситокудемон. Он целый день пропадал в лесу, а как вернулся... Все повторяется. Как с Ашимару. Рэй, — от звука своего имени я вздрогнула, — пожалуйста, помоги!

Глаза его расширились, сделались круглыми, как монеты, от частого дыхания грудь резко вздымалась. Случившееся с Ситоку — знак свыше, не иначе! Мама была права: я — важная часть этого мира. Если я помогу Ситоку, то жители нашего селения вновь примут меня и маме больше не нужно будет бояться за наш кров.

Все вместе мы прибежали в хижину Исаму. Бедный Ситоку извивался на соломенном полу, царапая себе грудь сквозь изодранную рубаху. Его глаза закатились, обнажив белки, изо рта текла слюна. Вокруг него сутилась сгорбленная женщина. Я не разглядела ее лица, да и времени на это не было. Сразу бросилась к Ситоку, села на колени и схватила его за запястье, высматривая местоположение тени.

— Потерпи, дружище, это Рэй. Помнишь Рэй? Как она помогла Ашимару? Она и тебе поможет, — успокаивал его Исаму.

— Лисица Рэй, — зашипел демон губами Ситоку. — Сладкая Рэй.

Тень резвилась прямо посередине его груди, и я почему-то поняла, что она стремится к сердцу. Не раздумывая, резко ударила пальцами, уверенная, что сразу схвачу демона за хвост, но ничего не получилось. Ситоку изогнулся, зашипел, а я вскрикнула от боли и отдернула руку, испуганная неожиданным открытием: демон уже обхватил его сердце, и если бы я дотронулась до него, то непременно умерла. Я не смогла бы объяснить, откуда узнала это, и только много лет спустя поняла, что в тот момент во мне проснулось чутье Странника — проклятье, которое целое столетие будет вести меня по жизни.

— Рэй, в чем дело? Почему ты остановилась? — нервно вопрошал Исаму.

— Я... простите, я уже не смогу ему помочь. Слишком поздно.

Я поднялась на ноги и отошла к маме и Касси.

— Не хочешь ему помогать? — зло прорычала женщина.

— Мама, подождите! Рэй, это же мой друг! Если я обидел тебя когда-нибудь, прости. Пожалуйста, прости. Но это же не повод дать ему умереть. Посмотри, он же мучается!

Исаму с мольбой и недоверием таращился на меня, а я растерянно мотала головой из стороны в сторону под тихий издевательский цокот одержимого демоном Ситоку.

— Хочу. Но не могу!

Я выскочила из хижины и бросилась к дому. Сердце колотилось как сумасшедшее. Понимая, что оставила бедного Ситоку умирать (а он непременно умрет — я это знала, стоило только пальцам приблизиться к сердцу), я тем не менее ужасно испугалась выводов Исаму. Он решил, что я не хочу помогать, потому что обижена на него! Боги, я не могла в это поверить! Они мучили меня последние шесть лет! Не замечали, обзывали, терзали сплетнями мою несчастную мать, заставили Касси придумывать

планы мести. Касси! Моего прекрасного, доброго, отзывчивого брата! Сволочи! Но я ни разу ни на кого даже зло не посмотрела! Сидела в хижине, боясь пискнуть. Молилась, чтобы они и вовсе забыли о моем существовании — лишь бы перестали изводить мою семью!

А что теперь? Когда Ситоку умрет и демон подчинит своей воле его тело, Исamu и его мать расскажут всем о том, кем я не являлась, но кем они сами меня захотели назвать.

Бежать. Нужно бежать отсюда. Это единственный способ защитить маму и брата.

Влетев в хижину, я схватила сверток с одеждой отца и стала озираться по сторонам, соображая, что еще мне могло пригодиться.

— Рэй, милая! — окликнула мама.

Запыхавшиеся, они с Касси стояли на пороге. В глазах брата застыли слезы.

— Я должна уйти, — взмолилась я, прижимая к себе сверток. В горле защипало.

— Нет, сестренка! — крикнул брат и бросился ко мне, но мама схватила его за руку. Надломившимся голосом она сказала:

— Иди. Укройся в темном лесу, с западной стороны. Я навещу тебя, как только смогу.

Мы несколько минут смотрели друг на друга, молчаливо обмениваясь отчаянными словами любви. Как жаль, что все эти годы я их не произносила! Как жаль, что считала себя обузой и своими признаниями не хотела лишний раз тревожить бедное сердце матери. Я решила, будто она не сможет ответить мне взаимностью...

Я так любила ее!

Касси мужественно вздохнул, быстро собрал со стола остатки рисового пирога, завернул в бумагу и протянул мне.

— Ничего не бойся, — твердо сказал он.

Мои губы затряслись. Брат прильнул ко мне и крепко обнял за талию.

Помимо теплых слов, которые я утаивала от матери, я жалею лишь об одном: что то наше расставание было не последним. Если бы я додумалась уйти дальше, если бы решилась ради блага моей семьи навсегда покинуть родные края, я бы по сей день могла с нежной грустью вспоминать их лица. Я бы не застряла в темноте.

Я добралась до леса, в котором спустя сто лет мы с хого и его спутниками бродили в поисках Мидори, еще задолго до рассвета. Бежала так быстро, как не бегала никогда раньше. Мой слух обострился до предела, зрение стало орлиным. Я слышала крики за спиной и, оглядываясь, видела отблески пламени. Исamu не стал ждать смерти друга. Он рассказал о случившемся сразу, поднял на ноги всех мужчин и даже кое-кого из женщин, и все они пустились за мной в погоню, размахивая огненными факелами.

Откуда я это знаю? Спустя десять лет, а может, и больше, я смотрела ему в глаза, терзая его тело, а он, преисполненный злобой, плевался кровью и проклинал меня, вспоминая о той ночи.

Коджи

То, что мы с ней — другие, Мидори поняла первой. Она всегда была смышленее. Замечала то, на что я никогда бы не обратил внимания, или то, что я намеренно игнорировал, потому что боялся задавать вопросы и слышать правду. А сестра с самого детства бросалась в бой, не задумываясь о последствиях. Для нее всегда существовало только здесь и сейчас.

Но никто не знал настоящей Мидори. Даже дядя Шиноту. Он был как я: закрывал глаза на правду, веря только в то, что сам себе нафантазировал.

А правда была такова.

Мы с сестрой внешне были очень похожи: смоляные волосы, яркие голубые глаза, цвет которых одни считали происками демонов, а другие — поцелуем богов, россыпь веснушек на лбу и ямочки на щеках: у нее — на правой, у меня — на левой, как инь и ян. Очаровательные близнецы Такимару Сугаши. Чудесные дети госпожи Анды.

Никого из нас никогда не выделяли, и качества, присущие одному, неоспоримо приписывали и другому. Мы были добрыми, воспитанными, исправно учились и помогали по хозяйству.

Мы были такими.

Идеальными.

Но в день, когда Мидори сорвала мой защитный амулет и я впервые увидел демона, между «мы» и «она» легла пропасть.

Испуганный, я вернулся домой и потребовал вернуть отцовский подарок. Помню, как бешено стучало сердце. Помню, как сестра крутила головой, в страхе таращась на меня, и лепетала что-то вроде «я его потеряла». Помню, как схватил ее за плечики и тряс. А потом забился в угол и долго плакал. И, конечно, все ей рассказал.

Мидори внимательно выслушала меня, обняла, заверила, что дома нам ничего не угрожает и что она обязательно найдет мой амулет. И я успокоился, поверил ей, потому что верил всегда. Потому что до сих пор не могу передать словами, как сильно чувствовал ее. Будто у нас на двоих была одна душа.

Кстати, Мидори выполнила обещание и на следующий день принесла мне амулет. С виду он ничем не отличался от утерянного, и только недавно я узнал, что его сделал дядя Шиноту из пряди своих волос.

С того дня прошло пять лет. На первый взгляд мы не изменились, но я один знал, что происходило за закрытыми дверями. Сначала Мидори начала подолгу проводить время в отцовской библиотеке, чаще ночами, когда думала,

что все крепко спят. Я следил за ней и видел, как она сидела на полу и листала тетради, изучала свитки и, подсвечивая иероглифы огарком свечи, что-то шептала себе под нос.

Потом она стала убегать в деревню. Тоже ночью. Впервые это случилось незадолго до нашего девяностолетия. Сестра уже несколько месяцев ночевала в спальне, я потерял бдительность и начал снова крепко спать. Но в тот раз проснулся внезапно, ведомый странным импульсом, и увидел, что ее постель пуста, а рядом на полу лежит амулет. Мидори вернулась под утро, прокралась на цыпочках и улеглась как ни в чем не бывало. Я спросил, где она была, сказал, что видел амулет. Сестра даже в лице не изменилась. Лишь отмахнулась, заверив, что недавно видела сон про демона, которого я встретил четыре года назад, и сама решила проверить, как все было на самом деле.

— И что? Увидела?

— Не-а, — просто ответила она. — Здесь нет никаких демонов. Наверное, тебе показалось.

Терзаемый дурными предчувствиями, я решил поспрашивать Шиноту, но дядя, лишь услышав запретное слово, тотчас прервал разговор. Он всегда был таким: если я или Мидори рассуждали о чем-то, чего, по его мнению, не могло существовать, никогда не тратил времени на объяснения. Нет, и всё тут, не думай о том, что нас никогда не коснется.

Твердость его слов и уверенный взгляд заставили меня усомниться в том, что я видел. В конце концов, может быть, мне просто почудилось? Но когда ночью Мидори снова выбралась из постели, я проследил, как на этот раз она оставила амулет под камнем у двери и пустилась в сторону деревни. А я, пораженный, стоял на пороге: не подозревал о том, что она умеет так быстро бегать. В детстве у меня были проблемы с ногами, что-то с суставами, и мне было больно даже просто быстро ходить.

Я рассказал эту историю Рэйкен, когда мы, покинув поляну, нашли новое место для привала, чтобы наконец определить план действий.

— Так что она там делала? — дядя опередил ее с вопросом.

— Не знаю. — Я уставился на свои ладони, чувствуя, как щеки наливаются краской. Внезапно мне стало неловко. Ходил вокруг да около, но никогда так вот прямо не говорил о Мидори. — Однажды я пытался расспросить ее, но сестра увильнула от ответа. Мы даже с ней поругались из-за того, почему я стал таким приставучим.

— Хочешь сказать, что ни разу не смог проследить за ней? — В голосе Шиноту звучало осуждение, и я глубоко вздохнул.

— Пытался, дядя, представь себе! Даже добрел до деревни. А ты знаешь, что мне это нелегко давалось! Но она просто испарилась, как сквозь землю провалилась. Я до утра прятался за деревьями, моргнул — и вот она, идет в сторону дома.

— Чушь! Это...

— Заткнись, хого, — оборвала Рэйкен. — Мы все наслышаны о твоем отношении к демонам. А теперь по существу.

Шиноту стиснул зубы, но подчинился, что само по себе было удивительно. После того, как Рэйкен спасла его, он вообще стал куда более покладистым, по крайней мере в отношении нее. Я все еще замечал настороженность в его взгляде и видел, как он загорался желанием оспорить какое-нибудь ее утверждение, но сдерживался. Странно. Дядя хоть и был до ужаса упрямым, но умел отбрасывать эмоции и здраво рассуждать, если дело не касалось тем, в которых он был предвзят, например все того же отношения к демонам. А тут такое... Хотя, может, просто еще не восстановил силы, кто его разберет.

— Если Мидори каким-то образом поняла, что амулет защищал ее от потустороннего мира, и поэтому оставляла

его в вашем поместье, следовательно, она что-то узнала. И это что-то она нашла в деревне, — рассуждала Рэйкен.

— Откуда она могла узнать? Я смотрел книги отца и не нашел в них ничего содержательного. Кое-что в общих чертах. Были рукописные записи очевидцев войны, истории о демонических вторжениях и совсем немного о защитниках.

— О хого вообще мало кому известно, — отмахнулась Рэйкен. — Даже самим демонам.

— А сама-то ты как узнала? — прошипел Шиноту, на руках подтягивая туловище к дереву. Он сидел на земле, морщась от каждого движения. Кацу успел сменить ему повязку, и крови больше не было.

Рэйкен пропустила вопрос мимо ушей.

— Предположим, Мидори узнала о демонах. Что дальше? Ты сказал, что она изменилась?

— Да, хотя поначалу изменения могли показаться незначительными, по крайней мере окружающие легко приписали бы их взрослению. Ее глаза потемнели, взгляд стал другим. Не знаю, как точно объяснить. — Я быстро посмотрел на дядю. — И ее настроение... она то была такой милой, то превращалась в настоящую фурию, без всякой причины грубила кухарке. Однажды даже накричала на дедушку Кацу, а он всегда был так добр к нам и столько времени проводил, обучая нас всякому. Ты же сам знаешь!

Я выразительно посмотрел на его левый глаз, перечеркнутый шрамом, но Шиноту лишь раздраженно качнул головой.

— Ну допустим, переходный возраст, — хмыкнула Рэйкен.

Я вскочил на ноги.

— Вы не понимаете! Никто из вас не знал ее так, как я! Мы были... О боги... Иногда мне казалось, что мы были одним целым, по ошибке разделенным надвое! Да я в жизни не найду слов, чтобы объяснить вам, почему уверен,

что она изменилась — не из-за взросления, а действительно изменилась, стала... стала...

— Злой? — осторожно подсказал Кацу.

Я на секунду задумался, избегая смотреть на дядю.

— Нет. Темной.

Лицо Рэйкен приняло совсем иное выражение. Ирония ушла, и в ее рыжих лисьих глазах вспыхнуло любопытство.

— Какое интересное слово.

Поджав губы, я задумался. А когда я сам заметил это в сестре? Наверное, лет в тринадцать. После школы мы с Мидори, как всегда, пошли с друзьями поиграть на поле. Один из мальчишек упал и подвернул ногу. Все бросились к нему, успокаивали, кто-то побежал за взрослыми, а я случайно посмотрел на сестру — и заметил в ее взгляде темноту. Она прижимала к груди ладони и изображала испуг и сочувствие, но в голубых глазах, которые уже начали менять свой оттенок, не было и намека на сострадание.

— Так, значит, одно целое, по ошибке разделенное надвое... — протянула Рэйкен.

— Что?

— Ты сам так сказал.

Спрятав с ветки над головой Шиноту, она сложила руки за спиной и задумчиво прошлась по поляне, потом оглядела всех нас, задержалась на скептически настроенном дяде и кисло улыбнулась.

— Значит, хого считает, что лапочку Мидори кто-то надоумил свести счеты с жизнью, потому что не допускает, что его ненаглядная могла отказаться от прекрасных дней с ним...

— Послушай, ты...

Рэйкен движением руки заставила его замолчать.

— А ты, братец Коджи, уверен, что она покончила с собой, потому что что-то узнала про темную сторону или нашла кого-то. Видение у вас разное, но в одном вы сходитесь:

на решение Мидори кто-то повлиял. И, судя по тому, что ты рассказал, этот кто-то был из моих.

Я медленно кивнул. Шиноту фыркнул, закрыв глаза.

Рэйкен снова забралась на ветку, на этот раз подальше от дяди, и отвернулась от нас. От ее волос исходило слабое сияние — единственный источник света. Мы остановились только для того, чтобы определиться, в какую сторону идти, и не стали разводить костер. Мрак и тишина — вечные спутники этого леса — начинали утомлять. Я скучал по солнечному свету, по поместью, по работе с крестьянами, трудившимися на полях Сугаши. И по Мидори. Внезапно в этом мертвом лесу я осознал, что совершенно не готов к правде, которая откроется мне, когда мы найдем сестру. И неважно, кто из нас прав — Шиноту или я, — но ничем хорошим это не кончится. А мы найдем ее, точно найдем. Потому что Рэйкен что-то знает. Я это чувствовал так же ясно, как прежде видел темноту в глазах Мидори.

Внезапно Кацу с шумом выдохнул, и его суроное сосредоточенное лицо исказила болезненная гримаса.

— Так. — Отмахнулся он в ответ на наши встревоженные взгляды. — В шею стрельнуло. Наверное, потянул, когда мы сражались... с теми.

Шиноту настаивал на том, чтобы осмотреть его, но Кацу лишь отмахнулся. Вот кому никогда не нужна помощь!

— Мы пойдем на запад. Если без происшествий, выберемся из леса через двое суток и выйдем к селению. — Рэйкен встала на ветке в полный рост и, по-прежнему не глядя на нас, проделала уже знакомый фокус с «парадным костюмом»: спрятала пальцы в темноту и вытащила искрящийся белый мех, ловко накинула его на плечи и он в одно мгновение стал продолжением ее рук и плеч.

— Что там, в селении? — поинтересовался Шиноту. Я помог ему подняться, а другой рукой подхватил тюки с вещами.

— Если повезет, встретимся с тем, кто знает.

— Если повезет, — неожиданно хмыкнул Кацу, растирая шею.

— Да, малыш, если повезет. — Рэйкен спустилась на землю и, одарив его едкой улыбкой, подошла вплотную. — Так сложилось, что я больше, чем длится твоя жизнь, провела вдали от всего веселья. А еще за мной охотится весьма опасный демон, и если я буду рисковать и, не соблюдая предосторожностей, выкрикивать имена всех, с кем когда-либо имела связь, то лишусь головы раньше, чем получу хотя бы намек на местонахождение вашей драгоценной Мидори. У меня есть предположение, куда она делась, и вам придется заткнуть свое нетерпение куда подальше и идти за мной. Или обратиться к другому демону. Ах да, вы же больше никого не знаете. Вот незадача.

Рэйкен резко положила ладонь на затылок Кацу, наклонила его голову вперед и несколько секунд что-то высматривала.

— Странно, — протянула она, отпустив его.

Кацу повел плечом, одарив демона гневным взглядом:

— Что странно?

Но Рэйкен уже шагала к деревьям.

— Шевелитесь, если все еще нуждаетесь в моей помощи.

Рэйкен

Я солгала. Никакого «если повезет» не было. Я не знала, что делать, потому что теперь была уверена: именно он нашел Мидори. Призрак, от которого я пряталась. Существо, владевшее моим сердцем более ста лет. Самый прекрасный и самый ужасный демон моей глупой жизни. Тот, у которого я забрала сокровище.

Я украдкой отогнула край рукава на правой руке и потерла пальцем метку.

Если он найдет меня, то заберет не только Коджи, но и хого, и мою голову. Хоть нас и связывал контракт, но что-то мне подсказывало, что за столько лет он изобрел способ обойти его и просто убить меня, не выполняя условия. Конечно, я бы могла махом решить этот вопрос: разорвать защиту, которую дарил мне Шиноту, стоило лишь отойти от него подальше, чтобы аура хого больше не покрывала меня. Я могла бы заверить его, что искренне раскаиваюсь, и в подтверждение привести к нему Коджи и еще защитника, которого он так мечтал заполучить в свою коллекцию. И тогда просить, чтобы он выполнил свое обещание. Умолять его вернуть меня домой.

Но я не могла так поступить. Чутье подсказывало: то, что я сделала перед тем, как сесть в клетку в храме Инари, не было ошибкой. Так велело мне человеческое сердце. Так говорила мне совесть. Я — полукровка, и мне не чужды понятия долга, добра и понимание знаков судьбы. Правда, к чему все это приведет, мне до сих пор было неведомо.

Нужно тянуть время. Сдаваться нельзя. Даже ради милости существа, которое я, возможно, до сих пор люблю.

Сто лет назад

Я провела два бесконечных дня в одиночестве в лесу Пойманых Душ, который тогда мы все называли просто темным лесом. Забралась на макушку раскидистого дуба, с которого открывался хороший обзор, и высматривала своих преследователей. Я так злилась, что далеко не сразу заметила, как легко дался мне путь. Сколько сил во мне открылось, сколько ловкости — цепляться за ветви и карабкаться по ним было так просто, словно я обрела способность летать.

Когда волнение улеглось и сердце забилось ровнее, мои зрение и слух обострились. Я улавливала слабые звуки,

доносившиеся из глубины леса, вздрагивала, замечая вдалеке птичий клин. Вскоре мне впервые удалось рассмотреть фигуры крестьян, вышедших на работу в поле.

Я изменилась — быстро и внезапно, — но это не испугало меня, а, наоборот, придало сил.

Когда рисовый пирог был съеден и минула первая ночь, я спустилась на землю и побрела в глубь леса искать прощант. Среди обилия диких ягод мне удалось обнаружить малину и кусты мяты. На такой еде, конечно, долго не продержишься, но день можно потерпеть, пока не придет мама.

Лес наводил на меня жуткие впечатления. Здесь было тихо и темно — но не спокойно, как ночью, а тревожно и тоскливо. Иногда ушёй касался стрекот редких насекомых, где-то журчала вода. Но все это казалось ненастоящим, словно по ошибке оставленным здесь богами, решившими забрать жизнь из этого места. Я содрогнулась, вообразив, что мне придется провести тут остаток своих дней.

Касси пришел только через трое суток, под утро. Запыхавшийся, укутанный в темный плащ, полы которого волочились по земле.

— Прости, сестренка, не мог раньше. Исamu и его дружки рыскали вокруг нашей хижины, я боялся, что они выследят меня.

— Так не приходил бы, зачем рисковать.

Я пыталась говорить убедительно, но сама скривилась от того, как фальшиво это прозвучало. Желудок тем временем ныл от голода.

Касси закатил глаза, потом улыбнулся и обнял меня.

— А ты чего не переоделась?

Я пожала плечами. Одежды отца лежали за пазухой моего повседневного платья, и мне не хотелось их пачкать. Я представляла, как вернусь в селение, когда Исamu и его друзья успокоятся и забудут обо мне. Вернусь, облаченная в костюм отца, наполненная силой и уверенностью, и больше никого не буду бояться.

Подумав об этом сейчас, я горько усмехнулась и впервые осознала, как жалки эти фантазии.

Мы с Касси сели на землю у дерева, на ветке которого я спала прошлой ночью. Я угостила его ягодами. Он протянул мне сверток с едой, и я едва сдерживалась, чтобы не прикончить все разом. На вопрос «Когда придет мама?» брат не ответил и следующие полчаса рассказывал о школе.

Щемящее чувство поселилось в груди. Я смотрела вдаль, в сторону деревни, и словно видела, как залитое солнцем поле накрывает тень. Густая и темная, она стремительно двигалась в нашу сторону. Я подтянула колени к подбородку. Мне казалось, что если тень коснется моих ног, то навсегда засосет меня в беспроглядную нескончаемую ночь — мир, полный холодного одиночества.

Касси обнял меня напоследок — так крепко, будто хотел раздавить, — и убежал домой, заверив, что скоро придет снова.

Дни тянулись бесконечно долго. Жизнь в селении была не слишком насыщенной, но мне хватало времени от восхода до заката, чтобы выполнить нехитрую работу по дому, сходить в школу и сделать задания, а после помочь маме с травами, и за этими простыми заботами, повторяющимися изо дня в день, время летело незаметно. Но когда я осталась одна в этом проклятом, забытом богами лесу, то ощущила, что меня будто заморозили, взамен подарив великолепные зрение и слух, чтобы я могла видеть и чувствовать жизнь, но словно лишили возможности двигаться, протянуть руку, чтобы снова влиться в ее размеренный поток.

Что же это за наказание...

Чем я прогневила богов, что моя душа воет громче, чем волки на дальних холмах?

Не знаю, сколько ночей прошло, не помню, сколько восходов я встретила и сколько листьев облизала в попытках

утолить жажду, когда Касси пришел снова. Запыхавшийся, озирающийся по сторонам, со страхом в глазах. Он делал вид, что ничего не случилось, а я, одичавшая и оголодавшая, была слишком рада видеть его, чтобы придавать значение переменам в мальчишеском лице. Я поглощала мамину стряпню и слушала, как вспомнила потом, вялые рассказы о школе, которые даже новыми не были. Я их и раньше слышала. Касси не рассказал ничего нового.

Напоследок он вручил мне гребень для волос, заверив, что мама разрешила его взять, и убежал.

В ту же ночь вблизи леса замаячили огни, и я забралась на самую макушку дерева, предусмотрительно спрятав светлые волосы под платье. Притаилась на ветке, разглядывая сквозь плотную листву охотников. Исamu был среди них. Рыскал, словно хищник, у подножия леса, просовывая руку с факелом между стволами, а с ним еще четыре человека. Имен их я не вспомнила, но лица были знакомыми.

— Пойдем, — предложил один из них, указывая на лес, — не думаешь же ты, что она тут все это время просидела?

— Думаю, — рявкнул Исamu. — А то как она с мальчуганом видится? Выходит, наблюдает!

Его спутники переглянулись. Я вцепилась в ветки пальцами и оскалилась: значит, они следили за Касси! Впервые с того момента, как я увидела в темноте демона, меня охватила лютая злоба. Тело загорелось изнутри, конечно-сти потряхивало, а голову наполнил глухой бой барабанов. Я не сразу сообразила, что сижу, приготовившись к прыжку, и издаю хищные рычащие звуки, и только когда Исamu и его дружки замерли и стали испуганно озираться по сторонам, поняла, что боятся они меня.

— Слышиште? — шепнул кто-то из них.

Остальные медленно кивнули.

Я хотела прыгнуть. Честное слово, я уже готова была прыгнуть, но вдруг взгляд упал на пальцы — мои пальцы

с длинными когтями, пронзившими кору. В сердце колнуло, я разомкнула стиснутые зубы и прикусила губу, с ужасом осматривая свою перемену.

Исаму позвал спутников за собой, и спустя короткое время от них остались лишь отблески факелов, мелькавших вдали. Я выждала немного и спрыгнула на землю, потрясенно осматривая свои руки: когти исчезли и мои пальцы снова стали тонкими и длинными, какими были всегда.

Я была зла, напугана, растеряна и не смогла осмыслить изменения, которые происходили тогда с телом и сознанием. Все, что я чувствовала в те дни, — растерянность и непонимание, что делать дальше. Ночи безлико сменяли друг друга, а я, как дикая кошка, жила на ветке дерева, механически жуя листья и пустым взглядом смотря в сторону деревни, а потом отдаваясь беспокойному сну.

Мне мерещились лица родных. Кажется, я даже разговаривала с отцом, приняв блик под деревом за силуэт лисы. Наверное, я сходила с ума от одиночества, поэтому так легко позволила сознанию защищаться. Так что когда тихий голос заговорил со мной, я даже не удивилась.

— Привет. Откуда ты знаешь мое имя?

Существо назвалось Мацу и сказало, что я часто говорю во сне.

— Касси, — прошипело оно. — Кто это?

Слова полились из меня прежде, чем я задумалась, с кем имею дело. Я взахлеб рассказывала о брате и о маме, о том, как пыталась спасти друга Исаму и как оказалась здесь. Я шептала и плакала, скулила, прижимая колени к груди, и больше не слышала голоса Мацу.

А потом это существо вернулось. Кажется, следующей ночью. Наконец оно явило свой облик, и только тогда я поняла, что это не галлюцинация. Мацу оказался демоном. Гораздо больше тех бесформенных рогатых существ, что я видела в темноте и что захватили тело Ашимару.

Ростом он был с Касси, но с развитыми мышцами. Кожа — светло-серого оттенка, лицо — вытянутое, козлиное, в ярко-красных глазах — широкие зрачки цвета золота, а на макушке — тусклый ребристый рог.

Мацу был немногословен и терпелив. Он с любопытством смотрел на меня, пока я во все глаза разглядывала диковинную демоническую сущность, а потом сказал:

— Твоему брату никогда не понять тебя, девочка Рэй Кеноки. Потому что он — другой.

— Я не могу изменить его суть. Как и свою.

— А ты бы хотела?

Мне следовало бы уточнить у Мацу, к кому относился его вопрос, но я просто задумалась. О том, что вынуждена быть такой неправильной, хотя никогда не просила этого. О том, стоила ли та невероятная связь, которую я ощущала спиной, соприкасавшейся с одеждами отца, тягостного, пустого одиночества, в которое превращалась моя едва начавшаяся жизнь.

— Хотела бы. Наверное...

Я задремала, сидя на ветке. Сознание металось между тревожным сном и реальностью, в которую в какой-то момент ворвался желанный голос мамы. Я резко спрыгнула на землю, отчего она вздрогнула, приложив руки к груди.

Мои губы дернулись, сердце затрепыхалось, и, кажется, вся горечь последних дней в одночасье схлынула. Я готова была броситься к ней и заключить в объятия, но, увидев глаза мамы, замерла. В ее взгляде был страх.

— Я... я принесла тебе... вот. — После минутной неловкости мама вытащила из-за пазухи сверток и протянула мне. — Рэй... как ты? Я боялась, что ты ушла.

Я отстраненно помотала головой, прижав к себе принесенную матерью еду. В нос ударило ароматное тепло рисовых лепешек с бобовой пастой — она всегда добавляла в лепешки немного пасты, чтобы хоть как-то разнообразить нашу скучную пищу.

— А ты как?

Мама обхватила себя руками. В предзакатных лучах ее смоляные волосы переливались золотом, но, пожалуй, это было единственное, что осталось прежним: волосы и запах — приторно-сладкий, запах моего беззаботного детства. На молодое еще недавно лицо легли глубокие тени, глаза впали, на коже виднелись сосуды. Губы, всегда яркие, алые, поблекли и потрескались.

— Ты нездорова? — шепнула я.

— Рэй. — Мама глубоко вздохнула и робко потянулась ко мне. Я позволила к себе прикоснуться и едва устояла на ногах: от ощущения ее мягкой руки колени у меня подогнулись. Я так соскучилась по теплу ее тела.

— Рэй, милая, — взволнованно продолжала она, — тебе не следует здесь оставаться. Исamu не отступает, рано или поздно они найдут тебя...

— Ничего подобного! Я смогу защищаться! Сейчас покажу. — Я дернулась, желая продемонстрировать маме свою ловкость, но та лишь устало покачала головой.

— Ты — прекрасная девочка, добрая, чуткая. Моя девочка. Оставайся такой. Я узнавала, там, на юге, есть поселения, которые охраняют мико. Ты могла бы пойти в ученицы. У тебя будут кров и еда, о тебе смогут позабочиться. А когда Касси немного подрастет, мы вместе...

— Подожди... ты хочешь, чтобы я ушла? — Я выпустила мамины руки и отступила, затаив дыхание. — Ты... ты прогоняешь меня?

— Рэй, — жалостливо протянула она, — я бы никогда, но... Касси, все дело в Касси. Он больше не должен сюда приходить, а иначе...

— Что случилось с Касси? Они ей навредили?

Мама призналась, что кто-то напал на моего братишку и рассек ей губу. Сам Касси не говорит кто, но она считает, что это друзья Исamu пытались узнать обо мне. Молотом было в висках, я злилась и одновременно чувствовала, что падаю в пропасть. Все звуки исчезли. Мама что-то говорила, а я отстраненно наблюдала за движениями ее губ. Когда она на прощанье неловко коснулась моей руки и побрела прочь, я еще долго стояла, тщетно пытаясь удержать ее облик.

А потом в мои мысли снова ворвался голос Мацу.

— Если хочешь, я могу отправиться туда и проследить, чтобы с Касси ничего не случилось.

— Зачем это тебе, Мацу?

— Ты — мой первый собеседник в этом лесу. Какое-никакое удовольствие.

И то верно. Тогда мне было легко поверить, что между мной, недоразвитой глупой полукровкой, и чистокровным он есть много общего.

— Возвращайся скорее. Я здесь подожду.

Я устала вспоминать о тех днях и снова описывать свое одиночество. Скажу лишь, что Мацу исчез надолго, а я сходила с ума от тревоги и нетерпения. Я все ждала, высматривала, когда кто-то из них троих объявится, скажет, что все снова хорошо и что я могу вернуться, потому что Мацу догадался припугнуть моих обидчиков.

Но, конечно же, этого не случилось. Не знаю, сколько дней прошло, но одной глубокой ночью ко мне с факелом в руках прибежала мама.

— С Касси беда. Как с господином Ашимару.

У меня внутри все похолодело. Я и не подумала сложить два и два, только бросилась за матерью, на ходу шмыгая носом.

Над селением стояла спокойная звездная ночь, луна освещала дорогу. Жители уже спали, только на подходе нам встретились двое мужчин. Завидев нас, они вытаращились

было, но обезумевшая мать лишь без слов замахала факелом и они отпрянули, закрывая лица руками.

Касси я увидела сразу. Мой братишку сидел на земле у входа в хижину, обхватив колени руками, и раскачивался, поскуливая. Услышав наши шаги, он поднял голову, и я с ужасом увидела налитые кровью глаза, из которых ручьями текли слезы.

— Рэй, — прошептал Касси, а потом голос, который я сразу узнала, губами моего брата произнес: — Рэй Кеноки, а мы подружились. Мне хорошо здесь.

Ярость вытеснила чувство страха, и со злобным рычанием я оттолкнула мать в сторону и бросилась к Касси. Он резко вскочил на ноги и, пошатываясь, попятился. На его лице заиграла ужасная заискивающая улыбка. Я остановилась, заставила себя отдышаться и стала сосредоточенно разглядывать Касси. В тот момент я впервые уловила особый запах — запах Мацу, демона. Сложно описать, что именно я почувствовала, но я точно знала, что этот особый букет резких, несочетаемых сгустков принадлежал не моему брату.

— Я обнимаю его сердце, Рэй Кеноки. Как хорошо, — говорил Мацу. — Осталось немного, и мы будем вместе навсегда. Он поймет тебя. Ты же хотела, чтобы он понял тебя?

Нет. Нет. Нет. Не так.

— Не так я этого хотела! — жалобно крикнула я.

По щекам безудержно катились слезы. Я раздраженно смахивала их, высматривая, где бы мог быть Мацу. Отказывалась верить, что он добрался до сердца моего брата.

А потом взгляд Касси изменился, и в демонической красноте глаз мелькнуло узнавание — слабой вспышкой. Но я ее заметила.

— Сестренка... пожалуйста... я не хочу.

— Касси...

— Убей меня... не позволь...

— Рэй...

Мамин голос дрогнул за моей спиной, но я не осмелилась обернуться. Подбежала к брату и успела обхватить его за плечи прежде, чем он стал вырываться. Поднесла пальцы к груди, отчего-то уверенная, что на этот раз получится, ведь он мой брат, ведь он еще там, внутри, любит меня! Я смогу!

Демон в теле Касси залился пронзительным смехом, заглушая его жалобные стоны. А я водила пальцами по его груди, чувствуя, как ногти заострились, готовые в любой момент проткнуть плоть и вытащить злобное отродье наружу. А потом ладонь обожгло. Так же, как в тот раз, когда я пыталась помочь Ситоку.

Это была пытка. Я слышала мамины мольбы, слышала Касси и насмешливые заискивания демона. Я не знала, что делать. Не знала, что будет, если позволить Мацу остаться в теле брата. Правду ли он говорил? Солются ли они навсегда и мой братишко останется запертым в собственном безвольном теле?

А если... о боги... если Касси завладеет демон, его душа уже никогда не сможет упокоиться!

Мацу все смеялся и смеялся, заглушая тоненький голос моего брата. За спиной рыдала мама. Голова стала тяжелой, гудела, молотом было в виски. Я хотела упасть на землю и закричать что было мочи, но вместо этого сильнее обхватила Касси, прижала к себе спиной и зажала ладонью нос и рот.

По сей день я помню, как забилось его тело. Мои запястья до сих пор ощущают прикосновения его длинных, уже совсем взрослых пальцев, которыми он то пытался освободиться, то сильнее прижимал мои ладони к себе, чтобы закончить все поскорее.

И голос мамы, уже больше ста лет будивший меня по ночам:

«Рэй, что же ты наделала...»

Глава 6

Минус один

Шин

Мы все шли и шли, а чертов лес не кончался. Дни за спиной обернулись непрожитой вечностью. Накопилось столько вопросов, но искать ответы не было сил. Я только и мог, что непрерывно вести сам с собой беседы и вспоминать, сколько времени прошло с тех пор, как мы забрали Рэйкен, и как выглядела дорога вдоль рисового поля к поместью Сугаши (узкая, залитая солнцем, с мохнатыми колосьями, щекотавшими руки), и воспроизводить в памяти образ Мидори... Какой она была, когда я видел ее последний раз? Блестящие черные волосы — часть она собирала в пучок на макушке, а оставшиеся пряди вольно струились по плечам почти до самого пояса; умные голубые глаза с очаровательным прищуром и глубокая ямочка на щеке. В детстве, когда она что-то ела, то непременно измазывалась и крошки прилипали к этой ямочке, а я нетерпеливо смахивал их большим пальцем и ворчал, что ей нужно учиться быть аккуратнее.

Я грустно улыбнулся, и левый глаз, разрезанный шрамом поперек, обожгло фантомной болью. Слова Коджи задели меня. «Ты же сам знаешь!»

Знаю. Но до сих пор отказываюсь верить.

Мидори менялась — теперь я понимал почему, — но я никак не мог принять это. Проще было отмахиваться, списывать ее поведение на что угодно и гнать от себя страшную правду.

Этот шрам — ее рук дело. Случилось это давно, лет пять назад. Мне исполнилось двадцать, и я по-прежнему жил по распорядку дня Такимару: работал в полях, а в свободное время тренировался, один или с Коджи. Племянник питал большую страсть к оружию. О нет, жестокость была чужда ему. Но то, как ловко обращался он с мечом, как горели его глаза, когда он отбивал удары, свидетельствовало о многом. В нем текла кровь воина. Я сам не владел должным образом таким оружием, поэтому часто к нам присоединялся мой друг Ючи, который на время нашего отсутствия брал на себя управление поместьем и делами Сугаши. Пока мы тренировались, Мидори сидела недалеке, что-то напевала и внимательно следила за нами.

Так мы и проводили наши вечера — втроем или вчетвером, — пока однажды к поместью не подошла Акира, дочь крестьянина, руководившего сборами урожая на одном из полей Сугаши. Акира была на пару лет старше Мидори, и отец давно подыскивал ей мужа, но отчего-то она противилась и коротала ночи со мной. Нет, между нами все было невинно — лишь робкие поцелуи под луной, на берегу озера. Мы часто гуляли после заката, когда Коджи и Мидори уже спали. Акира была прелестна, весела и обаятельна, и я искренне хотел воспылать к ней хоть какими-то чувствами. Каждый раз, выходя с ней на прогулку, я прислушивался к ударам сердца, но бездушная мышца оставалась глуха к моим мольбам. И все же с Акирой было приятно проводить время, и мы по-настоящему сдружились.

И вот она пришла к нам с корзинкой, доверху наполненной данго — рисовыми клецками, покрытыми анко, сладкой бобовой пастой. Миловидное круглое лицо Акиры

было озарено улыбкой. Она махнула мне, демонстрируя угощение, и я махнул рукой в ответ. Но тут же замер: темный взгляд Мидори, о котором рассказывал Коджи, пригвоздил меня к месту. Племянница сжала губы, скулы ее стали острыми. Вдруг она резко повернулась к Акире, с силой ударила по корзинке и бросилась вверх по каменной дорожке. Моя подруга взвизгнула. Я ошелепо наблюдал за тем, как ароматные клецки катятся по земле, а потом бросил колчан со стрелами и побежал за Мидори.

— Что на тебя нашло! — крикнул я, догнав племянницу на пороге дома.

Я ухватил ее за локоть и с силой развернул к себе. Мидори зашипела, забила руками в воздухе, и тут мой левый глаз обожгло. Я отшатнулся, прижимая к лицу ладонь. Пальцам стало тепло от чего-то липкого и вязкого.

— Не позволю! — кричала Мидори.

Ее волосы растрепалась, темные глаза метали молнии.

— Не позволю, слышишь! Не позволю забрать тебя у меня! Не отдам!

Тяжело дыша, я в ужасе смотрел на племянницу. Я не узнавал ее. Послышалось звяканье — Мидори что-то выбросила. Уже потом, когда она убежала, я разглядел маленький окровавленный черепок, которым она рассекла мне веко. Поднял его, несколько секунд повертел в руках и что есть мочи запустил в даль.

Конечно, мне нужно было поговорить с ней, но я, как и всегда, решил молчать. Вспомнил, как сам сидел на берегу озера в ожидании Такимару и как впервые увидел его с Андой. Я смог убедить себя, что именно этим объясняется гнев Мидори: что она ощущала то же, что и я тогда, и даже не подумал, что ее чувства ко мне были куда глубже, чем привязанность племянницы.

Но все это казалось теперь таким далеким, и с каждым часом, проведенным в мертвом мраке леса, словно стиралось из памяти, вытесняясь призрачными демоническими

сгустками и слабым свечением золотистых волос Рэйкен. Стоило мне задуматься о прошлой жизни, как в мой разум вторгался силуэт надменной белокурой ханьё.

Она следила за мной. За всеми нами. Шла, как всегда, впереди, внимательно глядя по сторонам, останавливаясь, принюхиваясь, иногда запрыгивая на ветку и что-то высматривая позади. Но я знал, что при этом она каким-то образом видит каждого из нас. И это выводило меня из себя. Что мне было известно о Рэйкен, когда я забирал ее из храма Инари? Она была Странницей — редким демоном, который заключал сделки с людьми и получал их души в обмен на какие-то дары. Я узнал о ее существовании месяца четыре назад от дедушки Кацу. Именно он поведал мне о демонах, которые могут проникать в незримые для нас миры, и рассказал, где найти ее. Дедушка наказал быть очень осторожным: по его словам, такие существа, как Рэйкен, добиваются своего не силой, а хитростью и глубоким пониманием человеческой души. Они втирались в доверие и проникали в самую суть, чтобы узнать об истинных желаниях и выменять душу человека на их осуществление. И мне было невыносимо думать, что Рэйкен все это время изучала нас и уже успела узнать секреты каждого.

А у меня против нее ничего не было. Разве что моя аура защитника, да и той я не мог ее лишить. Может быть, когда мы найдем Мидори, мне удастся сопроводить Рэйкен, куда ей будет нужно, чтобы скрыться от того призрака, и тогда...

Я помотал головой и споткнулся о корень дерева, едва слышно выругавшись. Рэйкен обернулась, и я поймал ее взгляд. Как только найдем Мидори, отправлю полукровку на все четыре стороны. Наше соглашение будет расторгнуто — вот о чем надо думать! Боги, и с чего я вообще взял, что должен заботиться о ее безопасности?

Как только я подумал об этом, подушечки пальцев закололо. Ощущение было похоже на разряд, который пронзил

меня, стоило прикоснуться к меховому плащу Рэйкен. Я живо вспомнил чувство надломленности и опустошающего одиночества, которое захлестнуло мое сознание. Снова посмотрел на Рэйкен — на гордый, статный силуэт, мерцающий передо мной, — и внезапно осознал, что, пока она копалась в моих внутренностях, я касался ее души.

Ерунда. Такого не может быть.

— Эй, красавчик, чего ты там застыл?

Я вздрогнул и в недоумении уставился на нее, но Рэйкен смотрела поверх моего плеча. За своими размышлениями я не заметил, что Кацу отстал. Он стоял к нам спиной, плечи его напряглись, а рука покосилась на ножнах.

— Кацу? — настороженно окликнул Коджи.

Рэйкен проплыла мимо нас.

— Все в порядке, — отозвался мой друг, не оборачиваясь.

— Слышишь ее? — шепнула ей Рэйкен. Тихо, но я разобрал.

Кацу кивнул.

— Я и твой голос по-прежнему слышу, но и ее тоже.

— Чей? — спросил Коджи.

— Матери. — Кацу повернулся к нам. Выглядел он взволнованным, сияние, исходящее от Рэйкен, освещало пылающие щеки. — Теперь я точно знаю, что она среди жриц. Боги милостивые...

— Как такое может быть? Почему ты слышишь их, а я нет?

Кацу поджал губы, украдкой взглянув на Рэйкен. Она пожала плечами. Я начал злиться. Когда они успели сговориться?

— Ты сразу поняла? — спросил ее Кацу.

— Догадывалась. Ты звал ее во сне.

— Да что поняла? — не унимался я.

Рэйкен вопросительно взглянула на Кацу, и он обреченно кивнул.

— Зачем Кацу пошел с тобой, хого. Он с самого начала хотел отыскать мать.

Моя челюсть отвисла. Я оглянулся, ища поддержки у Коджи. Племянник в полном недоумении таращился на Кацу. Друг устало привалился к дереву и, потупив взгляд, нервно растирал шею.

— Кацу?

— Но... она же умерла, — прошептал Коджи. — И теперь опасна для тебя.

— Мидори тоже умерла, но вы здесь, — отрезал он. — Я хочу поговорить с матерью. Я должен знать, кто напал на деревню. Это сводит меня с ума! Ты должен понять. Поэтому дальше, наверное... — Кацу посмотрел на меня и вдруг поморщился, словно от боли.

— Нет уж! Без тебя мы не пойдем...

— Шиноту, ты так и не понял? Это я выпустил Рэйкен из клетки! Из-за меня вы оказались в лесу. Я обманул тебя, но не ради минутной прихоти. Всю жизнь буду корить себя за это, но не могу задерживать...

Кацу резко переменился в лице и, схватившись за сердце, стал медленно сползать на землю, растопыренными пальцами хватая воздух. Коджи едва успел подхватить его, но внезапно отпрянул. Его голубые глаза расширились. Лицо Кацу покрыла смертельная бледность. Он таращился перед собой, безмолвно шевеля губами.

— Неужели... Рэйкен!

Но она уже наклонилась к Кацу. Сохраняя ледяное спокойствие, она принюхалась, потом внимательно осмотрела его и вдруг отпрыгнула.

— Да чтоб вас всех! — зарычала она и с размаху полоснула когтями по стволу. Острые черты исказились, рыжие глаза запылали гневом и стали еще темнее... кровавее.

— Я тоже почувствовал, — тихо сказал Коджи.

Кацу сидел на земле, раскрыв рот в безмолвном крике, и елозил пальцами по земле. Жилка на левом виске вздулась, зрачки бешено пульсировали. Мы с Коджи одновременно склонились к нему, но внезапно друг вскочил на ноги и оттолкнул нас — с такой силой, что мы разлетелись в стороны, словно шишки.

— Проклятие! — рычала Рэйкен, снова и снова полосуя кору когтями. Она заломила руки и яростно закричала: — Почему снова я!

— Внутри него демон, — прошептал Коджи, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

— Так в чем проблема? Вытащи его!

Обхватив себя руками и тяжело дыша, Рэйкен сверлила Кацу взглядом, и я все понял.

— Но как он проник в него? Мы все время были рядом! Все было нормально... А когда демон оказался внутри меня — да ты вспомни, что было!

Кацу упал на колени и зарылся пальцами в землю. Его заметно тряслось.

Рэйкен зажмурилась, потом усиленно заморгала.

— Есть такие демоны... очень искусные. Они умеют притаяться. Бесшумно проникнуть в тело и медленно красться к сердцу, — словно загипнотизированная, говорила Рэйкен. — И когда остается чуть-чуть...

— Пожалуйста...

Слабый голос Кацу заставил всех замолчать. Мы с Коджи беспомощно переглядывались. Горло мне душил крик, но голос пропал.

— Неужели мы просто оставим... — выдавил я.

Невозможно. Плевать, что сделал Кацу, я не мог лишиться его.

— Если оставим, какой-то демон из Ёми обретет молодое человеческое тело, а твой друг будет там, внутри, с безвольным разумом.

— Пожалуйста...

Кацу вскинул голову и посмотрел на Рэйкен. По его щекам струились слезы, губы дрожали и кривились. А потом он внезапно ухмыльнулся и чужим голосом прошелестел:

— Лисья полукровка.

Что-то пробурчав себе под нос, Рэйкен обошла Кацу со спины и, резко схватив за локти, прижала к себе. Он извивался и незнакомым голосом извергал неразборчивые слова.

— Держите за ноги! — приказала она, увернувшись от удара головой.

Мы схватили Кацу за лодыжки. Он брыкался и едва не заехал Коджи в грудь, но тот отчаянно завопил и прижал ногу друга к земле — так сильно, что побелели kostяшки пальцев.

— Он был верующим? — Рэйкен ухитрилась прижать руки Кацу ему к груди и обхватить за плечи.

Я держал ногу друга. В горле образовался ком, в груди сгостило волнение — ужасное предчувствие чего-то плохого и непонятного.

— Был, — глухо отозвался я. — Несколько раз пытался затащить меня на службу.

Рэйкен глубоко вздохнула и, положив ладонь на подбородок Кацу, прижалась губами к его уху:

— Все будет хорошо. Он тебя не заберет. Я помогу тебе встретиться с мамой. Я знаю, как это важно для тебя. Но ты должен мне помочь. Борись, Кацу, сопротивляйся ему, но не мне. Другого выхода нет...

Неожиданно взгляд друга прояснился, он посмотрел мне в глаза и прошептал:

— Когда-нибудь ты поймешь, Шиноту. Моя судьба... она... она та... кая... Когда-нибудь...

На мгновение во мне вспыхнула надежда, и я поверил в могущество Рэйкен. Она затянула тихую мелодию и ладонью зажала ему нос и рот. Кажется, я закричал,

а может быть, это был Коджи, а потом все вокруг словно застыло, и в мире не осталось звуков — только тихое пение Рэйкен, льющееся из едва приоткрытых губ.

Кацу перестал брыкаться и широко распахнутыми глазами смотрел в темноту. Он обхватил ладонь Рэйкен руками, и сначала я решил, что друг пытается освободиться, но внезапно осознал, что Кацу сильнее прижимает ее к себе.

Он помогал Рэйкен.

Я хотел отвернуться, убежать, лишь бы не наблюдать за этим, но уставился на Рэйкен. А она впилась диким взглядом рыжих лисьих глаз в меня. Ее лицо оставалось холодным, абсолютно ничего не выражая. Но по щекам текли слезы.

В мое сознание, кричавшее от боли за угасавшую жизнь друга, вторглось видение из другой жизни. Той, что показал странный призрак, охотившийся за Рэйкен, — про мальчика, которого она убила точно так же.

Когда тело Кацу обмякло, Рэйкен ослабила хватку. Я хотел придержать его, но вдруг она зажмурилась и, резко вскинув руку, пробила пальцами его живот.

— Нет!

Кацу неестественно выгнулся, и сквозь ее пальцы, находившиеся в теле моего мертвого друга, засочилось ослепляющее голубоватое свечение. Еще секунда — и Рэйкен вытащила руку, зарычала, затем подхватила Кацу под мышки и молниеносно скрылась за деревьями.

Я с ужасом смотрел им вслед. Кровь стучала в висках. Еще недавно мой друг, живой и невредимый, шел за мной следом, и вдруг от него не осталось ничего — лишь несколько пятен крови и борозды на земле.

— Что она сделала? — прошептал Коджи.

И в этот миг мертвый лес сотрясся от крика — такого мощного и пронзительного, что заложило уши. Так кричали люди, когда в них не было ничего, кроме боли,

и хотелось избавиться от нее, хоть немного облегчить сердце или измотать тело, чтобы не осталось сил терпеть горечь потери.

Мы с Коджи какое-то время молча смотрели в ту сторону, где исчезли Рэйкен и Кацу. Лес снова умер, и по мере того, как мое сознание прояснялось, тишина и темнота сгущались вокруг нас и сдавливали со всех сторон невидимыми силками. Первым очнулся Коджи. Без лишних слов он поднял с земли нож Кацу, заткнул его за пояс и подхватил походные мешки. Я безучастно наблюдал за его действиями.

— Мы должны уйти как можно скорее. Если Рэйкен права, осталось немного...

Я порывался сказать, что все случилось из-за нее. Понимал, что обвинения необоснованные, но мне было больно, я злился и должен был выплеснуть гнев хотя бы на кого-то. А кто мне остался? Только она и Коджи. Но я прикусил язык и поднял с земли свой мешок.

Мы медленно побрали в ту сторону, куда еще совсем недавно держали путь с Кацу. Я сосредоточенно смотрел вперед, всеми силами затворяя сознание, не позволяя чувствам обрушиться на меня. Узкие промежутки между деревьями, вековые корни под ногами — не споткнуться бы. Я следил только за дорогой, но краем уха улавливал едва слышный шорох над головой. Рэйкен шла за нами, но отчего-то не хотела спускаться.

Все правильно. Не хочу видеть тебя.

Но...

Хорошо, что ты все еще рядом.

Дурак!

Кацу, как же так!

Прошло немного времени, когда наверху раздался треск. Я лишь успел заметить отблеск светлых волос и инстинктивно бросился к дереву, чтобы подхватить ее. Наверное, она хотела спуститься, но оступилась.

Рэйкен устало посмотрела на меня снизу вверх. От мехового плаща она успела избавиться.

— Наверное, убийства отнимают много сил, — буркнул я.

— Дядя! — с упреком воскликнул Коджи.

— Да знаю, — выдохнул я и закинул руку Рэйкен к себе на плечи, а потом обнял ее за талию. В нос ударили приторно-сладкий аромат. — И почему ты так навязчиво пахнешь. Задохнуться можно. У всех демонов такой запах?

— Так пахла моя мама, — шепнула она без тени улыбки.

Перехватив настойчивый взгляд Коджи, я вздохнул, и в груди закололо. Меня захлестнула такая сильная волна противоречивых чувств, что захотелось просто упасть на землю, обхватить голову руками и закричать — так, как недавно сделала Рэйкен.

Не сейчас, твердил я себе. У меня еще будет время оплакать Кацу. Подумать о том, что случилось, узнать, зачем Рэйкен вонзила в него свои когти, и понять, что со всем этим делать. Но Коджи прав, сначала нам нужно выбраться отсюда. В кои-то веки моя способность отграживаться от реальности сыграла на руку.

Мы с племянником разделили вещи поровну и побрали дальше. Несколько раз я оглядывался в глупой надежде, что Кацу все еще жив, что он вот-вот окликнет нас и выйдет из темноты, но передо мной была лишь черная лесная стена.

Коджи шел впереди, держа наготове вакидзаси, а я следом за ним нес Рэйкен. Прислушивался к несуществующим звукам леса и ловил себя на мысли, что пытаюсь учゅять не только незримую опасность, но и ее дыхание.

— Ты получил еще один повод ненавидеть меня, — шепнула она в какой-то момент. — Тебе стало легче?

— Когда это от ненависти становилось легче?

— Когда нет сомнений, как относиться ко мне.

Все-таки какая же она гадина! Я был прав. После того как Рэйкен вытащила из меня демона, мое отношение

к ней изменилось, хотя я не понял, как именно. А она сразу все поняла.

— Прекрати изучать нас... меня.

— Это в моей природе, хого. К тому же понять твою суть несложно.

— Это как же?

— Как-нибудь потом скажу, — в ее голосе проскользнули ироничные нотки.

Мы замолчали. Коджи оглянулся на нас, натянуто улыбнувшись, и я кивнул ему. Мысли снова вернулись к Кацу.

— Мне жаль твоего друга.

Это прозвучало искренне. Я сразу поверил, что так и было на самом деле, но не смог справиться с чувствами.

— Я видел. Ты же оплакивала его.

Я почувствовал, как вспыхнуло напряжение во всем ее теле. Острые когти впились мне в шею.

— Прости, — сдался я. — Это было низко.

— Да ничего, — хмыкнула Рэйкен, убирая когти. — Я же демон, забыл? Разве меня можно таким обидеть.

Я снова тяжело вздохнул. Ее слова задели меня за живое, и стало по-настоящему стыдно.

— Кто был... там, на поляне?

— Касси. Мой брат.

Рэйкен убрала руку с моего плеча, и я поймал ее взгляд — потерянный и опустошенный.

— Он бы тебе понравился.

Сердце сжалось. В мои мысли ворвался целый вихрь вопросов, но я не успел задать ни один: Рэйкен высвободилась из моих объятий и натянуто улыбнулась.

— Спасибо, хого. Я могу идти сама.

Она догнала Коджи и что-то сказала ему. Он закивал. А я замер и растерянно смотрел им вслед, моля всех богов послать мне столько здравомыслия, сколько может уместиться в моей глупой голове.

Рэйкен

«Ты умер здесь и будешь заперт в этом чертовом лесу на века. Твоя душа не упокоится. Я не могу обещать тебе, но если представится шанс, я найду способ освободить вас. Я в долгу перед той жрицей. Перед Кеной. Она тоже жила в деревне на берегу Янтарного озера. Если увидишься с ней — передай ей мои слова».

Мне нужно было коснуться души Кацу и связать себя с ним. Чутье подсказывало, что он связан со жрицами, одна из которых сто лет назад сыграла большую роль в моей жизни, и что все это неспроста. И хотя я не понимала, как выполнить обещание, да и понадобится ли мне это в будущем, лучше было подстраховаться. Кто знает, к кому приведет эта дорога.

Но я ругала себя за слабость. За крик, вырвавшийся из груди. За то, что они его услышали. Но что мне было делать? Он мучил меня, даже не видя. Знал, что я никогда не отпущу смерть Касси, и заставил вновь пройти через этот кошмар. И, как бы то ни было, гибель Кацу тоже на моих руках.

Так он карал меня.

Единственный, перед кем я десятилетиями выворачивала душу. Единственный, кто знал меня как свои пять пальцев. Потому что я доверяла ему.

Будь я более опытной в отношениях с мужчинами, давно бы просчитала, на что они способны ради мести. Сейчас, шагая по этому треклятому лесу, я впервые задумалась: неужели у каждой потерянной любви такой исход? Он говорил, что демоны любят по-другому. Что в чувствах для них есть только черное и белое. Им не свойственны понимание и сострадание. Либо все, либо ничего.

Мальчик тихо рассказывал мне о Кацу — каким тот был, как они познакомились и как он, Коджи, бегал за ним

хвостиком в надежде узнать хоть что-то о потустороннем мире. Я слушала вполуха, но когда он внезапно спросил о моей реакции на его смерть, я отчего-то рассказала ему про Касси — тихо, чтобы хого не услышал.

Мне хотелось поговорить. Боги, как давно я ни с кем не говорила о своей семье! А Коджи могла довериться, потому что не чувствовала в нем опасности. Он был таким открытым и наивным, а еще любопытным. И я чувствовала, что несу ответственность за его неведение о своем демоническом происхождении. Но раз ту правду я еще не готова была ему рассказать, то захотела поделиться своей историей. Неравнозначный обмен, но все же. Когда придет время, мальчик должен будет верить мне.

Говорить с Коджи было легко: он слушал внимательно, понимающе кивал и дарил мне сочувственные взгляды. Хотя единственное, что он мог сделать, — это выслушать. А вот хого, я знала, пустился бы в рассуждения. И если бы на моем месте был его друг, он бы непременно попытался дать совет, обязательно попробовал бы помочь. Но я не была ему другом. Хого предстояло еще слишком много узнать об этом мире, чтобы хотя бы попытаться понять меня и мои мотивы. Сейчас он был попросту не готов. А еще я боялась откровенничать с ним, потому что слишком хорошо понимала, к чему это приведет. С первого дня его душа была для меня открытой книгой, и я знала, как в нее пробраться. Двадцать лет назад я уже держала ее в своих руках и до сих пор не отпустила.

За мной шел мужчина — упрямый и искалеченный, — и сложно представить, что когда-то он был тем самым мальчиком, который ласково вытирал слезы с моей щеки, пока я...

Великая Инари, как же так вышло?

Я видела в глубоких карих глазах смятение. Оно было похоже на трещины. Он был растерян и сам ненавидел себя за чувства, которые испытывал ко мне. Это была

не любовь и даже не симпатия — другое. Необъяснимое притяжение. Как к месту, в котором без видимых причин неотвратимо хочется оставаться. Как к диковому цветку, который нужно немедленно сорвать и дышать его ароматом, пока он не уяннет. Или как к незнакомому человеку, к которому тянет. Просто так. Без надобности.

Я и сама чувствовала это смятение и боялась, что если откроюсь ему, если расскажу о себе что-то, что пусть и не несет для меня опасности, но впустит его в мою душу, или вновь услышу сожаление в голосе — как в том извинении, когда он несколько минут назад так бережно прижимал меня к себе, помогая идти, — то сама погрязну.

Связь, которая возникает между демоном и человеком, когда первый касается души второго, опасна и непредсказуема. Наверное, даже боги не ведают, к чему она может привести.

Я невольно обхватила себя руками и на мгновение зажмурилась. Мое тело изголодалось по прикосновениям. А руки хого были такими сильными и теплыми. Не то что мои — ледышки. Интересно, а он тоже обнимал меня раньше так бережно? Странно, но я этого не помнила.

Коджи что-то произнес, и я часто заморгала.

Глупости, Рэйкен. Перестань. В мире хого и ему подобных для тебя никогда не будет места. Особенно после того, что ты сделала с его семьей.

Я резко оглянулась и поймала усталый взгляд Шинноту.

Ты чуть ли не единственная знаешь, кто он на самом деле. Тебе, полукровке, никогда не стать ему равной.

Но зачем тогда спустя целых двадцать лет именно он, брат Такимару Сугаши — хого, которому я принесла сокровище, — разыскал меня?

Внезапно в мертвом затхлом воздухе мелькнуло узнавание. Запах — едва уловимый, давно забытый, терпкий и немного пряный, как ель и корица, — я резко остановилась

и принюхалась, впившись взглядом в темноту за спиной Шиноту.

— Что не так? — спросили Коджи и хого одновременно.

Все мое существо обратилось в слух. В этом лесу кто-то был. Кто-то, помимо мертвых демонов и незримых тварей, которых он наверняка отправил следить за нами. Кто-то из моей прошлой жизни.

— Показалось, — отмахнулась я. — Скоро сделаем небольшой привал и дальше без остановок. Осталось немного.

Мы утолили жажду и перекусили у старой сосны с прогнившими корнями. Я хотела идти дальше, но, взглянув на Коджи и Шиноту, передумала. Им нужно было поспать.

Устроившись на ветке над головой хого, я внимательно смотрела по сторонам, принюхиваясь, но запаха больше не чувствовала. Кому бы он ни принадлежал, его обладатель ушел или затаился у воды.

Ну что ж. Аура у хого сильная, и пока он рядом, никто, кроме полудохлых демонов, не обнаружит нас, да и те уже сдаются. С каждым шагом я ощущала их все меньше и меньше. Значит, мы подобрались к окраине леса.

Бесшумно спрыгнув на землю, я собрала волосы в пучок, перевязала веревкой, служившей мне поясом, и села на колени рядом с хого. Он спал сидя, прислонившись спиной к дереву и скрестив руки на груди. В кулаке сверкнуло острие стрелы. Я невольно хмыкнула и наклонилась ближе, чтобы лучше рассмотреть своего защитника. Лицо у него было грубым, с высокими скулами и волевым подбородком. Щеки покрывала жесткая щетина. Во сне он хмурился, и складка между бровями, а также блеклый шрам, перечеркавший левый глаз, прибавляли ему добрых десять лет.

Ведомая звериным инстинктом, я подалась ближе и принююхалась, хотя и так уже хорошо знала его запах — что-то свежее, похожее на сено, с примесью летнего грибного дождя. Наверное, так пахли хорошие люди. А хого был хорошим — поборник справедливости, из тех, чьим разумом руководила совесть. Если бы в мире воевали за это качество, он бы смог вести за собой людей.

Глупый хого.

Может, когда-нибудь он позволит своему сердцу выбрать то, чему разум противится. Мне бы хотелось этого. Просто из вредности.

Рискуя выдать себя, я затаила дыхание и придинулась вплотную — одно неосторожное движение, и я могла бы коснуться губами его губ. И вдруг пальцы хого сомкнулись на моем локте.

— Решила сожрать меня? — буркнул он, не открывая глаз.
Мои губы дрогнули в улыбке.

— Я не ем баранье мясо.

— Ты прелесть. Из всех демонов я встретил демона с чувством юмора. — Хого приоткрыл здоровый глаз, и я отстраивалась. — Что не спишь? Или ты вообще не спишь?

— Спустилась кости размять. На ветке не очень-то удобно.

— Ложись рядом. Но если меня стошнит от твоего запаха, пеняй на себя.

Он повернулся ко мне вполоборота и снова закрыл глаза. Я села рядом, подтянула колени к груди и откинулась на ствол дерева.

— Рэйкен...

— Что?

— Мне правда жаль, что я обидел тебя. Наверное, я был неправ. Раз ты... ну... раз ты наполовину человек, значит, все чувствуешь. Ты, наверное, любила брата, а я... В общем, прости.

Сердце кувыркнулось в груди, и я стиснула зубы.

— Твой друг погиб, а ты думаешь об этом?

— О случившемся с Кацу я никогда не забуду, но ему уже ничего не могу сказать. А ты еще здесь, и что бы там ни было, я не имел права язвить на тему того... что произошло с твоим братом.

Я промолчала: боялась открыть рот, чтобы не выдать себя с потрохами. Он смутил меня. Люди никогда не проявляли ко мне сочувствия, зная, что я полукровка. Разве мое сердце может страдать так, как страдает человеческое? Но Шиноту... он... он попытался понять. Что-то заставило его посмотреть на мою боль по-другому, перенести ее на себя.

Обхватив себя руками, я закрыла глаза и постаралась дышать спокойно. Общение с людьми делало меня восприимчивой — такой, какой я была раньше, до жизни в замке. Меня удивляло, что за несколько дней с Шиноту и Коджи я становилась прежней — ведь прошло столько лет...

Нет, ничего не изменилось. Просто плащ помогал приглушить чувства. Я стала сильнее, но в душе — прежняя. Все так же вижу сны о Касси. Этот чертов дворик и его обжигающее ядовитое дыхание на моей ладони. Я все давлю и давлю, а он то ли вырывается, то ли прижимает мою руку к себе, и я уже не знаю, что правильно. Плачу и едва вижу перед собой маму. Как она схватилась за сердце и ее тонкие ноги подкосились.

«Что же ты наделала, Рэй. Что же ты наделала...»

Замолчи!

Нет! Прости... прости... Никогда не переставай говорить со мной!

— Не хотела... Я ничего этого не хотела...

— Все хорошо. Верь мне, все хорошо.

Голос Шиноту прорезал густой туман сна-воспоминания, и я ощутила легкое касание его ладони на моей щеке. Тело в одночасье напряглось, сила ринулась вверх,

к голове, и от волос отделилась прядь. Я хотела ударить его по руке, но в самый последний момент успокоилась и направила прядь к его щеке. Не знаю, как он отреагировал, — мои глаза были закрыты.

Шиноту отдернул руку и шумно вздохнул, что-то пробубнив себе под нос, а потом вдруг обнял меня за плечи и притянул к себе. Я забыла, как дышать, и, кажется, даже мое сердце перестало биться. Он неуверенно гладил меня по плечу, а я прижалась щекой к его груди, украдкой глотая слезы. Мне хотелось обнять его в ответ, может быть, забраться на колени, крепко-крепко обхватить за шею и просидеть так всю ночь. Но я лишь затаилась, не выдавая себя. Пусть думает, что я сплю. Достаточно и того, что мне было спокойно и уютно в его крепких объятиях и совсем не хотелось рисковать. Не хотелось, чтобы это прекратилось.

В конечном счете я действительно уснула. А когда открыла глаза, увидела хого и Коджи. Они сидели плечом к плечу напротив меня и о чем-то шептались. Мне было так тепло, что я снова закрыла глаза, не отдавая себе отчета в том, что нам давно пора идти дальше, и только спустя несколько минут поняла, что сижу у дерева, укрытая походным одеялом.

Сон как рукой сняло. Я вскочила на ноги, одернула одежду, поправила волосы и, наспех свернув одеяло, протянула его хого:

— Хватит извиняться.

— Ты просто дрожала во сне, — с невовкой улыбкой объяснил Коджи. — И дядя подумал, что тебе холодно...

Шиноту хмуро кивнул и, не глядя на меня, взял одеяло, заново сложил его и засунул в мешок.

— Если все выспались, идем, — сказал он и, не дожи-
даясь нашей реакции, подхватил еще один мешок и про-
шел мимо меня.

На мой вопросительный взгляд Коджи лишь пожал
плечами.

Совсем скоро растительность мертвого леса начала редеть. Тропинки между деревьями по-прежнему были узкие, но нам уже почти не приходилось прибегать к оружию, чтобы разрубить кусты дикой малины и расчистить до-
рогу или резко уходить в сторону, когда из-за темноты Коджи и хого не могли вовремя разглядеть внезапно вы-
росшее на пути дерево.

Выход был рядом, уже в нескольких часах пути.

Коджи расспросил меня о том, как я менялась, когда начала видеть демонов Ёми. Я без утайки поведала о транс-формации слуха и зрения, о том, когда у меня впервые появились когти, а сущность отца — ловкость, прыгучесть, скорость — стала и моей сущностью.

— Но с тобой может ничего этого и не произойти, пока ты остаешься при хого. — Я бросила взгляд на спину Шин-ноту и понизила голос: — У твоего дяди мощная аура. Ему даже не нужно прикладывать усилия, чтобы пользоваться дарами хого: лишь одним своим присутствием он покрывает всех вокруг. Однако если ты покинешь его, то сможешь измениться.

— Знаешь, я тут подумал... Могла Мидори уйти от нас, чтобы измениться?

Я хмыкнула, но промолчала. Надо разговорить хого. Если они с девчонкой действительно были близки, он может рассказать мне все, что нужно, чтобы понять, что творилось в голове у сестры Коджи и, главное, с кем она

общалась перед тем, как исчезнуть. Или все же погибнуть?

Демоны больше не кружили подле нас. Я учゅяла одного, но он даже не приблизился. А потом воздух изменился и в уже привычную затхлость просочились свежесть и тепло летней ночи. Я только и успела обрадоваться, что мы выходим из леса ночью, потому что еще не была готова снова встретиться с солнцем, как впереди замаячил просвет. Коджи и хого одновременно пошли быстрее и выскочили на поляну, а я замерла, не решаясь сделать последний шаг.

Стояла, держась рукой за дерево, на котором десятки лет назад провела множество дней в ожидании мамы и Касси и где познакомилась с обманщиком Мацу — чтобы ему сгинуть в желтых водах Ёми. Коджи и хого остановились на пригорке и уставились вперед, на развалины моей деревни. Они обменивались улыбками, а я с трудом дышала.

Есть ли срок у скорби и вины?

Сколько времени должно пройти, чтобы я смогла без дрожи в коленях пройти по этой земле и перестать видеть призраков?

— Что ты там застряла? — небрежно бросил хого в мою сторону. — Куда мы вышли?

Я глубоко вздохнула и поплелась к ним. Над лесом стояла ясная спокойная ночь. В глубокой синеве неба ярко сверкали звезды. Кожу ласкал легкий теплый ветер, касался щек и мягко щекотал шею.

— Деревня это, — голос дрогнул, но я даже не пыталась сделать над собой усилие. — Можно заночевать. Дома, конечно, разрушены, пыли, наверное, много. Зато никаких демонов.

— Откуда ты знаешь?

— Ты уже видел эту деревню, хого. Он тебе показал.

Шиноту не ответил. Коджи склонился над мешком и вскоре вытащил потертую круглую флягу, обернутую в холщовую ткань.

— Знал, что пригодится. — Довольно улыбнулся он, вытащил крышку и сделал глоток. А потом вытер рот ладонью, икнул и протянул дяде. — Саке!

Хого без лишних слов тоже выпил, с наслаждением выдохнул и адресовал мне вопросительный взгляд. Я молча схватила флягу и залпом опустошила половину. Боги, двадцать лет не пила ничего крепче чая! От горечи даже закашлялась. Жар разлился по телу, аж в глазах помутнело, но мне стало так тепло, что я поспешила сделать еще глоток.

— Эй, не жадничай, — усмехнулся Коджи.

— Я, старая полукровка, стою и смотрю на развалины своего дома. — Я криво улыбнулась, покосившись на него. — Еще вопросы?

— Ты права, Рэйкен. Такую неудачницу еще поискать. — Хого неуклюже похлопал меня по плечу и попытался забрать флягу, но я успела задрать руку. — Я бы на твоем месте без алкоголя даже не просыпался.

— Боюсь, такого зрелища ты бы не выдержал, неженка. — Я отпила еще и, на ходу завинчивая крышку, побрела вниз по склону в сторону деревни.

Что ж, если надо напиться, чтобы войти туда без дрожи в коленях, так тому и быть.

Надо отдать должное моим спутникам. Они не спрашивали о том, что здесь произошло, не просили об экскурсии. Просто молча шли за мной, тихо переговариваясь.

Отголоски того злополучного дня, когда я была здесь в последний раз, блеклыми вспышками маячили в голове. Успокаивающая темнота звездной ночи обманывала зрение, выхватывая из мертвой пустоты призрачные очертания людей. Пожар похоронил их, а время стерло останки в прах. И я впервые за столько лет пожалела, что

не носила обувь: так неприятно было ощущать пепел под ногами. Хотя, может, это и не пепел, а просто выгоревшая земля, навеки лишенная природной благодати, — кто разберет. Да и неважно.

Я остановилась перед первой хижиной, от которой остались лишь покосившиеся стены с огромными дырами да несколько прутьев крыши. Но сбоку была чистая земля, светлее, чем вокруг, и я предложила заночевать здесь.

— Слушай, а ты не боишься рассвета? — с деланным безразличием спросил Шиноту, разбирай спальное одеяло.

— Мне кажется, я была очень милой каргой.

— Я серьезно.

— Не боюсь. Я не могу состариться в считаные часы и день вполне способна провести на солнце без риска лишиться своей неотразимой красоты.

Шиноту ухмыльнулся и, закончив обустраивать себе спальное место, расстелил рядом еще одно одеяло. Синее — кажется, на нем раньше спал Кацу. Наверное, алкоголь все же ударил мне в голову сильнее, чем я рассчитывала, потому что желудок скрутило и на глазах выступили слезы. Вот зараза. Я незаметно сморгнула.

— Дай сюда. — Воспользовавшись моим замешательством, хого выхватил флягу и улегся. — Пусть ты старая и сентиментальная лгунья, но сейчас мне это нужно больше.

Я пожала плечами. Шиноту в два счета разделася с остатками саке, подложил руки под голову и закрыл глаза. Коджи тоже улегся. А я осторожно присела на свое новоиспеченное одеяло и по привычке огляделася по сторонам. Принюхалась. Гарь, боль, страдание — вот и все, что было здесь. Я заставила себя отмахнуться, не давать ход мыслям и наконец легла на спину.

— Какой у нас план? — спросил Шиноту. — Лес позади, и, кажется, кроме нас в этом мире никого нет. Самое время наведаться в Ёми?

Я мысленно выругалась, борясь с желанием оглушить хого и выгадать время для себя. Да не знала я, какой у нас план!

— А вы когда из храма меня забрали, куда хотели отвести?

— Обратно в поместье.

Я удивленно вскинула брови, и Коджи поспешил объяснить:

— Дедушка Кацу — ну тот священник, который нам про тебя и рассказал, — предположил, что связаться с душой Мидори проще там, где она была в последний раз.

Превосходно. Что за вечер!

— А священник разбирается, — улыбнулась я. Конечно нет! Ни черта он не разбирается. Я могу попасть в любой мир из любого темного места. — Мои силы не восстановлены — слишком долго провела без практики, а связь с местом, где в последний раз была душа Мидори, может помочь ускорить процесс. Так что да, пойдем в поместье.

Хого фыркнул, закрыв глаза, а меня кольнула совесть. Ну и пусть. Что мы будем делать в поместье Сугаши — ума не приложу. Но обязательно что-нибудь придумаю.

— Здесь пахнет Мидори, — неожиданно прошептал Коджи.

Мы с Шиноту одновременно уставились на него. Парень лежал на боку, подложив ладони под голову, и спокойно улыбался нам.

— Я сразу почувствовал. Не знаю, как объяснить... терпкость такая сильная, как у хвои. И еще... может, корица.

Напряжение в теле сошло на нет, и я расслабилась:

— Это твой запах, дуралей.

— Мы же близнецы, Рэйкен, мы пахнем одинаково. Свой запах я чувствую всегда. Ты хоть и говорила, что моя... та, другая натура может и не проявиться, пока рядом со мной дядя, но все равно я всегда отличал свой запах от других. И когда мы пришли сюда, сразу почувствовал, что... как будто мой запах усилился.

— Она была здесь? — Шиноту повернулся ко мне. — Как это возможно? Она жива?

Я нахмурилась. Запах, который так точно описал Коджи, я ощутила еще в лесу, перед последним привалом. Именно такой — терпкий и пряный, как хвоя и корица. И тоже сразу поняла, что принадлежит он кому-то другому. Не Коджи. Но мне в голову не пришло, что это могла быть Мидори.

Нет, невозможно.

Кто-то еще должен так пахнуть. Или же это он вновь играет моим сознанием.

— Я не знаю, жива ли Мидори. — Взгляд хого прожигал насеквоздь, и мне пришлось ответить: — Но все станет понятно, когда мы наведаемся в Ёми.

— Мы? — Глаза Коджи расширились в предвкушении.

— Нет, мы. — Я кивнула на хого.

Шиноту вскинул бровь.

— Придется. Можешь даже глаза завязать, смотреть тебе не обязательно. Там есть один демон, надеюсь, он поможет узнать. Но если я пойду одна, то, сам понимаешь, могу уже не вернуться.

— В аду моя защита тоже работает? — Кажется, он был потрясен.

Я свернулась на одеяле, спиной к Шиноту.

— Ты и представить не можешь, насколько сильна твоя аура.

Проснулась я глубокой ночью от необъяснимой тревоги. Шиноту и Коджи мирно сопели на своих одеялах, а вокруг стояла обманчивая тишина. Что-то происходило. Терпкое и пряное...

Да, Коджи был прав, это не его запах.

Я бесшумно поднялась и побрела по тропинке между развалинами в поисках места для хорошего обзора. У одной из хижин сохранилась крыша. Смутно припомнила, что принадлежала она Ашимару — несчастному человеку, с которого начались мои беды.

— Прочь из моей головы, — тихо рыкнула я и в два прыжка оказалась наверху.

Конструкция была хлипкой, и я ухитрилась разместиться на единственной уцелевшей балке, подпиравшей крышу. Он всегда восхищался, как при таком росте я могла оставаться легкой и грациозной.

Вот оно, мое селение, как на ладони. Одни развалины, никому не нужная, совершенно ничего не значащая часть истории. Абсолютное ничто. И кроме меня не осталось никого, кто бы помнил.

Закрыв глаза, я навострила уши. Услышала безмятежную пляску летнего ветра — высоко в небе, на недосягаемом для человека расстоянии. Я могла бы прыгнуть и поймать его ладонью. Мысленно представила спящего хого, и в ушах застучало его упрямое сердце. Ноздри уловили запах Коджи — сначала совсем слабый, едва щекочущий нос, — но вскоре он усилился и я вдруг поняла, что обладатель запаха стоит за моей спиной.

— До последнего не верила, что это ты, — услышала я шепот.

Я развернулась, едва не слетев с балки. Над разбитой верхушкой крыши, всего в нескольких сантиметрах, парило существо. Миниатюрное, облаченное в изумрудное кимоно с широким поясом, расшитым серебряным бисером. Руки были тонкими и изящными, а короткие черные волосы едва касались плеч. Все бы ничего, да вместо лица — птичья морда с аккуратным золотым клювом и большими перьями, растущими назад и доходившими до лопаток. И если бы я сразу не заметила ясные зеленые

глаза, то так бы и решила, что передо мной ёкай в своем искаженном, но истинном обличье.

— Мэйко, — вырвалось у меня.

Ну конечно, это она! Кто еще, кроме Коджи и Мидори, мог источать такой запах!

— Ты была в лесу, да?

— Была, — кивнула она, приподняв птичью маску. — Чувствовала, что ты где-то рядом, но защита... Слушай, я никогда такой ауры не встречала.

— О да! — воодушевленно прошептала я, едва сдерживая улыбку. Боги, я так рада была ее видеть, что в одночасье забыла обо всем, что случилось между нами. — Он был там, совсем рядом, мог протянуть руку и коснуться меня, но не увидел, представляешь! Просто потому, что я держала хого за руку.

Мэйко тихо рассмеялась, в зеленых глазах мелькнул задор. А я завороженно смотрела на нее — на птичью принцессу. Очерчивала взглядом изящные бледно-розовые губы, неизменный румянец на коже цвета сливок, великолепные ресницы чернее самой черной ночи и была так взволнована тем, что она парила в метре от меня, такая красивая и безмятежная, как в дни, когда еще ничего не случилось...

— Почему ты смеешься?

— Не знаю. — Мэйко пожала плечами. — Я скучала по тебе... такой легкой, что ли. Мне не хватало твоей жизни и той любви, которую ты источала ко всем, кого желала приручить. И я никогда не думала, что если мы встретимся снова, я увижу тебя прежней.

Все это Мэйко произнесла со спокойной улыбкой, но я скривилась.

— Любовь ко всем, кого я желала приручить? Такой ты меня видела?

— Конечно, Рэйкен. Все, кого ты пленила, осознавали это. Но все равно шли к тебе в руки, и я понимаю их. Я ведь

сама пошла — принцесса с могущественной кровью! Что говорить о слабых смертных!

Я хмыкнула и спрыгнула на землю. Очарование Мэйко растворилось в темноте, и в груди стало тяжело.

— Зачем ты пришла?

— А то ты не знаешь. Я тебя столько лет искала! Расскажи, что с ним случилось. С моим ребенком.

Мэйко стояла за моей спиной, и ее голос был таким жалобным, что я снова почувствовала себя виноватой. Хорошо, пусть так. Кто я такая, чтобы скрывать от нее. Молча я направилась обратно, к месту, где спали хого и Коджи.

— Не думаю, что кто-то из них готов увидеть тебя.

— Милостивый Сусаноо*, он здесь?

Я лишь кивнула и предусмотрительно выставила руку в сторону, чтобы Мэйко не вздумала лететь вперед меня.

— Наведи морок, пусть спят крепко.

Воздух заискрился, и мои руки объяло блеклыми серебряными частицами. В этих чарах ей не было равных, и теперь я была уверена, что хого и Коджи не проснутся, пока она здесь.

— Мальчик. — Мэйко прижала руки ко рту, расплываясь в широкой улыбке. В ее глазах блеснули слезы. Я кивнула ей, и она подбежала к Коджи, опустилась на колени и долго-долго рассматривала его, по-матерински бережно гладя давно не чесанные волосы, едва касаясь, водила пальцами по щекам.

— Мой мальчик. Как ты прекрасен.

Я стояла рядом со спящим хого, до боли закусив губу, и думала, стоит ли рассказать всю правду этой глупой матери. Мэйко снова коснулась волос сына, и лицо Коджи преобразила счастливая улыбка.

— Что он видит во сне?

* Бог ветра, ураганов, подземного царства, вод, сельского хозяйства и болезней. В этой истории фигурирует как бог ветра.

— Блуждающую крепость и мой народ, — мечтательно протянула Мэйко. — Когда он вернется, я...

— С чего ты взяла, что он вернется?

Улыбка исчезла с лица Мэйко:

— Разве не свой дом он ищет?

Я стиснула зубы.

— Рэйкен, я смогу защитить сына. Я же ушла от него и двадцать лет живу спокойно! В моем клане пять защитников, да и никто не способен найти Блуждающую крепость — ты сама знаешь!

— Мэйко, погоди...

— Нет, это ты погоди! — Принцесса подошла ко мне. — Можешь ненавидеть меня сколько хочешь, имеешь на это право. Но ты меня обманула, ты привела меня к нему! А я была девчонкой, которая без памяти влюбилась! И я бы до конца дней не простила себе этого, если бы не ребенок, за которого я жизнь отдам! Мне плевать, что его отец — подонок. Я смотрю на этого мальчика и не вижу в нем ничего от...

Мэйко глубоко вздохнула, и я воспользовалась моментом:

— Заткнись и послушай. Жена человека, точнее хого, которому я отдала твоего ребенка, ждала двойню. И она получила свою двойню.

Мэйко смотрела на меня, глупо хлопая глазами. А потом до нее наконец дошел смысл сказанного.

— Ты... о боги... ты смогла... но как?!

— Неважно как, Мэйко. Его сестра пропала. И судя по тому, что я знаю, она может быть у него. А ты знаешь, что бывает с детьми, которые делят одну душу. Время пришло. Вопрос только в том, кто из них.

— Коджи... — отстраненно повторила Мэйко. А потом ее лицо стало серьезным. Меня всегда поражала эта ее способность отрекаться от любых эмоций ради дела. — Что ты предлагаешь?

— Для начала найти ее. Этот хого, возможно... не знаю... возможно, он влюблен в нее и уверен, что Мидори мертва. Я ищу безопасное место, чтобы наведаться в Ёми. Ты говоришь, у тебя есть сильные защитники. Я бы хотела прогуляться туда в компании одного из них.

— А твой на что?

— Нужен кто-то более уверенный. — Я бросила взгляд на Шиноту. — И... эм... менее скептически настроенный.

— О-о-о, — понимающе протянула Мэйко. — Думаешь, он тебя ненавидит?

— Таких предвзятых дураков еще поискать.

Мэйко хмыкнула и тоже посмотрела на спящего хого, а потом натянула маску на лицо.

— Найди Блуждающую крепость. Я не знаю, где мы окажемся завтра, но мой сын, когда проснется, сможет отыскать правильный путь. А из ее стен уже отправишься, куда нужно. Ты всегда сможешь остаться у нас, Рэйкен. Я и мои люди — мы защитим тебя.

Птичья принцесса еще раз взглянула на Коджи и коснулась моего плеча.

— Рэйкен, найди нас. Я буду ждать. — А потом робко обняла меня и кивнула в сторону Шиноту: — Любит он ту Мидори или лапши тебе навешал — знать не знаю. Но сны он видит о тебе.

— Что... Зачем ты послала ему такой сон?

— Не посыпала. Просто заговорила видеть то, что ему приятно. А дальше он сам. — Мэйко прикоснулась к моей щеке. — Ты способна пленить любого, милая. Но, надеюсь, на этот раз ты делаешь это для своей души, а не для Хэджама. Ты ведь не собираешься отдавать этого хого ему?

Я вздрогнула, и это не укрылось от Мэйко. Она осуждающие покачала головой и взмыла в темное небо.

«Хэджам», — повторила я про себя имя, о котором последние двадцать лет избегала даже мыслей.

— Господин Хэджам, — задумчиво прошептала я и опустилась на свое одеяло. Хого спал на спине, обратив лицо к звездам. Он хмурился, а губы вздрагивали — то ли в попытках улыбнуться, то ли от сдерживаемых слов. И меня захлестнула тоска по жизни, в которой меня любили. По дням, в которых я обманчиво могла быть кем захочу — свободной, счастливой — и парить подобно птичьею принцессе, наслаждаясь обретенным могуществом, которое каждый день раскрывал во мне он. Настоящий отец Коджи и Мидори, господин Хэджам.

Глава 7

Хозяин замка Чироши

Рэйкен

Больше ста лет назад

Открыла я глаза будто в другой жизни. Спиной чувствовала жесткую поверхность, а на груди, наоборот, что-то теплое и мягкое. Глаза слезились словно от яркого солнца, но, поморгав, я поняла, что это всего лишь слабый свет свечи.

Сначала я испугалась, попробовала подняться, но тело пронзили боль и слабость, и я сдалась без борьбы. В тумане, наполнившем голову, замаячили картинки недавних событий, и в груди стало так тяжело, что я зажмурилась.

— Ты лежи, не дергайся, — раздался суровый женский голос.

Ко лбу приложили что-то влажное — я вздрогнула и распахнула глаза. Передо мной было широкое лицо незнакомой женщины. В тусклом свете сложно было разглядеть его, но я заметила морщины вокруг маленьких глаз и тонкие губы.

— Вот какая рыжая, — приговаривала она, протирая мой лоб полотенцем. — Кена еще утверждала, что ты — кицуунэ,

да кто ей поверил? Выглядишь как обычная девица. А когда мы тебя нашли, и вовсе отключилась. Кто бы глаза твои увидел?

Женщина криво усмехнулась, оставила полотенце у меня на лбу и села рядом.

— Я не... не кицунэ я.

— Только очнулась и сразу врешь? Хитрые вы.

— Не вру. Моя мать — смертная.

— А-а-а. Полукровка, значит. И что же ты тут забыла, а?

Имя-то у тебя есть?

— Рэй.

— Рэй, значит. Ты похожа на Рэй, да. Ни живая, ни мертвая, истинный дух*. Есть хочешь? Нет? Ну поспи тогда. Утром приду, и расскажешь. А то еле держишься.

И я даже спорить не стала.

Ни живая, ни мертвая. Наверное, так я и выглядела, и чувствовала себя в первый год на Янтарном озере. Вспомнила, как бежала на юг, от маминого взгляда, плакала, падала. Поднималась, но бежала, ни разу не остановившись. Видимо, так и упала у ворот, где меня и нашла молодая мико Кена, позвала свою мать, старушку Дороши, а та уже по доброте душевной отнесла к себе, вымыла и уложила спать.

Я уже говорила, что, несмотря на демоническую сущность, в нашем селении моего отца уважали. И к тому, что у смертной и демона родилась дочь, отнеслись спокойно. Тем более вела я себя как самый обычный ребенок, и внешность мою все восприняли как должное. А что вы хотели? Дочь кицунэ. Я была светловолосой, да еще и с рыжими глазами. Но ко мне привыкли.

Наверное, мама не подумала, что, окажись я в другом месте, буду как бельмо на глазу, а иначе зачем уговаривала меня отправиться сюда?

* Одно из значений имени Рэй — дух.

Когда я проснулась следующим утром, Дороши и Кена шептались в проходе. А я слышала все, не прилагая к этому никаких усилий.

— Я охраняю святилище от зла, мама, ты прекрасно знаешь это. Что люди подумают, если я возьму в ученицы девочку с такой... такой-то внешностью?

— Можно закрыть ей голову.

— А глаза? Ты же сама сказала, что по глазам даже ребенок поймет, кто она такая. Поди объясни, что никакой опасности нет. Да и нам-то откуда знать?

— Может, показать ее господину?

— Уж точно не его забота — разбираться с беспризорницами, — шепот Кены, до этого ровный и бесстрастный, окрасился раздражением.

— Не выгонять же ее на улицу. Девочке явно досталось. Она же совсем молоденькая...

— Не похоже. Вон какая высокая...

— Мне пятнадцать, — откликнулась я, не в силах слушать пустые препирания.

Дороши и Кена повернулись ко мне, явно смущенные тем, что я их слышала.

— И я могу уйти. Мне не нужны ни ваша помощь, ни ваше сочувствие. Тем более я не хочу, чтобы вы ссорились из-за меня. Я вам никто, и вы мне тоже. Просто позвольте отблагодарить вас за то, что не дали умереть. Если я могу что-то сделать, только скажите.

Кена потупила взгляд. Позже я убедилась, что молодая жрица была самой обычной девушкой. Она не обладала выдающейся красотой, но тогда мне, изголодавшейся по людям, показалась необыкновенно прекрасной: иссиня-черные волосы, волнами спадавшие на плечи, глубокие карие глаза и белая кожа, аккуратный курносый нос и точеный овал лица. Ростом она была ниже меня, но стройная и изящная, в алых хакама и белом кимоно, подпоясанном шелковым шнурком. Раньше я никогда

не видела мико, а теперь с легкой завистью разглядывала ее. Кена — настоящая девушка, красивая и... безопасная. Не то что я.

— Разве мы могли бросить тебя? — шепнула она, взглянув на меня исподлобья. — Мне стыдно за то, что ты услышала. Но я говорила правду...

— О, понимаю, — устало буркнула я. В груди давило, я чувствовала себя измотанной, хоть и проспала всю ночь под теплым одеялом (какое разительное отличие от ветки, на которой мне приходилось ютиться последние недели!). Не было сил оставаться вежливой. Меня даже совесть не мучила, что своим тоном я могла обидеть женщин, проявивших ко мне доброту.

Переглянувшись с матерью, Кена присела на краешек моей циновки.

— Хочешь что-то сделать — расскажи честно, как оказалась у нас глухой ночью.

— Я никому не навредила и намеренно не причинила вреда ни одному живому существу за всю свою короткую жизнь, — упрямо отозвалась я. — Моя вина лишь в этих волосах и глазах. И если вы собираетесь судить меня по внешности, то отойдите в сторону, я немедленно...

Договорить я не смогла: губы затряслись и из глаз хлынули слезы. Я спрятала лицо в ладонях, шепча сбивчивое «извините», а потом почувствовала теплые руки Кены на своих плечах. Жрица обняла меня — сначала нерешительно, а когда мое тело сотрясли рыдания, прижала к себе так, как когда-то прижимала мама.

Наверное, она обладала особым даром, а может, мое упрямство в тех словах, которые я с жаром выпалила в свою защиту, было последним, что у меня осталось. И когда все слова ушли, а слезы забрали волю, я уже не сопротивлялась.

Конечно, Кена и Дороши оставили меня у себя. Накормили сытным завтраком, помогли умыться и выстирали

отцовский костюм. Жрица предложила мне одно из своих мирских кимоно, и я приняла его — но лишь на время, пока моя одежда не высохнет. Потом Кена и Дороши принялись обсуждать, чем я могла быть им полезна и как рассказать обо мне остальным.

— Наверное, будет лучше, если ты поначалу не станешь бывать на людях, — рассуждала Кена. — Не подумай, наши жители — очень добрые и благочестивые, но, как и любые люди, они боятся неизвестного. С демонами проще. Вот, например, господин Хэджам, наш покровитель. Он никогда прямо не говорил, но все мы давно знаем, что он — ёкай. И не только из-за его глаз. Кто-то считает его добрым духом, но мне не положено так обманываться. Я умею различать ауру. Однако порядочнее господина я еще не встречала.

— А кто он?

Не сказать, что мне было очень уж интересно, но, произнося имя этого загадочного существа, Кена краснела. Мне стало любопытно, каким должен быть мужчина, чтобы жрица воспылала к нему чувствами.

— Он из замка Чироши, что в горах за Янтарным озером, — ответила Дороши. — Как стемнеет, Кена отведет тебя. Когда сидишь на берегу, в тумане можно увидеть белые башни и кажется, что до замка — полдня пути, но это иллюзия. Господин построил его очень высоко и специально сделал так, чтобы жители окрестных деревень видели его дом и знали, что он всегда рядом.

— И были бдительными? — хмыкнула я.

— Нет, что ты! — воскликнула Кена. — Я же сказала, он наш покровитель. Наведывается к нам, приносит травы для лекарств. Научил меня делать ловушки для демонов из Ёми, тамошних священников обучил защитному ремеслу.

— Значит, он демон и его вы почитаете. А я — полукровка, но меня... Будут бояться? Или презирать?

— А разве для несведущего человека есть разница в этих чувствах? — заметила Дороши, разливая ароматный чай по пиалам. — У господина Хэджама есть власть и возможность помогать нам.

— А у меня — ничего, — с грустной ухмылкой кивнула я.

Это был приговор, но я отмахивалась как могла. Ни человек, ни демон. Странно, как люди отгораживаются от неопределенного. Может, если бы я была чистокровной, то была бы лишена совести и могла наводить ужас на всех и жить свободно? Или лучше быть богатой и рогатой тварью, но зато помогать бедным крестьянам? А взамен они нарекли бы меня добрым духом, раз уж им удобнее так оправдывать тот факт, что они принимали демона, — так, что ли?

В последующие годы я часто думала об этом и неизменно злилась. Все во мне бунтовало, хотелось доказать миру, что это обман, что они сами своим отношением делали зло из меня и мне подобных. Но человек во мне с раздражающей покорностью принимал это.

Кена взяла меня в ученицы.

Тот первый день я провела в хижине, несмело выглядывая в единственное окно. Видела крестьян, снующих по тропинкам с тюками и корзинами, разглядывала женщин в блеклых косынках. Многие были очень молодыми, возрастом как Кена или чуть старше, веселые, хохочущие, заигрывающие с парнями. Все в этой деревне казались беззаботными. Никто из них даже не подозревал о полукровке, которую прятала в своем скромном жилище жрица. И, если честно, наблюдая за этими людьми, я неоднократно

спрашивала себя: а так ли нужна была эта предосторожность? Я не чувствовала опасности.

В тот же вечер Кена острогла мне волосы, которые мама некогда называла золотыми, и отдала одну из косынок Дороши — темно-синюю, под стать отцовским одеждам. Когда совсем стемнело, вечернее веселье сошло на нет, а жители деревни стали расходиться по домам, жрица вывела меня на улицу, предусмотрительно укутав в плащ с капюшоном и вручив корзинку.

— Просто не привлекай к себе внимания. Если встретим кого-то — сделай вид, что что-то нашла в стороне, и отведи взгляд. Лучше, чтобы твоих глаз пока никто не заметил.

Я послушалась. Когда мы шли по главной дороге, нам навстречу попались двое парней. Я отвернулась, а они лишь учтиво поприветствовали Кену и прошли дальше.

Жрица обещала показать мне озеро и замок господина. Пока мы шли, я украдкой рассматривала деревню. Ничего необычного. Те же хижины — одни попрочнее, из камня, другие совсем ветхие, как у Дороши, деревянные, покосившиеся, с простенькими садами и лужайками, раскидистыми ивами и незнакомыми мне кустарниками. За спиной слышались приглушенные голоса. Простая беседа соседей. Кто-то оставил повозку неразгруженной, в ней было много мешков с сеном.

На мгновение мне даже показалось, что и не было последних дней и я по-прежнему в своей деревне, такая же, как и раньше. А потом воздух переменился, стал холоднее, и я невольно застыла, уставившись на мерцающую водную гладь необыкновенного янтарного цвета. Значит, это не просто название. Озеро действительно было янтарным!

— Как твои глаза, — с улыбкой отметила Кена. — Вот же совпадение.

Подойдя к берегу, я присела на корточки и завороженно уставилась на воду. Не понимала, почему природе понадобилось создать ее такой. Вокруг озера раскинулись заросли камыша, и мохнатые стебли маячили прямо над отражением моей головы вперемежку с яркими звездами на ночном безоблачном небе.

— Если ваши люди считают этого господина духом, то, может, и меня сочтут духом этого озера? — прошептала я, осторожно касаясь воды. Мокрая, и только.

— У этого озера нет никакого духа. Просто вода, — рассмеялась Кана.

— Но ты же жрица, можешь их уверить.

Кена не ответила, и я нехотя взглянула на нее: она хмуро уставилась на меня, скрестив руки на груди.

— Я жрица, а не лгунья.

— Прости. Это была шутка.

Кена кивнула, черты ее лица смягчились.

— Смотри туда. Замок господина.

Я была так заворожена цветом воды, что даже не обратила на него внимания. На той стороне озера, за горными вершинами, застланными темной зеленью, возвышались белоснежные башни замка Чироши. И я впервые искренне обрадовалась своему новому зрению, потому что могла разглядеть куда больше, чем любой местный житель. Я видела серый кирпич и ребристую поверхность черепицы, от которой отражались звезды, очертания раскидистых кленов на вершинах гор, иллюзорно подпиравших башни. Тонкие пальцы тумана изящно переплетались с ветвями, отчего создавалось впечатление, что все это — и деревья, и верхушки замка — парит над горами.

Дороши была права: казалось, до замка рукой подать, стоит лишь перекинуть через озеро. И мне стало любопытно, какой магией обладал демон, способный создать такую иллюзию, и как на самом деле выглядели его владения.

В деревне была небольшая кумирня, а в километре — самое настоящее святилище богини плодородия Инари, покровительницы земледельцев и моего отца, кицунэ. Кена целые дни проводила в кумирне, иногда уходила в святилище или помогала в деревне, а я сидела в хижине — в компании Дороши, но чаще одна — и выполняла поручения моей новой наставницы. Кена учila меня разбираться в травах, рассказала, для чего они нужны и где что собирать. Теперь несколькоочных часов мы проводили за собирательством, а пока светило солнце, я сортировала их: избавлялась от гнилых листьев, связывала ароматные веточки сэри* в пучки и крепила на специальной веревке под потолком, тонкими ломтиками нарезала дайкон** и помещала его в маленькие соломенные чаши. Кена также научила меня незамысловатым мелодиям, которыми всегда сопровождала работу. Поначалу я только запоминала, отмалчиваясь, но со временем и сама начала петь. Мне нравился этот спокойный труд. Да и с моим обострившимся обонянием ощущать ароматы трав было волшебно. Но мне хотелось дать работу разуму — чтобы отвлечься от постоянных воспоминаний о случившемся. В первые дни при любом удобном случае я старалась расспрашивать Дороши о чем угодно — пусть говорит о соседях, о своей жизни, лишь бы говорила, а мне было что слушать.

Иногда заглядывала Кена, и я погружалась в ее мир, узнавала о работе жриц, о ритуалах и службе в храме. Она любила то, что делала. Особенно свадебные церемонии. Когда Кена рассказывала о них, ее глаза горели. Лишь одной темы она избегала — о господине.

* Петрушка.

** Редька.

Несложно догадаться, что юная жрица неровно дышала к нему, и я, конечно, каждый раз разгоралась все большим любопытством. Вот бы хоть издали увидеть его, чтобы понять, кто он такой — этот демон, пленивший служительницу храма и воздвигший такую великолепную иллюзию. Но когда наступало время сна, мысли о таинственном Хэджаме, Янтарном озере и белых башнях улетучивались, и на смену им приходили сны о Касси.

Его тяжелое предсмертное дыхание на ладони я ощущаю до сих пор.

Минуло лето, и незаметно прошла добрая часть осени. Деревья сбрасывали листву, от частых дождей дороги размыло. Я уже выходила на улицы днем, пряча голову под соломенной касой*, привыкла смотреть себе под ноги и искусно прятать глаза, если мне нужно было ответить кому-то из прохожих. Кена сделала все, чтобы оградить меня от внимания жителей деревни. Сказала, что я сирота, дочь троюродной сестры Дороши, скончавшейся от чахотки. Что после утраты матери я немного повредилась в рассудке, сторонилась людей и практически перестала говорить, предаваясь своим грустным мыслям о потере.

Так я и стала местной дурочкой.

В деревне Кену уважали и к ее рассказу отнеслись с доверием. Но иногда нет-нет да кто-то из молодых и за-сматривался на меня, словно пытаясь углядеть то, что я прятала.

Одним особенно холодным днем, перед закатом, я несла корзину с поздними яблоками к дому поварихи Саюки.

* Конусовидная плетеная шляпа.

Руки дрожали от мороза, хоть я и обернула их краями своего теплого плаща, который раздобыла для меня Дороши у одной из подруг. Корзина была большой, и я подхватила ее под дно и прижала к себе. Шляпа то и дело спадала на глаза, и я с трудом различала, куда иду. Улица была пуста. Рыбаки уже успели вернуться и сортировали рыбу дома, женщины работали внутри. И вдруг на моем пути выросли три фигуры. Я даже шаг не замедлила, думала, что пройду, как обычно, но вдруг сильная рука грубо схватила меня за локоть. Я едва не выронила корзину.

— Как там тебя, Рэй, да?

Я силилась опознать нападавшего по голосу, но от страха сердце так сильно забилось в груди, что удары отдавались в голову и путали все мысли. Что им нужно от меня?

— В деревне поговаривают, что ты одержимая.

Я сильнее прижала к себе корзину и опустила голову так низко, что подбородком уткнулась в грудь.

— Отвечай, что молчишь!

Другой мужчина, по голосу молодой, толкнул меня в плечо, и за спиной раздался смех. Я не успела отреагировать, как чья-то рука сорвала шляпу, и мои короткие светлые волосы в ту же секунду подхватил холодный ветер.

— Да ты глянь какая! Что с тобой? Чем ты болеешь?

Они стояли вокруг меня — не такие большие, как мне показалось изначально. Возможно, если бы я выпрямилась, то была бы даже выше. Но в тот момент я и не думала состязаться с ними в росте, да и вообще оказывать сопротивление. Мне было страшно. Боги, мне было так страшно, что по спине заструился пот!

И я резко бросила корзину одному под ноги и, ловко проскользнув между двумя другими, помчалась что есть мочи в сторону озера. Если надо, нырну в воду, поплычу и замерзну насмерть — так я тогда думала! — лишь бы никто не трогал меня.

Но они даже не побежали за мной. Кажется, кто-то из них что-то крикнул вслед, я услышала смех, а потом все стихло — только ветер свистел в ушах. Добежав до озера, я с трудом отдохнула. От бега стало жарко, лицо пыпало.

Я опустилась на камень и, натянув капюшон, уставилась на белоснежные башни замка Чироши. На самом деле в тот день из-за сильного тумана их почти не было видно, но я так часто рассматривала их, что знала наизусть каждую деталь.

От холодного ветра в груди кололо. Но я дышала глубоко, словно каждым вдохом напоминая себе, что все еще жива. И вместе с тем другие мысли одолевали меня — пожалуй, впервые с тех пор, как я поселилась у Кены и Дороши.

Что осталось от меня? И кем я была?

Однажды я напросилась с Кеной в храм и долго стояла на коленях перед святынищем, не смея взглянуть на статную лисью голову. Я молила Инари посмотреть на меня, молила послать хоть какой-то знак, дать весточку, что с мамой все хорошо, а я все правильно делаю. Хотела услышать, что голос Касси, который зовет меня по ночам, скоро смолкнет. Мне просто хотелось знать, что рано или поздно, если я буду смиренной, в награду получу капельку покоя. Но Инари осталась глуха к моим мольбам.

Ночами я жила в прошлом, перемещаясь из солнечного детства в день, когда убила Касси, а днем... днем меня просто не существовало. До этого момента мне казалось, что так и должно быть, что так правильно. Уж лучше пусть меня не замечают (ведь этого я желала в последние годы в родном селении!), чем боятся или снова проклинают. Но неужели я была настолько наивна, что рассчитывала провести так всю жизнь? Эти трое мужчин лишь начало. Найдутся и другие. И что потом? Снова бежать?

По янтарной поверхности озера пронеслась волна, и вода зашлась рябью.

Может, и правда утопиться, потому что — ну что я могу?

И все же я никогда всерьез не думала свести счеты с жизнью. Что-то во мне горело. Что-то жаждало оставаться на этом свете. Если все в мире взаимосвязано и ни одно существо не рождается без причины, зачем же я понадобилась ему? Мне хотелось знать.

— Я все думал, зрение меня подводит. Но нет же, вот ты снова здесь.

Слова прозвучали так неожиданно, что я вскочила на ноги и инстинктивно опустила капюшон на лицо.

Кто-то стоял передо мной. Я могла рассмотреть только полы голубого кимоно — такого длинного, что из-под него едва выглядывали белоснежные носы шелковых туфель.

Короткое столкновение с тремя мужчинами так вымотало меня, что я готова была разрыдаться и на коленях просить позволить мне уйти, но незнакомец неожиданно подошел совсем близко, сбросил капюшон с моей головы и поддел пальцем подбородок, вынуждая посмотреть на себя.

Я точно помню, что открыла рот, но возглас все же сдержала. Его глаза — невероятно яркие, хрустально-голубые, с кошачьими зрачками — излучали любопытство, смешанное с чем-то, во что я сначала не поверила и приняла за удивление. Но нет, это был восторг. Он смотрел на меня так, словно только что нашел нечто очень ему нужное, но, казалось, безвозвратно потерянное.

А я не могла отвести от него глаз, лишившись дара речи.

До этого момента я только однажды видела человека из высшего сословия. Мне было года четыре, не больше, когда в нашей деревне случайно оказался заблудившийся экипаж. Тот господин был низкорослым, с обвисшей на шее кожей, в расшитом золотыми нитями шелковом кимоно, которое обтягивало солидный живот. Взгляд его маленьких глаз был презрительным. И тогда я подумала, что именно так выглядят все знатные люди.

Услышав от Кены о господине Хэджаме, я тут же вообразила того противного человека. Но позже мне удалось хорошо разглядеть его, и то, что я увидела, противоречило моим представлениям. Он был стройным и высоким, с белоснежной кожей и румянцем на щеках. С первого взгляда лицо его казалось необычайно молодым и слишком утонченным для мужчины, но на смену этому тут же приходила мысль, что передо мной человек знатного рода, без привычной округлости щек и грубой челюсти, изящный, но вместе с тем наделенный какой-то необыкновенной мужественностью, подчеркнутой длинными темными волосами, собранными в низкий хвост блестящим красным шнуром.

Таким я увидела его впервые и таким видела всегда.

— И кто твоя мать? — спросил он, лукаво улыбнувшись.

— Моя мать... — Сердце у меня колотилось так сильно, что я даже собственных мыслей не слышала. — Человек. Если... если вы об этом.

Наверное, его позабавила моя растерянность, потому что он рассмеялся. Но этот смех не показался мне обидным.

— Ты знаешь, кто я?

— Да, господин.

Он молчал, и я решила, что мне нужно уточнить:

— Господин Хэджам, хозяин замка с белыми башнями на горе.

Он довольно кивнул и опустил руку. Мне бы следовало выразить ему почтение поклоном, но я лишь оцепенело пялилась на него, жадно поглощая взглядом великолепие господского облика. Он был демоном. Совсем не таким, как предатель Мацу и подобные ему рогатые существа из темноты. Если бы не кошачьи зрачки, я бы никогда не догадалась, что господин Хэджам не был человеком. Скорее он походил на благородного принца, отчего-то обратившего внимание на такую, как я.

— Замок Чироши. Чироши — это имя моего отца, Хэджа — мое. А вот ты кто такая?

— Рэй Кеноки, господин, — тихо сказала я. Мне стало неловко. — Просто Рэй. Я помогаю мико Кене и ее матушке в обмен на кров и еду.

— Просто Рэй, — задумчиво протянул он и прищурился, пристально разглядывая мое лицо. — Я бы хотел ближе узнать тебя, просто Рэй. Надеюсь, когда я в следующий раз навещу жителей этого прекрасного селения, ты все еще будешь здесь и мы поговорим.

Я так растерялась, что забыла, как дышать.

— У тебя прекрасные волосы, Рэй. Не стриги их больше.

На этом самый странный разговор в моей жизни закончился, и господин-демон просто ушел, одарив меня на прощание улыбкой. В последующие годы мне часто говорили, что моя улыбка — лукавая, но я никогда не придавала этому значения. А сейчас, вспоминая, как все начиналось, вдруг поняла, что Хэджам Чироши научил меня всему. Даже улыбаться.

Шин

Открыв глаза, первые минуты я растерянно всматривалась в предрассветное небо, пытаясь вспомнить, где нахожусь. Скитания по лесу, похоже, длилисьечно, и я уже привык к кромешной темноте вокруг. Первое утро на свободе показалось мне диковинным. Чернота ночного неба уступала краскам восходящего солнца, выпуская на волю розово-желтые полосы света.

Коджи тихо сопел на своем одеяле, блаженно улыбаясь. Наверное, ему снилось что-то хорошее, и я с нежностью взглянула на племянника, пытаясь вспомнить, что сам видел во сне. Одеяло Рэйкен лежало у моей головы аккуратно свернутым, а ее саму я заметил на разрушенной крыше

ближайшей хижины. Каким-то неведомым образом она ухитрилась уместить ступни на хлипкой балке. Сидела на корточках, вытянув руку к небу.

— Что ты...

Но я прикусил язык и удивленно замер. Небо пробил первый солнечный луч. Полоска света упала на ее пальцы, и она медленно сжала их в кулак. Сосредоточенность на лице сменилась улыбкой — такой детской и восторженной, что мне стало неловко, будто я случайно подсмотрел что-то.

Смущенный, я отвернулся и вытащил из мешка флягу с остатками воды, вылил немного на ладонь и умыл лицо. Мне невольно вспомнилась наша последняя ночь в лесу и ее кошмар. Рэйкен позволила обнять себя. Прижалась ко мне, как ребенок. Я знал, что она не спала, но не хотел выдавать себя. И мне... было чертовски приятно осознать, что в те минуты она нуждалась во мне.

Щеки вспыхнули, и я еще раз умылся, а потом удариł себя кулаком в грудь.

Прекрати. Так. Биться. Предатель.

Коджи с блаженным стоном вытянулся на одеяле.

— Прекрасное доброе утро! — сквозь зевок проговорил он. — Не знаю, чем пропитан этот воздух, но мне такие сны снились...

— И что же тебе снилось? — Рэйкен спрыгнула на землю и подошла к нам.

Коджи на мгновение задумался.

— Я видел какую-то крепость. Она то исчезала, то появлялась, и каждый раз, когда мне удавалось разглядеть ее, я испытывал такую радость, как будто всю жизнь искал ее. И еще там были летающие люди! Да, именно! — с энтузиазмом воскликнул Коджи в ответ на мой удивленный взгляд. — Люди-птицы в Блуждающей крепости!

— Блуждающая крепость? — переспросила Рэйкен, округлив глаза. Только сейчас я заметил в ее руке какой-то бесформенный предмет — грязный, обожженный, похожий

на деревянный бруск. — Поверить не могу, ты ее видел! Это большая удача! Мы должны найти крепость!

В рыжих глазах женщины вспыхнул азарт, хотя на долю секунды мне показалось, что это притворство. Что она задумала?

— У нас нет времени искать видения из сна, — сказал я. — Ты обещала поход в Ёми.

— Блуждающая крепость — это не видение из сна, — отрезала Рэйкен. — Это место существует, и оно — самый подходящий вариант для того, чтобы выполнить мое обещание. Ты даже не представляешь, какая удача нам улыбнулась! В крепости мощная защита, и, возможно, там живет мой единственный друг.

Поймав ее раздраженный взгляд, я стиснул зубы.

— Слушай, мне до чертиков надоело с тобой пропираться, но и вслепую следовать твоему таинственному плану я тоже больше не хочу. Мы скитаемся больше недели и ни на шаг не продвинулись в поисках Мидори. Сначала ты искала удобное место, потом уходила думать, дальше мы все вместе боялись пискнуть, лишь бы твой бывший любовник нас не нашел. Вчера мы определились: идем домой. А теперь что? Мы идем искать какую-то Блуждающую крепость! — я сорвался на крик, но у меня больше не было сил сдерживаться. — Считай меня за дурака, да плевать, какого ты обо мне мнения, но мы заключили сделку и ты должна ее выполнить! Так выполняй, черт возьми!

Рэйкен сверлила меня гневным взглядом. Зрачки стали такими большими, что казалось, глаза и вовсе почернели. Но мне было все равно. Я не желал двигаться с места, пока она не разжует очередной свой план.

— Я всего лишь пытаюсь быть осторожной, — с расстановкой ответила она, убирая руку с деревянным бруском за спину, и я опешил от того, как спокойно прозвучал ее голос. — Мы могли бы потратить пару дней и добраться

до твоего поместья, наведаться в Ёми и рас прощаться на всегда. Но когда Коджи упомянул про Блуждающую крепость, я поняла, что такой шанс упускать нельзя. Это очень безопасное место, защиты там куда больше, чем у тебя. Крепость заколдована, и найти ее может только тот, кому она приснится. Не знаю, как это работает, не спрашивай. Но раз так случилось, значит, крепость совсем рядом. Разве это не знак? Коджи сможет ее найти.

— Как? — удивился племянник.

— Просто выбери направление. — Рэйкен беззаботно пожала плечами, одарив его короткой улыбкой, и с вызовом посмотрела на меня. — Там действительно живут люди, которые умеют летать. Птичьи духи, или дети неба, не знаю уж, как правильно. Потомки Сусаноо, бога ветра. Мы пойдем куда угодно, в любую сторону. Рано или поздно крепость явится нам. Так уж она устроена. Просто доверься чутью.

«Знак. Доверься. Там куда безопаснее».

Что за черт?

Но я сдался и молча принялся собирать вещи. Когда мы с Коджи упаковали одеяла и закинули мешки на плечи, сожженную деревню целиком объяло солнце. Все это время Рэйкен хмуро смотрела на небо, прижимая к себе непонятную вещицу.

Коджи решил идти на восток, и никто не стал спорить. Казалось, наши с Рэйкен стычки его не волновали. Глаза племянника загорелись, когда он услышал о Блуждающей крепости и летающих людях, и, как только мы были готовы, он бодро зашагал вперед, напевая что-то под нос. Мы с Рэйкен шли следом, старательно игнорируя друг друга.

Мир снова ожил. Солнце было теплым и приятно грело кожу, от свежего воздуха слегка кружилась голова. Наша дорога пролегала через заброшенные поля.

Территория казалась бескрайней, без намека на жилые места, и я поймал себя на мысли, что в тот самый момент кроме нас троих никого и не было на этой земле.

Такие же мысли иногда посещали меня в поместье Сугаши. Когда рабочий день заканчивался и крестьяне расходились по домам, мне казалось, что ни одна живая душа не знает о том, что я здесь. Может, дело было в таинственной ауре хого? Такимару как-то говорил, что никто и никогда не сможет найти защитника, если тот сам не покажет дорогу к себе. Не знаю.

Через какое-то время Коджи предложил остановиться и перекусить, но я хотел как можно быстрее найти цель, поэтому мы проглотили последние куски хлеба на ходу. Еда кончилась, но Рэйкен успокоила нас, заверив, что как только мы найдем Блуждающую крепость, то получим все необходимое.

— Птичья принцесса поможет нам. Я ее знаю, — сообщила она.

— Тогда почему эта крепость явилась во сне Коджи, а не тебе? Или эта принцесса любит тебя так же сильно, как тот призрак?

Рэйкен закатила глаза.

— Мэйко, так ее зовут, не питает большой любви к призраку. Я же сказала, что в ее доме для нас безопасно.

— Мне уже действительно интересно, кто он такой и что ты у него украла, раз так сильно боишься его. Может, вот эту штуку? Кстати, что это?

Я кивнула на деревянный брускок в ее руках. Рэйкен вздрогнула и стиснула вещицу сильнее.

— Да так... нашла.

— Дай посмотреть.

— Отстань, — рыкнула она и засунула ее за пазуху. Я лишь успел заметить выжженный иероглиф. «Дух». «Рэй». — У тебя вообще нет чувства такта. Как ты живешь?

Она скрчала кислую гримасу, давая понять, что разговор окончен. Совесть кольнула меня. Буркнув тихое «прости», я решил сменить тему:

— Если хозяйка этой крепости — твоя подруга, да еще там такая защита, как ты говоришь, не задумала ли ты затаиться там, а нас послать на все четыре стороны?

— Боги, хого! Иногда мне кажется, что даже если я очень сильно захочу, ты сам уже не отвяжешься от меня.

В голосе Рэйкен послышались задорные нотки, и я невольно улыбнулся.

— Не думай о себе много, старухи меня никогда не интересовали.

— Ничего себе! Не демоны, а старухи. Ты делаешь успехи, хого.

Я едва сдержал ругань. И как она умудрялась всякий раз выворачивать мои слова!

— Только после знакомства с тобой я начал расставлять приоритеты. Наверное, с демонами смог бы смириться. Но старухи... увы, нет.

— Для тебя, хого, я могу навеки остаться молодой и красивой. — Рэйкен грациозно откинула волосы на спину, и в лучах яркого солнца они засияли пуще прежнего.

Я отвел взгляд. Заигрывать с ней даже просто от скучки — плохая идея.

— Но если серьезно, что ты собираешься делать, когда мы найдем Мидори? Если этот загадочный демон охотится за тобой, ты долго не проживешь.

— Значит, он меня прикончит.

Она сказала это бесстрастно, но почему-то я не поверил в искренность ее слов.

— Если ты не боишься смерти, зачем тогда согласилась помогать нам? Бросила бы нас, и будь что будет.

Остановившись, Рэйкен наклонилась и сорвала колосок. Коджи шел впереди, не обращая на нас внимания,

и мы сильно отстали. Не страшно, в этом поле негде потеряться. Поэтому я тоже остановился, и Рэйкен задумчиво взглянула на меня.

— Бывало ли у тебя такое, хого... Ты что-то делаешь, уверенный, что так правильно, что в этом и есть смысл твоей жизни. А потом начинаешь сомневаться, а так ли правильно это было?

— Нет, Рэйкен. Я могу долго обдумывать решение, но если принимаю его, то назад дороги нет.

Она ухмыльнулась. Внезапно потянулась ко мне и зажила колосок под край косынки, скрывавшей мои спутанные лохмы. Я вздрогнул от ее прикосновения.

— Ты — счастливый человек.

Ее грусть передалась мне. Я вспомнил видение о смерти Касси и то, как она отреагировала, когда поняла, что придется сделать с Кацу. Значит, она жалела о случившемся с братом и хотела это искупить. По крайней мере тогда я подумал именно об этом. И как можно было меня винить? Мы ничего о ней не знали, и, если бы тот призрак не показал сцену из прошлого Рэйкен, я бы и о брате ее никогда не узнал.

— Но я все равно не понимаю. Ты жалеешь о том, что сделала много лет назад. Разве это можно исправить?

— Не жалею, хого. Сомневаюсь. Верно ли разобралась в ситуации. Поэтому, отвечая на твой вопрос, почему я не бросила вас... я еще не поняла, правильно ли поступила тогда или мне стоит все исправить сейчас.

Она снова говорила загадками, но я был убежден, что большего от нее не услышу, и не стал расспрашивать ее. В конечном счете я и сам пытался исправить то, что случилось с Мидори.

— Если тебе удастся все исправить, ты сможешь жить дальше?

Рэйкен улыбнулась и покачала головой. Мы стояли так близко друг к другу, и не знаю, что на меня нашло,

но я прикоснулся ладонью к ее щеке и удивился тому, какой горячей была ее кожа.

— Тогда какой смысл раздумывать, если исход один?

— Хочу, чтобы моя жизнь что-то значила, — просто ответила она и слегка наклонила голову, плотнее прижимаясь щекой к моей руке.

— Если мы найдем Мидори, для меня твоя жизнь всегда будет что-то значить, — прошептал я. Рэйкен повернула голову и почти коснулась губами моего запястья. Я заставил дыхание. В тот момент я ужасно стыдился своих мыслей, но от этого не меньше хотел, чтобы она прикоснулась ко мне. Лицу стало жарко, от яростного стука сердца дыхание обжигало легкие. Я видел ее словно в замедленном действии. Прикрыв глаза, она приоткрыла губы, но в последний момент вдруг резко отступила, раздраженно вздохнула и побежала догонять Коджи.

А я, как дурак, еще несколько секунд стоял с вытянутой рукой и пялился на свое запястье.

До этого я часто в мыслях смеялся над теми несчастными, которые подпадали под ее обаяние и отдавали свои души. Не понимал, как можно настолько доверяться женщине-полукровке, чтобы продать свою жизнь. Что руководило ими? Но в тот момент я внезапно понял, что ничем не отличался от них. Возможно, у Рэйкен был план, возможно, она с самого начала решила привязать меня к себе и все ее рассказы о выборе были выдумкой, а она лишь хотела обеспечить себе защиту и после того, как наша сделка закончится. Я допускал это, понимая, что, скорее всего, так и было — а иначе зачем ей так вести себя со мной? — но это никак не влияло на то, что творилось сейчас внутри меня. Я помнил, кем она была, но мои глаза давно отказывались видеть ее демоническую сущность. Передо мной шла женщина, к которой я испытывал необъяснимую слабость. И было бы глупо отрицать это.

Мы шли целый день практически без остановок, и эта дорога в отличие от изнуряющей ходьбы по мертвому лесу казалась легкой. Рэйкен напоминала нам быть начеку, хотя и заверила, что днем бояться нечего. Демоны, если они и живут за границами леса, и так вряд ли найдут нас из-за моей защиты, а при свете солнца путь в наш мир им заказан. Так же, как и ее способностям проникать в другие миры, такие как Ёми.

— А как ты вообще это делаешь? — поинтересовался Коджи.

Солнце клонилось к закату, и поля вокруг накрывали яркие оранжево-лиловые тени. Дорога уходила вверх, на обширный холм.

— Сложно объяснить. Просто чувствую невидимые глазу препятствия в пустоте, хватаюсь за них и открываю дверь.

— Да уж, сложно вообразить, — согласился я.

— Если тебе интересно, могу показать как-нибудь. Раз ты защитник, можно заглянуть на ту сторону без риска, что нас обнаружат.

Я неуверенно кивнул, перехватив заинтересованный взгляд Коджи. Наверняка ему тоже хотелось попробовать, но он сдержал свой порыв, по крайней мере в моем присутствии. Мы хоть и не обсуждали внезапно открывшуюся тайну его родословной и я старался вести себя так, будто ничего не изменилось, но Коджи все равно всячески обходил болезненную для меня тему, а я, что уж лукавить, просто радовался, что не видел никаких подтверждений его потусторонней сущности.

Когда мы поднялись на холм, солнце село, и на безупречной синеве неба засверкали мириады звезд. Я смотрел вверх, объятый невероятным восторгом, даже снял косынку и подставил голову теплому ветру.

— Слышите? — воскликнул Коджи. — Нет, вы слышите? Это же флейта!

И действительно, где-то вдалеке звучала приглушенная протяжная мелодия. Я подбежал к краю холма и уставился в темноту в надежде разглядеть очертания этой загадочной Блуждающей крепости, но увидел лишь зелень, укрытую надвигающейся ночью, и разочарованно вздохнул.

— Все отлично, дядя, я чувствую, мы скоро будем на месте!

С этими словами Коджи схватил Рэйкен за руки.

— Нет, ты представляешь, это же флейта!

Они закружились на месте. Коджи смеялся, и вскоре Рэйкен тоже не выдержала и засмеялась в ответ. Я удивленно смотрел на них, а потом и сам начал ощущать легкость, подхватившую разум и тело. Моя жизнь разделилась на до и после. Кем я был? Парнем со странными волосами, не придававшим значения способностям хого, потому что просто-напросто не знал ничего о своей природе. Я ненавидел демонов, убежденный, что все беды семьи Сугаши происходили именно от них. «Во что бы то ни стало защищай детей от темноты» — эти слова сказал мне брат накануне своего исчезновения, и я запомнил их на всю жизнь, принял как истину и не впускал в свои мысли ничего больше.

Но кем я был сейчас?

На этом самом холме, объятый теплым летним ветром, под россыпью сияющих звезд, наблюдая за смеющимися и такими свободными полукровками. Один из них был ребенком, которого мне наказано защищать от темноты. А другая... Другая за считаные дни перевернула мой мир. Я не понимал, как относиться к этому, но боялся, что если пойду по пути, который предлагает она, то навсегда перестану быть просто парнем со странными волосами.

Хотел ли я этого на самом деле?

— Боги, Рэйкен, смотри! Мы летим!

Восклицание Коджи вырвало меня из раздумий. Я вытаращился на них. Держась за руки, Коджи и Рэйкен парили в полуметре над землей, восторженно оглядываясь вокруг. Ветер трепал их одежды и волосы, силуэт Рэйкен светился, и я забыл, как дышать, пораженный этой картиной.

— Это ты делаешь? — Кажется, никогда еще Коджи так широко не улыбался.

— Вряд ли, — потрясенно выдохнула Рэйкен. — Похоже, это твой талант.

От ее слов Коджи засиял и снова рассмеялся. Я подбежал к ним, но не успел ничего сделать, как они упали прямо на меня, заливаясь смехом. Коджи вскочил и с громкими возгласами понесся вниз, а я... Кажется, я начал тонуть.

— Рэйкен...

Имя вырвалось с выдохом, и впервые эти шесть букв показались мне не агрессивным, а самым нежным звучанием из всех, которые мне когда-либо приходилось слышать. Она нависала надо мной, прерывисто дыша, на губах застыла растерянная улыбка, в рыжих лисьих глазах бешено пульсировали зрачки. Я был в замешательстве и понимал, что она чувствует то же. Мы и раньше находились так близко друг к другу, но впервые эта близость стала опасной.

Сердце бешено пульсировало, разгоняя кровь с такой силой, что она стала горячей, обжигала изнутри. Заключив лицо Рэйкен в ладонях, я перевернул ее на спину и нервно облизал высохшие губы. Гладил большими пальцами ее пылающие щеки, недоумевая, как раньше не замечал этой разрушительной, поглощающей сладости, которую дарила ее кожа.

В тот момент я чувствовал, что держу в руках сокровище — опасное, непонятное, созданное существами из других миров. И даже если это сокровище не предназначалось

мне по праву, я безумно, до изнеможения, хотя бы на короткий миг хотел почувствовать, каково это — обладать им.

И я поддался. Коснулся губами ее губ, содрогнувшись от пламени, резко вспыхнувшего в сердце. Я на мгновение замер, с каким-то необъяснимым упоением чувствуя яростное биение в ее груди. Глаза Рэйкен расширились — то ли от страха, то ли от удивления, а потом она глубоко вздохнула, и я с жаром прильнул к ней, впился в губы и целовал так, как никого и никогда не хотел целовать. Она отвечала мне — неистово, даже грубо, — но в этом крылась ее звериная, дикая натура, и в тот момент я без зазрения совести принимал ее.

— Хого, — выдохнула она, разрывая поцелуй. — Остановись. Ты не готов.

Я лишь вновь потянулся к ее губам, но Рэйкен не позволила: положила холодные ладони на мою грудь и надавила. Тяжело дыша, я распахнул глаза. Она смотрела на меня с той же растерянной улыбкой, а в рыжих лисьих глазах застыла печаль.

— Как я могу быть не готов, если чувствую такое... — Я хотел описать все, что творилось со мной, но отчего-то не смог подобрать слов. Что-то во взгляде Рэйкен заставило меня отступить.

— Дело не в мимолетном утешении, хого.

Я выпустил ее из объятий и сел на землю. Тело горело от желания, руки тянулись вновь коснуться ее, но я смог обуздить свою слабость и просто сидел рядом, не в силах взглянуть на нее снова.

— Кажется, мы немного заигрались, хого, — шепнула Рэйкен, подтягивая колени к груди.

— Всего лишь поцелуй...

— Разве?

Я спрятал лицо в ладонях и сделал глубокий вдох.

— Ты ведь не из тех, кто целует женщин просто так.

— Не говори так, будто знаешь меня.

— Скажешь, что поцеловал демона ради интереса?

— Я целовал не демона...

— Боги, хого, об этом я и говорю. Ну когда же ты поймешь? — Рэйкен поднялась на ноги. Она смотрела прямо перед собой, и на ее лице застыла непривычная обида. Я тоже поднялся и неуверенно коснулся ее плеча.

— Объясни мне. Потому что я уже ни черта не понимаю.

Рэйкен слабо улыбнулась.

— Ты не можешь выбирать, кем мне быть для тебя — демоном или человеком. Но разве ты готов впустить обоих в свой мир?

— Не выставляй себя хуже, чем ты есть. Мы провели вместе неделю, и я не забыл о том, на что ты способна. И тем не менее...

Рэйкен повела плечом, сбрасывая мою руку. Я стиснул зубы, испытывая стыд за свой порыв. Тогда я не понимал всей серьезности ситуации, но согласился, что мы действительно заигрались. По крайней мере я стал забывать о том, что привело меня сюда. Я всегда помнил о Мидори, но уже давно — не как о племяннице, о которой скорбели, а как о ребенке, которого мне следовало защищать, но я провалил задание.

— Эй, спускайтесь скорее! — крикнул Коджи откуда-то снизу. — Нас уже ждут!

Глава 8

Блуждающая крепость

Рэйкен

Я оттолкнула хого, потому что разозлилась.

Но не оттого, что он никак не мог понять, что демон и человек во мне неразделимы. Какая, к черту, разница. Мне нравился этот хого, я хотела его ласки, мне было приятно его внимание и забавляла растерянность, наступавшая всякий раз после того, как он делал для меня что-то хорошее. Я даже не придавала особого значения смятению, которое он испытывал в своих чувствах ко мне. Но лежа на траве, ощущая его тело и с вожделением отвечая на поцелуй, я вдруг поняла, что готова позволить обмануться не только ему, но и себе. Если он внезапно, по глупости, решит, что полюбил меня, я ведь поверю ему. Только в отличие от него я-то знаю, кто он такой, а он... когда узнает всю правду, сразу поймет, как ошибался, и уйдет. А я снова вспомню, что для такой, как я, все давно предрешено.

Боги, какая же я дура!

Это я была не готова к случившемуся. Это я заигралась.

За десятилетия жизни с Хэджамом я разучилась быть настоящей. Все мое существование за пределами замка Чироши превратилось в одну большую игру — спланированную

и хорошо продуманную. Моими действиями руководил Хэджам, и мне до сих пор кажется, что он дирижирует за моей спиной.

Давай, влюби в себя этого хого. Приведи его ко мне.

Обмануть Хэджама было первым за долгие сто лет поступком, который я совершила для себя. Мне казалось, что в этом и заключался смысл моего существования и что медленная смерть в храме Инари — самый правильный исход: судьба давала мне время неспешно исповедаться, прийти в мыслях к началу — дню, когда я впервые увидела демона из Ёми, — а потом забраться на спину отца и просто покинуть этот мир навсегда.

Выбрав дорогу Хэджама, я отрезала себе путь к людям. Когда хого нашел меня, я решила, что дело мое не закончено и мне была дана передышка в двадцать лет ради того, чтобы вернуться к жизни и завершить начатое. Но что, если это не так?

Мы спускались по склону холма к Коджи. Пропустив хого вперед, я смотрела ему вслед, тщетно отмахиваясь от бушевавших внутри чувств.

Как же так вышло, что маленький мальчик, которого я лишь однажды увидела двадцать лет назад, стал мужчиной, способным пошатнуть мой выбор? Какого черта судьба дразнит жизнью, которую мне никогда не получить? Мужчиной, подобных которому рядом со мной никогда не будет?

Неужели это и есть мое наказание за все прошлые деяния?

Хого оглянулся, и я отвела взгляд. Ну уж нет. Исскать спасения в мужчине я больше не намерена. Ни одно живое существо не станет менять свои взгляды ради другого. Этот урок преподал мне Хэджам, и я должна помнить его до конца жизни.

Единственное, чего я хочу на самом деле, — вернуться домой. И только Хэджам способен исполнить мое желание.

Если Мидори уже у него, наверное, это знак. Видимо, тогда я ошиблась и теперь должна все исправить. А хого... я просто не имею права проникнуться к нему чувствами и разрушить свою жизнь.

Сто лет назад

Воспоминания о первой встрече с Хэджамом каждый раз приводили меня к одному и тому же вопросу: жалею ли я? И ответ всегда был один: нет. Может, он вылепил из меня не самое приятное существо, но подарил жизнь, которую я бы никогда не построила своими руками.

С той первой встречи прошло много времени. Отчего-то я не рассказала Кене и Дороши ни о господине, ни о не- приятности с теми мужчинами. Мысли о демоне с необыкновенными глазами грели меня всю зиму. Он обратил на меня внимание. Да не просто обратил, а так пристально рассматривал, словно я диковина какая-то! Тогда я подумала, что, может быть, все демоны относятся к своим уважительно, и стала воображать, каково это — жить рядом с такими, как господин.

Зима выдалась теплая, но снежная. В последнюю ночь декабря на небе уже шестнадцатый раз за мою жизнь вспыхнула необыкновенная звезда: она была больше других и горела ярко-розовым светом. Чудо. Мама говорила, что так боги отмечают рождение своих самых важных творений и мне посчастливило стать одним из них.

Какая ирония.

Но где-то глубоко в душе я верила в правдивость ее слов и все ждала, когда же мне, такой особенной, улыбнется счастье.

Итак, мне исполнилось шестнадцать зим. Мои волосы отросли до плеч, но я продолжала их прятать под косынкой, а поверх не забывала надевать касу. Одежда

моя ничем не отличалась от крестьянской — холщовое платье и плащ с изъеденной молью теплой подкладкой. Синий костюм отца я давно обернула в кусок ткани и спрятала под свою циновку. Измотанная воспоминаниями о случившемся в родном селении, я не могла заставить себя надеть его. Отец не хотел бы, чтобы его костюм носила такая дочь.

В конце зимы дочь кухарки Саюки и молодой рыбак Чио решили пожениться. Кена помогала служителю храма провести свадебную церемонию, как и положено жрице. Дороши присоединилась к соседям, и все они собирались идти к святилищу. Меня никто не просил остаться в хижине — наверное, уже привыкли, что я и так не стремилась выходить. Но в тот раз мне очень хотелось посмотреть. Хотя бы одним глазком.

Из-за угла хижины Дороши открывался отличный обзор, и я хорошо разглядела свадебную процессию. Впереди шел священник, его звали Шимамото Асугари. Ему было далеко за семьдесят, но на маленьком лице, изъеденном морщинами, так ярко светились темные глаза, что казалось, будто старость — это изъян, ошибка, а на самом деле он молод и полон сил. Шимамото-сама был одет в кипенно-белое кимоно, хотя священнику его низкого ранга не полагалось носить этот цвет, а вот эбоси, шапка на голове, и сандалии с белыми ремешками были по статусу. В руках он держал сяку — ритуальную палицу из дерева, к которой крепился небольшой кусок пергамента с информацией о предстоящей церемонии. За Шимамото-сама шла мико Кена в неизменных алых хакама и коротком белом кимоно. Ее блестящие чернильные волосы были собраны в низкий хвост и перевязаны тонкой алой лентой. Она несла высокий короб с ритуальными чашами и саке. Мама как-то рассказывала, что, когда жених и невеста войдут в храм, им предстоит пройти через церемонию

сансанкудо — поочередно выпить саке для укрепления брачных уз. Я бы так хотела посмотреть!

Невеста была красавицей — юной и румянной, может, даже моложе меня. Белое кимоно и ватабоси*, скрывавшая праздничную прическу, делали ее такой чистой и смиренной, что у меня на глазах выступили слезы. Она медленно ступала, глядя в землю, но я заметила, как уголки ее губ то и дело вздрагивали, стремясь растянуться в улыбке. Я подалась вперед, желая лучше рассмотреть жениха.

— Даже я не позволяю себе подглядывать.

Голос раздался у самого уха. Я подскочила, резко обернулась, но умудрилась совладать с собой и низко поклонилась. Хэджам предстал передо мной в теплом коричневом платье с меховой оторочкой. Из-под капюшона выглядывали смоляные пряди волос, а хрустально-голубые глаза, как и в прошлый раз, смотрели на меня с лукавым любопытством.

— Простите, я... мне неловко...

— Довольно. В конечном счете каждая молодая девушка мечтает выйти замуж, разве нет? — Хэджам улыбнулся мне.

— Не каждая, — прошептала я, пытаясь отвести от него взгляд, но тщетно. Он будто гипнотизировал меня, привязывал к себе без права переключить внимание на что-то другое.

— Не каждая? Тогда о чем же мечтает просто Рэй?

Я робко пожала плечами.

— Что ж, не буду мучить тебя. Я выбрал неудачный момент для посещения храма, поэтому собираюсь скратить время за прогулкой. Присоединишься?

Я растерянно уставилась на него, отчаянно краснея и надеясь лишь на то, что шляпа укрыла от него большую

* Большая белая шапка невесты, которая скрывает специальную очень высокую свадебную прическу.

часть моего лица. Хэджам усмехнулся и, заложив руки за спину, взял курс на озеро. Убедившись, что за нами никто не наблюдал, я побежала следом.

Хэджам оказался очень тактичным собеседником. Не нападал с личными вопросами, говорил медленно и с расстановкой — о погоде, о жизни вокруг, и любое его слово завораживало. Я пыталась поддержать разговор, но так робела, что не могла выдавить из себя и пары связных фраз, на вопросы отвечала односложно, и он быстро взял инициативу в свои руки. Хэджам верно заключил, что жилось мне непросто и что виной тому была необычная внешность.

— Странно, конечно, что выглядишь ты как обычная девочка. Кроме глаз, в тебе нет ничего от отца. Честно признаюсь, с таким даже я не сталкивался. И я понимаю людей: они боятся тебя, потому что не знают, чего ждать. Жаль, что ты не пользуешься этим. Могла бы с легкостью обернуть ситуацию в свою пользу.

— Но я не хочу, чтобы меня боялись...

— Значит, тебя устраивает твоя жизнь?

Я хмуро покачала головой.

— А что же ты ничего не меняешь?

— Как же мне изменить?.. Неужели для таких, как я, есть только одно — считаться опасными? Это ужасно...

— Чего же ты хочешь тогда?

Я задумалась и не заметила лужу на дороге. Нога провалилась, обувь тут же промокла. И вдруг Хэджам подхватил меня под локоть и развернул к себе. Я залилась краской, чувствуя, как уменьшаюсь под его пристальным взглядом.

— Не хочу выбирать между устрашением и смирением, — прошептала я. — Хочу быть обычной, повседневной частью этого мира, как... как эта лужа.

— Ты — кто угодно, Рэй Кеноки, но уж точно не лужа, — рассмеялся Хэджам и отпустил меня. — Поведай мне свою историю.

Меня бросило в жар, хотя промокшая нога начала мерзнуть. Голос господина звучал весело, но без насмешки. Наоборот, я улавливала в нем какую-то доселе неведомую мне заботу. А может, всего лишь слышала то, что хотела.

— Нет у меня истории. Мой отец не вернулся с войны, братишко погиб от руки демона, а мамино горе было настолько велико, что я не смогла остаться с ней.

На этот раз Хэджам посмотрел на меня по-другому: любопытство исчезло и на смену ему пришла суровость, отчего изящные черты лица стали грубыми и тяжелыми, а глаза сузились.

— Если не хочешь говорить правду, в следующий раз лучше молчи, — холодно процедил он.

От его слов мне стало больно. Губы задрожали, из глаз покатились слезы — пожалуй, впервые с того дня, когда я проснулась в хижине Дороши и Кены полгода назад. Хэджам присел на корточки передо мной, вытащил из-за пояса платок и промокнул им мои щеки. От слез я едва различала его лицо, но отчего-то знала, что он по-прежнему недоволен. И тогда я поведала ему все, начиная с первой ночи, когда отправилась гулять и увидела демона в темноте, и заканчивая убийством Касси. Я плакала и говорила, говорила, пока не сказала все.

Когда я замолчала, мы уже стояли на берегу Янтарного озера. Я вытирала глаза платком Хэджама, смотрела на заснеженную поверхность, потому что боялась взглянуть на него, и внезапно почувствовала, что мне стало легче. Наверное, даже демонам иногда стоит выговориться.

— Плут Мацу обманул тебя, мне очень жаль, — наконец сказал Хэджам. Я всхлипнула. — Я встречал полукровок, способных общаться с темнотой. И долго размышлял, почему одни наделены этим даром, а другим он чужд. Даже мне, чистокровному демону с именитой родословной, недоступно такое умение.

Я перестала плакать и, затаив дыхание, уставилась на него, но Хэджам не спешил продолжать. Он задумчиво смотрел на тонкий покров пушистого снега, укрывший замерзшую янтарную воду, и я увидела сплетение хрупких полупрозрачных нитей вокруг его головы. Моргнула несколько раз, прогоняя видение.

— Вы пытаетесь придумать ответ? Говорите как есть. Я пойму.

Не знаю, почему я решила, что Хэджам хотел совратить. Просто вырвалось, я даже обдумать не успела. Он медленно повернулся ко мне и удивленно вскинул брови. Открыл было рот, чтобы ответить, но потом как будто передумал, неопределенно качнул головой и улыбнулся:

— В чем же твой секрет, Рэй Кеноки?

Я смущенно отвела взгляд, а он кротко рассмеялся.

— Хорошо. К чему же я пришел в своих размышлениях? Свет и тьма — две неразделимые части нашего мира. Люди приходят, чтобы поддерживать свет, а демоны — чтобы охранять темноту. Все просто. Это баланс. Необходимые элементы мира, такие же важные, как солнце и луна. Но когда связь между светом и темнотой истончается, боги посыпают на землю полукровок, способных дотянуться как до света, так и до темноты. Клейкое вещество. В народе мы называем их Странниками.

— Не понимаю. Какой прок миру от существа, которое может видеть демонов из Ёми? В чем же здесь баланс?

Хэджам вытянул руку в сторону озера:

— В полукровках сила просыпается не сразу. Кто-то с рождения владеет ею, а кому-то, как тебе, нужен стимул, чтобы пробудить силу. Эти паршивцы, они, только и ждут, как бы пролезть в душу к таким неокрепшим созданиям. Держать контакт с полукровкой для них — единственный шанс общаться с миром, в котором не выжить самим. Но чем сильнее ты становишься, тем меньше обращаешь

на них внимание. А потом твоя сила и вовсе заставит их отступить. Они — трусы. Но ты права, просто видеть демонов — это ничего не значит для Странника.

— А все полукровки — Странники?

— О нет, совсем нет! Странники уникальны, и в природе их очень и очень мало.

— А почему вы решили, что я — Странница?

— Если позволишь, я расскажу тебе об этом в следующий раз. — Хэджам одарил меня теплой улыбкой и добавил: — Общаться с темнотой — значит чувствовать ее, касаться, управлять ею. — Он едва заметно шевельнул пальцами — и пушистые хлопья снега медленно поднялись с поверхности озера.

Сердце забилось чаще. Наверное, от восторга мои глаза так округлились, что Хэджам рассмеялся.

— Ты еще совсем ребенок. Сколько тебе лет?

— Недавно исполнилось шестнадцать, — произнесла я, наблюдая за танцующими над озером снежинками. — А я смогу так?

— Воздух — это моя стихия. Но если захочешь, ты сможешь больше. Рэй, посмотри на меня.

Хэджам опустил руку — снежинки упали, и я нехотя подчинилась.

— Ты видела розовую звезду на небе?

— Да, в эту ночь я и родилась.

И снова он взглянул на меня так же, как смотрел в первую нашу встречу, — восторженно! Наверное, под стать тому, как я только что глядела на парящий снег. Как на самое настоящее чудо!

— О, господин Хэджам, вы здесь!

Голос Кены грубо ворвался в наше таинство. Пусть я не понимала, чем так поразила этого демона, но мне хотелось, чтобы он никогда не прекращал смотреть на меня так, заставлять чувствовать себя особенной, будто я — самое важное существо в этом мире.

— Это Рэй — дочка моей троюродной тетки. Я все забывала вам... — испуганно затараторила Кена, но Хэджам жестом руки велел ей молчать.

— Благодарю вас, но мы уже познакомились. Берегите ее, она — сокровище.

Я залилась краской, игнорируя взгляд Кены. После ухода Хэджама она осторожно расспросила меня о том, как мы познакомились и о чем говорили, но я отделалась общими фразами: сказала, что подсматривала за церемонией, и попросила прощения за проступок, а он предложил пойти к озеру.

В последующие пару месяцев Хэджам несколько раз посещал нашу деревню, но мы не виделись. Если раньше Кена во всеуслышание объявляла о его приходе, то после того дня перестала произносить при мне имя господина.

В день, который определил мою дальнейшую судьбу, на дорогах все еще лежал снег, хотя мартовское солнце всеми силами боролось с застоявшейся зимой и нещадно грело руки и щеки. Закончив с поручениями Дороши, я закуталась в плащ и побрела к храму. Дорога была тяжелой: я все время оступалась, пытаясь обойти или перепрыгнуть сугробы, ноги промокли сразу, а ветер настырно дергал за капюшон. Когда вдалеке показались загнутые концы красных торий, солнце почти село, а в ушах, раскаленных от мороза, так сильно стреляло, что я жмурилась, едва не вскрикивая.

Каждый раз, подходя к храму, я надолго замирала и внимательно осматривала его. Вглядывалась в каменные глаза кицунэ, стороживших двери по обе стороны, пересчитывала ступени, смотрела, не облупилась ли краска

на фасаде. Глупо, но мне казалось, что если я буду с таким вниманием относиться к святыне Инари, может быть, рано или поздно богиня ответит мне.

Какой же наивной и глупой я была. Правильно Хэджам говорил: «Ребенок».

— Эй, слабоумная!

Я вмиг оцепенела. Больные уши в одно мгновение перестали волновать меня, слух обострился до предела, подмечая каждый шорох, каждый вздох. Их было пятеро или шестеро. Стояли за моей спиной. Запахов я не различила, потому что в деревне все пахли одинаково. Но это точно был кто-то из местных. Выследили меня.

Тело затряслось, но я несколько раз сжала и разжала пальцы и выпустила когти. Я не хотела нападать, молилась, чтобы они ушли, но если случится другое, буду готова.

И снова останешься бездомной.

— Оглохла, что ли? А ну иди сюда!

— Пожалуйста, оставьте меня. Я помолюсь и уйду, — жалобно прошептала я.

— Что ты там бормочешь! Сюда иди!

В спину ударило что-то очень тяжелое. Я вскрикнула и, упав на колени, заплакала. Инстинктивно съежилась, закрыла голову руками и приготовилась к худшему.

Посыпался задорный смех, и на снегу захрустели шаги.

— Даген, да оставим ее, ну!

— Да это из-за нее рыба передохла. Мы только поговорим и попросим свалить из нашей деревни.

— Вот-вот! Видел Кену? Как эта девка появилась, наша мико сама не своя.

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, — скулила я, сильнее прижимаясь к земле.

Они были совсем близко. Я боялась открыть глаза и лишь чувствовала свое тяжелое дыхание и дрожь земли от их шагов. Кто-то пнул меня в плечо, но я дернулась

и носок угодил в щеку. Один из них грубо схватил меня и рывком поднял на ноги. Слезы застилали глаза, и было так страшно, что я с трудом различала очертания лиц.

— Кто ты такая, отвечай! И что тебе нужно от Кены!
Ничего, ничего не нужно!

Я хотела кричать, но слова застряли в горле.

И вдруг налетел ледяной ветер. Он ударили меня по щекам и ослепил на мгновение. Руки отпустили меня, но я еще больше съежилась. А потом кто-то вдруг схватил меня за плечи и встряхнул. Я мотала головой, а незнакомец все тряс и тряс меня.

— Рэй! Посмотри на меня! Немедленно посмотри!

Голос показался знакомым, и, всхлипывая, я разлепила глаза. Хэджам. Черные волосы зловеще развевались за его спиной, взгляд был сосредоточен и сердит.

— Ты пострадала? Тебя ударили?

Я замотала головой и невольно поморщилась: щека, в которую случайно угодил носок дзори*, болезненно пульсировала. Хэджам коснулся пальцами ушибленного места.

— Пойдем, я отведу тебя домой.

— Нет... не вернусь.

— Не глупи, — отрезал он. — Эти низкие людишки больше не тронут тебя. Можешь быть спокойна.

Я упрямо покачала головой. Хэджам смотрел так пронзительно и в голубых глазах плескалось столько непонятных мне чувств, что стало страшно. И вдруг черты его утонченного лица смягчились, он наклонился, и теперь наши лица были на одном уровне.

— И что мне с тобой делать, Рэй Кеноки? Ну скажи, что?

Затаив дыхание, я испуганно таращилась на него. Хэджам обреченно вдохнул и выпрямился.

* Плоские сандалии без каблука.

— Если я тебя заберу, то уже не смогу отпустить, понимаешь? Нет, Рэй, ты должна это понимать. Твоя жизнь среди людей закончится. Скажи мне. Скажи, что поняла.

— Поняла, — поспешила кивнула я, хотя, конечно же, ничего не поняла.

Я тебя заберу. С собой!

Жить рядом с Хэджамом. Может, даже в его замке, среди таких же, как я. Разве можно было хотеть чего-то другого?

Я лишь успела скосить взгляд на храм и мысленно шепнуть каменным статуям кицунэ спасибо, когда он прижал меня к себе и взмыл в темное небо.

Сердце ушло в пятки. Тот полет я не забуду никогда!

Бескрайнее глубокое небо приняло нас как родных. Вороные волосы Хэджама цеплялись за черные тучи, расекали их, словно катаны*, а я с дрожью сжимала его одедды, боясь даже пискнуть. Хотя хотелось мне кричать! Нет, визжать от восторга, вытянуть руку и пропустить сквозь пальцы небесное полотно, усыпанное мириадами звезд.

Украдкой я поглядывала на него, любовалась сдержанной, умиротворенной улыбкой на бледном лице и радовалась (радовалась!) как никогда в жизни. Вот же оно, счастье! Вот моя награда...

А потом, когда земля превратилась в блеклое пятно, Хэджам стал меняться. Вытянулся, стал больше, жилистые руки потемнели и вдруг покрылись жесткими темными перьями. Голубые глаза ослепили меня внезапной вспышкой, я зажмурилась, а когда вновь посмотрела на него, увидела два рубина — блестящие, красные и воинственные. Черты его благородного лица еще больше заострились, и на щеках — там, где у простолюдинов щетина, — выступили острые, словно клинья, перья.

* Длинный японский меч.

Шин

Сейчас

Коджи был прав: спустя день пути Блуждающая крепость наконец явилась нам. И от увиденного я забыл обо всем на свете, даже о поцелуе с Рэйкен.

Это был огромный круглый дом со множеством этажей. Я взялся было считать, но вскоре бросил и прикрыл глаза рукой, ослепленный огнями, светившими из каждого окна. Из-за этого света контуры «дома» расплывались, и я не мог понять, насколько он широкий и на чем вообще держится эта конструкция. Впервые я видел такое высокое сооружение, даже не знал, что подобные существуют! Вокруг «дома» высился забор из бледно-розового кирпича, со смотровыми башнями, в которых стояли... птицы? Зрение меня подводило или фантазия, напитанная приключениями в темном лесу, разыгралась, но я и вправду принял этих существ за исполинских птиц — с человеческими телами и огромными темными крыльями. Нет, бред... Мотнув головой, я поспешил прямиком к железным воротам, у которых стояли две фигуры.

Рэйкен окликнула Коджи, догнала его и, что-то шепнув, пошла вперед. Племянник кивнул и оглянулся.

— Что такое? — спросил я, поравнявшись с Коджи.

— Сказала, чтоб мы шли медленнее. Хочет сначала с ними переговорить.

Мы сбавили шаг. Я пристально наблюдал за Рэйкен, силясь разглядеть встречающих, но в свете огней их силуэты тоже расплывались, зато волосы нашей спутницы засияли ярче. Она остановилась перед ними, и одна из фигур вдруг бросилась ей на шею.

— Мэйко, ну что ты делаешь! — воскликнула Рэйкен.

— Рада тебе, угрюмая лиса!

Значит, та самая Мэйко. Ее друг.

Когда до ворот оставались считаные шаги, зрение наконец сфокусировалось и я увидел их. Женщина, которая так обрадовалась Рэйкен, выглядела очень молодой и подетски милой. Ее улыбка излучала тепло, жесты и осанка выдавали благородное воспитание, а кимоно из изумрудного шелка свидетельствовало о состоятельности. Хотя кто их, этих демонов, знает, какие у них деньги. Рядом с ней стоял хмурый мужчина. Высокий, с меня ростом и хорошо сложенный, в хаори на голое тело и темных хакама. Голову обматывала ярко-красная косынка, на квадратном лице, от левого глаза до правого края губы, растянулся бледный шрам, а на лбу светился иероглиф — символ бога ветра Сусаноо.

— А вот и вы! — воскликнула женщина, заставив меня оторвать взгляд от светящегося знака и посмотреть на нее.

— Хого, это Мэйко. Мэйко, это Шиноту Кеноки и его племянник Коджи, — бесцветно сообщила Рэйкен.

Кеноки? Я адресовал ей вопросительный взгляд, но она лишь коротко кивнула в мою сторону. Ну хорошо. Тебе виднее, почему я вдруг из Сугаши стал Кеноки.

— Так рада вам, так рада, — сияла Мэйко. Наградив меня блистательной улыбкой, она теперь все внимание обратила к Коджи, схватив его за руку. — Очень-очень рада!

Коджи глупо улыбался, растерянно хлопая глазами, и тряс ее руку в ответ, явно сбитый с толку такой формой приветствия.

— Мэйко! — одернула Рэйкен. Миниатюрная женщина вздрогнула и отпустила Коджи. — Может, представишь нас?

Мэйко и Коджи сначала смотрели друг на друга, потом одновременно прижали руки к бедрам и поклонились, чуть не ударившись головами. Рэйкен презрительно фыркнула и взглянула на спутника принцессы.

— Зовите меня Рэйкен, — ее голос внезапно смягчился. Она учтиво поклонилась ему. Не так низко, как Мэйко и Коджи, но и на том спасибо: я вообще не подозревал, что она способна оказывать кому-либо почтение.

— Я Нобу Шимакоту, — мужчина ответил на ее приветствие таким же поклоном. И я, встав рядом с Рэйкен, поклонился ему. — А вы, Шиноту Кеноки, из моего рода будете? Я тоже хого.

Ну конечно, мог бы и сам догадаться. Кто еще обворачивает голову косынкой? Вот ведь удивительно, я впервые встретил себе подобного не из семьи Сугаши.

— А что это за отметина у вас на лбу?

— Сила ками*. Чем больше таких отметин, тем могущественнее сущность хого. Как видите, я не на высоте, — усмехнулся Нобу, скрещивая руки на груди.

— Это ничего. У меня и вовсе нет ни одной, — хмыкнул я и вдруг поймал взгляд Рэйкен, но она тут же заинтересовалась кирпичным забором. Вот же лгунья. А говорила, что моя сила большая. Если моя большая, то насколько силен Нобу Шимакоту со своей единственной отметиной?

— Мой дорогой, тебе еще столько предстоит узнать! — прощебетала Мэйко. — Но давайте отложим разговоры. Опасно столько времени держать ворота открытыми. Проходите, вам нужно отдохнуть.

Она потащила Коджи вперед. Суровый Нобу направился следом. Рэйкен дернула меня за рукав:

— Задержись, — шепнула она.

Сердце предательски ухнуло, и мной овладело дикое желание прикоснуться к ней.

Успокойся.

Я остановился и озадаченно посмотрел на нее.

— Никому не говори, что ты Сугаши. И предупреди Коджи. Я доверяю Мэйко, но об остальных ничего не знаю.

* Божества.

— Почему? Что в моей фамилии такого?

— Твой род считается легендой в кругах хого. Сильнейший род защитников.

Я скептически вскинул бровь.

— Ты же слышала этого Нобу, у меня ни одного знака даже нет.

— Пожалуйста, просто помалкивай. Никому не нужно знать, что ты здесь. Ни тому, кто тебя окружает, ни тому, кто приснится тебе.

— Приснится? — Вот теперь я встревожился. Я уже привык к тому, что она никогда ничего не договаривала, да и не стремился лезть в ее тайны — хватило того, что Коджи и Мидори оказались полукровками. Но Рэйкен выглядела по-настоящему взволнованной, словно и вправду говорила о чем-то очень важном.

— Мэйко и ее клан — они... как бы это сказать... они сновидцы, что ли. Шаманят всякое, могут общаться с людьми во снах, насылают морок. — Рэйкен медленно пошла вперед, и я следом. — Поэтому просто будь осторожен.

— Ничего не понял, но сделаю, как ты сказала. Как всегда.

Уголки ее губ дрогнули. Не выдержав, я взял ее за руку и нежно сжал холодные пальцы. Она вздрогнула, но не оттолкнула.

— Просто скажи, кто такой этот Кеноки?

— Так звали моего отца.

— Ого, значит, ты Рэйкен Кеноки?

— Рэй. Мое имя при рождении просто Рэй, — едва слышно шепнула она, задумчиво глядя на наши руки.

Рэй.

Какая ирония. Ее имя означало «дух». Ни живая, ни мертвая. Не человек, но и не демон. Хоть и упорно доказывает обратное.

— Это все обман, — внезапно сказала она, сжимая мою ладонь. А потом резко высвободила руку и прошла внутрь.

Нобу подождал, пока мы с Рэйкен войдем, и плотно закрыл ворота. Затем выудил из потайного кармана хаори несколько светлых полосок бумаги с незнакомыми мне символами, что-то прошептал себе под нос и бросил их на ворота: те блекло засветились и приклеились к деревянной поверхности. Офуда с защитными заклинаниями.

— Если бы я был хого другого ранга, не пришлось бы пользоваться этими амулетами, — хмыкнул Нобу, перехватив мой взгляд.

— Как это?

— Опытные защитники с несколькими отметинами одной лишь силой мысли могут возводить защитные барьеры. Есть одна легенда о хого из рода Сугаши, который воевал за императора несколько столетий назад. Поговаривали, что, когда войско остановилось заночевать в лесу, противник подошел так близко, что к утру их бы всех перебили. Но воины вовремя заметили опасность, и хого мгновенно укрыл все войско своей защитой. А противник еще сутки ходил вокруг, пытаясь обнаружить их, пока воины императора под защитой хого двигались дальше. Круто, да?

Лицо Нобу осветил детский восторг, и я невольно улыбнулся. Легенды о роде Сугаши. А если это правда? Если мой род действительно так силен, как утверждает Рэйкен и как рассказывает Нобу, куда же делась эта сила? И могла ли она исчезнуть, потому что всю сознательную жизнь я игнорировал ее?

Эти вопросы впервые зароились в моей голове, но я даже обдумать их как следует не смог, потому что увидел, что из себя представляет Блуждающая крепость изнутри. И просто открыл рот.

То, что с вершины холма я принял за круглый многоэтажный дом, оказалось множеством домов, больших и маленьких, соединенных между собой всевозможными

крышами и переходами, вверх и в стороны. Их фасады были цветными, но не пестрыми, окна маленькими, с тонкими рамами, и, я уверен, в дневное время помещения заливал солнечный свет. От ворот и вверх тянулась вымощенная темным камнем широкая дорога, светившаяся изнутри так, словно звезды были частью конструкции. Мы с Нобу шли вслед за остальными, и, когда оказались на середине, я взглянул вниз: под нами искрилось озеро с волшебной, абсолютно лазурной водой и свечение, доходившее до камней под ногами, поднималось со дна.

— Вода пригодна для питья, — бросила через плечо Мэйко. — Но купаться не советую: от блеска потом не отмоешься.

Коджи хихикнул, и я улыбнулся. Рэйкен бросила на меня короткий взгляд из-за плеча. Свечение воды питало не только камни под ногами, но даже ее волосы: они стелились по земле и казались продолжением этого моста. Все вокруг выглядело таким красивым! Я любил поместье Сугаши, считал, что безопаснее, светлее и умиротвореннее места во всей стране не найти. Но Блуждающая крепость с ее лабиринтом построек, залитая пьянящей благоухающей темнотой, будоражила воображение, манила. Все вокруг меня было пропитано магией — магией, которую я отрицал двадцать семь лет, но частью которой вдруг впервые захотел стать.

Мы поднялись по мосту и оказались на небольшой площади, окруженной постройками из красного камня с раздвижными сёдзи и большими арочными окнами. По периметру парили желтые бумажные фонари, питаемые неведомой силой.

— Завтра праздник в честь Сусаноо, нашего покровителя, — торжественно прошептала Мэйко. — Поэтому сегодня все легли спать пораньше. Кроме самых стойких. Пойдемте. Вы, верно, устали и проголодались с дороги. Ужин уже ждет.

Мэйко распахнула двери слева от нас. Мы оказались на пороге тускло освещенного зала под пристальными взглядами...

— Птицы? — выдохнул Коджи едва слышно.

Я часто заморгал, не веря глазам. В нос ударили аппетитные запахи — и на мгновение у меня закружилась голова. В последние дни мы толком не ели, и рот наполнился слюной. Я даже подумал, что от голода у меня начались галлюцинации.

Но нет же. Вот они сидели за столом, с мужскими и женскими телами, в одеждах — простых, как у меня и Нобу, или ярких цветастых кимоно, — с блестящими волосами и... птичьими лицами. Боги, что же это?..

Мэйко заливисто рассмеялась.

— Ну полно пугать наших гостей! Тэйго Махуна, прекратите маскарад.

Тот, кто сидел ближе всех ко входу, поднес руку — обычную человеческую руку — к голове и... С моих губ сорвался нервный смешок. Да это же маска! Вот все они сняли их, и я смог разглядеть самые обычные лица. Тот, кого Мэйко назвала Тэйго Махуна, тоже оказался защитником. В тусклом свете на его щеках мерцали знаки божеств — Сусаноо, бога ветра, как у Нобу, и еще один — отметина Аматэрасу, богини солнца, а могучую шею обвивала черная татуировка — замысловатая лиана из листьев. По обе стороны от него сидели до боли похожие друг на друга девушки: с блестящими черными волосами, в ярких розовых кимоно, но у одной из них была рассечена губа — от носа до подбородка. Напротив них расположились двое мужчин. Один, наверное, мог быть ровесником Такимару. В его темных волосах проглядывала седина, а на лбу залегли глубокие морщины, словно от частого недовольства или сомнений. Второй же был гораздо моложе, с глубокими темными глазами, подозрительно изучавшими нас, с блестящими серьгами-стрелами

в ушах и вороными волосами, заплетенными в толстую косу. Как я потом узнал, звали его Хэру, и он был родным братом покойной бабушки Мэйко. Никогда не перестану удивляться тому, что годы не властны над внешностью этих отродий.

В центре зала на татами стоял большой низкий стол — узкий и вытянутый, в окружении цветных шелковых подушек. Мэйко представила нас и пригласила занять места. Я опустился на колени рядом с Хэру, лицом ко входу, Коджи сел напротив. Одна Рэйкен осталась стоять у дверей — на вид спокойная, но рыжие глаза метали тревожные молнии.

— Что привело вас к нам? — спросил Тэйго, обращаясь ко мне.

— Полно, дорогой, — мягко сказала Мэйко. — Дай гостям утолить голод. Разговоры подождут. — И тут же шепнула Коджи: — Попробуй тофу, наш шокунин^{*} добавляет к нему соевый соус и пряности.

Племянник расплылся в глупой улыбке и потянулся палочками к тарелке.

— Нам нужно безопасное место, чтобы... — я вдруг запнулся. То, что Рэйкен может проходить в другие миры — это нормально для демонов?

— Моя сестра погибла, — подхватил Коджи, поднося палочки с кусочком тофу к носу. Он глубоко вдохнул и снова улыбнулся. — И нам нужно выяснить обстоятельства ее смерти. Мы обратились за помощью к Рэйкен. Она... — племянник оглянулся на нее, и Рэйкен кивнула, — она — Странница. Вы же... вы знали?

— Как же, Странница.

Рядом с Рэйкен возник мужчина — совсем старик, лицо в морщинах и шрамах, почти лысый, с перекошенной челюстью. Он гневно глядел на нее. Скрестив руки на груди, Рэйкен вскинула бровь.

* Мастер своего дела.

— До последнего не верил, Мэйко, что ты пустишь ее сюда, — выплюнул мужчина и, презрительно оглядел нашу спутницу с ног до головы, заковылял к столу.

Птичья принцесса глубоко вздохнула и покачала головой.

— Горо Изаму. — Старик поклонился нам и сел за стол, скрестив ноги. Как ни в чем не бывало он подтянул к себе тарелку с лапшой.

Мы с Коджи переглянулись. Мэйко взглядом пригласила Рэйкен присоединиться, но та проигнорировала ее и хмуро уставилась на Горо Изаму.

В обеденной комнате повисло напряжение. Птичьи духи украдкой поглядывали на нас, и их демонические глаза светились оценивающим любопытством, словно мы диковины какие-то. Подумать только, ну кто здесь потусторонний — мы или они? Аппетит пропал, но я не хотел обижать Мэйко и заставлял себя жевать.

— А в чем, собственно, проблема? — вдруг спросила Рэйкен. — Изаму-сама, что же вы так долго молчите? Я уж боюсь сесть за один стол с вами — вдруг вы ненароком воткнете мне палочку в глаз. Уважьте любопытство, расскажите хотя бы за что.

Мэйко обреченно вздохнула, Нобу стиснул челюсти и стрельнул в Рэйкен недовольным взглядом.

— Я и не сомневался, что ты не вспомнишь меня, — фыркнул Горо Изаму с набитым ртом. Он тщательно прожевал кусок и тут же отправил палочки за следующим. — А Юрико? Юрико помнишь? Ты позволила ей попрощаться со мной, прежде чем убила.

На мгновение губы Рэйкен дрогнули.

— Что молчишь? — Изаму взглянул на нее с наигранной веселостью. — И ее не помнишь? Ну еще бы. Она одна из многих, кого ты обманула.

— Горо, ты обещал! — прошипела Мэйко.

— Да я же ничего не делаю, милая. Только знать хочу, что она чувствовала при этом. Ради чего. Если душа моей

матери послужила благому делу, конечно, почему бы и не пожертвовать. Но ты взгляни на нее. — Старик хоть и храбрился, но руки его дрожали. Он отложил палочки и впился взглядом в Рэйкен. — Оборванка. Наглая, лживая. Стоит тут, как у себя дома! И даже не помнит ее! Могла бы сорвать!

— И о чем мне сорвать? Какая правда вас устроит? — вкрадчиво спросила Рэйкен. Ее губы тряслись, и это был не гнев. А страх или, может, что-то другое? Я испугался, что она даст волю слезам, и вдруг по-настоящему пожалел ее. Уж не знаю, что там случилось, но мне совершенно не хотелось, чтобы этот старик нападал на нее.

— Как здоровье, Изаму-сама? — продолжила Рэйкен. — Сердце не тревожит? Не тревожит, видимо, раз дожили до таких лет.

— Да как ты смеешь! — Старик ударил кулаком по столу. Хэрю ощутимо напрягся. — Я ее не просил меня спасать. Да, болел, да что толку? Она свою жизнь положила за мое здоровье, а могла бы отпустить меня! Это все ты! Ты, гадина, науськала...

— Хватит! — крикнул я и воткнул палочки в тарелку с рисом*.

Девушки-близняшки одновременно охнули, и взгляды всех вокруг с ужасом обратились ко мне. Я несколько раз сжал и разжал пальцы, пытаясь унять гнев.

— Мэйко, благодарю за гостеприимство, но мы уходим. Коджи растерянно смотрел то на меня, то на птичью принцессу.

— Вставай, — бросил я ему, поднимаясь на ноги. Племянник подчинился.

— Да сиди ты, — подал голос хого Нобу. — Мы рады видеть вас с Коджи, Шиноту Кеноки. Вопросы только к ней.

* Воткнуть палочки в тарелку — дурной знак: так подают еду только мертвым перед похоронами.

Взглянув на Рэйкен, я опешил — столько чувств смешилось на ее лице. Она таращилась на меня, удивленная и растерянная, и гневный огонь в глазах уступал место недоверию. Что я сделал не так?

— Мы пришли вместе, — справившись с секундным замешательством, твердо сказал я Нобу. — Рэйкен здесь из-за нас. Если вы не можете принять ее, значит, мы тоже уйдем.

Мэйко наградила Изаму таким свирепым взглядом, что разгневанный старик сдался и, поднявшись, поклонился мне.

— Оставайтесь, Шиноту-сама. Вас мои страдания не касаются, да и забыть все давно пора.

С этими словами старик проковылял к выходу. Мэйко широко улыбнулась нам, и все как ни в чем не бывало вернулись к трапезе. Но внутри меня все клокотало от небольшого гнева. Извинившись, я вышел наружу и, захмутившись, подставил лицо теплой ночи.

— Он болел, его сердце отказывало, — тихо сказала Рэйкен за моей спиной. — Его мать, Юрико, отдала свою жизнь за жизнь сына.

— Понятно. — Я пошарил по карманам в поисках трубки и табака. Жизнь за жизнь. Нет, черт возьми, я не понимаю. — Не понимаю. Убийца ты или спаситель?

— Смотря для кого. Всегда есть тот, кто жертвует, и тот, кто об этой жертве не просит.

— Понятно, — отстраненно повторил я, затылком чувствуя ее близость. По коже пробежали мурашки. Руки коснулись что-то мягкое. Вздрогнув, я опустил взгляд и увидел прядь белоснежных волос, бившуюся о пальцы.

— Спасибо, что заступился. Это было неожиданно и очень грубо, конечно, но все же...

— Меня воспитали крестьяне. Откуда у меня манеры?

Рэйкен вздохнула. Я наконец нашел трубку во внутреннем кармане хаори и принялся набивать ее табаком.

— Значит, ты умеешь лечить смертельные болезни?

— Не умею.

— А как же...

— Мой покровитель, ёкай из леса. Магия его контракта: душа в обмен на желание. Просто так это не работает, или...

Рэйкен что-то буркнула себе под нос и замолчала. Я раскуривал трубку, задумчиво всматриваясь в темное небо. Другой мир и другие правила. Валюта, о которой страшно подумать. Иные ценности, иное восприятие. И мои племянники, родные они или нет — неважно, но они — часть этого мира. Хотя, может, еще не поздно? Может, мне удастся вытащить хотя бы одного?

— Хого, — тихо позвала Рэйкен, и прядь ее волос коснулась моей шеи.

— М-м?

— Анда, жена Такимару... Как она умерла?

— Тихо. Ночью. Сгорела от тоски по мужу.

— Сгорела... — глухо откликнулась Рэйкен. Я услышал шорох, а когда обернулся, ее уже не было — лишь пустая площадь и отблеск озерной воды.

И снова я ощутил уверенность, что она знала Такимару. Но как? При каких обстоятельствах? И зачем ей это скрывать? Я пытался представить брата рядом с Рэйкен, но у меня не получалось. Он презирал демонов, не принимал иной магии, кроме силы, которой наградила его природа, и я не мог вообразить, что должно было случиться, чтобы Такимару хоть словом обменялся с такой, как Рэйкен. Но что тогда? Что, черт возьми, так гложет меня?

Вскоре ужин закончился, и девушки-близняшки проводили нас с Коджи в спальню. Моя оказалась на втором ярусе, вверх по узкой каменной лестнице. Не такая просторная, как в поместье Сугаши, но теплая и чистая — а больше ничего и не надо. Окна выходили на внешнюю сторону. Для меня уже была подготовлена свежая постель: пол покрывали темные татами, а в центре лежал мягкий

футон, застеленный тонким одеялом. Невообразимая роскошь. В углу слева стоял небольшой лакированный комод, на котором лежала стопка свежей одежды, а у другой стены — деревянный поднос с водой в глиняном сосуде. Моя провожатая настоятельно просила переодеться в чистое и объяснила, как найти купель.

Я растянулся на футоне и подложил руки под голову. Тело благодарно заныло. После стольких ночей, проведенных на земле и походных одеялах, эта постель была раем, но на душе отчего-то стало еще тяжелее. Кацу, мой дорогой друг. Сколько вины и сожаления было на его лице в те последние минуты. Почему он не открыл мне? Почему не сказал, что искал в этом лесу?

Ты знаешь ответ. Ты бы не понял. И он это знал.

В горле зашипало, и я в сердцах ударили кулаком по полу. С губ против воли сорвался крик. Не сейчас. Еще рано. Мы только-только приблизились к цели.

Лес давно остался позади, но казалось, его темнота последовала за мной в эту тихую чистую комнату и снова пустилась в игры. На смену Кацу явилось лицо Мидори. Ее нежные, искаженные от злости черты и жестокое разочарование в глазах. Я пытался заставить себя вспомнить ее другой — той прекрасной девочкой, которую знал двадцать лет, но видел лишь это. Взгляд, которым она в последний раз посмотрела на меня, когда я...

Если бы я сильнее любил ее. Если бы дал ей понять, как много она значит для меня, Мидори могла бы остаться. Что бы ни случилось с ней, всему виной я. Как я жалел, что никогда не говорил с ней, никогда в полной мере не дал понять, как много она значила для меня, как была важна.

Не позволю, слышишь! Не позволю забрать тебя у меня!
Не отдам!

А я даже не ответил. Боги милостивые.

Мне стало душно, и я подошел к окну. От прохлады не осталось и следа, ночь стала теплой, даже жаркой.

А может, это вина сжигала меня изнутри, но находиться здесь было невыносимо. Я обулся и крадущейся походкой вышел на улицу.

Ни ветерка. Фонари, освещавшие улицы зачарованной крепости, погасли, но звезды на небе горели так ярко, что было достаточно светло. Я побрел вниз по брускатке. Коджи, наверное, с ума бы сошел от любопытства и едва удержался, чтобы не заглянуть в каждое окно, но я равнодушно смотрел перед собой. Меня накрыла апатия. Всего несколько часов назад я хотел стать частью нового мира, но в эту самую минуту желал лишь одного: чтобы исчезли последние два года и я бы никогда не знал ни птичьей принцессы, ни демонов, ни Рэйкен.

Я дошел до моста и в поисках прохлады хотел спуститься к озеру, как вдруг услышал тихие голоса и вжался в стену дома.

— Как это возможно? Всего лишь воздух...

— Это для тебя воздух, а для меня... ох, ну как же объяснить! Все здесь, на любом уровне — как невидимые стены. Я умею их находить и проникать сквозь.

Затаив дыхание, я осторожно выглянул из-за угла. На краю обрыва, с которого можно было спрыгнуть в озеро, разговаривали двое. Тэйго Махуна я узнал по широченной спине и иссиня-черной татуировке на шее. Скрестив мощные руки на груди, он смотрел на нее. На Рэйкен. Я невольно залюбовался. Она успела переодеться, и теперь вместо поношенного тряпья гибкий стан облегало легкое черное кимоно с золотой вышивкой, стянутое широким, небрежно завязанным поясом. Магический блеск в рыжих глазах погас, из волос ушло мерцание. Она выглядела уставшей, даже измотанной — и все равно прекрасной. До встречи с Мэйко я думал, что соблазнительное притяжение, исходившее от Рэйкен, свойственно всем демонам, но, увидев принцессу и ее подданных, вдруг понял, что их красота не производит

на меня никакого впечатления. Перед Рэйкен все они лишь завядшие бутоны сакуры.

Я подавил вздох.

— Ты можешь мне показать... ну, как это работает?

Рэйкен хмуро посмотрела на Тэйго.

— Чтобы показать, нужно держать твою руку. А я не планировала тебя касаться. Ты ведь можешь управлять своей защитой, — фыркнула она.

— Могу. Но мне придется пройти туда вместе с тобой.

Я хочу заранее знать, к чему готовиться.

Рэйкен недовольно прищурилась. Тэйго отчего-то расправил плечи и вскинул голову.

— Хорошо, — устало выдохнула она. Лицо Рэйкен расслабилось, уголки губ поникли. — Встань за мной и вытяни руку.

Я забылся, невольно подавшись вперед, но вовремя спохватился и снова укрылся за домом, осторожно выглядывая из-за угла. Тэйго сделал так, как она сказала. Теперь они стояли боком ко мне, и я хорошо видел лица обоих: напряженные черты Рэйкен и взволнованный взгляд защитника.

— Боги, ближе подойди, — Рэйкен закатила глаза, и ее губы тронула легкая улыбка. — Что ты как девушка в первую брачную ночь.

Рэйкен схватила его за запястье и дернула на себя: Тэйго плотно прижался грудью к ее спине. Я стиснул зубы. Он нерешительно поднял вторую руку и опустил на ее плечо, но Рэйкен взяла обе его ладони в свои, и теперь для постороннего наблюдателя они выглядели всего лишь парой влюбленных, в обнимку смотревших на звездное небо.

Меня это нервировало. Я не понимал, что происходит, для чего все это делается, но впервые в жизни почувствовал... ревность.

Вот же!..

Рэйкен вытянула пальцы поверх пальцев Тэйго. Глаза защитника расширились, рот приоткрылся. Даже я на миг

забыл обо всех своих чувствах и затаил дыхание. Рэйкен начала водить пальцами перед собой. Несколько секунд движения казались бессмысленными, будто в абсолютной пустоте она играла с воздухом. Как вдруг этот самый воздух зашелся рябью, и их руки скользнули... куда-то. Провалились в ничто. Словно перед ними была невидимая стена, которую ей удалось проткнуть.

Значит, так она проходит в другие миры...

Тэйго с шумом выдохнул, прижавшись щекой к ее голове. Рэйкен зажмурилась, закусив нижнюю губу. Я было подумал, что ей больно, как вдруг понял, что она пытается сдержать... улыбку? Она откинула голову назад, и я отвернулся.

Это выглядело слишком интимно.

Я в сердцах пнул землю.

— Дядя, что случилось?

Коджи возник из ниоткуда. Он стоял совсем близко и озадаченно смотрел на меня.

— Да я просто... — Облокотившись на стену, я провел рукой по волосам. — Не смог заснуть.

— Понимаю, — улыбнулся Коджи. — А там что?

Племянник выглянул из-за угла.

— Ого, а о чем они говорят?

— Говорят? — фыркнул я.

Значит, закончили. Быстро же.

— Выглядит она не очень. Видимо, Мэйко была права.

— В чем это?

— Ушли, — сообщил Коджи и встал рядом со мной.

Только сейчас я заметил, что племянник переоделся в короткое кимоно из зеленого льна, черные хакама и расшитую темными нитями хаори. Даже в поместье Сугаши на праздники он так не наряжался. Но, сказать по правде, ему очень шло.

— Ну, что Рэйкен плохо себя чувствует на солнце.

— Глупости, ты же видел ее. Все с ней было хорошо.

— Дядя, ты дурак? Ей больше ста лет, и жила она среди демонов куда опаснее ее самой. Уж точно научилась скрывать свои слабости.

— Может, ты и прав. Но что с того? Если ей плохо, пусть идет и отсыпается. Она должна найти Мидори, а не обжиматься с первым встречным. Мы только пришли, а она...

— Обжиматься? — Коджи удивленно таращился на меня.

Черт, я сказал это вслух. Я потер переносицу и устало сполз по стене на землю. Духота сводила меня с ума. Ревность, и к кому!

— Не знаю, что они там делали. Да и какая разница. Неделя прошла, Коджи, или больше? А мы ни на шаг не продвинулись. Она обещала и до сих пор ничего не сделала.

Я поднял взгляд на племянника. Задумчиво кивнув, Коджи хмуро смотрел на меня. Я попытался улыбнуться, но мышцы лица одеревенели.

— Ты поэтому сейчас бесишься? — Вопрос прозвучал очень осторожно, и я в недоумении уставился на Коджи.

— Конечно! А почему же еще?

Коджи коротко пожал плечами. Мы испытующе смотрели друг на друга, а потом он спокойно сказал:

— Если она тебе нравится — это ничего. Можешь не объяснять, я, наверное, пойму. Так будет даже лучше, потому что если уж она тебе нравится, то я и подавно... ну... такой, какой есть на самом деле...

— Коджи!

— Только будь начеку. Мне-то нравится Рэйкен. Поже, она куда лучше, чем показывает нам. Но я не могу доверять ей полностью. Мне кажется, она забыла, как это — считаться с людьми, быть хорошей. Поэтому будь с ней мягче, если хочешь, в смысле... если она позволит, конечно, но не забывай, зачем мы здесь. Не отвлекайся сильно. Хорошо?

— Что ты...

Коджи вымученно улыбнулся мне, и в этой темноте я словно впервые увидел своего племянника. Я уже и забыл, как выгляжу сам, но у меня возникло ощущение, что мы поменялись ролями. Он вырос. Повзрослел и, кажется, понимал куда больше меня.

Коджи коротко махнул мне на прощание и бодро зашагал вверх по брусчатке.

«Если уж она тебе нравится, то я и подавно...» О, боги, что со мной не так?..

ЧАСТЬ II
ДУША ИЗ ЧУЖОГО
МИРА

Глава I

Знакомство с материей мира

Хэджам

Сто лет назад

Я ждал этого десятки лет. Полукровка с рыжими глазами, ребенок лиса, рожденный под розовой звездой, который должен будет вернуть мое могущество. Как это произойдет — кто знает, в пророчествах никогда нет объяснений, — но он это сделает. Я сотни раз представлял, как однажды встречу это создание — сильное, могущественное, с дарами, которых я так давно жаждал. Я верил, что судьба сведет нас самым неожиданным образом, когда и душой, и телом я буду понастоящему готов. Но никогда не предполагал, что это существо войдет в мою жизнь испуганной девчонкой, которую мне придется взять на воспитание.

Я приземлился на краю обрыва. За спиной в бездну падал столп пенистой воды. Рэй Кеноки глазела на водопад, и на ее открытом, бесхитростном лице играли десятки стремительно меняющихся эмоций. Восторг. Удивление. Недоверие. Она по очереди смотрела то на меня, то на воду и безмолвно спрашивала: «Откуда она течет? Где ее начало?» Поток был резким и быстрым, брызги летели во все стороны, кололи щеки и руки, и она вздрогивала, морщилась, робко

улыбаясь. Справа от нас раскинулась вишня — старая, с покосившимся стволом и клонившимися к земле голыми ветвями. Ни один из нас тогда даже не догадывался, сколько чудесных весен мы проведем в тени дерева, под сенью сочных листьев и благоухающих соцветий!

А потом она взглянула на замок, и я увидел на ее лице ошеломленную улыбку. Его серые стены далеко наверху венчали белые башни, верхушки которых утопали в густых клубах тумана, презиравшего законы погоды. Большие арочные окна удивительным образом сочетались с раздвижными сёдзи*. Одни были темными, сонными, за другими же маячили тени, размытые в приглушенном свете фонарей и ламп. Диковина архитектуры, смесь японских традиций и странной культуры иноземных жителей.

Много веков в этом замке обитали потомки Сусаноо — могущественные ёкаи, наделенные силой ветра. Мои предки обладали величием ками и могли жить в двух мирах: в земном облике среди смертных и в истинном — среди богов, в небесном мире Такамагахары**. Мы были птицами, созданиями неба — вольными носителями власти. Я приложил немало усилий, чтобы узнать свою историю и вернуть могущество, которое моя семья утратила несколько столетий назад. И когда придет время, я обязательно расскажу ей об этом.

Сейчас она не готова. Осудит. Испугается. Не поймет.

Рэй взглянула на меня — робко и смущенно. Острые черты лица напряглись, щеки вспыхнули алым. Она вдруг потупила взгляд и отступила, а я только тогда понял, что все это время прижал ее к себе.

Что же мне делать с тобой, глупышка? Теперь ты вынуждена стать частью моей жизни. Неужели так и было предназначено?

* Дверь или перегородка, обычно раздвижная.

** Верхний мир, место обитания небесных богов.

В том мире для нее не было достойной жизни, а она ее желала — и не нужно было обладать могуществом моего уровня, чтобы разглядеть это в ее глазах. Мне придется поддерживать это желание, вырастить девочку правильно — так, чтобы, когда придет время, она без сомнений разделила мои стремления и убедила свою человеческую совесть, что наши дела — благие.

В ту же ночь я передал Рэй в руки служанки Соры — прыткой дикарки-ханъё. Сору я нашел много лет назад в лесу Аокигахара*. Господа, которым девчонка прислуживала с ранних лет, стойко скрывая свою звериную наследственность, обвинили ее в колдовстве, вывезли в лес и привязали к дереву, оставив умирать. За десятки дней в голодном одиночестве некогда красивое лицо полукровки исказилось: правый глаз окосел, а нижняя губа, которую Сора прогрызла зубами в попытках отогнать галлюцинации, совсем истончилась и теперь западала под верхнюю, отчего казалось, что ее и вовсе не было. Родителей своих она не знала, но, судя по обрубкам ушей, которых лишили ее те же господа (а может, склевали стервятники — не знаю, не помню), в ее жилах текла кровь инугами**. Несколько лет спустя мой верный друг Саваки, ёкай-пес в десятом поколении, подтвердил это. Сказал, что своих по запаху чует.

Первые дни в замке Чироши Сора кидалась на всех, воровала еду и прятала под матрасом — хотя ей разрешалось есть все, — а вместо членораздельной речи выплевывала хриплые рычания. Пришлось потрудиться, чтобы выбить из Соры всю дурь и научить манерам. И я надеялся, что она, памятуя о себе прежней, сделает то же самое с Рэй: девочка хоть была умна и прилежна и в повадках ее не было ничего дикого, но воспитывалась она

* Лес к северо-западу от подножия горы Фудзияма на острове Хонсю.

** Пес-бог или дух пса.

простолюдинами, а я жить с такими под одной крышей никогда не мог.

Тот первый год прошел быстро — хотя бы потому, что я все время странствовал и почти не видел Рэй Кеноки, но регулярно спрашивал о ней Сору. Девочка быстро освоилась. Легко привыкла к новой одежде, стала держать осанку и правильно ходить, даже читать научилась! Правда, Сора беспокоилась, что Рэй плохо спит ночами — часто просыпается от собственных криков, а потом долго ходит по комнате. Но тогда меня это не волновало. Я посоветовал Соре давать ей успокоительную настойку и больше следить за тем, проявляет ли девочка нечеловеческие таланты.

— Ты бы лучше сам занялся девчонкой, а то упустишь самое важное, — как-то отметил Саваки, ёкай-инугами.

В моем обществе он всегда представлял в обличье пса, отчего все слова, вылетавшие из мохнатой пасти, обретали какой-то особенный вес и совершенно не свойственную ему мудрость. Но мне это нравилось. Я ценил советников, а Саваки был моим единственным советником, знавшим такие секреты, за которые любой мог уничтожить меня.

Мы прибыли в замок по весне, далеко за полночь, и расположились в обеденном зале, на татами в окружении подушек из яркого желтого шелка. К моему возращению слуги разожгли благовония (я любил аромат вишни) и подготовили саке. Мое спокойствие. В мире, полном хаоса, распорядок и беспрекословное подчинение служили мне спасением.

— Я слаб — ты разве не чувствуешь? Эти грязные души из Ёми — фальшивка, питают меня на короткое время. Нужно что-то посильнее. Что-то... — Я криво улыбнулся. — Что-то жертвенное.

— А как твоя мико? Кена? — Саваки распахнул пасть и влил в себя горячий саке.

— Держится. Да и что толку? Ну будет она умирать, а мне что? Души ее я не смогу коснуться.

— Но сможет твоя девчонка?

Псиная морда оставалась невозмутимой, но в лающем голосе Саваки была слышна насмешка.

— Не знаю. Может, и сможет. Не понимаю пока, как к ней подступиться. — Я вздохнул. Саваки был единственным, кто знал мою гибельную слабость. Когда боги лишили мою семью могущества и закрыли вход в Такамагахару, нас прокляли. Род Чироши для поддержания жизни должен был поглощать силу человеческой души — ки. Я презирал разговоры об этом даже со своим советником, но иногда был вынужден их вести, ведь из круга моих приближенных только Саваки имел доступ в царство мертвых и мог снабжать мое проклятое нутро этой силой.

— Наверняка она тобой очарована и сделает все, что попросишь. Просто ты боишься, да? А вдруг не сможет?

— Глупости. Рано или поздно сможет. Должна! Но сейчас в ней слишком много человеческого. Сострадание, совесть. Страх причинить боль другим. Ты бы видел, как простолюдины накинулись на нее. А она скрючилась, и все! Позволила бы себя забить ногами — лишь бы в ответ не нападать. Глупая девчонка.

Саваки наполнил чашу новой порцией саке, залпом опрокинул и довольно зарычал. Прищурившись, я терпеливо буравил его взглядом.

— Нет, Хэджам, — усмехнулся Саваки. — Не проси.

— Давай, посмотри на нее. Покажи, как перемещаешься в Ёми. Она любопытна. Друг ты мне или кто?

— Я тебе не друг. А то сам не знаешь. Моя преданность — следствие этой штуки. — Саваки потряс мохнатой лапой. Будь он в человеческом обличье, я бы увидел метку на его запястье.

— Ты и сам не понимаешь, что давно предан мне по собственной воле, а не по воле контракта, — улыбнулся я.

— Привязан к своему тюремщику, да-да. Но это не дружба, мой дорогой.

— Долг платежом красен.

— И это тоже не про дружбу, — фыркнул Саваки, и в его веселости впервые за ночь послышалась фальшь. В такие моменты я злился. Я спас этого дурака от линчевания, а в ответ он продал мне свою верность. И последнее, что я могу себе позволить, — сомневаться в преданности своего инугами. — Я слышал, это обоюдный процесс.

— О, прошу. Кто-то всегда выступает инициатором. Шантажирует, покупает, спасает, обязывает, играет на моральных принципах. А потом первостепенные причины уходят на второй план и остается только зависимость.

Саваки разразился лающим смехом и поднялся, опираясь на когтистую рукоять блестящей трости.

— Зависимость — единственное чувство, в которое ты веришь. — Он повел звериным плечом и откинулся на спину. — Хорошо. Ладно, я заинтригован. Покажи мне ее.

Саваки

Ничего выдающегося в этой девочке не было. Красота — спящая и неоформленная, может быть, с возрастом и расцветет, но что значат черты лица и изгибы тела без умелой подачи? Грация, изящество — вот в чем дело. Женщина — как сяmisэн*: сам по себе неинтересен, но как же прекрасен, когда звучит. В Рэй Кеноки никакого звучания не было.

И все же она была Странницей — сокровищем в коллекции созданий ками. Такие существа рождались редко, и каждому было предназначено сделать что-то важное. Никто не ведал, что это, поэтому и не препятствовал их

* Трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

действиям. Было известно лишь, что любой выбор Странника — шаг к исполнению предназначения. Хэджам верил, что лисья полукровка родилась для него — чтобы вернуть ему могущество рода и избавить от проклятия, из-за которого ему приходилось поглощать души. Мне хоть и слабо в это верилось, но свой интерес был: чем быстрее Хэджам получит то, что хочет, тем скорее я сам избавлюсь от него. Так что выбора у меня не было.

— А это не больно?

— Что, прости?

— Не больно менять облик?

Я вышел из своего укрытия. Все утро провел в тени сада, за деревьями, наблюдая за ней, и, надо сказать, уже не в первый раз. Рэй училась обращаться с веером: движения ее были неловкими и резкими, словно она сражалась с невидимым противником. Я забавлялся, с трудом сдерживая смех, и был уверен, что все это время остаюсь незамеченным.

Рэй утерла пот со лба и попыталась сдуть белоснежную прядь волос, липнущую к подбородку. Щеки ее разумянились, как будто она и вправду постигала боевое искусство. Яркие рыжие глаза смотрели на меня с выжидающим любопытством.

— Это в природе моей, так же естественно, как дышать.

— Понятно. — Казалось, девочка резко потеряла ко мне интерес. Она вновь раскрыла веер и подняла руку над головой. Только сейчас я заметил, какая она высокая — мне такие редко встречались.

— Как ты узнала, что я здесь?

— По запаху. — Рэй даже не взглянула на меня. — Он у вас какой-то... мертвый.

— Всегда знала?

— Да. Впервые вы пришли три утра назад.

— И тебе неинтересно зачем?

Рэй коротко пожала плечами и, нетерпеливо откинув копну белоснежных волос на спину, вновь сосредоточилась на веере. Было что-то противоестественное в ее пребывании здесь — среди водных островков и каменных мостиков, ароматных деревьев миндаля и щепетильно вымощенных красно-серым камнем дорожек. Не было ей места здесь — но не как простолюдинке, чей предел — ветхая хижина в деревне у Янтарного озера, а как существу, которое родилось, чтобы жить на другой стороне. И когда я об этом подумал, меня впервые пробрало настоящее любопытство.

Рэй взмахнула рукой так резко, что веер выпал, а высокие подошвы ее окобо* зацепились за камень, и она упала на колени. Я не спешил помогать — хотел посмотреть, как она злится, но девчонка с невозмутимым видом сбросила обувь, сняла носки, и впервые ее острое лицо озарила довольная улыбка.

— Только Соре не говорите, — шепнула она, поднимаясь.

— Наш секрет. — Я кивнул и, опустившись на траву, решил перейти к делу. — Хэджам рассказал мне, что случилось с тобой в родной деревне.

Рэй вздрогнула и смущенно потупила взгляд.

— Ты можешь чувствовать существ внутри людей и проникать под кожу — это впечатляет. А знаешь, что я могу?

Девчонка резко взглянула на меня, и в глазах вспыхнул огонь.

— Могу, когда захочу, посетить мир мертвых.

— Мертвых? — эхом откликнулась она, да так и осталась стоять с открытым ртом. Солнце играло с ее белоснежными

* Обувь на высокой подошве.

волосами, насыщало их золотом, окутывая долговязый силуэт гипнотическим свечением. Я несколько раз моргнул.

— Это мой мир, я там живу. Хочешь посмотреть?

Мы встретились на закате на окраине этого же сада, прямо у обрыва. Рэй вышла босая, в легком летнем кимоно. Я же предстал в истинном облике, не изменяя трости и объемному плащу, который при надобности в два счета мог скрыть мой гигантский собачий силуэт. Девочка замерла, глаза ее расширились, а затем она оглядела меня с ног до головы и даже чуть согнула колени, пытаясь заглянуть под плащ, но в самый последний момент смущенно выпрямилась и опустила голову.

— Хвост тоже есть, — ухмыльнулся я. — Но больше так не делай. В замке часто появляются такие, как я, и еще много кого другого. Разглядывать неприлично.

— Простите. А я смогу превращаться?

— Не думаю. Не всем дано изменять облик.

— А-а-а, — протянула она, вмиг потеряв интерес и к моему облику, и к своему вопросу.

— Иди сюда.

Рэй подчинилась. Встала напротив меня и пронзила нетерпеливым взглядом рыжих глаз. Пыталась казаться смелой и на все готовой, и только пальцы, неустанно требившие край кимоно, выдавали истинные чувства.

— Чтобы попасть в другой мир, нужно отворить замок. — Я поднял мохнатую ладонь и выставил указательный палец, направив коготь в ее глаз. — Во вселенной сотни, десятки тысяч миров, и для каждого — свой ключ. Увы или к счастью, но за пределами этого мира мне доступна только одна дверь — в Ёми. Но эту дверь я знаю

очень хорошо, как самого себя, и могу открыть в любое время дня и ночи, в любом месте.

Я резко ткнула пальцем в пустоту, и Рэй отшатнулась. Я бы повредил ее глаз, если бы не преследовал иную цель: фаланга исчезла, растворилась и со стороны казалось, что у меня и вовсе нет пальца. Девочка вытаращилась, сглотнула и на несколько секунд замерла, а потом вдруг опомнилась и медленно обошла меня, приблизила нос к пальцу, нагнулась, осмотрела со всех сторон, и ее губы наконец растянулись в восторженной улыбке.

— Как?

— Так же, как ты пробралась в тело бедолаги, которого спасала от гаденыша она.

— Но я не знаю, как это случилось.

— Не страшно, ты научишься. У каждой двери есть свои неповторимые границы, и, чтобы пройти из одного мира в другой, а потом вернуться обратно, нужно сначала изучить их. Запомнить пороги. Идем.

И, не дожидаясь ее реакции, я обхватил Рэй за талию, прижал спиной к себе и скользнул в темноту. Ушёй коснулся сдавленный стон, на мгновение пространство вокруг утонуло в небытие, а потом резкий затхлый запах ударили в нос.

— Такого не может быть... — прошептала она, оглядываясь по сторонам.

Мы стояли на окраине мира мертвых, в месте, куда попадали неупокоенные души — бедолаги и глупцы, обманутые и обездоленные, обиженные на весь свет самоубийцы, жертвы разбоя и все, кто не смог принять смерть. Их расплывчатые образы, тусклые и дырявые, струились по желтым водам в речушках, раскинувшихся вокруг нас. Большие и маленькие, узкие и широкие — хаотичное сплетение течений, уносившее своих жертв во все стороны. Вдалеке виднелись темные кроны высоченных деревьев, подпиравших ночное звездное небо. В той стороне

начиналась другая часть Ёми — светлая и живая, лишенная стонов. Там царил покой. Туда попадали те, кто умер с миром в душе и на сердце, кто заслужил упокоеение.

Я поведал об этом Рэй. Она заинтересованно кивала, медленно кружка на месте. Даже не смотрела на меня — зачарованно глазела по сторонам, вглядывалась вдали, изучала жухлую траву под ногами и перебирала пальцами в воздухе, словно хотела ухватиться за темноту, но никак не могла нашупать порог.

— Как? — повторила она вопрос, которым задалась на обрыве у замка. — Как?

И я вдруг понял, что это был вовсе не восхищенный. Ах, как ты это сделал! Великолепно! Чудесно! Магия! Нет. Тогда и сейчас она спрашивала об одном: как мне научиться этому?

Уже позже я убедился, что в этом и была суть Рэй Кеноки. Ты мог показывать ей чудеса, от которых захватывало дух любого смертного, но она оставалась безучастной, и только если эти чудеса были нужны ей, если она решала, что хотела обладать такой силой, — только тогда ее глаза загорались неподражаемым блеском, только тогда лицо пронзало неподдельное любопытство.

А я, дурак, угодил в эту прозаичную ловушку. Позволил сердцу трепыхаться — как самый глупый человек! Стал зависимым от восторга, преображавшего ее юную, неоформленную красоту, и далеко не сразу понял, что это неподдельное восхищение было направлено не на меня, а на те знания, которыми я обладал и мог поделиться с ней.

В ту ночь я познакомил Рэй с материей мира Ёми. Держал ее руку в своей и старательно направлял пальцы в темной пустоте. Затаив дыхание, она внимала каждому моему слову, считывала каждое, даже едва заметное движение, а я ловил себя на том, что улыбаюсь. Каким-то образом эта маленькая, ничего не ведающая девчонка

заставила меня почувствовать такую важность! Словно я внезапно стал центром вселенной.

Что ты такое? В чем твой секрет?

Рэй высвободилась из моих объятий и попыталась сама найти дверь, но так же, как и в случае с веером, движения ее были резкими и лишенными грации. Действовала она слишком быстро, и пальцы просто не успевали ухватиться за невидимую опору, а однажды и вовсе пробили в незримой темноте брешь, из которой сочился незнакомый розовый свет.

— Ты научишься, — снисходительно заверил я, цепляя когтями края бреши.

Она тяжело вздыхала, хмуро наблюдая за тем, как дверь в неопознанный мир затягивается, а потом брала меня за руку и мы пробовали снова. Вместе.

— Если бы я так неосторожно действовала в случае с Ашимару, то оставила бы в его теле дыру, — буркнула она.

— Лучше дыра, чем ёни в теле.

— И то верно, — хмыкнула она. — А что это был за мир?
Ну, тот, с розовым светом?

— Не знаю. Мне он недоступен.

— Значит, ты можешь перемещаться только сюда?

— Не совсем. Могу перемещаться в твоем мире куда захочу, из одного края в другой. А что касается других миров, то только в Ёми. Но ты... ты можешь найти какую угодно дверь, когда научишься управляться с этой.

— Правда? — Она резко повернулась и посмотрела на меня так, словно я в одночасье исполнил все ее желания.

— Конечно. Разве ты еще не поняла?

О-о-о, она поняла. Еще как поняла! Следующие две ночи я украдкой наблюдал за ее играми с темнотой на краю обрыва. Сосредоточенная, усердная. Пробовала снова и снова, пока наконец ее рука не провалилась в пустоту. Тогда Рэй на секунду замерла и вдруг смело шагнула вперед.

Долговязая фигура исчезла, и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад. Но прошло совсем немного времени, и из темного небытия вновь показалась она. Девочка выглядела спокойной, словно и вовсе ничего не произошло. Она осмотрела свои пальцы и довольно улыбнулась, а потом вытянула руки вдоль туловища и поклонилась деревьям, за которыми я думал, что прятался.

Глава 2

Падение

Рэй

Кошмары. Кошмары. Кошмары.

Касси тянет руки ко мне, кричит в темноте, отчаянно зовет, плачет.

Рэй. Сестренка! Забери меня! Мне плохо! Мне больно!

Я просыпалась от собственных криков, обливаясь потом, с трясущимися губами и залитым слезами лицом, и до самого рассвета ходила по комнате. Такими были первые месяцы в замке Чироши. Сора начала поить меня успокоительными отварами. Она, конечно, этого не говорила, но я сразу ощутила новые запахи. Женьшень и лимонник. Ну и пусть. Эти кошмары вытеснили все прекрасное и светлое, что хранила память о брате, оставив после себя только голую правду — убийство и то, что я была ему виной. Мне хотелось забыться, хотелось погрузиться в новую жизнь, улыбаться, вкушать магию, окружавшую меня. Но все, что я видела, — это перекошенное от страха и гнева лицо Касси.

Я вела себя тихо, во всем слушалась Соры. Мне нравилась эта изуродованная ханьё. Она была грубой и хмурой, но первое время меня это даже радовало. Я наивно полагала, что раз Хэджам взял меня в свой дом, значит, он будет рядом

и нас ждет много часов вместе. Я так хотела узнать его! Но Хэджам исчез в тот же вечер, а я осталась на попечении нелюдимой дикарки. Мне было проще молчать и делать то, что говорили, лишь бы отвлечься от глупых мыслей.

Но однажды после очередного кошмара Сора прибежала ко мне. Обычно она не реагировала или просто заглядывала в спальню, убеждалась, что никто не умер, и сразу уходила к себе. Так и говорила: «Ну, раз никто не умер...» Но в ту ночь отчего-то решила остаться. Села рядом, на полу, сунула в мои трясущиеся руки глиняную пиалу с чаем. А я начала говорить. Не знаю, как так вышло. Слова лились из меня нескончаемым потоком. О маме, о Касси, о том, что случилось в деревне, и о том дне, когда мама попросила уйти. И в какой-то момент Сора развернула меня к себе и обняла — коротко и резко, но так сильно, что даже стало больно. В этом грубом объятии чувств было больше, чем во всей моей жизни.

— Ты на мать не гневайся, — пробурчала она, по привычке покусывая изуродованную губу. — Она тебя не выбрала, потому что не знала, как правильно любить такую. Если бы знала — выбрала.

— Я не... я и не злюсь на нее, — прошептала я.

Сора нахмурилась, кивнула и ушла. Мне потребовались десятки лет, чтобы понять, что я чувствовала по отношению к маме, а Сора сразу все прочла между строк моего сбивчивого рассказа.

В перерывах между обучением манерам и этикету я бродила по каменным коридорам и много кого видела. Иногда мне навстречу шли ёкаи: одни — красивые и статные, в человеческом обличье, как господин Хэджам, другие — антропоморфные (этому слову меня научил

Саваки), карлики и высокие, похожие на кошек и на птиц, на каких-то еще животных, о которых я знать не знала. По большей части они не замечали меня, а даже если смотрели, то быстро теряли интерес. В этом мире моя внешность была обычной, более того, неинтересной.

Но мне было хорошо. Я никогда не искала внимания — только место, в котором никто не будет тыкать в меня пальцем. Место, в котором я — своя. Может, когда-нибудь, когда Сора решит, что мои манеры достаточно хороши, чтобы проводить время в кругу ёкаев, не позоря господина, я вновь увижу его. Хэджам отметит, какой я стала, и снова посмотрит на меня так, как смотрел на берегу Янтарного озера, — словно я сокровище.

Все изменилось с появлением Саваки. Пройдет немало времени, прежде чем мы станем друзьями, но с того первого дня, когда мы проникли сквозь темноту, я перестала видеть Касси. Когда мои пальцы касались незримых барьеров, когда проваливались в это необъяснимое пространство, я словно заново начинала жить. Тело наполнялось неведомой ранее энергией, кожу покалывало от разрядов. Это чувство опьяняло, от него кружилась голова. В такие моменты я ощущала себя целой вселенной — существом, которому неведомы страхи и на которого не действуют никакие ограничения. Я была всем. Может быть, поэтому я так быстро овладела знаниями, которыми обладал Саваки. И, может быть, поэтому в будущем так легко поддалась манипуляции Хэджа-ма. Самый жестокий обман, который определил всю мою жизнь, — чувство безграничной свободы.

В полной мере овладев искусством проникать в Ёми, я начала искать другие двери. Иногда сама, но чаще в компании Саваки. Только он навещал меня одинокими вечерами,

когда у Соры были свои дела. Подсказывал, подбадривал, и постепенно в снисходительном поучении стали проскальзывать другие нотки. Удовлетворение, радость, даже восхищение. Однажды я набралась смелости и попросила его измениться. Мне, конечно, нравилась его гигантская черная морда, но хотелось видеть его лицо, понимать, что он чувствует. Саваки удовлетворил мою просьбу и в следующий раз явился в облике человека. Его красота была простой, не такой изысканной, как у Хэджама, но он понравился мне. Непослушные черные кудри, широкое лицо и ясные темные глаза с золотистой радужкой, губы тонкие, но не злые, и когда он улыбался, казалось, что на меня смотрит старый друг, которого у меня никогда не было.

Я не знала, сколько ему лет, но понимала, что разница между нами слишком велика. Скорее всего, этот ёкай направил свое внимание на меня от скуки, но все равно почти с самого первого дня полюбила его как доброго наставника, отчаянно желая, чтобы мы стали друзьями.

В тот первый год в замке я старалась довольствоватьсь тем, что мне давали: уроками Соры и ее угрюмой компанией, обществом Саваки и его знаниями, теплой комнатой и мягкими одеялами, звездными ночами, красотами сада и холодными брызгами водопада. Это было больше, чем я когда-либо имела, больше, о чем я могла бы мечтать. И всё же, и всё же... Я боялась этих мыслей, но где-то на краю сознания настырная, скребущая правда нет-нет да и выходила на свет.

Все это мне не нужно.

Холодный пол в старой хижине, улыбка мамы и звонкий смех Касси, когда они вручали мне подарок, жалостливые объятия Кены в ту первую ночь в их доме, даже резкий порыв Соры утешить меня после моего рассказа. Бережные, горячие руки Хэджама, рывком поставившие на ноги перед тем, как привести сюда. Любовь. Простая

человеческая любовь. Тогда я не понимала, как отчаянно нуждалась в ней. И все, что я сделала дальше, было неосознанной попыткой ее купить.

Моя первая зима в замке Чироши выдалась теплой и совсем не снежной, хотя кто знает, может, здесь никогда не бывало снега. Я выходила на улицу в утепленном плаще, много гуляла, иногда даже в компании Соры. Она сильно переменилась ко мне: стала чаще улыбаться (и эта ее кривая, изуродованная улыбка отчего-то приносила мне столько радости!), больше говорить, задавать вопросы. Она-то и рассказала, что в ближайшую ночь в замке ожидаются гости.

— Сегодня без занятий. Да ты и так уже все знаешь — сколько ж можно учить тебя. Приведи одежду в порядок, наденешь розовое кимоно с журавлями, а не это свое тряпье. И про обувь не забудь!

Поджав губы, я подавила улыбку. Сора давно перестала бубнить про мои грязные босые ноги.

— Значит... значит, мне тоже можно пойти? Это господин сказал?

— Ничего он не сказал, не дури. Какое ему дело до тебя. Но я думаю, вреда не будет, если ты присоединишься. Говорят, там и твои будут.

— Мои?

— Ну, эти лисы. Как папаша твой.

Вот это да! Сора как-то обмолвилась, что Хэджам водит дружбу только с ёкайами и ежегодно обрастают новыми сторонниками. На какой они были стороне, а главное, против кого, я даже не задумывалась тогда, но очень хотела, чтобы он как-нибудь познакомил меня с кицунэ. Боги милостивые, я же никогда не видела других кицунэ! Только отца.

Когда солнце зашло и замок окутала мягкая темнота звездной ночи, я разгладила складки розового кимоно, поправила прическу, в которую Сора заботливо вложила несколько бутонаов свежих хризантем, и просунула ноги в новенькие дзори.

— Только не размахивай руками, — напомнила ханъё, придирчиво рассматривая мой праздничный облик. — Ты женщина, а не ветряная мельница.

Я нетерпеливо кивнула и вышла в коридор. Сора не обладала красотой, но ее грация, изящная походка и плавные, завораживающие движения вызывали у меня зависть. Я-то со своими длинными руками и ногами, наверное, никогда не управлюсь.

Из зала доносились перезвоны сямисэна и тихие голоса гостей. Я застыла, почувствовав неловкость. Как вести себя? Зайти и представиться или незаметно остановиться в углу и наблюдать, пока кто-то не обратит внимание? Я уже хотела отправиться в спальню Соры и спросить у нее совета, как вдруг в дальнем конце коридора увидела Хэджама. В белых одеждах — таких струящихся и длинных, что рукава кимоно касались пола, — с блестящими вороными волосами и благородной бледной кожей он походил на ками: далекий, чарующий и недоступный.

Я замешкалась, но обуздала растерянность и, когда он взглянул на меня, поклонилась, мучительно краснея. В ответ Хэджам лишь слегка склонил голову. Его голубые глаза вспыхнули, а красивые губы растянулись в сдержанной улыбке.

— Посмотри на себя!

Он оглядел меня с ног до головы и одобрительно кивнул, затем поднес руку к моей прическе и пропустил прядь через пальцы.

— Твои волосы прекрасны.

Они быстро отросли и уже доходили до поясницы. Через месяц после моего прибытия в замок Сора подровняла их,

убрав грубый срез, оставшийся после торопливой стрижки Дороши. И с тех пор я ни разу не задумывалась о том, чтобы укоротить их. Ведь Хэджам сказал тогда, в нашу первую встречу, чтобы я этого не делала.

— Значит, ты решила присоединиться к празднеству?

— Я... да... Сора сказала... Я очень рада видеть вас.

Мне стало жарко, слова не шли. Я не понимала, как сильно хотела увидеть Хэджама, пока он не появился здесь. Мое сердце бешено колотилось и останавливалось, от волнения кончики пальцев кололо.

— А я рад, что ты с пользой провела это время. Но, — Хэджам сделал паузу и взял меня пальцами за подбородок. Мне пришлось посмотреть на него, — я бы не хотел показывать тебя всем.

— О-о, — только и выдохнула я. В одночасье и волосы, и прекрасное кимоно стали мне противны. Я некрасива, недостаточно хороша для того, чтобы иметь хоть какое-то отношение к этому существу. О чем я только думала!

Хэджам внезапно заключил мое пылающее лицо в ладони и наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание на своих губах.

— Ты — мое сокровище, а своим я никогда не делюсь.

В ту ночь мне исполнилось семнадцать. Девушки моего возраста уже готовились стать женами и матерями. Я же сама была ребенком и еще ни разу не влюблялась. Никто и никогда не оказывал мне знаков внимания. Я не знала, как это происходит. Но вот сладкое дыхание Хэджама коснулось моих губ. Его длинные пальцы держали мое лицо, а хрустально-голубые глаза горели от воссторга. В тот момент я пропала. Обманулась или, может, действительно почувствовала любовь — не знаю! Не знаю! Не знаю! Но я резко подалась вперед и поцеловала его.

Дура! Дура! Дура!

Он отшатнулся, приложил ладонь ко рту и, не сводя с меня взгляда, вытер губы. Вытер губы... Сердце замерло и, кажется, больше не собиралось биться. Я прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать слезы.

— Не в этом смысле, Рэй, — холодно сказал Хэджам. Блеск в глазах потух. — Возвращайся к себе.

И он ушел. Вбежав в спальню, я сорвала с себя кимоно, вышвырнула дзори в окно и вырвала украшения из волос, а потом упала на футон и проплакала до самого утра. Никогда больше не взгляну на него. Даже близко не подойду. Мне было так стыдно. Та-а-ак стыдно! Глупая маленькая девчонка!

Но когда первые лучи солнца робко пробрались через окно, во мне вдруг проснулась решимость. Нет, так нельзя. Я должна извиниться. Объяснить, что ничего подобного не хотела, просто была захвачена радостью, которую доставила мне встреча с ним.

Однажды Сора показала мне коридор, где находилась спальня Хэджама, и теперь я направилась туда. Надеялась, что он остался ночевать в замке и на ходу сотню раз повторила все, что хотела ему сказать. Конечно, было бы правильнее найти его после завтрака, но я боялась, что не успею или, что еще хуже, он будет не один.

Остановившись перед дверью, я хотела постучать, но вдруг заметила зазор. Вопреки всем урокам Соры, манер мне по-прежнему недоставало. Я сделала вопиющее — отодвинула дверь. Совсем немного, чтобы увидеть, что внутри.

И, несмотря на полумрак, увидела.

В центре комнаты был мягкий белоснежный футон, задрапированный блестящим шелком. Хэджам спал спиной ко входу, прикрыв наготу тонким одеялом. А рядом с ним лежала женщина. Я никогда не узнаю, кем она была, но на долгие годы запомню необычную оливковую кожу,

копну огненных волос и длинные стройные ноги, прижатые к ногам моего господина.

В то утро мне казалось, что я похоронила неокрепшие чувства к Хэджаму, удовлетворившись простой истиной: я по-прежнему никто и все, чего я достойна, — по необъяснимой милости этого ёкая находиться в его доме, в тепле и под защитой. Мне никогда не завладеть сердцем такого существа. И впредь я не должна поддаваться чувствам. Никогда.

И хотя разум быстро принял эту истину, сердце упрямо противилось.

Однажды, через много-много весен, Саваки попытается открыть мне глаза на правду. В стенах замка я никогда не произнесу вслух, что люблю Хэджама, но инугами поймет это — как Сора поняла мою потаенную злость на маму — и скажет:

— Ты заблуждаешься на его счет. Легко любить того, кого сам создал. А он создал тебя.

— Он меня не создавал!

Я буду злиться и ненавидеть его. Выпушу когти и крепко сожму пальцы в кулаки, чтобы кожа лопнула, чтобы стало больно — от ран, а не от его слов.

— Создал. Вылепил — часть за частью, — по образу, о котором грезил много веков. Ты глупая девочка или еще слишком юная. Но я желаю тебе долгой жизни — чтобы однажды встретить существо, которое полюбит тебя вопреки тому, во что ты превращаешься. Того, кто разглядит в тебе что-то настоящее, что Хэджам не сможет у тебя отнять.

Я вспомню о словах Саваки спустя десятки лет, в одной из спален замка Чироши. Рядом со мной будет существо — не бог, но и не человек, хотя и отчаянно хочет быть вторым. У него странные волосы — упрямо спутанные, как и его характер, — и он отчаянно страшится чувств ко мне, а я до самой смерти не поверю в их искренность.

Но до этого дня пройдет целая жизнь.

Саваки

Когда живешь так долго, время становится очень зыбким и протяженность дней измеряется не в часах, а в целях, которые мы преследуем. Хэджам узнал о своем пророчестве два столетия назад, и большая часть этих лет тянулась для него медленно — до тех пор, пока он не перестал одержимо ждать встречи со Странником. Хэджам провел без нее еще пятьдесят лет, признаваясь, что годы эти пролетели как один день. Странно, что и течение моего времени было связано с этой же встречей. До Рэй я маялся, угнетенный однообразием дней: странствия, души, день, ночь — и не было просвета в этой повторяющейся реальности. А когда появилась девочка с рыжими глазами, я не успевал следить за закатами — так быстро они наступали.

Мы с Рэй проводили много времени вместе. Сначала изучили двери во все точки страны. Она оттачивала свое мастерство с диким рвением, пока не стало получаться за считаные секунды находить нужные пороги — будь то путь на вершину горы Фудзи или к берегу моря. Даже я так не мог. Иногда девочка была как одержимая — ее глаза светились дикой яростью и животной страстью, — но со временем мне все чаще стало казаться, что за этой пеленой кроется нечто другое. Страх. Грусть. Одиночество. Я знал о кошмарах, которые преследовали ее в первый год в замке, и знал, что она перестала их видеть, как только начала перемещаться в темноте. Может, в этом причина? Может, она боялась, что, если остановится, все повторится?

Мои чувства к Рэй были глубокими и теплыми и лишь укрепились с годами, но я и близко не догадывался о том, что на самом деле творилось в ее душе. В отличие от Хэджама. Мой тюремщик всегда был ужасно проницательным, когда дело касалось людей. Может, причина была в душах, которыми он подпитывал свою ки?

Узнав об успехах Рэй, Хэджам стал часто наведываться к обрыву по вечерам. Наблюдал за ней, тихо пристроившись в тени вишни. По большей части молчал, и задумчивая улыбка на его лице сменялась иногда озадаченностью, иногда восторгом. Однажды он даже спросил ее о кошмарах.

— Хорошо, что все прекратилось, — тихо ответила Рэй. Она почти никогда не смотрела на него, а если их взгляды ненароком встречались, хмурилась и резко опускала голову. — Я бы не выдержала видеть Касси каждую ночь. Словно он, настоящий, заперт где-то там далеко и ждет моей помощи. Но как мне найти его, мертвого? Я бы никогда не смогла ему помочь.

Взгляд Хэджама стал хищным, а улыбка — довольной, как у кота. Мне это не понравилось. В ту же ночь я решил проверить, угодила ли душа ее брата в Ёми, и, конечно же, не нашел его.

— А где он, если не там? — спросил я Хэджама.

— Не знаю, не знаю. Наверное, только боги способны ответить на этот вопрос, не так ли?

Я уверен, что именно в те дни у Хэджама родился план.

Шли годы, и мы с Рэй стали друзьями. Точнее, это она так думала и много раз говорила мне об этом, но я не мог позволить себе такого лицемерия. Только не с ней. Знать, что ее ждет, если она останется с Хэджамом, более того, хотеть этого, потому что от роли Рэй в предназначении ёкая зависела моя свобода, и все равно называть себя ее другом, — нет, это было слишком. И все же я был привязан к ней так сильно, что иногда меня это пугало. И каждый раз, когда я видел, какой одержимой она становится, стоит ее рукам скользнуть в темноту, меня охватывало дурное, эгоистичное чувство, что именно я — причина

этой искры в рыжих глазах. Ведь именно я показал Рэй, как приручить материю мира.

Нужно добавить, что за годы Рэй так и не научилась искусно владеть веером или грациозно передвигаться на высоких подошвах гэта, но — боги! — когда ее пальцы перебирали незримые глазу сгустки, когда она делала шаг в неизвестность, красивее существа не было ни в одном из миров. Эта девочка обладала поистине великолепной, ни с чем не сравнимой красотой, и это говорю я, ёкай, кого только не повидавший на свете. В перемещениях по миру она выглядела так, словно весь этот мир, да и вся вселенная принадлежали ей одной. Власть окутывала ее статный силуэт как благодать, и лицо озарялось удовольствием — но не праздным, гордым высокомерием, а удовольствием, словно говорившим: «Так и должно быть. Я на своем месте». Раз заметив эту ее красоту, я уже не мог иначе смотреть на нее.

За пару весен до того злополучного дня, когда Хэджам наконец сделал самый важный шаг к тому, чтобы обратить ее в свою веру, мы с Рэй забрели в очень странный мир. Ни земли, ни воды — одно небо: черное как смоль и блестящее, как императорская казна. Неведомым мне образом мы парили в этой небесной невесомости, касаясь пальцами ног незримых препятствий. Тишина давила на уши и вместе с тем рассыпалась в голове тысячами приглушенных звучаний. А звезды, испещрившие все вокруг, были ужасно далекими, сколько бы шагов мы ни делали в их сторону.

— Это и есть вселенная, — прошептала Рэй. — Моя вселенная.

Она воодушевленно взглянула на меня и скжала мне руку. И тогда я впервые поцеловал ее. Осторожно, пробуя, изучая границы. Рэй замерла, затаила дыхание, но не отстранилась. Она не ответила на поцелуй, но и не оттолкнула меня, позволив исследовать свои губы.

— Ты получишь больше удовольствия, если не будешь стоять как истукан, — ухмыльнулся я.

— А что делать?

— А что тебе хочется?

Рэй задумчиво нахмурилась.

— Быть ближе. Это можно?

— Малышка-а-а, — рассмеялся я.

Рыжие глаза Рэй вспыхнули. Она потянулась ко мне, заключила лицо в холодные ладони и накрыла мои губы своими. Жадно, с вызовом. Прижалась всем телом, и я ощущил, как сильно билось ее сердце. И мое. Запустив пальцы в ее белокурые волосы, я отдался страсти, пил ее пылкую неопытность, наслаждался мягкими губами и горячим языком и хотел больше.

Но она вдруг отстранилась и с вызовом уставилась на меня:

— Так?

— Вполне. Ты чертовски хороша.

Губы Рэй растянулись в самодовольной ухмылке.

— А ты любишь меня?

Вопрос поставил в тупик. Хотелось сказать да, но это было бы таким же враньем, как назвать ее своим другом. Я хотел, чтобы она умерла и подарила мне свободу от Хэджа. Все еще хотел этого. А разве можно любить того, чьей смерти ждешь?

— Скорее нет, чем да.

— И я тебя нет, — кивнула она, ничуть не смущившись. — Но целоваться мне понравилось.

И несмотря на то, что желание обладать ею как женщиной еще долго не покидало меня, в тот момент я понял, что Рэй Кеноки здесь не для меня. В любви я искал не вечности и преданности, а короткого утешения. Но утешаться с ней совсем не хотел. А Рэй понравился поцелуй, но не поцелуй со мной — так же, как нравились знания, которые я давал ей. Знания, но не я.

В то время борьба за власть в стране шла полным ходом*. Сёгуны** воевали, не брезгая никакими средствами, а демоны пировали. Манипуляции, обман, предательство, шантаж — для Хэджама, зависимого от человеческих душ, это был праздник живота. Мы перемещались по стране, выискивая бедняг, попавших во власть приспешников очередного наследника, метившего на трон, затаивались и ждали его смерти. Я забирал душу, едва та пересекала границу царства мертвых, и приносил ее Хэджаму. Пользуясь одержимостью политиков и своим статусом среди ёкаев, мой тюремщик вовсю налаживал отношения с сёгунами, втирался к ним в доверие, обещал поддержку и силу и был в первых рядах, когда кто-то из властивующих испускал последний вздох. Тогда он верил, что если человеческому существу хватило сил продержаться в кровавой бойне дольше одного месяца, то его душа способна подзарядить угасающую ки Хэджама.

За это время я повидал людей во всех ипостасях и заключил, что боги, демоны и ёкаи лишь малая грань мирового зла, а деяния Хэджама — ничто по сравнению с жаждущим власти человеком. Вот в ком таилась настоящая погибель мира.

Земля окрасилась алым, горела и тлела, пропитавшись кровью и бессилием. И невозможно было определить, кто тому виной: правители, стремившиеся к господству, демоны, жаждущие человеческих душ, или простолюдины, выменившие злобу на своих.

Смерть пришла и в селение, в котором выросла Рэй. Деревню объяло огнем. Люди кричали в жалких попытках спасти своих детей, отражали нападки соседей, вступали

* Речь о периоде Сэнгоку, «эпохе воюющих провинций».

** Сёгун — военный правитель в средневековой Японии.

в схватку в надежде утащить барахло — свое или чужое — и падали на землю, обливаясь кровью. Мы замерли на пригорке, созерцая хаос: я — в черном плаще и истинном обличье инугами, Хэджам — в кроваво-красном кимоно и Рэй — в своих простых одеждах, белая как мел, с лютой злобой в рыжих глазах. Три всадника милосердия в пучине людского ожесточения.

— Мама! — крикнула Рэй. — Мама!

Она бросилась вперед, даже не оглянувшись на нас. Я дернулся, но Хэджам опустил ладонь на мое плечо:

— Не спеши.

Он был спокоен и холоден, но в голубых глазах играло предвкушение. А люди все кричали и кричали, сражались, падали и умирали, испуская жуткие предсмертные вздохи. Несколько раз я спрашивал Хэджама, кого он хочет забрать, но тот словно не слышал. Смотрел туда, где скрылась Рэй, на разрушенный вход ветхой хижины в трех домах от нас.

В какой-то момент из хижины выбежал мужчина. Весь седой и грязный, с безумным взглядом черных глаз. Мне даже подходить к нему не надо было, чтобы понять: этим обрюзгшим телом давно управляет они. А потом над деревней прокатился рев такой злости и отчаяния, что перекрыл все страдания этих глупых людей.

— Рэй, — прошептал я и бросился к хижине.

Она сидела на полу, обливаясь слезами и баюкая в руках тощее тело. Длинные темные волосы мертвой женщины покрывала засохшая грязь, сквозь изодранные одежды выступали кости, обтянутые тонкой, почти прозрачной кожей с синяками и ссадинами, — живого места не осталось. От запястий тянулись обрывки веревок, а на нескольких пальцах не хватало ногтей. Рэй бережно прижимала ее к себе, гладила по щекам и покрывала лицо поцелуями.

— Даже не посмотрела... даже не посмотрела на меня... — шептала она сквозь рыдания.

— Твоя мать? — тихо спросил Хэджам.

Вместо ответа она зарычала, и я впервые увидел ее демоническую сущность: зубы превратились в клыки, ногти заострились и вытянулись, впившись в щеку женщины. За спиной послышались шумные шаги, но Хэджам не глядя взмахнул рукой — и невидимый вихрь подхватил нежданного гостя и отбросил в сторону.

Рэй осторожно положила тело на пол и вскочила на ноги.

— Я его найду. Выпотрошу...

Она выбежала на улицу и остановилась, оглядываясь по сторонам в поисках мишени.

— Тот, с седыми волосами? — спросил Хэджам.

Рэй кивнула, яростно смахивая слезы с грязных щек. Мужчину я заметил на пригорке. Словно почувствовав мой взгляд, он обернулся и оскалился, выставив напоказ прогнившие зубы. Мерзкая тварь.

— Ты... — зашипела Рэй и бросилась к убийце матери. Кто-то врезался в меня сбоку. Женщина упала на землю и в ужасе уставилась на мою собачью морду. Я недовольно фыркнул и кивком приказал ей отползти.

Рэй в два счета нагнала седого мужчину. Вцепилась ему в горло и закричала. А тот не сопротивлялся — только смотрел на нее горящими одержимостью глазами и смеялся.

— Странно, — заметил я, — почему этот они не спасает тушку? Она же его на куски порвет.

— Да кто разберет этих отбросов, — фыркнул Хэджам. — Может, чертенок развлекается так. Тело-то так себе, получше найдет.

Я хмыкнул с сомнением, но от комментариев воздержался. Девочка наша совсем озверела. Била того мужчину, рвала, кусала. Ноги обреченного подогнулись, он упал сначала на колени, а потом ничком повалился на землю. Рэй рывком перевернула его на спину, наклонилась, касаясь

носом кровавого месива, которое раньше служило ему лицом.

— Почему? — рычала она, хватая камень с земли. — Почему, Исamu, почему?!

Но тот лишь смеялся, и из кривого рта сочилась кровь. И тогда Рэй замахнулась и с диким рыком ударила его камнем по голове. Мне было плевать на этого Исamu, как плевать на разруху и смерть за нашими спинами, но когда Рэй лишила его жизни, в сердце что-то екнуло. Она не была человеком — никогда не была, — но сострадание и милосердие, которые так пугали Хэджама и ставили его великий замысел под сомнение, не были ей чужды даже спустя десяток лет, проведенных с нами. И вот теперь она убила.

Мужчина вмиг затих, и из его груди высунулся темный полупрозрачный сгусток. Я потянулся к нему, хотел схватить и допросить, зачем же он на самом деле так легко пожертвовал захваченным сосудом, но Хэджам опередил меня: резко дернул призрачного юни на себя и в одно мгновение растер пальцами.

Рэй таращилась на мертвого Исamu, шумно дыша и утирая лицо грязными ладонями. Одежда его была изорвана в клочья, и вдруг лоскуты на груди и животе охватило голубоватое свечение.

— Что?.. — прошептала она.

— Душа, — голос Хэджама дрогнул.

Рэй замерла и перестала всхлипывать. Мы втроем таращились на происходящее, а потом она завороженно потянулась к трупу.

— Не трогай, — предостерег я. — Она сейчас уйдет. Упокоится в другом мире.

— Упокоится? — девушка наградила меня таким взглядом, словно я ударил ее. — Он выдворил меня из дома, травил с факелами, будто я — зло. Держал маму на привязи, морил голодом, избивал или позволял другим! — процедила она на одном дыхании. — И он заслужил покой?

Рэй вонзила пальцы в живот Исаму и дернула на себя: на ее ладони пылало голубое свечение с размытыми границами, испещренное множеством темных линий, хаотично переплетавшихся друг с другом. Души, которые я видел в Ёми и потом отдавал Хэджаму, были серыми, поблекшими, а эта еще мгновение назад питала жизнь человека и не успела померкнуть. Я никогда такой не видел. Рэй поднесла ладонь к лицу и внимательно рассмотрела. А я ощутил, как Хэджам затаил дыхание. Он смотрел на нее так, словно в ее земном обличье внезапно сошлись все ками и вся сила, о которой он так мечтал.

— Что это? — спросила она, пытаясь подцепить когтем одну из нитей.

— Связи. То, что помогает душе сохранять целостность.

Рэй хмыкнула, а я опешил. Она держала в руках самое сокровенное, что может быть в этой вселенной. Даже я, черствый, искушенный жизнью и лишенный сентиментальности ёкай, повидавший миллионы этих душ, понимал важность момента. Но Рэй казалась равнодушной — словно для нее это было самым обычным делом, словно она всю жизнь этим и занималась.

Я открыл было пасть, но Хэджам перехватил мой взгляд и качнул головой. Рэй потянула одну из нитей на себя — и та порвалась. Склонив голову набок, она проделала то же самое еще с несколькими, а потом отсоединила от свящующегося сгустка кусок и растерла его пальцами — так же, как недавно сделал Хэджам с ёнами.

— Рэй... — выдохнул я, не веря своим глазам.

— Поразительно, — откликнулся Хэджам. — Я бы даже в руках удержать ее не смог, а она... Это поразительно, Саваки.

Рэй медленно поднялась на ноги. Ее глаза затянуло холодным любопытством, и мне стало дурно. Такой взгляд я видел только у самых кровожадных демонов, для которых насилие — не месть или способ выжить, а желание

проверить границы своих способностей. Мне хотелось встряхнуть ее, заорать, привести в чувства — ведь назад дороги не будет, а может, уже нет! — но Хэджам предустроительно опустил ладонь на мое плечо, и я смиренно застыл. Как всегда. Со сдержаным спокойствием Рэй рвала эту душу на части, пока от свечения не осталось ничего. Потом посмотрела на свои ладони, перевела взгляд на нас и глубоко вздохнула.

Тогда я увидел осознание в ее чертах. Едва заметное напряжение в скулах и легкую дрожь на губах. Зрачки расширились так, что глаза стали почти черными, а лицо — мертвенно-бледным. И в тот момент я понял, что хочу ее спасти, чего бы мне это ни стоило. Более того, я могу это сделать, ведь девчонка еще там, внутри! Но вот Рэй посмотрела на Хэджама, губы ее затряслись, и ёкай в красных одеждах протянул ей руку. Она рухнула в его объятия, зарылась лицом в кимоно и зарыдала. Хэджам крепко прижимал ее к себе, гладил по волосам, нашептывая на ухо:

— Ты молодец, мое сокровище. Ты все правильно сделала.

На губах Хэджама играла праздная улыбка. Его план стал куда реальнее. Думал ли он, что наш визит обернется такой удачей? Знал ли наверняка, что именно сегодня и именно здесь сердце Рэй пронзит такая злоба, что она, сама того не ведая, откроет ему свои способности?

Позже, когда небо разразилось дождем, крики стихли, а последние языки пламени слизали остатки ветхих хижин, Хэджам вытащил тело матери Рэй на улицу и отнес к пригорку, на котором она растерзала Исamu. Ёкай окружил труп воздушным куполом, ограждая от дождя, я разжег огонь.

Рэй не стала смотреть, как горит тело матери. Она скрылась в хижине, а когда вышла, в руках у нее была

обожженная фигурка из дерева. Я узнал образ кодама* — грубо отесанный овальный бруск с выжженными кругами-глазами и точкой вместо рта. Рэй вырыла яму у порога, затем оторвала кусок от подола кимоно, бережно обернула фигурку и глубоко закопала.

— Сожги этот дом, хорошо? — попросила она меня. — Когда дождь закончится.

Не знаю, удалось ли кому-то из жителей спастись. Когда мы уходили, повсюду лежали трупы. Тело бедняги Исamu так и осталось гнить на пригорке, а от матери Рэй вскоре осталась лишь горсть пепла. Возможно, скоро, кроме нас троих, никто не вспомнит о том, что это место когда-то существовало — как и сотни других селений, стертых с лица земли вследствие войн или происков демонов. По чьей вине беда пришла в эту деревню — никто никогда не узнает.

Спустя годы, когда Рэй найдет убежище в храме Инари, я спрошу у Хэджама, кто надоумил бни вселиться именно в Исamu и мучить матушку Кеноки. Он криво улыбнется и ответит:

— Хороший план, да?

А когда я покачаю головой, силясь сказать, что он неисправим, Хэджам мечтательно добавит:

— Наша свобода была так близка. Ну ничего, подождем еще немного.

* Лесной дух, живущий в деревне. Если ему поклоняться, он защитит, а обращаясь с ним неуважительно, можно накликать несчастья.

Глава 3

Первый контракт

Рэй

Наверное, я похоронила мать еще в тот день, когда сбежала. Десять лет назад. Неосознанно, конечно, но приняла тот факт, что женщина, которая обвинила меня в смерти своего ребенка, больше не хочет называться моей матерью. По-другому я не могла объяснить себе, почему за минувшие годы жизни в замке так мало думала о ней. Как она живет? Как справляется с потерей?

Меня снедала вина за случившееся с Касси. За то, что я уродилась такой неправильной и доставила им столько бед. Что, сама того не ведая, отправила Мацу к ним. Я терзаясь чувством собственной ничтожности и даже не думала о том, каково было маме все эти годы.

И вот ее не стало. Я отомстила, а Хэджам сказал, что все было правильно. Мне мало помнится тот день — исступление и злость, отравившая все мое естество, а еще ее закрытые глаза и тихое, едва слышное дыхание.

Посмотри на меня. Посмотри.

Когда от Исamu ничего не осталось, а осознание содеянного острыми когтями стало сжимать мою голову, помню, как поймала взгляд Саваки — ошеломленный, полный недоверия и непонимания, — но блеклая мысль

о том, что я совершила ужасное, резко разбилась о руки Хэджама.

Сны вернулись. Размытый облик Касси, отчего-то схожий с мерзким силуэтом демона Мацу, его скрипучий шепот и запавшие глаза матери. Я просыпалась в поту и босая кидалась на улицу, ныряла в темноту и порой часами стояла в пустоте, на коленях, низко склонив голову к неведомой потусторонней земле.

Но темнота меня больше не спасала, лишь приглушала боль. Я стала тревожной, спокойствие замка Чироши больше не внушало мне чувства защищенности. А Саваки после того злополучного дня стал навещать меня все реже и реже. Сора как-то обмолвилась, что он закрутил роман с ведьмой, промышлявшей торговлей амулетами в окрестностях Киото, и почти перестал посещать замок.

Мне исполнилось двадцать пять зим, и день рождения я встретила в полном одиночестве. Простояла под холодным темным небом, вопрошающе всматриваясь в проклятую розовую звезду.

Что я такое? И зачем я все еще здесь?

Мне двадцать пять, а в моей жизни не было ни целей, ни желаний. С каждым днем внутри разрасталась колючая вина за смерть семьи, и любое другое чувство — мимолетная радость от прикосновения к темноте, забавные истории Соры или редкая компания Хэджама — мгновенно тонуло в этой удручающей бездне.

Однажды Хэджам пришел ко мне ночью. Я проснулась резко — возможно, от очередного кошмара, — а он сидел рядом, на полу, слабо сверкая в лунном свете, сочившись через приоткрытые окна. Рука ёкая с длинными пальцами поколась возле моей головы, и мне показалось, что он что-то говорил — его губы шевелились. Но вот я села, натянув одеяло на плечи, и уставилась на него, а Хэджам просто улыбнулся. Мои щеки залило краской, сердце зашлось в неистовом ритме.

— Хотел помочь тебе с кошмарами.

— С... с кошмарами?

— Ты плохо спишь. Сора сказала мне. А то, что случилось с твоей матерью, усугубило ситуацию. Я решил, что могу успокоить твои сны. Это единственный дар, который не отняли у меня боги.

Тогда он впервые поведал ту часть истории, в которой род Чироши прокляли. Оказалось, высшие ками, в числе которых был и бог ветра Сусаноо, лишили предков господина силы и закрыли доступ в Такамагахару. На мой наивный вопрос: «Почему?» — Хэджам хмыкнул:

— Ками милосердны только для тех, кто не знаком с ними. Люди молятся им, осыпают дарами и восхваляют. Но стоит хоть раз выступить против — делом или даже словом, — впадаешь в опалу.

Это сейчас я понимаю, что дед Хэджама сделал что-то куда серьезнее «неправильного слова», может, даже готовил переворот — никто бы не удивился! — но тогда я, конечно же, поверила ему.

Еще Хэджам рассказал, что потомки Сусаноо способны управлять сновидениями: внушать существам чувства — радость или страх, насыщать тревогу, придавая кошмарам больше реальности, или, наоборот, приглушать их.

— Не думал, что все так плохо. — Хэджам взял меня за руку и провел пальцами по внутренней стороне ладони. Только сейчас я заметила запекшуюся кровь в ранах от своих же когтей.

— Я... я...

Глупая девочка, вроде бы взрослая, но все еще ребенок. Может, у меня и не было шанса влюбиться, потому что тот, кого я хотела любить, меня отверг, а сейчас вот так сам пришел ко мне, держит за руку, и я уже не помню ни о кошмарах, ни о чем бы то ни было еще.

Хэджам придинулся ближе и, обхватив руками, прижал меня к себе. Не веря в происходящее, я осторожно

опустила голову ему на грудь и, закрыв глаза, вдохнула его запах. Что-то острое и горькое, как перец. Не помню. Честное слово, не помню.

— Поспи, Рэйкен. Поспи, мое сокровище.

— Рэ... Рэйкен?

— Имя, которое дала тебе мать, и имя, которое оставил отец, — прошептал он, поглаживая меня по волосам. — Не нравится?

— Нравится, — протянула я, мысленно повторяя: «Рэйкен. Рэйкен. Рэ-э-эйкен».

Постепенно он успокоил мое дыхание. Краска с лица схлынула, и я отдалась дреме, хоть и отчаянно цепляясь за реальность, не желая упускать его движений — рук, скользящих по моей голове, губ, касающихся моих волос. Но сон в итоге взял свое, и последнее, что я услышала, — далекий шепот, предназначенный женщине, которой я стала в ту ночь. Рэйкен.

— Ты так прекрасна, мое сокровище.

Чувства, которые разгорелись с новой силой, стали моим спасением. Я цеплялась за них всякий раз, когда вокруг сгущалась безнадежность, когда отчаяние, вызванное кошмарами, накрывало меня с головой. Хэджам ничего не обещал и больше не давал поводов, но я помнила каждую деталь той ночи и жадно воспроизводила призрачные объятия и сладкое дыхание.

Сейчас я виню себя за ту слабость, но вместе с тем понимаю, что, если бы не она, я бы сгорела от страха и одиночества.

Я не только боялась кошмаров, которые снова и снова возвращали меня к вине за случившееся, но и злилась на свои сны — потому что они вытесняли из памяти все хорошее,

что связывало меня с мамой и Касси. И, конечно, проще было забыть прошлую жизнь полностью, чем бороться с обманчивыми снами. Но я не хотела ее забывать. От мамы и Касси у меня остались всего две вещи: фигурка кодама, которую я похоронила в земле бывшего дома, и одежды отца, оставленные у мика Кены и ее матери.

Я решила забрать костюм и через несколько дней после ночи, проведенной в объятиях Хэджама, отправилась в селение на берегу Янтарного озера. Пришла в сумерках, завернувшись в темный плащ, и, удостоверившись, что меня никто не видит, постучала. За хлипкой дверью послышались шаркающие шаги, и вот на меня уже смотрит уставшее, осунувшееся лицо Дороши.

— Здравствуйте, Дороши-сан, — я низко поклонилась.

Время. Вот о чем говорил Саваки. Прошло десять лет, а я и не заметила. В моем новом мире это была вспышка, никак не отразившаяся на мне, а в мире Дороши и Кены — весомый отрезок, наложивший на них серьезный отпечаток. Дороши постарела — так сильно, словно минула целая жизнь. Ее плечи гнулись к земле от незримого груза, морщины оттягивали кожу лица, а глаз было почти не видно из-за нависающих бровей.

— Кто это?.. ох, Рэй, это ты!

Рада мне или просто не ожидала встречи?

Не спросила, как я поживаю, а сразу к делу перешла. Говорила вежливо, но без сантиментов. Я опешила, но сказала, что хочу забрать свои вещи. Тогда Дороши скрылась в хижине, затворив дверь перед моим носом, а спустя пару минут вернулась со свертком.

— Вот твоя одежда. Выстирала ее давно, но больше не притрагивалась. Так что ты постирай еще раз — сколько лет прошло!

В благодарность я склонила голову. Из глубины хижины послышался надрывный кашель, и лицо Дороши скривилось, губы сжались в тонкую линию.

— Кто там? А где Кена?

— Деточка, — Дороши ухватилась за край моего плаща и отвела в сторонку, — господин сказал, что забрал тебя и что жизнь твоя наладилась. Это хорошо. Я рада за лисью сиротку. Но у нас тут жизнь другая...

— Что случилось, Дороши-сан? Что с Кеной?

Женщина покачала головой, беззвучно шевеля губами, а потом спрятала лицо в ладонях и глубоко вздохнула:

— Умирает моя Кена.

— Умирает. Чахотка у нее.

Мы с Хэджамом прогуливались по каменному саду в тени кедровых деревьев. Костюм отца я выстирала, но так и не надела.

— Почему ты расстроена?

— Она еще молода. И мне... Дороши мне жалко, — призналась я. В конце нашего свидания женщина расплакалась, и в неразборчивых всхлипах я разобрала лишь одно: «Лучше бы я». — Несправедливо, что молодые умирают.

— Я виделся с Кеной, она не сожалеет о своей жизни.

— А как же ее мама? Что с ней будет? Родители не должны видеть, как умирают их дети! — выпалила я и тут же зажала рот ладонями, вытаращившись на Хэджама.

Ёкай мягко улыбнулся, отнял мои руки от лица и сжал их. Солнце освещало его вороные волосы, отражалось в голубых глазах, делая их светлее, контуры — размытыми, словно это были и вовсе не глаза, а капли воды.

— Если бы тогда ты смогла уговорить плута Мацу вместо тела братишки забрать тело матери, ты бы это сделала?

— Что? Нет... почему я должна решать!

— Это важно, подумай. Ты уже потеряла их. Но подумай хорошо. Если бы это было возможно...

И мама никогда бы не увидела, как задыхается Касси. Никогда бы не увидела, как мои руки убивают ее сына. А я бы никогда не услышала тех ее слов.

— Тогда — нет, не сделала бы.

— Но сейчас?

Я нехотя кивнула, закрывая глаза. Застыдилась этой правды — и все же это была правда. Хэджам медленно пошел дальше, все еще держа меня за руку.

— Боги лишили мою ки силы ками, но оставили способности, которые могут быть полезны. Я умею исполнять желания.

— Желания? — Надежда тихо забилась в моем сердце, и я затаила дыхание, внимая каждому его слову.

— Правда, эта способность имеет свою темную сторону. Желание в обмен на жертву — только так это работает. Я не могу накормить голодных, потому что им нечем заплатить. Не могу спасти человека от смерти, потому что, когда он умрет, ему опять же нечем будет заплатить.

— Но он может заплатить до того, как умрет.

— Нет... Нет, Рэйкен, речь не о деньгах. Разве жизнь стоит денег? Цена должна быть соразмерной.

Чего же стоит жизнь?

— Ох... Жизнь... за жизнь?

Я не спала несколько ночей, прокручивая в голове рассказ Хэджама. Душа за душу. Готова ли Дороши пожертвовать собой, чтобы спасти дочь? Я не смогла ответить на этот вопрос и не нашла ничего лучше, как еще раз навестить ее.

— Готова, — не раздумывая ответила она. — Готова, душенька.

Блеклые глаза, болезненные и отчаявшиеся, вдруг вспыхнули надеждой. Морщинистые руки обхватили мое запястье и с благодарностью сжали.

— И как это сделать? — спросила я Хэджама. — Она должна что-то подписать?

— Нет, соглашение — это сила слова, здесь все прозаично, Рэйкен. И оно вступит в силу, когда душа женщины окажется вот здесь.

Хэджам продемонстрировал мне грубо вытесанную шкатулку из серого камня.

— Значит... значит, я должна забрать ее душу? У живого человека?

— Если не будешь спешить, она не почувствует боли. Сделаешь так же, как обращаешься с темнотой.

Вот как. Меня пугал предстоящий ритуал, ведь раньше я никогда не делала ничего подобного обдуманно и взвешенно. Бедняга Ашимару, Ситоку и Исама — их всех я касалась стихийно, не задумываясь, как это сделать правильно и какими могут быть последствия. Тогда, в свой первый контракт, я думала лишь о том, чтобы не причинить Дороши боль. И только.

«Убийца ты или спаситель?» — когда в тот вечер в Блуждающей крепости Шиноту спросит меня об этом, я вспомню, о чем думала в первый раз. Спаситель, бесспорно. Не мне решать, жить Кене или умереть, — но у меня был выбор и я могла подарить его Дороши. Вот что было правильно. В конечном счете никто ведь меня не вынуждал. Хэджам лишь рассказал о том, что это возможно, и убедился, что в свое время я бы поступила так же.

Искусный манипулятор, что уж теперь горевать.

— Когда демон касается души человека, между ними образуется связь — незримая нить, которая будет притягивать их друг к другу, даже когда тело умрет. Но слова из твоих уст способны разорвать эту связь — только не забудь сказать, что отпускаешь ее душу.

— Так просто?

— Магия — это вообще просто, если использовать ее с умом.

— А что значит — даже когда тело умрет? Дороши сможет жить без души?

Человек без души — все равно что мертвец. Хэджам сказал, что я бы никому не пожелала такой жизни, и был прав. Если бы Дороши решила оставить свою оболочку, она бы служила Кене вечным напоминанием своей жертвы — пустая, ничего не чувствующая, ни к чему не стремящаяся. И когда я рассказала женщине об этом, та без промедления отказалась.

— Я готова умереть — целиком и полностью, ради своего ребенка. Ради долгих лет жизни для души Кены.

Как заставить сердце Дороши остановиться? Прикоснуться к нему я не могла, но и убить своими руками тоже. И тогда Хэджам дал мне пузырек.

— Снотворное — сильное и безболезненное. Пусть выпьет его, и к тому моменту, как ты закончишь, она уснет навсегда.

Он сказал это так просто, словно это было обычным делом, но тогда я больше переживала за сохранность души бедной женщины и даже не задумалась о поведении Хэджама.

Помню, как протянула ей бутылочку. Мои руки тряслись, и я уронила ее, упала на колени и стала шарить в траве, а потом едва не раздавила хрупкое стекло. Дороши опустилась рядом, накрыла мою руку своей и без лишних слов откупорила бутылочку. Выпила и вдруг наклонилась ко мне и поцеловала в лоб.

Все произошло тихо. Душу Исamu я терзала в агонии, но к душе Дороши прикоснулась бережно и извлекла из тела без повреждений. Опустила ее в шкатулку и уставилась в мертвые глаза женщины, некогда проявившей ко мне доброту. Она умерла с улыбкой на лице, и это должно было меня успокоить — ведь я помогла! — но отчего-то в груди стало тяжело. Подушечки пальцев покалывало от касаний священной материи, и я вдруг подумала, как несправедливо — ощущать лишь покалывание. Ведь в моих руках то, что питало жизнь человека! Делала Дороши доброй, заботливой и самоотверженной, взрастило необъятную любовь к дочери и позволило так легко согласиться на жертву. А я чувствую лишь чертовы покалывания.

Я оттащила тело к лесу, который спустя годы нарекут лесом Пойманных Душ, и закопала на окраине.

Я тебя отпускаю, Дороши-сан. Отпускаю навечно.

Вернувшись в замок, я столкнулась с Саваки. Он ждал меня, пристроившись на земле под вишней у обрыва. Его человеческие губы растянулись в искренней теплой улыбке, но вот взгляд замер на шкатулке, и инугами скривился и презрительно покачал головой.

— Контракт заключила, да? — выплюнул он. — Заделась богиней милосердия?

Я опешила.

— Ты пьян?

Саваки разразился лающим смехом и, поднявшись, подошел ко мне так близко, что я отшатнулась. Лицо обдало кислым дыханием — смесью табака и алкоголя.

— Не забудь спросить его, куда он денет эту штуку, — Саваки постучал когтем по крышке шкатулки.

Но я не спросила. Сбежала от инугами — лишь бы не позволить ему копаться в моих мыслях, лишь бы не дать сомнениям, трепетавшим на задворках моего сознания, выбраться наружу. В дверях замка я столкнулась с Хэджамом, молча всучила ему шкатулку и скрылась в спальном коридоре.

О том, что Кена покончила с собой спустя всего несколько дней после жертвы Дороши, я узнала лишь через десяток лет — когда за плечами было столько «милосердных» поступков и столько попыток успокоить немолчную совесть, что стало уже все равно. Я боялась хотя бы на секунду задуматься о том, что делаю, потому что всегда знала: сделанного не исправишь, а правда уничтожит меня. Именно поэтому после смерти Дороши я ни разу не навестила Кену. Чтобы не смотреть в ее здоровые глаза — понимала ведь, что ничего хорошего там не увижу.

Я так сильно хотела найти хоть что-то, что придаст моей жизни смысл, что поверила в благую силу своих намерений. Мне хотелось быть нужной, хотелось, чтобы меня больше не прогоняли из леса ради спасения другого ребенка, хотелось, чтобы меня любили. Видели бы вы глаза тех, кто отдавал свою жизнь ради другого, — в них было столько благодарности! И я довольствовалась ею, снова и снова убеждая себя, что все делаю правильно, пока и сама не поверила в это. Пока перестала в мыслях спрашивать маму: «А ты, мама, ты бы отдала свою душу за меня? Если бы я смертельно заболела, ты бы пожертвовала собой, как жертвуют эти родители?»

Так кто же я, Шиноту: убийца или спасительница?
Я трусиха и эгоистка. Я тоже не способна принять правду.

Хэджам

Души из Ёми не шли ни в какое сравнение с теми, что приносила мне Рэйкен. Их энергия питала мое проклятое тело гораздо дольше. Теперь мне не требовалось каждую неделю ждать Саваки с его жалким подарком. Я чувствовал себя сильным и преисполненным жизни. Страх, что Рэйкен не та, кем я ее воображал, ушел безвозвратно. Рано или поздно пророчество свершится. Я получу ключи от Такамагахары, верну потомственную власть и больше никогда не буду зависеть от подношений.

Как же я ненавидел это! Ненавидел, что моя жизнь продолжается за счет жизней других. Души — необходимость, но если бы у меня был хоть малейший шанс обойтись без них, то я бы сделал это не задумываясь.

Вообще-то я противник насилия. Мои приятели-ёкаи пировали, когда началась война. Души, деньги, власть — люди давали им все, что ни попросишь, за возможность завести сторонника из демонов. Меня это раздражало. Я бы никогда не продался человеку, никогда не стал бы марать руки ради материального могущества. Все, что меня интересовало, — это жизнь. Долгая и ничем не стесненная. Время, судьба, боги: о нет! — я и только я должен контролировать свою жизнь и не страшиться, что она внезапно прервется. Ощущение независимости — вот настояще могущество. Возможность позволить себе проводить день за днем так, как хочется, и неважно, что творится вокруг — идет ли война или рушатся границы миров.

Мой дед был другим. Он отстаивал свое величие по любому поводу и лез на амбразуру, сотни раз рискуя умереть.

Силы Сусаноо ему было недостаточно — он хотел такой власти, чтобы ее можно было увидеть из космоса. Конечно, ему не нравилось, что Аматэрасу* устанавливала законы мира ками, не нравилось быть на вторых ролях. Собственно, за стремление быть главным он и поплатился. А потом и мой отец, и я.

Я был зол на деда, зол на всех ками, от чьих рук род Чироши лишился силы, и все же я не собирался чинить кровавые расправы. Только избавиться от проклятъя и вернуть то, что полагалось мне по праву. Я, может, даже больше никогда и не появлюсь в Такамагахаре — только однажды зайду, чтобы забрать свое, и поминай как звали.

А чтобы это случилось, мне нужна Рэйкен. Сокровище, которое те самые боги, что лишили мой род силы, создали для меня. Есть в этом какая-то ирония, не правда ли? Возможно, боги так и планировали: тот из рода Чироши, кто найдет Странницу, получит свое могущество обратно. И с каждым днем, проведенным с нею, я в этом убеждался.

Любой, кто хотя бы немного знаком с природой Странников, знает: им нельзя препятствовать. Что бы они ни делали, куда бы ни шли — отойди в сторонку и наблюдай. Рано или поздно действия Странника приведут к исполнению предназначения — как бы глупо и бессмысленно ни выглядели его поступки до этого.

Рэйкен доказала это. Сначала тем, как быстро освоила пути в другие миры, потом тем, как расправилась с душой того жестокого дурака, а после — желанием помочь старухе Дороши. Я понимал, что все идет по плану и без моего вмешательства, и все же не мог просто стоять и смотреть. И начал подсказывать. Направлять. Пресекать ее сомнения и страхи.

На мою удачу, Рэйкен верила мне. Возможно, я даже был ей небезразличен — не знаю. Кто их разберет, этих

* Богиня солнца, высшее божество в синтоизме.

сироток. Любви они лишены и цепляются за первого, кто спасает их от тяжелой жизни. Как женщина поначалу она меня совершенно не интересовала, но как существо, от которого зависели мои цели и мечтания, — да, и я готов был держать в тепле любые ее чувства ко мне. Не давая ложных надежд, но и не пресекая на корню.

После ее первого контракта мы стали проводить много времени вместе. У нас с Саваки были свои дела, но вот странно: все чаще я стал замечать, что стремлюсь вернуться в замок как можно скорее. И не просто в замок — а именно к ней. Мне вдруг стало интересно, в каких мирах она успела побывать в мое отсутствие, что узнала, о чем думала. Внезапно возникшая привязанность испугала меня, но я быстро решил, что мой интерес к Рэйкен лишь исследовательский интерес к Страннику (попробуй найди ёкая, который поселил бы у себя одного из этих загадочных редких существ!). Что я хотел знать: как развивается их мышление, какие выводы они делают и почему решают поступить так, а не иначе.

Однажды, когда мы с Саваки засиделись в трактире, изрядно набравшись, я порывался поделиться с ним своими мыслями, но маленькая трезвая часть сознания резко воспротивилась. Мне больше не хотелось обсуждать с ним Рэйкен. Хоть в последнее время он редко навещал ее, но мне не нравилось его поведение. В глазах этого инугами я часто видел осуждение, порой в присутствии Рэйкен он бросался такими фразами, что холодело внутри. Да, она бы не поняла, в чем смысл его каламбура, но я-то понимал. И боялся, что однажды Саваки плонет на контракт и его последствия и расскажет ей все.

Почему он так вел себя — не знаю. Не поверю, что этот инугами мог воспылать чувствами к девчонке, но что-то у него к ней было. А может быть, не к ней, а ко мне? Точнее, против меня. Я хоть и убеждал себя, что мы, вопреки всем обязательствам, стали друзьями, но его протест

вырывался наружу все чаще и чаще. Чего он добивался? Я без него теперь справлюсь. А он без меня?

Контракт нельзя нарушить, пока я жив и существую в этом мире. Он связан со мной, как ни крути. Но если Рэйкен раньше времени узнает, к чему ведет наш с ней tandem, все может рухнуть. Поэтому я попросил Сору присматривать за Саваки, когда он без меня навещал Рэйкен в замке, и не давать им возможность проводить много времени наедине.

Другим удивительным стечением обстоятельств, сыгравшим огромную роль в ее предназначении, были сны. Ни новое имя, ни погружение в мой мир не могли вытравить из нее человеческие чувства — казалось, новые знания лишь усиливали вину и скорбь, разрушающие сознание простаков. Поначалу я думал, что Рэйкен нужно больше времени, чтобы оплакать семью, но чем чаще наблюдал за ней, тем больше убеждался, что ее чувства не грусть и не тоска. Она винила себя за случившееся, но — и это удивительно! — не желала превращать вину в бремя, а хотела избавиться от нее.

Однажды она обмолвилась, что, попадая в новый, невиданный ранее мир, невольно прислушивается к голосам в надежде, что душа ее брата обитает где-то поблизости. Если бы не это признание, я бы, наверное, сам никогда не додумался, как ее освободить. Рэйкен нуждалась в прощении за убийство брата и за то, что бросила мать, а еще желала освободиться от потаенной злости за то, что та отказалась от дочери (это мне Сора рассказала). Сама бы Рэйкен никогда не справилась с этими чувствами, и я понял, что единственный способ сделать это — найти ее семью по ту сторону.

Просто разыщи их. Ты же Странница.

Я никогда не испытывал радости за других, мне было неведомо сострадание, но когда ее глаза вспыхнули, заскрились какой-то непонятной мне детской надеждой,

мое сердце впервые с того дня, когда я нашел Странницу, застучало сильнее обычного. Тогда я понял Саваки, понял, почему ее неподдельная радость от изучения границ своего могущества доставляла ему столько счастья. Что-то в ней было, в этой Страннице, что-то, что даже меня заставляло таять.

Рэйкен пустилась на поиски. Ее энтузиазм заражал и не угасал на протяжении нескольких лет, пока сам я искал хого из рода Сугаши. Я не стремился контролировать ее, не спрашивал, сколько она будет отсутствовать, но всегда против воли улыбался как дурак, внезапно встречая ее в замке. Она рассказывала о своих путешествиях, в подробностях описывала, что видела, какие миры посещала. Правда, в какой-то момент ее запал начал угасать, глаза больше не светились, а рассказы становились все короче и тусклее.

— Их просто нигде нет. А может, боги не хотят, чтобы мы снова увиделись. Хотя при чем здесь боги, да? Никто из них не смотрел на меня до сих пор.

Я бы тогда мог рассказать ей, что некоторые души попадают в миры, вход в которые доступен только мертвым — будь ты хоть сто раз Странником. Я бы мог утешить ее и поведать о своей цели, о том, что, когда верну свое могущество, смогу проводить ее душу куда угодно, потому что сам стану богом, и тогда бы Рэйкен забыла о своей вине хотя бы на время, не ступила бы на путь одержимости, который никогда не позволит ее душе упокоиться, пока не исполнится желаемое. Но я сделал иначе. Потому что, какое бы весомое место ни занимала Рэйкен в моем сердце, моя цель была важнее всего на свете.

— Я тоже кое-кого ищу. Вот уже на протяжении двух столетий.

— Кого?

Мы сидели в столовом зале на подушках, достаточно близко, чтобы сохранить интимность момента, и все же

на расстоянии, чтобы никто не смог разглядеть нечто большее между нами. Рэйкен поджала под себя ноги, и я краем глаза любовался, как ее прекрасные длинные волосы окутывали гибкий силуэт. Она была невероятно красива, но никогда не замечала этого.

— Одно существо. Такое же уникальное, как и ты, но, увы, практически неуловимое. В народе их называют защитниками, мы же зовем их хого.

— Хого, — повторила она тихо. — Никогда не слышала.

— Их создали боги. По легенде, самые сильные ками вложили в это существо частичку своей души. Неспроста их зовут защитниками, ведь их ки заключает в себе самый мощный оберег. Они способны скрывать себя и других, скрывать леса, горы, города и страны. Даже те, кто не ведает о своих талантах, невольно укрыты незримым куполом. Если они встречаются людям, те забывают о них, никто не вспомнит, где видел защитника, никогда не запомнит, где тот живет, и уж тем более не покажет к нему дорогу.

— Ого, — выдохнула она. — А зачем тебе хого?

— Помнишь, я рассказывал, что ищу путь в Такамагахару, чтобы просить богов вернуть силу моего рода?

Рэйкен кивнула, улыбнувшись, и эта улыбка неожиданно согрела меня. Саваки всегда скептически и даже с насмешкой относился к моей цели, а она воспринимала все так, словно я — единственный, кто заслужил могущество.

— Даже если я найду вход, то мне понадобится хорошая защита, чтобы попасть туда. И я хочу воспользоваться силой хого. Без нее барьер ками уничтожит меня.

— А зачем ему тебе помогать?

— Кто знает. Может, я смогу предложить ему какой-нибудь обмен.

Конечно, ни о каком обмене и речи быть не могло, но об этом я не мог тогда ей сказать.

— А сколько их, этих хого?

— Да кто знает. С момента появления первого прошли столетия, потомство может быть большим. Но мне нужен не любой, а потомок самого первого. Род Сугаши. Не встречала таких? — Я придал лицу максимальное безразличие, но сердце екнуло в ожидании ответа.

Но Рэйкен лишь покачала головой, поджав губы так, словно она извинялась. Мы посидели в тишине, потягивая мятыный чай и наблюдая за танцем огоньков в жаровне.

— А вход в эту Такамагахару... ты сможешь сам его найти?

— Рано или поздно. Это цель всей моей жизни.

— Я бы, наверное, могла тебе помочь...

Мне захотелось взять ее за руку, но я побоялся, что кто-то из прислуги увидит. Ни к чему пускать слухи.

— Это я все к чему рассказал? Если ты хочешь найти свою семью, не сдавайся. В твоем распоряжении — неисчерпаемое время. Ты уже понимаешь, что время для тебя течет не так, как для других.

— Спасибо. Спасибо, что помогаешь.

В сердце едва ощутимо кольнуло, но я отмахнулся.

У желаний есть опасная сторона. Если они сильны и не сбываются в короткий срок, то превращаются в одержимость, и тогда нет лучше исхода, чем попросить такую, как Рэйкен, разорвать твою душу в клочья, лишь бы не дать ей после смерти отделиться от тела. Потому что, когда одержимое существо умирает, душа его становится узником на земле. Скитается столетиями в надежде обрести то, чего желала при жизни, истончается, и нет в ней больше места ни воспоминаниям, ни жалости, ни радости — одна лишь злость, жестокая и беспощадная. Мононоке.

Я понимал, что, подпитывая тревожные сны Рэйкен и подбадривая ее в поисках семьи, своими руками подталкивал ее к этой судьбе. Но не стоит так уж однозначно

судить меня. В конечном счете я искренне верил, что, когда придет время и тело Рэйкен сгорит в барьере Такамагахары, я отыщу ее душу и проведу к семье, встречей с которой она станет одержима, хоть и моими стараниями.

Но не учел я одного: тревожность Рэйкен усиливалась с каждым днем, и это сказывалось на новых контрактах. Я сам искал людей, которым требовалась «помощь», и сопровождал к ним Странницу. Рэйкен всегда долго разговаривала с ними. Ей было важно убедиться, что жертва, на которую идет человек, действительно стоит того. Она сдержанно и с расстановкой объясняла, что можно жить без души, описывала перспективы, и если поначалу тот быстро соглашался выполнить условия контракта, то дальше все становилось хуже. Она начинала задавать вопросы, которые зачастую пошатывали уверенность бедняги.

Вы уверены, что без вас вашему ребенку будет лучше? А если он будет скучать по вам так сильно, что не сможет жить, потому что все дни напролет будет думать только о вас?

Черт возьми, Рэйкен! Она начинала сходить с ума, и я ругал себя за то, что переборщил с кошмарами. Я попытался сгладить ее сны, чтобы она наконец перестала видеть брата и слышать голос матери. Но процесс был необратим.

Когда одна мико, чья душа была для меня особенно желанна, в последний момент отказалась спасти младшую сестру от скорой смерти, я обратился к ямауба* по имени Тоши, отвратительной ведьме, обитавшей в лесу у подножия вулкана Бандай. Эта женщина была так стара и хитра, что только одна минута общения с ней грозила мне лишением рассудка. Но увы, Тоши была единственной, кто

* Горная ведьма, сродни демону-бони.

мог избавить Рэйкен от тревожной одержимости. Мне пришлось пообещать ведьме в подарок несколько молодых женщин для ее извращенных игр.

— Четыре! Чтоб по одной в неделю строго в полночь, не раньше, — до этого я сплю, — прокряхтела она, отправляя воздух зловонным дыханием.

— По одной в неделю? Раньше каждый день кого-то воровала. Совсем стара стала.

— Ты мне тут не умничай! Сама знаю.

Спустя два дня я вручил Рэйкен блестящий сверток, перевязанный янтарной лентой. Странница развернула подарок и запустила дрожащие пальцы в белоснежный мех.

— Надевай его, когда от чувств и мыслей станет особенно тяжело.

Я знал лишь то, что этот волшебный плащ впитает в себя все тревоги Рэйкен и подарит голове ясность, а сердцу — спокойствие. Но я не думал, что эта вещь будет ее продолжением. Она была ханьё, полукровкой, не способной менять облик, но благодаря колдовству ямауба становилась почти ёкаем. Стоило плащу коснуться ее плеч — как края его вросли в кожу и обтянули руки. А потом ее пшеничные волосы и коричневое кимоно резко потеряли цвет и будто покрылись искрящейся пылью, такими белыми они стали. Мех засеребрился, и весь силуэт Рэйкен объяло слабым свечением.

Я смотрел на нее, не скрывая удивления и восхищения, она же вытаращилась на свои руки, а потом вдруг тяжело и надрывно вздохнула и тряхнула головой. Белоснежные волосы разметало в стороны, несколько прядей отделились от копны и затанцевали вокруг нее.

— Спасибо, — прошептала Рэйкен, все еще удивленная случившимся. — О таком я и мечтать не могла...

— Только не носи его постоянно, а то привыкнешь к легкости и сойдешь с ума от нахлынувших мыслей, если вдруг с этой штукой что-то случится. Это как с ядом:

чтобы не умереть от него, нужно принимать каждый день по чуть-чуть.

Рэйкен пристально посмотрела на меня, а потом вдруг улыбнулась широко и в рыжих глазах заплясали задорные огоньки. Давно я не видел ее такой.

— Есть место, где я буду прятать его.

И все снова закрутилось. Я вернул ее кошмары, правда, не сразу и не много — только чтобы она не забыла о семье и о своей вине. Мы продолжили исполнять контракты, мое тело питало чудесную человеческую силу, и я чувствовал себя по-настоящему счастливым. Даже без хого, которого никак не мог найти. Ничего, рано или поздно это случится. Рэйкен приведет меня и к хого, и еще кое-кого найдет.

Плащ она прятала на ночь и спала плохо (я часто присматривал за ней), но, отправляясь на помощь очередному бедняге, всегда надевала его. Благодаря колдовству, сглаживающему ее эмоции, Рэйкен с невероятной скоростью совершенствовала свои навыки. Ее руки больше не дрожали, когда пальцы тянулись за душой. Она действовала уверенно, словно видела человека нас kvозь.

Однажды мне попался дряхлый старик, который и без нашей помощи со дня на день испустил бы дух. Каким-то образом этот дурак пять лет назад умудрился жениться на молодой вдове, которая родила ему ребенка. Девочка явилась на свет чахлая, вся в коричневых пятнах и с коротким мохнатым хвостом. Мы отправились посмотреть на нее. Рэйкен думала, что жена его была духом или ёкаем, но я быстро убедился, что в этой женщине нет ничего потустороннего. Обычный человек. Правда, насолила какой-нибудь ведьме, вот та и прокляла ее потомство. Забава скучающей колдуньи.

Старик заключил сделку. Рэйкен, по обыкновению, потянулась за его душой и вдруг замерла. Ее пальцы

тонули в грудине старика, а сама она смотрела куда-то поверх головы бедняги, глаза которого затуманились, словно он впал в оцепенение (хотя, наверное, так оно и было).

— Ты что делаешь? — шепнул я, силясь скрыть волнение.

— А я раньше не замечала, — с холодным спокойствием ответила она и вдруг взглянула на меня. — Сложно объяснить. Там вокруг есть еще какая-то материя, как защита. Я могу ее подцепить и сделать...

— Что?

Рэйкен прищурилась, задумавшись. Я стиснул зубы. И что она вообще полезла что-то там изучать!

— Нет, ничего. — Рэйкен мотнула головой и, выудив мерцающий сгусток, вложила в шкатулку в моих руках. Потом закрыла старику глаза и опустила мертвое тело на землю. — Показалось.

Спустя несколько дней я стал свидетелем занимательной сцены, которая испугала меня и восхитила одновременно. Один вопрос так и остался открытым: почему Рэйкен тогда обманула меня?

Они с Саваки встретились в саду, недалеко от вишни, у обрыва с водопадом, а я замер у окна, из которого открывался хороший обзор на парочку, но им меня видно не было. Рэйкен, вероятно, о чем-то упрашивала его (этого уж я не слышал), а Саваки, явившийся в облике пса, долго отpirался. Но потом мой верный и взбалмошный инугами обреченно кивнул, раскинув мохнатые руки в стороны, и Рэйкен запустила пальцы ему под грудь.

Вот это поворот. Глаза Саваки закатились, а Странница выглядела на редкость сосредоточенной. Я не мог

видеть, но представлял, как ее пальцы копаются во внутренностях инугами, когти цепляются за призрачные нити души ёкая.

Что же она делала? Что?

Наплевав на конспирацию, я подался вперед, когда псиний облик Саваки растворился, а на его месте представил кудрявый мужчина с бледной, почти посиневшей кожей. Рэйкен вытащила руку и отступила. Инугами часто заморгал, а потом оглядел свои руки.

— Ты что сделала?

— Не знаю... не знаю, как это работает. Что ты чувствуешь?

— Да я превратиться не могу!

Губы Рэйкен растянулись в улыбке, но взгляд Саваки был таким яростным, что она зажала рот ладонью, хотя рыжие глаза так и сияли.

— Я все исправлю!

И прежде чем Саваки хоть слово вымолвил, вновь скользнула пальцами ему под грудь. Он попытался оттолкнуть ее, но не успел: глаза ёкая опять закатились, а лицо Рэйкен снова пронзила сосредоточенность.

Я даже рот раскрыл от удивления. Значит, вот что она нашупала.

«...Еще какая-то материя, как защита...»

В душе ёкая заключена его ки — сила, благодаря которой он тот, кто есть. И если сковать эту силу, ёкай будет самым обычным человеком. А Рэйкен каким-то образом удалось запереть ее.

В тот день многое случилось, но позже, когда страсти поутихли, я признался ей, что подсмотрел за ними с Саваки и спросил, как она это сделала.

— Сама не знаю. Я ухватилась за эти нити, почувствовала, что они немного другие, похожие на те, что пересекают душу. Помнишь, как у Исamu? Только эти были вокруг, и я на ощупь сплела из них цепь.

— Цепь?

— Может, не цепь. Не знаю, я же не видела. Но мне так показалось.

— А как ты поняла, что это лишит его силы?

Рэйкен пожала плечами. Чертово чутье Странников!

Что мне не нравилось в них — так это непредсказуемость. Я было обрадовался, что нашел ее слабое место, что могу управлять ее снами и только усиливать зависимость от моей мнимой «помощи». Да как бы не так! Эти Странники... они что-то делали, и невозможно было объяснить зачем, но так ведь надо, потому что любое их действие приведет к исполнению предназначения. Мне сложно мириться с существами, чей образ жизни плохо поддается логическому объяснению. Да, возможно, странно слышать такое от потомка могущественного ками, чья магия — явление само по себе интуитивное и невесть откуда берущееся, но я привык целиком и полностью изучать то, что могло нанести мне вред. А Рэйкен, оказывается, могла. Чего ей стоило подкрасться ко мне ночью и сковать мою силу? Или, еще хуже, вырвать душу?

Глава 4

Птичья принцесса

Рэйкен

— Я не хотела причинить тебе боль.

Саваки вернулся на закате, спустя несколько часов после того, как я провела эксперимент с его душой. Он не выглядел злым, но смотрел на меня настороженно, словно в каждом движении ожидал подвоха.

— Мне не было больно. Я просто удивлен... нет, я ошеломлен тем, что ты сделала.

— Прости.

— Да нет же... — Саваки зажмурился. — Одно дело — находить двери в другие миры и даже касаться души, но другое — лишать демона его природы без заклинаний. Просто в голове не укладывается. Ты хоть осознаешь, что можешь?

Он схватил меня за плечи и встряхнул. От неожиданности я охнула, даже испугалась, но вдруг в луцистых глазах заметила не злость, а, наоборот... волнение, предвкушение. И растерянно улыбнулась.

— Мне не хватает тебя, — призналась я, прижимаясь к его груди.

Саваки обнял меня в ответ и нежно погладил по волосам. Его тепло успокаивало не только разум, но и сердце. Он был надежный и верный, как родной дом.

— Ты всегда можешь меня позвать.

— Как?

Саваки мягко отстранился и вскинул руку. Указательный палец застыл на уровне глаз, а потом в воздухе появилась мерцающая точка. Инугами когтем растянул ее вверх, потом в сторону, и еще, и еще, пока в невесомости не вырисовались иероглифы.

— Запомни. И когда пожелаешь, напиши мое имя — я приду.

Прежде чем он стер его, я десятки раз повторила взглядом каждую черточку и впечатала в память образ его имени.

Мы провели за беседой несколько часов. На сад опустилась ясная, звездная ночь, теплый ветер стучал в окна легким ароматом цветущей вишни, а мы все говорили и говорили, как раньше. Словно и не было последних лет и той необъяснимой обиды. Один раз я спросила, почему он злился на то, что я делала, но Саваки отмахнулся, и я решила больше не говорить об этом. Боялась испортить вечер.

— Завтра я отправлюсь на север, есть одно дело. Не знаю, сколько времени оно займет, но до зимы меня не жди, — сказал Саваки.

— О...

— Вообще мне не очень нравится здесь, в этом замке. Подумываю перебраться в леса, в район Нантая*. Знаешь такой?

Я кивнула, кусая щеку изнутри. Зачем ему понадобилось уезжать?

— Там хорошо. Просторно. И озеро... Я люблю воду, говорил тебе?

— Но зачем тебе селиться там? Это из-за твоей ведьмы?

— Не-ет, она птица вольная, ни с кем не живет.

* Вулкан.

— Значит... значит, из-за меня? Что же я сделала такого, Саваки? — голос дрогнул, в глазах зашипало.

Инугами посмотрел на меня, прикоснулся к волосам, пропустил пряди через пальцы и грустно ухмыльнулся.

— Хочешь со мной?

— Что?

— Со мной. Хочешь жить со мной? На берегу озера? Или можем подняться выше в горы. Хочешь?

— Но... мой дом здесь.

— Дом? — Саваки коротко рассмеялся. — Или тот, кто живет в этом доме? Ты влюблена в него, да?

Мне не хватало воздуха. Зачем же он так?

Щеки вспыхнули, и на глазах выступили слезы. Я бы никогда не призналась в своих чувствах к Хэджаму, потому что если произнести вслух — это станет правдой, обяжет меня, причинит боль. Я научилась быть рядом с ним, не сходя с ума. Не мечтая о его прикосновениях и улыбке. Мне было достаточно знать, что он где-то здесь, помнит обо мне, заботится и все еще считает своим сокровищем. Я больше никогда не заглядывала в его спальню, чтобы ненароком не увидеть другую женщину. В моем придуманном мире между нами никого не было. Никогда.

— Не в моих чувствах дело, — прошептала я. — Здесь мой дом, здесь мне хорошо.

— А я не могу смотреть на это. — Саваки сжал в кулаке прядь моих волос и резко выпустил, скривившись. — В твоих руках такая сила, такие возможности... Ты можешь весь мир получить, жить где угодно, с кем угодно, добраться до богов, если захочешь. А вместо этого отдаешь себя в руки этому... этому...

— Кому? — закричала я, и злость прорвалась сквозь слезы. — Он вытащил меня, дал крышу над головой, был рядом в самые... самые ужасные моменты. Не кривил морду, когда я сделала то... что сделала с Исаму, не осудил,

а стал помогать! Да откуда тебе знать, что он сделал для меня, если тебя никогда не было рядом!

Темные глаза Саваки вспыхнули, и он резко схватил меня за подбородок.

— А ты уверена, что он тебе помогает?

Затаив дыхание, я уставилась в его пылающие глаза. Ни насмешки, ни ярости. Он говорил серьезно и словно боролся с собой, хотел сказать что-то еще, но отчего-то не мог.

— О чём ты?

Тот короткий миг был единственным за всю долгую жизнь с Хэджамом, когда я по-настоящему усомнилась в правильности происходящего и поверила, что Саваки действительно может знать больше. Всего миг, и мне, дуре, потом было стыдно за него.

Саваки открыл рот, но вместо слов раздались хрипы. Его глаза закатились, он стал судорожно глотать воздух. Рука, державшая мое лицо, безвольно упала. Я вскрикнула, отступив, и тут увидела за его спиной Хэджама. С холодным, ничего не выражаящим лицом он смотрел в затылок Саваки, а его рука... боги!.. кисть его руки провалилась в спину инугами.

— Нет... пожалуйста, — прошептала я, делая шаг вперед, но Хэджам резко посмотрел на меня и покачал головой.

Меня обдало холодом, сердце сжалось от страха. Я застыла, словно замороженная заклятьем, и только таращилась на Саваки. Хэджам резко вытащил окровавленную кисть, и его друг... наш друг повалился на пол. Объемный черный плащ накрыл его целиком. Мои ноги подкосились, и я упала рядом. Подползла, захлебываясь слезами, стала судорожно шарить в тяжелых тканях в надежде открыть его лицо, но никак не могла справиться.

— Зачем ты... Саваки... Саваки!

Всхлипы превратились в крики, вопли. Я кое-как нащупала края плаща, отдернула в сторону и едва успела

в последний раз взглянуть на его лицо, обрамленное темными кудрями, как он исчезло. Растворилось так же, как растворялось мое тело, когда я переходила из одного мира в другой.

— Почему он исчез? Где он?!

— Рэйкен. — Хэджам тронул меня за плечо, но я дернулась, сбрасывая его руку. Схватила плащ Саваки и прижала к себе.

— Ты его убил... убил... Зачем?! — Я вскочила и со всей силы толкнула Хэджама в грудь. Ярость охватила меня, я хотела броситься на него, бить, крошить. Мне было так больно! Но что-то на задворках сознания приказала сдержаться.

— Хватит, — вкрадчиво сказал Хэджам. Голубые глаза налились кровью, но в остальном он выглядел спокойным. Даже равнодушным.

— Хватит? — выдохнула я, спешно вытирая щеки. — Зачем ты его убил? Он же наш друг!

— Саваки предал меня и хотел обманом вынудить тебя сделать то же самое.

Я не понимала, о чем он говорит.

— Я бы никогда...

— Я знаю.

Хэджам протянул ко мне руку. Несколько секунд я смотрела на эту длинную, изящную кисть, но вдруг резко ударила по ней и выбежала на улицу. Хэджам окликнул меня, но я даже не обернулась — провалилась в темноту, в Ёми.

— Саваки!

Я стояла в окружении витиеватых желтых рек и кричала что есть мочи, прижимая к себе плащ друга.

— Саваки! Черт возьми! Вернись ко мне! Ты ведь не умер? Не умер!..

Ответом мне было мертвое молчание. Когда голос сорвался на хрип, а горло заболело от криков, я обессиленно опустилась на влажный песок и закуталась в плащ.

Горячий ветер трепал пряди волос, и я накрылась с головой, уткнув лицо в колени.

Моя семья и мой друг — какие разные смерти. Мама и Касси оставили после себя вину, с которой самой мне было не справиться. Я чувствовала их присутствие повсюду — в голосах в голове, в призрачных образах, мелькающих в потусторонних мирах, — словно они не умерли, а где-то прячутся, и нет мне покоя, пока я не найду их и не попрошу прощения. А после Саваки осталась пустота. Я так остро ощутила ее, будто внезапно проснулась в мире, из которого исчезли все звуки и запахи.

Я понимала, что между ними не все гладко, но никогда не интересовалась, в чем причина, ведь они продолжали вместе путешествовать. Хэджам даже сказал, что они вдвоем ищут этого хого из рода Сугаши, кем бы он ни был. В какой-то момент мне даже показалось, что у Саваки есть чувства ко мне и вся эта обида всего лишь ревность. Но он ведь ничего не предпринимал и никак не вредил мне!

Как он мог предать Хэджама? Почему?

«Перестань страдать, Рэйкен. Хватит».

Этот шепот прорезал ненавистный мне ветер. Тихий, но колючий, он проник в подсознание и вырвал меня из дремы.

— Саваки...

Я оглядывалась по сторонам, но кроме бесчисленных рек не видела ничего. Послышалось ли мне, или бессмертный дух Саваки действительно говорил со мной — не знаю. Но в тот момент я оставила его плащ на желтом песке и вернулась в замок.

Прокользнув через темную завесу, я осталась стоять с закрытыми глазами. Нюх уловил приближение рассвета: едва ощущимую свежесть зарождающегося утра, в котором уже не будет моего друга. Ни здесь, ни там. Сердцу не было больно — лишь пусто и тоскливо, но, к своему удивлению, я вдруг поняла, что смогу с этим жить.

Странно — как мне удалось так быстро принять случившееся? Неужели мое легендарное чутье знало, что произошло на самом деле?

— Где ты была?

Я нехотя открыла глаза. Хэджам стоял передо мной, охваченный волшебным свечением уходящей ночи. Ветер трепал вороные волосы, в хрустально-голубых глазах светилась тревога.

— Я волновался. Куда ты ушла?

— Раньше ты не спрашивал, — вздохнула я.

Теперь только мы. Между нами больше никого не осталось.

— Не следовало этого делать у тебя на глазах. Прости, — внезапно сказал он, подходя ближе.

— За что же ты так с ним?

— Ты не имеешь к этому отношения. Дело в моих поисках, — Хэджам остановился передо мной так близко, что я ощутила его дыхание. В груди нарастало волнение. — На днях я узнал, что Саваки утаивал от меня местонахождение Сугаши.

— Но зачем?

— Все дело в ведьме, с которой он путался. Она не хочет, чтобы я вернул свою силу.

Звучало разумно. Или... нет?

Хэджам заключил мое лицо в ладони и оказался еще ближе.

— Не уходи так больше. Мне невыносимо видеть, как ты страдаешь по кому-то другому.

Что...

Сердце болезненно забилось, застучало в висках. Руки, шея, лицо горели, и стало нечем дышать. Я резко вздохнула, и он накрыл мои губы своими. Сначала нежно, неспешно, но вот я вцепилась пальцами в его предплечья, то ли отталкивая, то ли, наоборот, желая быть ближе, и поцелуй стал яростным, голодным, жадным. Хэджам

обхватил меня за талию и прижал к себе так сильно, словно хотел сделать частью себя.

— Ты мне принадлежишь, понимаешь? — шептал он сквозь поцелуй. — Понимаешь?

Я кивала, судорожно хватая ртом воздух, пытаясь на ощупь отыскать его губы. Единственный мужчина, чьей любви я желала с самой первой встречи. Единственный, чьи прикосновения пробуждали во мне желание и делали все вокруг неважным. Я пьянала от одной мысли, что он выбрал меня, что счел красивой, достойной, равной себе.

Свое сердце я отдала ему давно, но в ту ночь он получил последнее, нетронутое. Теперь я принадлежала ему полностью и была безгранично счастлива. В моем мире, ревностно огороженном от правды, которую мог бы раскрыть Саваки, которую я и сама могла бы давно разглядеть, если бы так сильно не боялась все разрушить, наконец воцарилась идиллия.

Когда первые блики рассвета тронули верхушки вишни, Хэджам завернул меня в свой плащ и отнес в спальню. Я пробыла там до самого вечера, то проваливаясь в сон, то пробуждаясь и крепче прижимая к себе его руки.

Если я принадлежу тебе, то и ты принадлежишь мне.
Глупая девочка.

— Почему сейчас? Я же давно... ты знаешь, да?

— Да, но... в этом не было необходимости.

— Необходимости?

Не на такой ответ я рассчитывала.

— Ты живешь здесь, это обязывает. Мне в жизни меньше всего нужен кто-то, от кого я буду зависеть. Более того,

я никогда и ни с кем не связывал себя, чтобы не давать врагам лишнего повода для манипуляций.

— А у тебя есть враги?

— Конечно. Враги есть у всех. В нашем мире, если ты могущественный, тебя не трогают до тех пор, пока не разузнают о твоих слабостях. А постоянная женщина рядом — это слабость.

— Я могу постоять за себя.

— Знаю. — Хэджам улыбнулся и притянул меня к себе.

Я — его слабость.

— Так что же изменилось?

— Я увидел, что ты можешь привязаться к кому-то другому и этот кто-то отнимет тебя у меня.

Он тоже никогда не говорил, что любит меня. Но разве это имело значение? Он никогда не проявлял своих чувств, если поблизости был кто-то другой, но разве это мне было нужно? Я получила безопасную жизнь, в которой у меня был постоянный дом, дело, позволявшее помогать другим, и мужчина, который всегда был на моей стороне, где бы я ни была, сколько бы ни отсутствовала и что бы ни делала.

Я продолжала искать семью, но уже не чувствовала гнетущей одержимости. Хэджам подарил мне убежище, я прятала свои тягостные чувства в плаще, в его спальне, его руках. Как бы плохо мне ни было, я всегда возвращалась, зная, что рядом с ним боль уйдет.

Иногда мы не виделись неделями и месяцами. Я скучала, хоть и не сходила от этого с ума, но каждый раз наши встречи были самым лучшим, что дарила мне жизнь. Я не задумывалась, с кем он, когда не со мной, потому что это было неважно: когда мы были вместе, я была единственной.

Сора никогда не задавала вопросов, но со временем мое чутье достигло феноменальных успехов, и я уже по одному запаху могла понять, что чувствует другое существо.

Она знала про нас. Поначалу мне было неловко, ведь я считала, что когда-то она была влюблена в своего покровителя, но это оказалось неправдой. По крайней мере, Сора не изменила своего отношения ко мне. Более того, мы стали ближе. Я рассказывала своей нелюдимой ханьё о хождениях в темноте, о других мирах и даже как-то взяла ее с собой. Мы прошли сквозь необитаемое пространство, сплошь покрытое водой и снегом, а потом очутились на вершине вулкана Нантай, в районе которого когда-то хотел жить Саваки.

Сердце тоскливо заныло. Поджав губы, я смотрела вдаль, на синюю гладь озера в окружении сочных зеленых лесов, и невольно представляла своего друга среди деревьев.

Ты прав, здесь действительно хорошо.

— Ты поёшь? — ни с того ни с сего вдруг спросила Сора, выуживая из кармана лепешку.

— Пою?

— Ну, ты знала, что можно петь и получится заклинание? — Сора разломила лепешку пополам, взвесила на ладонях половинки и протянула мне ту, что поменьше.

— Нет. Это как же?

— Наверняка же господин говорил тебе про силу слов и все подобное. На самом деле эта магия доступна всем — и ёкаям, и ханьё, да хоть корове, если в крови той есть хоть одна капля потустороннего. Только большинство наших — взбалмошные, жаждущие власти и могущества, они не понимают, что вся сила у них уже есть — надо только кочан свой в порядок привести.

Я рассмеялась, откусив лепешку.

— А что? Это правда! — Сора тряхнула головой. — Когда у тебя каша в мозгах, никакая магия не будет подвластна. А когда в мозгах, душе и сердце гармония, открываются невероятные границы. Мне кажется, ты достигла гармонии.

Я пожала плечами. Мои мысли одолевали тревоги, а сердце рвалось разыскать мертвых — так себе гармония. Но Сора бы попусту языком не трепала.

— Когда ты появилась у нас, господин строго-настрого наказал не стричь твои волосы. Знаешь почему?

— Потому что они красивые?

— Ой, не зазнавайся, видали и краше, — фыркнула Сора, и я снова рассмеялась. — Когда существо обретает гармонию, когда принимает себя, оно становится единым целым и может управлять всем. Ты не замечаешь, как пальцы твои заостряются, как волосы пляшут не от ветра, а от того, что они — твое продолжение. Каждую частичку своего тела, все, что приникает к нему, — волосы, одежду — ты можешь использовать как оружие. Ты можешь управлять этим.

— Ого, — выдохнула я. Действительно, я неоднократно это делала, только неосознанно: иногда цеплялась пряжами за невесомость, оказавшись в незнакомом мире, подобном тому, где обитал мой плащ, иногда обнимала людей в последние секунды их жизни, перед тем как исполнить контракт.

— Так и со словами. Когда ты спокойна, можешь направить свою силу в песни. Спой все что угодно, и это обретет силу. Ведьмы часто поют.

Сора откусила от своей половинки, пожевала, задумчиво глядя на то, что осталось в руке, и вдруг рассмеялась:

— Представляешь, всю жизнь была голодной. Ела и ела, но никак не могла насытиться. Но, — она размяла лепешку пальцами и выбросила крошки, — кажется, я наконец наелась.

Тот день я запомню надолго — последний день, когда мы с Сорой были вместе. Она словно ждала подходящего момента, чтобы передать мне эти простые знания, а потом умерла. Тихо, у себя в спальне. Ее уход был настолько неожиданным для меня, что я несколько дней проревела взаперти, пока опухшие от слез глаза не перестали

открываться. Тогда я и узнала от Хэджама, как умирают ёкаи. Что это еще одна наша сила — «уйти, если устал». Душа наша бессмертна, но сердце можно остановить, повлиять на него, когда понимаешь, что пора.

Существо, достигшее гармонии разума, души и тела, способно управлять всем.

Даже собственной смертью.

Я вспомню об этом, когда покину замок Чироши и выберу медленную смерть в храме Инари. Вспомню о Соре и пойму, что мне тоже пора.

Но до этого дня пройдет еще очень много лет. В моем сердце поселятся новая тоска по дикарке ханъё, и в память о ней я буду петь отважным людям, которые отдадут свои жизни ради спасения любимых. Я вспомню о Соре и в лесу Пойманных Душ спустя десятки лет, когда Кацу впервые услышит, как поют мертвые жрицы. Я буду помнить о ней в ту минуту, когда обниму Шиноту и прошепчу ему на ухо свой заговор.

Сора, моя Сора. Я знаю, ты нашла свой покой.

Это случилось за двадцать лет до моего побега из замка. Жизнь была спокойной. Хэджам научил меня терпению, а сама яправлялась с чувствами просто. Редко прибегала к плащу — только в самые тяжелые периоды, когда кошмаров было слишком много, а я прыгала из одного в другой, не в силах остановиться. Но в целом смерть Соры положила начало моему смирению.

Смерть — естественный закон природы.

Жаль, что я не поняла этого раньше, когда еще не стала одержима желанием разыскать свою семью.

Тот день как раз был из таких — плохих. Время до заката я провела в замке, потому что перестала выносить

солнце. Кожа моя болела, кровь закипала, и хотелось спрятаться или вылить на себя ушат воды. Когда на сад опустились сумерки, я погуляла немного, а потом провалилась в сон и вскочила среди ночи от очередного кошмара.

Не помню уже, что конкретно видела, но что-то точно страшное и пугающее, потому что меня била дрожь, зубы стучали, а из глаз лились слезы. Хэджам обнял меня, накинув на нагое тело покрывало, и я закрыла глаза, глубоко дыша.

— Знаю, ты все время говоришь о терпении, но порой мне кажется, что сил моих больше нет. Что я никогда не найду их. И эти сны — словно они злятся, что я бездействую.

Помню, Хэджам тогда надолго замолчал. Только прижимал меня к себе и ласково гладил по волосам. А потом сказал:

— Недавно я кое-что услышал... о душах, что... Нет, это сложно.

— Что? Говори! — Я развернулась к нему. Покрывало упало с плеч, обнажив грудь. Хэджам улыбнулся, пробежался пальцами по моим ключицам и оставил на шее легкий поцелуй.

— Иногда души уходят в места, которые недоступны никому, даже Странникам. Потому что там обитают только мертвые. И только мертвые могут туда пройти.

Только мертвые...

Из комнаты исчезли все звуки. Я мысленно проговаривала услышанное, снова и снова, словно искала лазейку в этих словах. Казалось, вокруг потемнело или у меня помутнело в глазах, ведь облик Хэджама стал расплываться. Я обмякла, и он бережно уложил меня на футон, крепко обняв сзади.

— Значит, я должна умереть? Только так...

— Мне жаль. Это, конечно, может быть и не так. Но ты права, прошло слишком много лет. Ты бы их нашла.

— Но если я умру, где гарантия, что моя душа сохранит осознанность?

— Нет такой гарантии, Рэйкен. Ты слишком долго жила с этим желанием. Я не верю, что твоя душа сможет упокоиться.

Ятихо заплакала, осознавая безысходность ситуации. Столько лет, столько надежд, и все впустую. Тогда я уже знала о мико Кене, покончившей с собой, и о других женщинах, которые умирали в лесу, да так и оставались там запертые, без возможности воплотить свои желания при жизни. Злые, пустые души, без цели, без чувств. И я стану такой...

— Значит, мне вообще нельзя умирать? Значит, мне придется жить сотни веков и сходить с ума от невозможности найти их?

— Я бы сделал все для тебя, если бы мог. Убил бы своими руками и отнес твою душу к семье, а потом снова нашел и воскресил. Но я не бог.

Я вздрогнула и развернулась к нему. Теперь мы лежали лицом к лицу, и в его хрустально-голубых глазах я видела свое возбужденное отражение.

— Но ты станешь им, когда вернешь силу.

Губы Хэджама тронула неуверенная улыбка. Играл ли он или действительно был удивлен, что даже спустя столько лет его великолепная манипуляция продолжала работать?

— Ты правда этого хочешь?

— Это единственное, чего я хочу.

Хэджам сел на футоне и вдруг нахмурился. Смотрел на меня пристально, словно пытался вычитать на лице подвох. Будто с минуты на минуту я рассмеюсь и скажу: «Как ты мог поверить в это! Я не собираюсь умирать!» Но я молчала. В моем сердце воцарилось спокойствие, мысли как никогда стали ясными. Восемьдесят лет. Моя кожа по-прежнему была свежа, на лице не появилось ни

одной морщинки. Я увидела столько миров, пережила столько смертей и помогла стольким людям. Я обрела дом и полюбила. И теперь хотела лишь покоя для своей души.

— Если ты сопроводишь меня в Такамагахару, то умрешь. Твое тело разрушится о барьер, который воздвигли ками.

— Это я поняла. Но ты попадешь туда, вернешь свою силу и разыщешь мою душу.

— И это будет конец. Наша история закончится. Ты это понимаешь?

— Наша история прекрасна и такой останется навсегда. Я счастлива с тобой каждый день и не могу желать большего. Умереть, зная, какую прекрасную жизнь я прожила, уйти без разочарования, потому что здесь, с тобой, его не было, — о чем еще можно мечтать? Ты достигнешь цели всей своей жизни, а я благодаря тебе обрету покой. Так и должно быть. Разве не для этого мы встретились?

В тот момент все обрело смысл, и я поняла, что мои ожидания вознаграждены. Недосягаемый свет в конце пути, где меня ждали мама и Касси, замаячил слабыми отблесками. Теперь я понимала, как дотянуться до него. Но, судя по выражению лица, Хэджам не разделял моей уверенности. Поднявшись, он накинул кимоно на голое тело и небрежно завязал пояс.

— Куда ты?

— Подумать, — бесцветно сказал он и, уже подходя к двери, обернулся: — Значит, это и вправду для тебя самое важное? Важнее, чем... А, ничего.

И вышел.

Его не было три дня. Три долгих дня, в течение которых я разрывалась между воодушевлением от открывшихся перспектив и тревогой от его необъяснимого поведения.

И вот настала ночь, которая изменила все. Наш замок окутал снег. Я стояла перед распахнутым окном спальни Хэджама и с грустной улыбкой смотрела на обрыв,

прислушивалась к звукам водопада и ловила ладонями пушистые снежинки. На темном небе сияла розовая звезда — та, что каждый год напоминала о моем рождении.

Интересно, когда я навсегда покину этот мир, она тоже исчезнет?

— У меня здесь вино. Из Европы!

Он стоял в дверях как ни в чем не бывало, улыбался тепло и так нежно, что все у меня внутри затрепетало от радости.

— Я... скучала.

— Прости. Мне нужно было подумать, — просто сказал Хэджам, откупоривая бутылку.

Как завороженная я наблюдала за ним: как ловко он справился с пробкой, как из ниоткуда выудил два глиняных стакана и наполнил их багряной жидкостью.

— За нас! — сказал он, ударяя своим стаканом о край моего. Я вскинула брови. — Так делают люди, когда пьют вино.

— Зачем?

— Чтобы поприветствовать друг друга.

Хэджам пригубил напиток, и я тоже. Терпкое, кисловатое и вяжет рот. Он улыбнулся и, обняв меня за талию, притянул к себе.

— Привет. — Хэджам поцеловал меня, и вкус его губ придал вину сладость, которой мне не хватало.

— Это приветствие куда лучше.

— Знаю, мое сокровище. Я тоже скучал. И мне невыносима мысль о том, что когда-нибудь тебя здесь не будет. Но ты права...

— Правда? — Я вмиг забыла о вине и о трех днях тягостной разлуки и заключила его лицо в ладони. — Ты сделаешь это?

— Да. Знаешь, я даже рад, что мы достигнем своих целей в один день. Есть в этом что-то романтическое, да?

— О да! — воскликнула я и поцеловала его. — Да!

— Но ты же понимаешь, что может пройти еще много лет, прежде чем я найду хого Сугаши? Ты уверена, что твое решение не изменится?

— Что? Конечно! О чём ты! Я никогда не изменю своего решения...

— Рэйкен, подожди. — Хэджам взял мои руки и прижал к своей груди. — Я хочу убедиться, что ты все понимаешь. Мы заключим негласную сделку. Ты найдешь для меня путь в Такамагахару, а я отнесу твою душу к семье. Но если вдруг ты передумаешь, то... ты сможешь найти другого бога, а я другого проводника — нет.

— Глупости, Хэджам! Я никогда не передумаю, — фыркнула я и даже разозлилась. Как он может сомневаться во мне! В моей преданности! — И что за негласная сделка? Ну, хочешь, давай заключим гласную. Давай заключим твой контракт, а? Мне тоже так будет спокойнее, а то вдруг ты сам передумаешь.

— О нет, я-то точно нет...

— И все же, — твердо сказала я. — Давай заключим. Чтобы наверняка.

— В день, когда все необходимое будет в моих руках, чтобы отправиться в путь, ты обязана будешь провести меня в Такамагахару, где бы ни находилась сама. Пока я жив и живу в этом мире. Если нарушишь обещание — твое сердце остановится, а душа навсегда застрянет на земле, — прошептал он, не отводя взгляда.

Я довольно улыбнулась, мысленно повторяя услышанное.

Пока я жив и живу в этом мире.

Что ж, мне хватило ума хотя бы дословно запомнить все, что он сказал.

Хэджам приложил палец к моему правому запястью — и кожу обожгло. Я вздрогнула, но он накрыл мои губы своими и целовал, пока рука горела. По сей день на ней красуется метка — блеклый иероглиф, означающий узы, такой же, каким Хэджам наградил в свое время Саваки.

Потом мы вышли в заснеженный сад. Хэджам обнял меня сзади, крепко прижал и уткнулся носом мне в шею.

— Сегодня волшебная ночь. Она дарит мне надежду, — шепнул он.

Я улыбнулась, бросив быстрый взгляд на свою звезду. Тогда я решила, что он говорит о ней и о дне моего рождения. Я блаженно закрыла глаза, желая раствориться в его тепле и остаться так до того самого дня, когда моя земная жизнь закончится.

Но если бы я была внимательнее, то непременно заметила бы, что в ту ночь, за двадцать лет до побега из замка, на небе рядом с моей звездой зажглась еще одна — та самая, рождения которой Хэджам ждал не меньше моего появления на свет.

В ту ночь родилась Мэйко Хаджава, птичья принцесса.

Смерти Саваки и Соры затронули мое сердце куда сильнее, чем я думала, но, наученная горьким опытом кошмаров о семье, я запрещала себе вспоминать о них ежедневно. Разве что раз в год. В этот день я оставляла плащ в убежище и всегда возвращалась на вершину вулкана Нантай, разламывала лепешку и пускала крошки по ветру. Слез давно не было, только легкая тоска — такая тихая и умирающая, что часами с моего лица не сходила улыбка.

К тому времени моя жизнь целиком и полностью была отражением жизни Хэджама. Я стала его частью. Или он — моей. Все, что я делала, и все, чего желала, так или иначе было связано с ним. И все же неосознанно что-то внутри меня бунтовало, что-то хотело стать участником событий, к которым Хэджам не имел никакого отношения. Прошло девяносто лет, а я так до сих пор и не показала ему мир, в котором хранила его же подарок. Или вот этот

день, день памяти моих друзей. Даже если Хэджам знал о моих вылазках, то никогда не спрашивал, а я не стремилась рассказывать.

Пробыв на вершине до заката, я улыбнулась солнцу, вспыхнувшему янтарными красками в предвкушении скорого сна, и решила побродить по миру. Эта игра была моей любимой — открывать двери наугад, отдаваться судьбе, которая всегда приводила меня в новые места. Так я оказалась в лесу, окружавшем другой вулкан — Бандай. В отличие от места, которое выбрал Саваки, здесь было темно и серо, никакой воды и свежести — сплошное уныние, словно кто-то высосал все соки из этой жизни.

«Что-то судьба неблагосклонна ко мне сегодня», — фыркнула я и уже хотела вернуться в замок, как вдруг между деревьями заметила маленькую фигуру.

Ловкости мне было не занимать, даже с моим ростом, и я бесшумно подобралась ближе. На нижней ветке раскидистой ели сидела девочка, на вид лет десяти-двенадцати, с блестящими черными волосами по плечи и в изумрудном кимоно. Она беззаботно болтала миниатюрными ножками в белоснежных таби* и ела яблоко.

— И кто ты такая? — вырвалось у меня.

Девчонка не испугалась и даже не вздрогнула от неожиданности, только повернула ко мне голову. Румяное, открытое лицо вмиг озарила лучезарная улыбка.

— А ты кицунэ?

Я недовольно закатила глаза и, скрестив руки на груди, привалилась к дереву напротив девчонки.

— Значит, не кицунэ, — заключила она. — А я — Мэйко, принцесса Блуждающей крепости. А ты красивая!

— Спасибо, принцесса. — Я невольно улыбнулась, сраженная простотой этого существа. — Что за крепость?

* Высокие носки с разделенным большим пальцем.

Мэйко прищурилась и какое-то время оценивающе рассматривала меня.

— Если не знаешь, значит, и я не скажу. Вот увидишь во сне, тогда сама придешь.

Меня так удивил этот командный тон, что я рассмеялась и кивнула.

— Я Рэйкен, кстати. Ты что здесь делаешь? Твоя крепость где-то неподалеку?

Мэйко скривила такую гримасу, словно я озвучила самую большую чушь на всем свете.

— Я за деревней слежу. Там, смотри.

Она кивнула вперед. И действительно, за деревьями виднелись очертания ветхих домов, очень похожих на тот, в котором выросла я, но, кажется, еще более старых.

— Жутко. Не знала, что кто-то здесь живет. Место такое унылое.

— А то. Там, выше, живет ямауба. Противная ведьма, чтоб ее. Бабушка рассказывала, что когда та была молодая, то вечно крала из деревни детей и убивала их матерей, а теперь — такая рохля, что даже ходить без скрипа не может. Я бы на ее месте давно легла и умерла, да она такая злая, что все никак не может перестать играть. Вот и выходит в夜里. Забирается повыше и воет. А эти бедолаги, — Мэйко снова кивнула в сторону деревни, — спать не могут. Я им помогаю.

— Это как? — Я осторожно присела на ветку рядом с девчонкой.

— Ты действительно ничего не знаешь? Я же принцесса ветра, ну!

Еще один потомок Сусаноо? Ты смотри, как мне на них везет.

— Насылаю морок, чтобы они спали как убитые и не слышали ее воплей.

— Ого! Мой друг тоже может управлять снами, но я не знала, что это можно делать на таком расстоянии, да еще и с несколькими людьми одновременно.

— Видимо, твой друг — слабак. — Мэйко одарила меня самой сладкой улыбкой, а потом вдруг погладила по голове и чмокнула в щеку. Я растерянно захлопала глазами.

— И давно ты сюда ходишь?

— Всего третий день. Надеюсь, карга скоро сдастся, ведь если никто не боится, то и стараться не нужно, правда же?

Я пожала плечами. Не в моих правилах нагонять на кого-то страх. Откуда мне знать, как оно бывает.

Так я впервые встретила Мэйко Хаджаву — как всегда, случайно, по воле загадочной судьбы Странника. Хэджам все правильно понял: рано или поздно я соберу для него всех, кто нужен, чтобы взойти в Такамагахару.

В ту первую встречу Мэйко сказала мне напоследок:

— Спи крепко и запоминай, что тебе снится. Я знаю, скоро мы увидимся снова.

Так и случилось. Сначала Блуждающая крепость вторгалась в мои кошмары размытыми образами, и я даже понять не могла, что видела, но с каждой ночью ее очертания становились четче, пока я не рассмотрела исполинские ворота — приоткрытые, и сквозь щель сочился волшебный свет мерцающего озера.

Когда Хэджам услышал об этом, его лицо тоже засветилось.

— Конечно, я знаю о крепости, но ни разу в жизни не получал приглашения! А ведь мы с птичьим народом, можно сказать, родственники! Ты — счастливица, мое сокровище.

Да уж.

— И как мне попасть в эту крепость?

— Сны — это само по себе приглашение. Насколько я знаю, рано или поздно ты набредешь на нее — неважно, куда будешь идти. Крепость не имеет постоянного местоположения, она повсюду и нигде. Эти птичий духи, так они себя иногда называют, окружили свой дом хорошей защитой. Не знающий человек может стоять рядом с крепостью

и никогда ее не увидеть. Но тому, кому она явилась во сне, рано или поздно предстанет и наяву.

Точно так же, как я оказалась в лесах Бандая, спустя несколько дней я увидела ворота Блуждающей крепости. К слову, наша встреча случилось почти в том же самом месте, среди полей, где через три десятка лет ее обнаружит Коджи. Флейта пела так же звучно, и звезды на небе сияли ярко. Мэйко выбежала ко мне и, улыбаясь так, словно все ее мечты в одночасье осуществились, заключила меня в объятия.

Я видела, как росла эта девочка, как ее детские, наивные черты лица еще сохраняли свою округлость, но мягкий, лучезарный взгляд приобрел жесткость, а в голосе все чаще скользили командные нотки. Когда она превращалась в птицу и кружила над моей головой, я в полной мере ощущала свободу и иногда сама цеплялась за темноту, взбирайясь выше, чтобы дотянуться до нее.

Я ее полюбила — искренне, всем сердцем, как младшую сестру. Мы встречались в крепости, а иногда вблизи какой-нибудь деревни, на жителей которой Мэйко наводила морок. Шла война, и сны бедняг были беспокойными. Меня восхищало это бескорыстное желание принцессы — помогать им. Ее цель, ее призвание, как и мое, — давать отважным шанс на спасение родных.

Однажды мы сидели на берегу мерцающего озера, и я рассказала ей о своей способности находить другие миры. Поделилась тем, что никогда не обсуждала с Хэджамом.

— Когда я касаюсь темноты, все становится неважным. Как бы плохо мне ни было, в такие моменты все исчезает. Я словно излечиваюсь, становлюсь цельной, и кажется, что это самое правильное, что только может существовать в этом мире. Я — ребенок темноты.

Помню, Мэйко тогда долго смотрела на меня — так пристально, словно пыталась заглянуть в душу, а потом сказала:

— Неправда. В тебе темного столько же, сколько и света. Ты мечешься между тем и этим миром, но по-настоящему счастлива на закате — когда темнота еще не пришла, а солнце еще не ушло. На небе осталась половина солнца, а вторая — это ты.

Эти слова я никогда не забуду, хоть и смысл их до сих пор мне полностью не ясен.

Мэйко считала, что я одинока, но я спорила с ней. Много говорила о Хэджаме, правда, называя его своим другом и наставником и ни разу не упомянув о наших отношениях. Я навсегда хотела оставить это при себе. Моя тайна, только моя. Потом рассказала о Саваки — улыблась, вспоминая, как он впервые показал мне путь в Ёми и как нам было хорошо вместе путешествовать.

— Скучаешь по нему?

— Да, скучаю. Но, знаешь, со временем я приняла его уход. Между нами не успело случиться ничего такого, что омрачило бы нашу дружбу или перечеркнуло все прекрасное. Жаль только, что я не смогла его похоронить.

— Почему?

— Его тело исчезло.

— Тогда он не умер, Рэйкен.

— Как это?

Мэйко улыбнулась и ударила ногой по воде, окропив подол своего изумрудного кимоно.

— Брат моего дедушки был той еще занозой в заднице. Вечно приводил к нам невесть кого. А это, сама знаешь, запрещено — идти против магии крепости. Только тот, кому мы приснимся, может пройти через ворота и даже вправе потребовать постоянной крыши над головой. А эти его дружки так называемые... В общем, однажды с ним пришел жуткий ёкай — страшный, воюющий и злой. Что-то было с его ногой — то ли кто-то откусить хотел, то ли откусил, об этом мои бабушка и мама вечно спорили, — да неважно, но он плохо себя

вел. Громкий, грубый. Напился однажды и начал обвинять нас в том, что мы хорошо устроились. Что кругом война, а мы тут уже шесть поколений (это тогда было шесть, я-то седьмая) сидим в тепле и сытости, а могли бы давно помочь людей на место поставить. В общем, вывели его силой, а деда в наказание отправили на перерождение — это когда ёкаю сердце останавливают, плоть его исчезает из мира живых, а дух блуждает в другом мире, пока не осознает своей вины.

Мое сердце застучало и голову осадили призрачные картинки смерти Саваки.

— Перерождение — это он опять рождается в новом теле?

— Да нет же. Осознавший вину дух возвращает свое тело и может идти домой. А может и не идти — это уж как пожелает.

— А твой дедушка вернулся?

— Не-е-ет, — рассмеялась Мэйко. — Я даже не знаю, переродился ли он. У нас обычай такой: когда у главенствующей семьи крепости рождается ребенок, родители вправе отдать его кормилице и покинуть крепость. Собирается совет, на котором решают, выполнили ли новоиспеченные родители-правители свой долг: как поддерживали безопасность и благополучие народа, добры ли были ко всем путникам, нашедшим крепость, и тому подобное.

— Ничего себе. Но разве мать может оставить своего ребенка?

— Ой, Рэйкен, иногда ты бываешь таким человеком. Мои родители получили вольную и отправились путешествовать по миру. Иногда они заглядывают, и это чудесное время. А крепость — это бремя, и очень жестоко заставлять кого-то всю жизнь отдавать на правление другими, ты не находишь? Люди крепости — это большая семья. Можешь себе представить, каково это — воспитывать такую семью?

На рассвете мы с Хэджамом сидели под любимой вишней. Губы горели от поцелуев — мы не виделись несколько недель! Мое сердце по-прежнему не знало покоя рядом с ним, а его глаза при виде меня все еще смотрели так, словно видели самое невероятное создание этой вселенной. Хэджам крепко обнимал меня и рассказывал о своих поисках.

— Казалось, напал на след, но нет — просто душа отрезанная.

— Это как же?

— Смертная понесла от демона близнецов, так у них одна душа на двоих, представляешь. На самом деле такое часто встречается. Аномалия, сбой природы.

— Как же они жить будут?

— Недолго, уж поверь. Душа — она же цельная, тем более душа ёкаев, неважно, чистокровного или ханъё. Как только ки проснется хотя бы в одном, душа устремится к воссоединению.

— И оба умрут?

— Не факт. Один порешит другого — и такое возможно. Все зависит от того, насколько добры или злы дети. Природа хоть и совершает ошибки, но делает все, чтобы их исправить. — Хэджам улыбнулся мне и поцеловал в уголок губ. — А чем ты занималась? Снова со своей принцесской встречалась?

Я кивнула и, недолго думая, поведала ему историю дедушки Мэйко. Я волновалась, и мои пальцы дрожали. Хэджам внимательно выслушал, взял мои руки в свои, крепко скав, прошептал на ухо:

— Ты была права, Саваки — мой друг, он просто запутался. Я не готов его отпустить, но мне нужно было убедиться, что больше он меня не предаст.

— Значит, он переродился?

Хэджам улыбнулся, и я дала волю слезам.

Злилась ли я на него за то, что он утаил правду? Нет, нисколько. Много лет назад он забрал моего друга, но сейчас он же и вернул его мне. Да, отчего-то Саваки не отвечал на мои призывы в Ёми — кто знает, где его носило, — но это было неважно. Просто знать, что он жив, и, если судьбе угодно, рано или поздно мы еще раз увидимся — этого было достаточно.

Мы провели вместе еще десять прекрасных, беззаботных лет. Хэджам ни разу не усомнился во мне и даже несколько раз говорил, что не было никакой нужды заключать контракт. А потом говорил, что уже не прочь познакомиться с «этой Мэйко», раз мы стали такими хорошими подругами.

Да, в его руках была я, а вскоре будет и Мэйко. Остался один — хого из рода Сугаши, мой путь к смерти и покою.

ЧАСТЬ III
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ
СТРАННИКА

Глава I ЁМИ

Блуждающая крепость, XVII век

Рэйкен

Рассвет придет уже скоро. Небо по-прежнему черное, но звезды уже потускнели. Еще немного, и я смогу увидеть световые блики, розовые и желтые полосы. Хэджам говорил, что это границы миров. Что с восходом солнца они закрывают свои двери. Когда я поняла, что слишком долго провела в путешествиях между мирами, а солнце стало причинять мне вред, мы с ним часто наблюдали за рассветом. Безобидная и такая человеческая традиция. Я скучаю по ней. Скучаю по мужчине, который в те часы был со мной и одним своим взглядом обещал защиту от одиночества.

Обхватив себя руками, я уставилась на широкую каменную лестницу, поднимавшуюся прямиком к дверям храма. На пороге слабо светили маленькие фонари. Как только солнце взойдет, птичьи духи стекутся, чтобы готовить святилище к празднику. Мне стоило вернуться в спальню и забыться сном до заката.

Но я села на ступени и уткнулась лицом в колени. Даже в окружении себе подобных я больше не чувствовала счастья. Двадцать лет пряталась от прошлого и снова пошла по тропе, которая ведет к нему. Боги, так, может, мне открыть ворота и пусть он найдет меня наконец? Заберет хого

и Коджи, убьет нас всех. Я исполню наше с ним соглашение. А Хэджам... Может, он сжалится и вернет меня домой.

— Домой... Как же я хочу домой.

— А, ты здесь.

Я нехотя подняла голову. Хого стоял в нескольких шагах от лестницы со скрещенными руками и устало смотрел на меня. Я вдруг поняла, что совсем расклеилась, потому что мне ужасно захотелось попросить его сесть рядом и обнять меня. Глупая женщина.

— Зря не спиши. Мэйко скоро проснется и заставит тебя работать. А ты еле на ногах стоишь.

— Я искал тебя. Надеялся, что ты все-таки сдержишь свое обещание по поводу Ёми, но ты была занята другим.

Голос хого прозвучал резко, губы изогнулись в неприятной ухмылке.

— В чем дело?

— Я видел, как ты обучала Тэйго своим походам в темноту.

Реплика прозвучала как упрек, и я опешила.

— Извини, Шиноту, но Тэйго хорошо управляет своей силой и мне безопаснее пойти с ним.

— С чего бы? — Хого сделал шаг вперед, карие глаза злобно сверкнули. — Это я ищу Мидори, это мне она нужна. Почему я должен сидеть здесь и ждать, пока два совершенно незнакомых мне существа...

— Потому что я тебе обещала! — зарычала я сквозь зубы, но хого отмахнулся от моих слов.

— Никому нет дела до нее. Кацу и Коджи тоже обещали, но, кажется, у них появились дела куда интереснее.

Я в недоумении уставилась на него. Хого и вправду был в ярости. Ноздри раздувались, на скулах играли желваки.

— Либо ты эгоист, каким я раньше тебя не считала, либо тебе совестно за что-то, раз ты так стремишься найти ее, мертвую. Два года уже прошло. Ее судьба не изменится — найди ты ее днем раньше, днем позже. Но ты начинаешь

сходить с ума от нетерпения. В чем ты виноват перед ней, хого?

Шиноту нервно усмехнулся, и искалеченное веко опасно задрожало.

— Снова делаешь вид, что знаешь меня. Читаешь как открытую книгу. Мой персональный предсказатель! — Хого пнул землю и раскинул руки, пронзая меня яростным взглядом. — Давай, читай! Расскажи обо мне все! В чем моя вина, Рэйкен, а?

Сердце зашлось в бешеном ритме. Голос разума спорил со злостью в слабых попытках убедить меня остановиться, не говорить то, что я могла сказать. Он напуган неизвестностью, одурачен магией леса и крепости, наверняка чувствует себя преданным другом и племянником. И моя правда окажется тем, что ранит его сильнее, чем он может представить. Но в его взгляде была такая ненависть, что меня саму захлестнула ярость. Я устала терпеть злобу только потому, что понимала больше, чем эти дураки-смертные.

— Сильный, обаятельный хого, единственный наследник Сугаши, владелец рисовых полей и шикарного поместья, — зашипела я, упираясь ладонями в ступень, на которой сидела. — «Ах, господин, — причитают хорошеные крестьянки, — вы так добры и щедры, вы с детства заботитесь о двух сиротках, но кто же позаботится о вас?» Но ты лишь улыбаешься. Ведь это большое счастье — исполнять волю покойного брата. Любить тех, кого тебе завещали любить, защищать тех, кого было наказано защищать. Но, мне кажется, ты отчаянно ишьешь то, что можешь полюбить сам, потому что тебе так захочется. Девушку? Да, наверное, ты иногда позволяешь себе мечтать о собственной семье. О девушке. Простой, честной, доброй, которая будет нуждаться в тебе и никогда не покинет. Наверное, ее прообразом служит Анда, жена Такимару, потому что брат всегда все делал правильно. Ты бы так

хотел по-настоящему влюбиться, но... что же идет не так, хого? Ты же такой хороший человек! Или все заблуждаются на твой счет? — Я с издевкой фыркнула, наблюдая за тем, как бледнеет лицо Шиноту. Его глаза расширились, и ненависть сменилась недоверием. Я добилась своего. Задела, уколола, и стоило бы теперь замолчать, но я уже не могла остановиться. — Убедившись, что Мидори и Коджи в безопасности, ты приглашал кого-нибудь из деревни на свидание, выгуливал ее, наверное, показывал звезды на берегу озера, и пока она восторженно смотрела на небо своими наивными глазками, ты смотрел на нее и умирал от скуки и равнодушия своего чертова сердца. А в другие дни коготкал ночи с какими-то девицами. Думал, может, хоть после физической близости что-то екнет внутри. Но нет же, так? Ты равнодушен. Как мертвец.

Хого опустился на ступени рядом со мной и, прищурившись, заглянул в глаза:

— Ты столько слов выдала, но так и не сказала, в чем же моя вина.

Замолчи, Рэйкен. Он не сделал тебе ничего плохого, ты не имеешь права...

— Ты решил, что Такимару завещал тебе защищать своих детей...

— Он так сказал!

Не говорил! Не он. Это был не он.

— О, ну хорошо, Такимару сказал тебе защищать его детей. И ты делал это. Защищал, но... Ты не любил Мидори, — шепотом добавила я. — Точнее, не любил настолько, чтобы все время думать о ней. Отправился в несусветную даль, чтобы найти ее, но отвлекся на новый мир. И позволил себе пожелать меня. Демона, подобных которому ты винишь во всех бедах своей семьи. И теперь злишься...

Я запнулась: хого уперся локтями в свои колени и подался вперед, а я невольно отклонилась.

— Продолжай, — бесцветно сказал он. — На что же я злюсь?

— Что именно я могла бы стать той первой женщиной, к которой ты что-то почувствовал... помимо плотского влечения. Ты все понимаешь, ругаешь себя за это, и все же не можешь отделаться от мысли, как сильно тебе хочется наконец оставить свое дурацкое поместье, своих племянников и все, что взвалил на тебя умерший братец, и предаться своим обычным, эгоистичным, человеческим желаниям! Потому что ты не святой мученик, а такой же, как все мы...

Хого резко схватил меня за волосы и дернул назад. Его лицо нависало надо мной в опасной близости. Он шумно дышал сквозь стиснутые зубы. Я невольно оскалилась, выпуская клыки.

Давай, сделай что-нибудь! Я тебя в клочья порву! Не будет тебя — не будет проблемы, ведь без самого сильного хого я Хэджаму не нужна!

Прошло бесконечное количество минут, прежде чем он процидил:

— Разве можно в здравом уме желать жизни с такой, как ты?

Яростно зарычав, я плонула ему в лицо. Хого резко дернул меня за волосы и, разжав пальцы, отшатнулся, вытирая щеку ладонью.

— Я злюсь, потому что связался с тобой, — процидил он. — Это было моим решением, ведь такого мне брат точно завещать не мог.

Тяжело дыша, я наблюдала за тем, как он покидает территорию храма. В сердце что-то екнуло и оборвалось.

И вдруг хого остановился. Застыл, как каменное изваяние, и только плечи ходуном ходили. Потом медленно обернулся и прожег насквозь слезящимися глазами.

— Не подходи, — прорычала я. — Даже не смей.

Но он все равно подошел. Ярость клокотала во мне, мешаясь с чувством отвращения — к нему, к себе, ко всем вокруг. Хотелось подняться и убежать, пока не натворила еще больше глупостей, но тело не слушалось — только тряслось от неистовой дрожи, — и я прокусила губу до крови, наблюдая, как этот невыносимо упретый человек опустился на колени и уткнулся лицом в мои ноги.

— Прости меня. Прости.

Я застыла, забыла, как дышать, а хого воспользовался моей растерянностью, взял ладони в свои руки и приложил к губам.

— Прости. Прости, — глупо повторял он.

Поцелуй ранили сильнее слов. Ятихо заскулила и захмурилась. Мне не нужны были эти мольбы. Я их не заслужила и принять не могу. Но если повезет, он никогда не узнает почему.

— Хватит, Шиноту, — прошептала я, отталкивая его. — Наша сделка не включает уважения друг к другу.

Весь день я провалялась в постели. Один раз ко мне заглядывала Мэйко, но я сделала вид, что сплю. В какой-то момент, кажется, и вправду уснула, но по большей части провела время, маясь суевийными мыслями. Озвучивавшие их голоса трещали наперебой так громко, что я даже не слышала суевий на улицах крепости, а ведь птичий народ с самого утра готовился к празднику.

На закате я сдалась и выбралась из постели. Мою одежду выстирали, и я наконец смогла сбросить дурацкое кимоно. Если Мэйко настаивает — ладно, на улицах ее дома я буду выглядеть так, как хочется ей, но в Ёми отправлюсь в том, что мне ближе.

Широкое окно спальни выходило на озеро. Я могла любоваться видом крепости и не утруждать себя наблюдением за празднованием, которое было с другой стороны. Когда солнце полностью скрылось за горизонтом и крепость окрасилась всевозможным сиянием фонарей, за мной пришел Тэйго.

На этот раз он выглядел довольным и уверенным в себе, мужественное лицо украшала сдержанная улыбка — как у образцового солдата, готового в любой момент с честью погибнуть за свою королеву.

Надо же, как малышка выдрессировала вас. Делает тебе честь, Мэйко Хаджава.

— Готова, Рэйкен? Церемония у храма закончилась, все уже веселятся на площади. Так что нам лучше выходить оттуда.

Я одобрительно улыбнулась. Хорошая мысль. Я так давно не искала нужные двери, что лучшее место, чем заряженный ритуальной энергией храм, сложно вообразить.

Мы молча спустились на улицу и прошли вверх по брускчатке. Проходя через церемониальные тории, я невольно прислушалась к гулу голосов за спиной, сама не понимая, что хотела услышать, кого увидеть.

Он либо очень глупый, либо совершенно отчаявшийся мальчишка, которому нечего терять.

Замолчи!

— Эй, что дальше?

Я моргнула. Мы с Тэйго стояли на задворках храма в окружении темно-зеленых криптомерий. Здесь не было фонарей, и нас окутала идеальная густая темнота. Я взяла хого за руку.

— Пройти нам нужно вместе, иначе ты не найдешь дорогу. Поэтому ни за что не отпускай меня.

Я старалась говорить спокойно, чтобы не вызвать излишнего волнения, но, кажется, Тэйго совсем не боялся:

темные глаза светились от предвкушения, на губах играла сдержанная улыбка. Он нетерпеливо кивнул.

— Дай мне минутку, я должна запомнить пороги этого места, чтобы мы могли вернуться в любой момент.

Я глубоко вздохнула и вытянула руку. Кончики пальцев скользнули в невидимую субстанцию, и по телу пронеслась волна возбуждения. Это была моя стихия, мой наркотик. Мгновенно все гнетущие мысли исчезли, и я снова ощущала, как потерянные части меня находят пути друг к другу.

Я водила пальцами в небытии, нашупывала все шероховатости, запоминала неповторимый узор, присущий каждой стене, отделявшей один мир от другого. Я бы никогда не смогла объяснить словами, что конкретно чувствовала, что узнавала. Но моя кожа записывала все. И когда я поняла, что изучила достаточно, то смело шагнула вперед, увлекая за собой своего спутника.

Мгновение, иногда тянувшееся вечность, вязкая отрезвляющая и совершенно магическая темнота. Едва ощутимое давление на уши. Долю секунды мы находились в пространстве между мирами, окруженные абсолютно всем и ничем. Я закрыла глаза и на ощупь поискала новую преграду — ту, что впустила бы меня в Ёми. Я была в мире мертвых множество раз и на всю жизнь запомнила, как выглядит ключ.

Нашупав нужную стену, я уверенно прошла через нее.

Ветер. Горячий и горький. Ветер, который никогда не менялся. Он яростно обнимал своих гостей, льнул к телам, словно вторая кожа, и мгновенно лишал воли не только людей, но и демонов. Говорят, именно поэтому Ёми нельзя покинуть: стоит ступить на Землю Желтых Вод, как чувствуешь себя частью этого мира и навсегда забываешь, что недавно существовал где-то еще.

Я скосила взгляд на Тэйго и внезапно пожалела, что не рискнула довериться Шиноту. О, этот взгляд! Отважный

хого, сердитый и собранный, стоял с открытым ртом и ошарашенным взглядом пожирал мертвые земли. Хотела бы я увидеть все это на лице Шиноту.

Перед нами раскинулась тусклая долина. На первый взгляд казалось, что вокруг лишь убитая древними пожарами степь, обгоревшая трава и пепел. Но это было не так. Нас окружали десятки тысяч течений — узких и широких, медленных и стремительных, ярко-желтых и грязно-зеленых, прогнивших. Воды Ёми. Реки омовения. Источники, вобравшие в себя миллионы отчаявшихся душ.

— Сосредоточься, Тэйго, ты должен держать защиту, — шепнула я.

Мужчина поспешил кивнуть, хотя и продолжал глядеть перед собой. Хорошо — он умеет концентрироваться, даже когда ошеломлен.

— Почему здесь так пусто? — едва слышно спросил он.

— Мы на окраине. Упокоившиеся души уходят вдаль, а страдальцы... если заглянуть в воду, то наверняка можно увидеть многое. Но не советую этого делать. К тому же благодаря твоему барьерау о нашем присутствии не подозревают. Им нет нужды встречать гостей.

— И что дальше? Нам придется ходить и искать ее?

— Неплохой вариант. Хочешь состариться здесь, рука об руку со мной?

Тэйго озадаченно посмотрел на меня, и я не сдержала улыбки. На его лице отразилось облегчение.

— Расслабься. — Я выпустила его пальцы. — И просто держи барьер. Если меня обнаружат — непременно убьют, а ты не выберешься. — Я наградила его приторной улыбкой, но Тэйго не оценил юмор и нахмурился. Я закатила глаза. Каким бы идиотом ни был Шиноту, он по крайней мере пытался шутить.

Соберись, Рэйкен.

Я оглянулась по сторонам. Ноги утопали во влажной земле, неспокойная река справа от меня кишила душами.

Я видела это, даже не всматриваясь. Где-то вдалеке шуршали пожухшие листья. Я никогда не заходила в ту часть Ёми, где обитали упокоенные души, но из первых уст знала, что там куда больше жизни, чем во многих уголках мира смертных.

— Хорошо, давай попробуем, — прошептала я и обратилась к хого: — Сейчас я кое-кого позову. Наблюдай, но молчи. Не выдавай себя. Он должен увидеть только меня — не тебя.

Тэйго кивнул. Солдат, ни дать ни взять. Я начертила в воздухе имя. Там, где проходили мои пальцы, замерзали едва заметные следы — сгустки воздуха, словно вычерченные фрагментами дождевых туч. Хорошо. Очень хорошо, что я ничего не забыла.

Саваки.

Дай мне увидеть тебя. Пожалуйста.

Наше время пришло.

Я закрыла глаза и подставила лицо обжигающему ветру. Слух обострился до предела, и мир как будто остановился. Я слышала, как шуршат листья, как скуют эти идиоты, не получившие прощения при жизни, а теперь вынужденные томиться в желтых водах в надежде вырваться отсюда. Я буквально видела, как потоки ветра сгущаются, обнимают меня, играют с волосами. И я почувствовала его появление.

— Малышка, — заискивающе протянул забытый голос.

Сердце замерло, забыло, как стучать. Я открыла глаза. Вот он, Саваки, мой милый учитель, единственный друг из замка Чироши, пострадавший от эгоизма Хэджама. Инугами, демон-пес. Ёкай, запертый в загробном мире.

— И снова... этот пес, — хмыкнула я, нарочито медленно рассматривая его облик: черная голова с заостренной собачьей мордой и торчащими ушами, ярко-желтые глаза, величественный балахон с широкими, ниспадающими рукавами. Он надменно смотрел на меня сверху вниз, опираясь морщинистыми ладонями на посох, увенчанный

золотой шапкой в виде когтистой лапы. Будь я на сто лет глупее, то непременно заглянула бы под его балахон, чтобы увидеть пушистый каштановый хвост, раздвоенный на конце.

Если бы Саваки удостоил меня своим человеческим обличьем, его нахальное лицо перекосилось бы от самодовольной улыбкой. Он ужасно любил внимание. Особенно мое.

— Издержки жизни в Ёми, малышка. Времени здесь нет, — прорычал он и, подойдя ближе, поддел морщинистым пальцем мой подбородок и заглянул в глаза. — Человеческий рот годится либо для трубки, либо для лобзаний. И если уж ты пришла наконец осчастливить меня, я сию секунду избавлюсь от этой морды.

— Ты даже представить не можешь, как я хочу послать все к черту и развлечься с тобой, Саваки, — жеманно протянула я, демонстрируя клыки, хотя внутри все переворачивалось. Да, я знала, что он жив, даже как-то видела его здесь — вдалеке, размытой кляксой, но все же видела. А сейчас он был рядом, и все между нами невозвратно изменилось. Я изменилась. Однако образ старого друга, учившего меня обращаться с темнотой, все еще стоял перед глазами. — Но мне нужна помощь.

Демон-пес разочарованно цокнул и потрепал меня по щеке.

— Я уже умер за тебя.

— Не за меня, а из-за меня — это большая разница. И давай начистоту: ты умер, потому что прислуживал эгоистичному козлу.

Желтые глаза Саваки вспыхнули, и он разразился глухим лающим смехом.

— Мне бы утащить тебя с собой и скрасить хоть несколько часов этой жуткой скуки, но, кажется, твой провожатый столько времени не выстоит. — Саваки бросил многозначительный взгляд за мою спину.

Я держала улыбку, хотя сердце зашлось бешеным стуком. Инугами были не только ищёйками. Когда-то люди призывали их на свою защиту. И если бы не демоническая натура, лживая и ищущая выгоду везде, их бы по-прежнему почитали, в них бы нуждались. Поэтому люди обращались за помощью к хого, а инугами в отместку считали делом чести избавляться от конкурентов.

— Расслабься — спрашивать не буду. — Саваки сделал шаг назад и вновь оперся на когтистую лапу. — Говори, что нужно.

Я порывалась наконец спросить, зачем он предал Хэджама и правда ли это вообще, но мой инугами всем своим видом давал понять, что прошлое — это прошлое, возможно, мимолетная слабость, за которую он поплатился жизнью на земле, и мне незачем в этом копаться.

— Мидори Сугаши, лет двадцати, темные волосы, голубые глаза. Говорят, покончила с собой, но кое-кто очень хочет понять, что же ее сподвигло на это. Мне нужно узнать, здесь ли она.

Саваки молча смотрел на меня, а я внезапно возненавидела эту дурацкую собачью морду, потому что не могла прочесть на ней никаких эмоций. Только взгляд стал напряженным, глаза едва заметно сузились, как будто он пытался заглянуть в мою душу. Раньше он тоже так делал, когда Хэджам оставлял нас вдвоем.

— Он дал тебе имя, но мозгов не прибавил, — наконец сказал демон.

— Слушай, я не оскорблений выслушивать сюда пришла...

— Рэйкен, ну почему ты такая глупая? Тебе же удалось сбежать. Иди, живи своей жизнью, сколько бы ни осталось.

— Я пыталась, честно, пыталась! Но такая она — моя жизнь: из одного деръма в другое. Хватит осуждать меня. Если можешь помочь — помоги...

— Ее здесь нет. Мне не нужно прочесывать Ёми, чтобы заверить тебя в этом.

Сердце выдало несколько глухих ударов и на мгновение остановилось. Наверное, эмоции отразились на моем лице, потому что он вздохнул, качая головой.

— Я знаю, что ты сделала, малышка. И горжусь, что ты позаботилась о своей безопасности, потому что мы долго искали тебя. Я искал. А ты знаешь, что в поисках мне нет равных.

— Ты? Тебе-то я зачем сдалась?

— О, дорогая, мне не выбраться отсюда без его воли. Я как был его пsonом, так и остался им — даже мертвый. Пока он не найдет то, что ты обещала ему. — Саваки нехотя покрутил лапой, и я догадалась, что могла бы увидеть на его запястье клеймо контракта, если бы не шерсть.

— Да чтоб тебя...

Я зажмурилась. Как же можно быть такой дурой! Почему за все это время я ни разу не подумала о том, что Саваки служит Хэджаму не по старой дружбе, а потому, что связан и... тоже заинтересован в исполнении его желания?

— Ну, будет, будет, — снисходительно протянул он, и мне на плечо опустилась тяжелая лапа. — Мы все связаны с ним, так уж вышло. И если ты не знаешь, как его убить наверняка, выбери один из двух путей: либо дай ему то, что он хочет, либо исчезни навсегда.

Волна горячего ветра закружила вокруг нас, подхватила мои волосы и разметала в стороны. Гладкие человеческие пальцы коснулись шеи, и теплый шершавый язык скользнул по щеке. Он исчез, оставив меня в потоке приторного ветра. Позволил уйти без последствий, а я вдруг поняла, что готова броситься в одну из этих пахучих желтых рек, лишь бы не возвращаться в мир, в котором потеряла абсолютно все.

Шин

Рэйкен была права: как только Мэйко проснулась, без дела никто не остался. Я удивлялся, насколько хваткой оказалась эта с виду такая милая женщина. Ее голос разносился над всей крепостью, напоминая взволнованный щебет стаи птиц. Она говорила быстро и с расстановкой, четко указывая, кому и чем заниматься. Не знаю, сколько существ жило в этом странном городе, но едва закончился завтрак, я не увидел ни одного ребенка, мающегося бездельем.

Может, когда все завершится, стоит пригласить ее управляющей в поместье Сугаши?

Я ухмыльнулся, переставляя корзины с провизией. Еще до завтрака Хэру и двое незнакомых мне мужчин принесли невесть откуда взявшуюся еду к вершине моста, и нам с Тэйго поручили доставить все на кухню. Мы работали молча, изредка переглядываясь, и взгляд хого был оценивающим. Будто он прикидывал, что я из себя представляю, и никак не мог договориться с внутренним голосом. А я исподтишка разглядывал его символы и механически почесывал шею, словно от трения у меня тоже внезапно появится сила.

Закончив с корзинами, мы, не сговариваясь, опустились на траву возле кухонного дома и раскурили трубки. Поймав взгляд Тэйго, я кисло улыбнулся.

— Слушай, Шиноту, — наконец сказал он, — у тебя, наверное, много старших братьев?

— С чего ты взял?

— Не знаю, сколько тебе лет, но ты явно не юнец, а к этому возрасту у любого хого проявляется хоть какая-то сила.

Несмотря на то что в голосе Тэйго не было и намека на насмешку, мне все равно стало обидно.

— Нет, ты ошибся. Я один в семье остался. Как видишь, моего племянника наследственность обошла стороной, — я кивком указал налево: Коджи, улыбавшийся в тридцать

два зуба, кружил возле девицы с рассеченной губой — той, что сидела на ужине в наш первый вечер, — она ему что-то увлеченно рассказывала, а мой племянник воодушевленно кивал и смеялся.

— Славный он, — ухмыльнулся Тэйго. — Но я все равно не пойму... Извини, приятель, не хочу быть навязчивым, просто никогда с таким не сталкивался.

— Да ничего, все в порядке. У меня был старший брат, тоже хого. Так что да, я один. И почему без отметин — не знаю.

— Был?

— Да, был. Исчез двадцать лет назад. Глупо думать, что он все еще жив, но ни разу не захотел повидать своих детей.

Тэйго адресовал мне долгий хмурый взгляд. Я выдержал, хотя и чувствовал неловкость. Потом он вытряхнул табак из трубки, поднялся и молча двинулся в сторону храма, обронив напоследок:

— Как знать, Шиноту, как знать.

Мэйко великодушно позволила нам пообедать, и к закату я, выжатый как лимон, едва успел переодеться в чистое и шел вместе со всеми к храму на священную церемонию. Удивительно, но это был хороший день. Неделя скитаний в лесу изрядно подпортила мои нервы. Я привык к работе руками. Физический труд избавлял от гнетущих мыслей. И властная натура Мэйко пришла как нельзя кстати.

Я шел рядом с другими хого, невольно любясь праздничным убранством улиц, рассматривая яркие фонари и цветы из атласных лент. Все собрались у подножия храмовой лестницы — в роскошных пестрых кимоно и головных уборах, украшенных яркими бутонами и перьями, лица многих закрывали деревянные птичьи маски.

Мужчины держали в руках маленькие свечи, а женщины — бумажные фонари.

— Когда мы вознесем молитву, то подожжем фонари, птицы взлетят и развеют пепел, — шепнула одна из женщин в ответ на мой вопросительный взгляд. — Так мы скажем милостивому Сусаноо, что бережем землю и воздух от невзгод и ненастий.

Впечатляет. Крестьяне Сугаши носили в храм Инари подношения в виде сладостей.

Толпа расступилась, и по проходу прошла Мэйко в изумрудном кимоне, украшенном ярко-желтыми перьями. В руках она несла зажженный факел. А за ней потянулась процессия детей — все в голубом, с корзинками, наполненными рисовыми шариками. Прямо у лестницы я заметил Коджи и даже не сразу узнал его — в праздничном наряде и накидке из перьев — так он вписался в окружение! В сияющей ночи глаза его горели, и с лица не сходила благоговейная улыбка. Он был счастлив и был на своем месте.

В сердце кольнуло, и я медленно отошел в самый конец толпы. Затуманенным взглядом следил, как Мэйко медленно поднялась по лестнице, по пути поджигая факелом воду в чашах, разбросанных по всему периметру. Шедшие за ней дети бросали в огонь угощение, и на их невинных, взволнованных лицах зловеще играли отблески и тени.

Происходило что-то важное, но совершенно мне непонятное. Когда Мэйко произнесла молитву, все вторили ей, затем склонились в низком поклоне. Женщины вытянули руки с фонарями, а мужчины подожгли их от пламени свеч. И вдруг тут и там взметнулись столбы пыли. От неожиданности я закашлялся, прикрыл глаза рукой, а когда снова прозрел, то увидел, как сильно поредела толпа. Те, кто остался стоять, опустили маски на лица, а другие... черт возьми, другие обернулись самыми настоящими птицами — только гигантскими, невиданными — и взмыли в темное небо, неся пламя в когтистых лапах.

Я таращился на этот хаос из крыльев, пытаясь осознать, как такое возможно, не в силах оторвать взгляд от тлеющих угольков, которые в одно мгновение градом посыпались с неба и растворились в темноте, не успев коснуться наших голов.

Когда все закончилось и птичи духи сняли маски, а другие приняли человеческий облик, Коджи потащил меня на площадь. На крепость опустилась прохладная ночь, и я оглядывался в поисках Тэйго, но защитник как сквозь землю провалился. Наверное, я все же увлекся церемонией и не увидел, как он ускользнул.

— Мне кажется, они отправились в Ёми, — сказал я Коджи.

— Скорее всего, — бодро кивнул племянник, но в его голосе не было той веселости, которая озаряла лицо. — Мэйко сказала, что ритуалы заряжают пространство священной аурой и это самое подходящее время, чтобы сделать что-то магическое.

Я вздохнул. В груди поселилась тревога. Совсем скоро все может закончиться. Если Мидори действительно там, я с ней поговорю, и тогда... А что тогда? Я вдруг понял, что никогда не думал о том, что же будет дальше. Скажет ли она, зачем это сделала? Смогу ли я принять правду? Неужели просто распрощаюсь со всем этим, заберу Коджи и мы вернемся домой? Ведь ничего и никогда уже не будет как прежде. Хотя бы потому, что с нами нет Кацу. Потому, что Коджи узнал о своей наследственности. И потому что...

— Я сильно обидел тебя, — шепнул я.

— Что? — Глазевший по сторонам Коджи удивленно уставился на меня.

Я лишь покачал головой.

Может быть, ты права. Может, все это время я искал не свою жизнь. И эта ошибка привела меня к тебе. Только кто ты: мое наказание или награда?

Я отошел в сторону и, присев на опрокинутую бочку, раскурил трубку. Мимо проносились женщины и мужчины в сказочно красивых одеждах. Яркие, веселые, полные удручающей благодарности к своему богу, даровавшему им эту прекрасную бессмертную жизнь.

Вот где я свернул не туда. Не выбрал, кому молиться.

Я вдохнул дым и тут же поперхнулся, зайдясь внезапным приступом смеха. Меня озарило. Рисовые поля Сугаши, плодоносные земли, не знавшие засухи. Покровительница земледельцев богиня Инари. И кицунэ, ее посланцы.

— И все же ты мое наказание, — сквозь смех прошептал я.

Проходившая мимо девушка одарила меня очаровательной улыбкой.

Столы пестрели обилием блюд и праздничных украшений. В темноте все светилось, переливалось, фонари парили над тарелками, резко взмывали в небо и плавно опускались обратно, ароматы цветочных гирлянд и благовоний опьяняли похлеще саке. Меня закружило в вихре всеобщего веселья. Спустя час я уже не различал, с кем говорю, кому улыбаюсь. Не удивлялся, когда над головой пролетали птицы — маленькие и неприлично гигантские, с невообразимо яркими перьями и блеклые, серые и грязно-белые. Одни уивались за фонарями, заливались песней и резко пикировали, почти касаясь клювами яблок. Другие развились высоко в небе, с пронзительными криками соприкасаясь крыльями, сливались в танце, значение которого было понятно им одним.

Одна птица — серо-зеленая, маленькая, размером с мою ладонь, но с длинными желтыми лапами — опустилась на плечо, и я машинально почесал ей под клювом.

— Ты только не тяни свои ручищи ко всем подряд — многие не любят, когда их трогают люди, — прошебетал на ухо знакомый голос.

Вздрогнув, я обернулся, и птица перелетела на другое плечо.

— Что? Мэйко, это ты?

— Конечно я, а что ты так удивляешься? Думал, я не умею, как остальные? — И пока я растерянно переваривал услышанное, непринужденно добавила: — Почеши еще, мне нравится.

Я исполнил ее просьбу, а сам уставился в небо, пытаясь различить в призрачных птичьих силуэтах черты уже знакомых мне людей.

Мэйко вдруг соскочила с моего плеча. Маленькое пернатое тельце закружило в потоке густого воздуха, и через мгновение передо мной предстала принцесса Блуждающей крепости. Изумрудные глаза горели, словно были вытканы из нитей ее кимоно.

— Спасибо, добрый хого, — хихикнула она. — Не часто мне удается понежиться в человеческих объятиях.

Я не успел ответить: со стороны храма широкой поступью к нам спешил Тэйго. От быстрой ходьбы темные локи разметало в стороны, и они были похожи на преследовавших его змей. Широкое лицо покраснело, ноздри гневно раздувались, карие глаза метали недобрые огоньки.

— О, Тэйго, вы уже вернулись! — воскликнула Мэйко. Казалось, внешний вид подданного совсем не удивил ее.

Я невольно заглянул ему за спину, но Рэйкен там не было.

— Она привела меня к инугами! — прошипел он, тыча пальцем в грудь принцессы. — Инугами, Мэйко!

— Кто такие... — начал было я, но Тэйго бесцеремонно выставил руку в сторону, призывая меня молчать. Ничего себе: он и вправду был взбешен.

— Инугами в Ёми? — удивилась Мэйко. — Я ничего не знала.

— Конечно не знала! Ты вообще хоть что-то о ней знаешь? Оказывается, это ее дружок, и он по-прежнему служит этому вашему...

И тут Мэйко изменилась в лице: задорный румянец схлынул, по-детски распахнутые глаза сузились, в одно мгновение превратив ее в злобную фурию. Кажется, воздух вокруг накалился, и я интуитивно отступил назад.

— Что за истерика? В итоге же все хорошо закончилось, — лениво протянул голос за спиной.

Я обернулся. Рэйкен привалилась к балке обеденного дома и со скучающим видом пила из дымящейся пиалы. Она вновь облачилась в праздничное черное кимоно, расшитое журавлями из золотых нитей, и даже обула изящные дзори из лакированной кожи.

Я растерянно разглядывал ее, не понимая, что хочу сделать: обнять, снова просить прощения за сцену на рассвете или наброситься с вопросами о Мидори.

— Ты не говорила, что собираешься встретиться с инугами, — процедила Мэйко, пронзив Рэйкен таким злобным взглядом, что у меня закрались сомнения, а подруги ли они. — Ты вообще не говорила, что якшаешься с этими псами.

— Не знала, что это такой важный факт моей биографии, — фыркнула она и залпом опрокинула в себя горячее содержимое пиалы.

— Я бы не отправила с тобой Тэйго! Инугами вырезали его семью.

— А демоны убили моего братишку, — парировала Рэйкен, жеманно растягивая слова. — А люди привязали мою мать к столбу и оставили умирать. И что же мне теперь, всех сторониться?

От неожиданности я открыл рот. Краем глаза заметил, как Тэйго сжал кулаки и оскалился, но Мэйко

предупредительно опустила руку ему на плечо. Рэйкен скользнула по мне взглядом, и уголки ее губ скривились в ухмылке.

— Расслабься, Тэйго. Инугами тебя не найти, ты же защитник и очень постарался оставаться невидимым. Он почувствовал тебя, но не увидел. И если бы у меня был другой способ выведать правду, я не обратилась бы к...

— Рэйкен!

Из толпы гуляющих к нам выбежал раскрасневшийся Коджи. Не обратив внимания на наши напряженные лица, он в предвкушении уставился на нее.

— Ну что?

Мимо шла девушка с подносом. Рэйкен оставила ей пустую пиалу и выпрямилась.

— Ничего, — просто сказала она. — Ее там нет.

Нет.

Мы с Коджи переглянулись. В груди стало тяжело, и я судорожно вздохнул, пытаясь протолкнуть ком, застрявший в горле.

Ее там нет. Почему ее там нет?

— Почему ее там нет?

Рэйкен хмуро уставилась куда-то поверх моего плеча.

— Потому что ее душа угодила в какой-то другой мир. Не все после смерти попадают в Ёми.

— Не понимаю... — сказал Коджи. — И как теперь найти ее?

Рэйкен взглянула на него, наградив приторной улыбкой, и пожала плечами:

— Понятия не имею. Не моя забота.

— Но...

— Всё, Коджи. Всё! Спасибо за компанию. И за то, что вызволили из храма. Было увлекательно. Надеюсь, больше не встретимся. — Расправив складки кимоно, Рэйкен торжественно хлопнула в ладоши и, воспользовавшись общим замешательством, зашагала прочь.

— Дядя...

— Останься здесь, — бросил я и в два счета догнал ее, ухватив за запястье.

Рэйкен покорно остановилась, но головы не повернула.

— Отличная комедия, правда, — зашептал я, отчаянно борясь с эмоциями. Мне ужасно хотелось что-нибудь сломать или заорать во весь голос. — Но время неподходящее.

— Хого, у нас было соглашение: я наведаюсь в Ёми, чтобы найти твою племянницу. Я его выполнила. Что еще?

— Но ты ее не нашла...

— Потому что ее там не было. Мы не договаривались, что, если Мидори не будет в Ёми, мне нужно ломать голову, где искать ее душу.

— Рэйкен, пожалуйста...

Она с шумом вздохнула и посмотрела вверх.

— Ты, наверное, считаешь, что раз это не моя потеря, то мне все равно, — тихо сказала она. — Но... можешь спросить у Мэйко, она подтвердит: я очень хорошо понимаю, что движет тобой. Знаешь, почему солнце убивает меня?

Рэйкен повела плечом, и я отпустил ее руку.

— Я тоже начинала с Ёми. Тот инугами, с которым мы сегодня встречались, был моим... приятелем. Ты, верно, не знаешь, но инугами — демоны-ищейки. Раньше, еще до появления хого, они стояли на защите людей, им поклонялись, но потом... Собственно, это сейчас неважно. Главное, что теперь к ним обращаются другие демоны, чтобы кого-то найти. Так вот этот инугами служил моему преследователю. И вместе с ним мы впервые отправились в Ёми.

— Чтобы найти Касси? — Кажется, я начал понимать, к чему она клонит.

Рэйкен удивленно посмотрела на меня. Как будто не ожидала, что я запомнил имя ее брата.

— Не только его.

— О... — выдохнул я.

Касси и маму. Оказывается, она искала свою семью.

— Я не знаю таких чисел, чтобы сосчитать, сколько миров я обошла, когда поняла, что в стране мертвых их нет. Я провела в темноте бесконечное количество часов, дней или, может быть, лет. Я правда не знаю. Но когда я вернулась в этот мир, на солнце мое тело начало умирать. Оно попросту отвыкло от него.

Я не знал, что сказать. Просто смотрел на ее печальное лицо, так не к месту радуясь этому откровению и боясь расспрашивать дальше. Рэйкен обхватила себя руками.

— Спустя годы я узнала, что иногда души уходят в миры, недоступные живым. Может, потому, что мертвые должны оставаться мертвыми? Иногда я жалею, что не смогла понять этого раньше — когда еще был шанс придать своему существованию смысл. Я прожила больше ста лет, гоняясь за мертвыми, а в итоге сама пребываю в темноте. Так ведь не должно быть? Живые должны жить, пока их час не придет. Неужели ты хочешь стать таким, как я? — Она немногого помолчала и едва слышно добавила: — Ты был прав: никто в здравом уме не захочет быть со мной просто так, не требуя ничего взамен. Потому что я сама ни дня не желала быть в мире живых.

— Рэйкен, нет... подожди. Прости. Я столько глупостей тебе наговорил. Но я так не считаю, — оправдывался я, но она лишь покачала головой, устало прикрыв глаза.

— Извини, хого, но я ничем не могу тебе помочь. Не знаю, в чем твоя вина перед Мидори, но постарайся понять: ни ты, ни Коджи — вы не толкали ее с обрыва, этот шаг она сделала сама. Эта девочка ушла в другой мир. И тебе туда дороги нет. Вместо того чтобы думать, как ее найти, научись жить без нее. Потому что ты все еще жив.

Глава 2

Близость

Шин

Улицы крепости захватило веселье птичьих духов. А мне веселиться не хотелось, но и возвращаться тоже. Я видел радостного Коджи. Племянник держался в поле моего зрения, но на расстоянии. Он широко улыбался, но стоило нам встретиться взглядами, как юное и счастливое лицо искашала вина. Мне было обидно. Обидно, черт возьми, что он так беззаботно вел себя, когда...

— Дай ему время, — пробасил Нобу, дружески хлопнув меня по плечу. — Сегодня волшебная ночь. Пусть отдохнет. Кажется, последние годы принесли вам много мрачных мыслей. Парень заслужил. Пойдем!

Нобу кивнул на дверь напротив обеденного зала, и мы вошли. Поднялись по глянцевой красной лестнице на второй этаж и оказались в просторной чайной комнате, утопающей в приглушенном янтарном свете фонарей, аккуратно расставленных на светлых татами. По всему периметру в окружении мягких подушек стояли лакированные столики, часть из которых уже заняли другие мужчины. Рядом с ними сидели девушки. Они сдержанно улыбались, наполняли чаши ароматным чаем и предлагали гостям сладости.

Мы с Нобу сняли обувь, омыли руки в чаше у входа, ополоснули рты и заняли места в противоположной части зала. Где-то под потолком звучала музыка, обволакивая приятным перезвоном флейты и колокольчиков. В воздухе стояла прохлада, а от живых цветов на подпорках крыши пахло свежестью. Да, хорошее место. На улице слишком шумно.

— Знаешь, Нобу, — тихо сказал я, наблюдая за девушкой у жаровни в центре зала: она наполнила котелок тягами водой, поставила на угли и, перехватив мой взгляд, улыбнулась, — я хоть и вырос при традиционном укладе, но никогда особо не следовал традициям. Службы, церемонии — все проходило мимо меня, и, наверное, если бы я был крестьянином — по статусу, ведь в душе я именно такой, — нашелся бы кто-то, кто осудил мой образ мыслей.

— Понимаю, — ухмыльнулся Нобу. — Здесь все проще, да?

— Именно! Я вижу много традиций, которые соблюдает ваш народ, но в то же время вы как будто... — я запнулся, пытаясь правильно подобрать слова. Меньше всего мне хотелось его обидеть. — Как будто вы иностранцы. Берете то, чем живут другие, и меняете под себя.

— Так и есть. И это нормально, Шиноту. Посмотри на себя: ты не простой человек. Как и я, и каждый здесь. Природа изменила нас еще в утробе, сделала очень похожими на людей и все же изменила. Так если мы немного другие, почему бы и все остальное не сделать... немного другим?

Эта мысль мне понравилась.

Девушка сняла с жаровни котелок и перелила кипяток в керамический чайник, а потом поставила на лакированный поднос рядом с пиалой с зеленым порошком, в который заранее стерла чайные листья венчиком и бамбуковой ложкой. Нобу завязал тихий разговор с мужчиной справа, а мои мысли унеслись далеко. Я отстраненно

наблюдал за девушкой — как она подошла ко мне, поставила поднос на стол и наполнила пиалу водой. Чувствовал на своем лице мягкую улыбку, но смотрел словно сквозь нее.

Один вопрос мучил меня. Только один. Что будет завтра?

Ведь прежней жизни уже нет. Мидори нет. И мне следовало либо упокоить ее в своих мыслях и отпустить со всеми почестями, либо найти другое существо...

Не знаю, сколько прошло времени. Девушка, чьего имени я до сих пор не спросил, все еще сидела рядом со мной, возможно, даже что-то говорила или пела, но в комнате вдруг стало очень тихо и пусто. Краем глаза я уловил движение в стороне. Что-то белое, остро пахнущее. Но голова моя была пьяна от мыслей — я даже повернуть ее не мог.

— Пошла вон, — рявкнула Рэйкен. Девушка удивленно пискнула, вскочила, низко поклонилась мне и торопливо удалилась.

А у меня даже не было сил, чтобы отреагировать. Я несколько раз моргнул: мужчины и вправду разошлись, а пиала в руке давно остыла, и я поставил ее на столик. Я не смотрел на Рэйкен, только по бликам, отбрасываемым ее светлыми волосами, понимал, что она приближается ко мне.

Рэйкен опустилась на колени за моей спиной. Я дернулся, хотел обернуться, но она положила холодные ладони на мою голову, накрыв лоб и виски, и бесстрастно шепнула:

— Расслабься.

Я был бы и рад последовать ее совету, но невольно напрягся еще больше. Все, что накопилось за прошедшие дни, зашевелилось, слившись в огромный ком. Он давил на грудь, грозил разорвать изнутри, а потом резко устремился вверх, в голову, и взорвался ужасной мигренью.

Я стиснул зубы и крепко зажмурился, из последних сил сдерживая совсем не свойственные мне рыдания, думая, что еще мгновение и я ничком упаду на татами. Как вдруг Рэйкен немного опустила ладони и надавила большими пальцами мне на виски, а потом ее губы приникли к моему затылку.

И о чудо — мигрень медленно отступила. Не открывая глаз, я задышал глубоко и шумно, стараясь сосредоточиться на ощущениях. Чувствовал холодное покалывание от ее пальцев. Я как будто стал больше, потому что ощутил внутри себя много простора. Каким-то образом ей удалось избавить меня от всех терзаний. Напряжение в теле схлынуло, плечи поникли. Наверное, я бы все-таки упал, но руки Рэйкен удержали меня в вертикальном положении.

А потом ее хватка ослабла, пальцы уже едва касались меня. Она оторвала губы от моего затылка, и я резко перехватил холодные ладони. Рэйкен вздрогнула. Я переплел наши пальцы и потянул вперед, обнимая себя ее руками.

— Хого...

— Всего лишь мгновение. Не думай.

Я бы не удержал ее никакой силой, если бы она захотела уйти.

Останься.

Может, я и вправду устал, может, только сегодня наконец осознал все, что свалилось на меня, и просто не смог справиться быстро, а может, виной всему было саке, выпитое еще на улице, — без разницы. Я лишь понимал, что хочу быть здесь, в объятиях моего холодного угрюмого демона, и пусть хоть весь мир затопят желтые воды Ёми, но пока она обнимает меня, ничто другое не важно.

Рэйкен прижалась к моей спине и стиснула пальцы в ответ. Сквозь рубаху я вдруг ощутил, как сильно забилось ее сердце. Тело стало ватным, из головы исчезли все звуки. Сознание помутнело и устремилось покинуть этот мир,

и я изо всех сил сжал руки Рэйкен, чтобы не отключиться, а она внезапно уткнулась носом в мою шею, прямо под ухом.

Я резко выдохнул — громко и хрипло. Понимала ли она, что делает? Осознавала ли, какой властью обладает надо мной? Что происходит, когда ее руки касаются моего лица, когда губы что-то шепчут на ухо, когда дыхание обжигает шею? Я бы спросил, но разве она ответит...

В комнату ворвался ветер, бесцеремонно подхватив края нашей одежды. Волосы Рэйкен разметало, пряди защекотали мое лицо, а потом стали медленно соединяться поверх наших рук, обнимая мои плечи, грудь и ноги.

— Кацу было так же легко перед смертью? — тихо спросил я.

На мгновение Рэйкен ощутимо напряглась, потом повела носом и зашептала, касаясь губами моего уха:

— Конечно. Он не страдал. Ушел мирно, потому что достиг своей цели.

Я коротко кивнул. Внутри меня что-то тихо заскулило, и я понял, что это моя душа скорбит по другу и этой скорби никогда не суждено исчезнуть. Она не станет будить меня по ночам, не вызовет слез или раздражения. Просто поселится со мной, остынет, превратится в тоску и будет изредка напоминать о себе, когда появится повод. Так же, как тоска по брату взывает ко мне всякий раз, когда что-то напоминает о нем.

Я оплакивал Такимару много лет, прежде чем боль утраты превратилась в это чувство. И я должен был страдать по Кацу еще долгие-долгие дни и месяцы, но Рэйкен удалось избавить меня от этого за считаные минуты.

Мне хотелось развернуться и поцеловать ее. Боги, как же мне этого хотелось! Дыхание Рэйкен обжигало шею, место, в котором ее нос касался моей кожи, раскалилось словно сталь. Я крепко зажмурился, из последних сил прогоняя эти мысли.

И тогда все закончилось. Она исчезла, словно ее и во-
все здесь никогда не было.

Наверное, я ушел в себя, потому что очнулся от резко-
го холода. Посмотрел на свои руки, пошевелил пальцами,
все еще ощущая призрачные касания Рэйкен, потрогал
шею. С досадой осмотрел пустую комнату и поднялся.
От долгого сидения меня пошатывало. Опершись на сте-
ну, размял плечи.

Внешний мир снова вернулся в мое сознание. В мягкую
мелодию, струившуюся с потолка, ворвались уличные
звуки музыки, веселые голоса.

Понимала ли Рэйкен, что творит со мной, я не знал.
Но сегодня, в эту ночь она пришла, чтобы мне стало лег-
че. Я должен сказать ей об этом — сказать, как это важно.

С твердой решимостью я направился к выходу, но на
полпути замер.

«Стой, дурак, — сказал я сам себе. — Сегодня тебе
нельзя с ней видеться».

Голос разума — как не вовремя. Сказать я бы мог и зав-
тра днем, когда вокруг будет много других существ. По-
тому что я вдруг вспомнил ее слова на холме. «Ты не готов».
И наконец понял, что она имела в виду.

Эта женщина разрушила все мои установки. С ней я за-
бывал обо всем на свете. А я не был готов к этому. Не был
готов влюбиться в нее.

Мужчины раскуривали трубки у столового зала, весело
заигрывая с девушками. Головы венчали деревянные маски
с клювами и перьями, на разгоряченных лицах виднелись
следы краски. Кто-то хлопнул меня по плечу, шелковистый
рукав кимоно коснулся кожи. Я глубоко вдохнул прохла-
ду этой праздничной ночи и вдруг заметил ее на крыше.

Белоснежный силуэт Рэйкен отдался от веселья, оставляя за собой призрачное свечение, исходившее от ее мехового плаща.

Интересно, почему она надела его именно сейчас?

Завороженный, я медленно побрел в сторону своего временного дома, не отрывая от нее взгляда. «Парадный костюм». Она надевала его в лесу — впервые, когда предстала перед нами после преображения, потом — когда нам грозила опасность в лице мертвых демонов. Я никогда всерьез не задумывался, для чего ей на самом деле нужен этот облик. Может, каждый уважающий себя демон должен уметь преображаться? Народ Мэйко, например, птицы. Облик посланников Инари — лисы-кицунэ, а инугами не просто так называли псами. Рэйкен же хоть и была полукровкой, но не могла превращаться, и в какой-то момент я даже подумал, что так она компенсирует свою неполноценность перед другими ёкайами.

Но потом я вдруг вспомнил о пощечине. Как она ударила Коджи в ту первую ночь в лесу, когда он ухватился за плащ. И как резко оттолкнула меня, когда вытаскивала демона. Ужасное, удручающее одиночество и пустота. Вот что я почувствовал, прикоснувшись к меху.

Рэйкен перепрыгнула с одной крыши на другую и скрылась за башенкой. Когда на ней был этот плащ, я никогда не замечал грусти в ее глазах. Она язвила, была раздражающе равнодушна или в полной боевой готовности. Но стоило ей скинуть плащ и вернуть волосам золото, как в рыжие глаза возвращались печаль и задумчивость.

Я остановился перед раздвижными дверьми, ведущими в мою спальню, и вдруг все понял. И если... если я прав... Я с шумом выдохнул и провел рукой по волосам. Может, Рэйкен и не понимала, как действует на меня, но сама... раз уж надела этот плащ после того, как помогла мне...

Я резко развернулся и зашагал вверх, к храму. К черту! Хоть мне и было плевать на праздник, на Сусаноо и на

все, чему поклонялись птицы духи, но сегодня я потерял Мидори и, кажется, потерял и свою прошлую жизнь. К тому же во мне было много саке и полное безразличие к тому, что будет завтра.

Я взбежал по ступеням вверх и устремился вперед по узкому выступу перед вторым ярусом домов, одним лишь чудом не сорвавшись вниз. Остановившись у нужных дверей, едва перевел дух и постучал. Еще. И еще. Ответом мне было молчание. Небо озарила яркая молния, и уши сотряс раскат грома.

Что сказать ей? С чего начать? Я так хотел ее видеть. Стоило попросить прощения за всю грубость, объясниться в своих спутанных чувствах. Или обещать защиту, если ей нужно покинуть крепость. Не знаю. Холодные капли яростно забили по щекам и голове, и я бесцеремонно распахнул двери. Если забуду, как говорить о важном, всегда смогу сказать, что решил спрятаться от дождя.

Что за дурак.

Рэйкен со скрещенными ногами и гордо поднятой головой сидела на полу и смотрела на дождливое небо. Ветер блуждал по комнате, настырно трепал золотистые волосы и меховой плащ. На ней по-прежнему было кимоно, но из-за парадного облачения из насыщенного черного оно окрасилось в кипенно-белый, как и ее предыдущий костюм.

Разувшись, я осторожно задвинул двери. Капля пробежала по щеке, задержалась на подбородке и упала на пол. Мне показалось, слишком громко. Я смотрел на Рэйкен, и все в одночасье стало неважным, а в поле зрения маячило лишь серебро мехового плаща. Выпитое придало мне храбрости, потому что я подошел к ней, опустился на колени за спиной и прошептал:

— Разреши мне...

Собственный голос показался чужим, простуженным. Ее плечи медленно поднялись, и сквозь монотонный стук дождя прорвался глубокий вздох.

— Это не очень приятно.
— Знаю, но я хочу понять...
— Моя душа, хого. В этом плаще — часть моей души.

Сердце чувствующее. Я умею отделять его, когда...

— Когда становится совсем невыносимо. Я понял.

Рэйкен промолчала, и я воспринял это как знак согласия. Уткнулся носом в ее волосы, полной грудью вдохнул так раздражавший меня приторно-сладкий аромат демонического тела, который даже дождь не мог перебить, и опустил дрожащие ладони на меховые плечи.

Из-за ранней утраты родителей и исчезновения брата я всегда чувствовал себя одиноким. Никто бы никогда не сказал такого обо мне, ведь рядом со мной были Коджи и Мидори, я выглядел общительным и много времени проводил в полях, работая бок о бок с крестьянами поместья Сугаши. Но стоило потушить огни, как одиночество неизменно настигало меня. С новой силой я ощутил его сегодня, когда понял, что больше никогда не смогу поговорить с Мидори. Но я был уверен, что если когда-нибудь поборю это чувство, заполню его другим, то никакие беды не будут мне страшны. Я думал, что знаю, каково это — когда душа болит так сильно, что хочется кричать. Но, сжимая сейчас ее плечи, зарываясь лицом в волосы, я вдруг понял, что совсем не умел страдать, потому что такой силы пустоты и одиночества никогда не чувствовал.

Я словно касался обнаженных нервов. Они кололи и щипались, наполняя нутро обжигающей тяжестью, а уши — протяжным скорбным плачем. Значит, вот во что превратили ее поиски мамы и Касси?

— Это неправильно — так истязать себя, — прошептал я и, крепко обхватив ее руками, прижал к своей груди.

— Не ты меня судил, не тебе и миловать, — прошипела Рэйкен. Дернулась, хотела высвободиться, но я лишь сильнее сомкнул объятия, превозмогая боль, пронзившую тело.

— Останься, — прошептал я ей на ухо. — Не убегай от меня в этот раз. Если я не противен тебе, пожалуйста, останься.

— Хого, ну что ты делаешь, — жалобно протянула она.

— Не знаю, Рэйкен, ничего не знаю. — Стук сердца стал до неприличия громким, и я с трудом мог говорить. — Даже если ты скажешь, что это твой трюк, что ты залезла мне в голову, чтобы... чтобы издеваться надо мной, испытывать мой жалкий разум, я все равно не смогу уйти. Запрети мне касаться тебя, и я буду сидеть рядом, потому что мне просто нужно быть с тобой сейчас.

Рэйкен повернула голову, и я без промедления поймал ее губы. Нежно прикусил верхнюю, задержался, наслаждаясь трепетом, вытеснившим плач ее души, затем поцеловал кончик носа, скользнул от щеки к мочке уха. И остановился. Прислонился лбом к ее виску, не ослабляя объятий. Боялся, что она передумает.

Рэйкен положила ладонь мне на локоть.

— Холодная, — прошептал я.

— Так всегда было.

— Мне нравится.

Рэйкен тяжело вздохнула и сказала с твердой решимостью:

— Уходи, хого.

— Значит, я противен тебе?

— Нет... Или да... Не знаю! Просто уди!

Рэйкен ткнула меня локтем в грудь. Но это не произвело на меня никакого впечатления. Если бы не душа, странным образом заточенная в этот плащ, я бы послушался ее, поверил, что она действительно хочет, чтобы я ушел. Но я ощущал только страх и смятение. Эти чувства были знакомы мне.

Теперь она стояла боком к распахнутому окну и смотрела на меня со смесью гнева и недоверия. Дождь заливал правую сторону ее пылающего лица, от ветра волосы

зловеще разметались в стороны. Но я поднялся и протянул ей руку.

— Позволь мне остаться с тобой. Просто осться, если захочешь... пока солнце не взойдет.

Уголки ее губ дернулись.

— Зачем тебе это? В крепости много девушек, которые с радостью скрасят твою ночь.

Я не ожидал такого и даже растерялся.

— Боги, Рэйкен, я же не затем сюда пришел. Ты... как же мне объяснить тебе...

Я осознал, как глупо и жалко выгляжу. Все мое существо тянулось к ней, желало коснуться, прижать к себе и наконец понять... нет, хотя бы попытаться понять, каково это — обладать такой, как она. Нет, снова не то. Не такой, как она, а именно ею. Женщиной, с самой первой минуты вызывавшей во мне столько противоречивых чувств. Опасной и притягательной, обманчивой, лживой и честной. Ужасающей и неописуемо красивой, соблазнительной, изуродованной и такой совершенной, абсолютно выходящей за рамки моего понимания этого мира.

— Если бы я мог впустить тебя в свою голову, потому что даже не знаю слов, которыми описать... — Я беспомощно опустил руку. Она смотрела на меня с откровенным недоверием, и я решил — да будь что будет! — выскажусь, а потом, если по-прежнему будет нужно, уйду. — Двадцать семь лет — для тебя это не срок, а для меня — вечность. И я знал только одну сторону, верил в нее. А теперь ты мой мир переворачиваешь, понимаешь? И я чувствую, что если не ухвачусь за это новое, то потеряю навсегда и буду жалеть... Я хочу узнать... мне нужно знать... хотя бы на несколько часов... каково это — жить в мире... с тобой... Говорить. Вспоминать. Ласкать тебя. Любить. Держать в объятьях. Простые земные вещи, но я не понимаю, возможно ли все это нам с тобой? Потому что...

— Жить со мной? — растерянно выдохнула Рэйкен, округлив рыжие глаза. — Хого, да что с тобой не так? Лучше бы ты просто пришел скоротать ночь, я бы поняла. Люди часто желают таких, как я. Но ты же говоришь... Боги, хого, о чём ты говоришь, ты слышишь себя?

— Слыши, Рэйкен. Может, это самый смелый поступок за всю мою жизнь — да, вот так, самый смелый поступок! — рассказать тебе об этом. Ты даже не представляешь, что делаешь... что сделала со мной!

Рэйкен обхватила себя руками, меховые полы полностью укрыли ее. Она подставила лицо дождю и, прикусив губу, задумчиво нахмурилась.

— Ты сказала, что мое сердце противится тебе. И я думал, что ты права. Но, может... что, если оно не противится, а просто боится застучать так, как никогда до этого не билось?

Рэйкен медленно обернулась ко мне и окинула долгим, внимательным взглядом. Затем поднесла ладонь к плечу и одним движением пальцев сбросила плащ. Затаив дыхание, я наблюдал, как искрящийся мех отделяется от нее и растворяется в небытие, сквозь серебро волос медленно проступает желтизна, а белое кимоно зловеще затягивается насыщенным черным.

— До восхода солнца, — прошептал я, едва справляясь с волнением.

— До восхода этого чертова солнца, — выдохнула она, делая шаг навстречу.

Я бросился к ней и, заключив лицо в ладони, горячо поцеловал. Она прильнула ко мне, прижалась всем телом, впившись в плечи острыми когтями, потом обняла за шею, холодными ладонями забирая мой жар. Наверное, так сходят с ума одержимые. По крайней мере, в тот самый момент я чувствовал себя именно так. Отстранившись от всего мира, опьяненный эйфорией, не знавший границ глупый хого, для которого все некогда важное в одночасье

померкло и осталась только необузданная страсть к женщине, которая отчего-то согласилась стать моей. Хотя бы до рассвета.

Я прижал ее к стене и приподнял, Рэйкен в ответ обвила мои бедра ногами и содрогнулась. Ни к одной из женщин я не испытывал ничего подобного. Может, такой властью обладали все демоны, а может, мне суждено было потерять рассудок из-за одной-единственной полукровки, но я не противился этому, отмахиваясь от слов, так не во время зазвучавших в голове, — слов, которые Рэйкен сказала, когда мы впервые поцеловались под звездами: «Ты не готов».

Но я рискну.

Лучше потерять тебя потом, чем сейчас поддаться расчетливой трусости.

Губы Рэйкен, мягкие и горячие, обжигали. Она прикусила кожу на моем подбородке, посылая разряд всему телу, и я не сдержал стон.

— Постой, — едва справившись с дыханием, прошептал я.

— Что-то не так?

Я взял ее лицо в ладони и прижался лбом к ее лбу. Рубашка промокла от пота и липла к спине.

— Все так. Более чем так. Но я хочу... хочу, чтобы было по-другому. Если ты позволишь.

Рэйкен изящно спрыгнула. Я взял ее за руку и повел к циновке. Мы опустились на пол, сели очень близко друг к другу, лицом к лицу. Дождь усилился, но небо было таким ясным и лунный свет бил в окно, лился прямо на голову Рэйкен. Я с наслаждением гладил ее заискрившиеся волосы и пылающие щеки и впитывал затуманенный взгляд ярких рыжих глаз. Она желала меня так же сильно, как я ее, и это осознание окрылило меня, буквально вознесло до небес.

Рэйкен коснулась ладонью моего лица, провела пальцами по губам, и я прикусил один. Улыбнулся, вспомнив ту ужасную сцену на поляне с призраком, когда она висела на мне, угрожая стрелой. Я перехватил ее руку и оставил поцелуй на запястье.

— Что это?

На коже виднелся шрам. Было сложно разглядеть его в темноте, и я провел пальцем по рваным выступам, изучая контур.

— Неважно, — голос Рэйкен дрогнул. Она мягко высвободила руку. — Просто покажи, чего ты хочешь.

Я ослабил узел на ее кимоно. Ткань упала с плеч и задержалась на груди, обнажив острые ключицы и несколько блеклых шрамов вокруг яремной впадины. Я целовал ее шею, ласкал плечи, медленно спуская ткань ниже, постепенно открывая руки и спину. Рэйкен задышала глубоко и прерывисто, а я наслаждался каждым звуком, каждой мурашкой, появлявшейся на бархатистой коже.

С ней было так сложно сдерживаться, но я хотел растянуть прелюдию, впитать каждый вздох, каждое касание.

Рэйкен освободила меня от рубашки и пробежалась пальцами по груди, очерчивая выступы на торсе. Прикосновения холодных рук кололи, приводя в еще большее возбуждение. Поддев носом ее подбородок, я снова поймал алые губы и получил в награду сладкий вздох.

Развязал пояс на кимоно и отбросил в сторону.

— Зачем тебя создали такой... — шептал я, с вожделением лаская губами полные груди. Пальцами перебирал позвонки на ее спине и наслаждался звуками сбивающегося дыхания.

— Осторожно, Шиноту, — промурлыкала она, и я не сдержал улыбку, услышав свое имя — редкий подарок из ее уст. Чувства лились из меня, кружили голову. В тот момент я готов был кричать ей о любви, потому что ощущал эту

любовь в каждом ударе своего таявшего сердца. Но я сдерживался, боялся спугнуть ее, более того, боялся, что самшел на поводу у страсти, которая исчезнет с рассветом и заберет с собой обманчивые чувства.

Приподнявшись, я освободился от хакама и снова прильнул к ней, избавляясь от кимоно, наконец способный видеть и чувствовать ее совершенное нагое тело. Рэйкен подалась вперед, коленями сжала мои бедра и слегка приподнялась, горячо целуя в губы. Никогда еще я не был так пьян и безрассуден. Если бы она захотела забрать мою душу, я бы отдал не раздумывая.

Рэйкен впускала меня медленно, до боли сжимая плечи и пронзая взглядом рыжих глаз. И я тоже смотрел на нее, желая разделить этот момент, не способный зажмуриться от неописуемого наслаждения, захватившего каждую клеточку тела.

Чувствовать ее изнутри, без стеснения касаться жаркой кожи, остервенело кусать губы, которые столько раз произносили так раздражавшее меня «глупый хого», быть частью ее демонической сущности — я по сей день в мельчайших подробностях храню в сердце эти ощущения.

Мы были едины, двигались в такт, утопая в исступленной страсти друг к другу. Я держал ее за спину, крепко прижимая к себе, пальцами чувствовал капли пота, катившиеся по позвоночнику, стискивал зубы, подавляя рычание, рвавшееся из груди в предвкушении пика, и накрывал ее распухшие от поцелуев губы своими, вбирай дурманящие стоны.

— Хого, — прошептала Рэйкен, выгибаясь.

— Да...

Она задвигалась быстрее, откинула назад голову, и я еще крепче сжал ее в объятиях. Напряжение достигло максимума. Я вцепился зубами в ее шею и, когда все мое естество наполнилось терпкой сладостью, выпустил в дождливую ночь хриплый крик от накрывшего с головой наслаждения.

Она дрожала, тело становилось мягким. Рэйкен прислонилась лбом к моему лбу, обдавая лицо своим дыханием. Все вокруг было пропитано ее ароматом — слишком сладким и слишком пряным. Дождевая прохлада приятно окутывала тело, манила наружу — остудить разгоряченный разум. Но я лишь обнял Рэйкен за талию, прижался губами к мочке уха и умиротворенно закрыл глаза, желая еще ненадолго оставаться частью ее тела.

«Моя, — мысленно твердил я, отпуская сознание на волю. — Как же хорошо, когда ты моя».

В эту ночь меньше всего я хотел уснуть, но стоило голове коснуться подушки, как меня тут же сморил сон. Я видел псов — с черной шерстью и яростным оскалом. Они были на холме — там, откуда мы впервые заметили башни Блуждающей крепости, — рыли землю мощными лапами, и из пасти стекала слюна. Я бежал от них вниз по склону, постоянно оглядываясь. И когда один пес оторвался от стаи и в два прыжка оказался у моих ног, я резко сел на футоне.

Дыхание сбилось, по вискам струился пот. Я заморгал, пытаясь понять, где нахожусь, а потом левое запястье пронзила острые боль, и я вдруг услышал слабое рычание и посмотрел в сторону. Рэйкен спала рядом. Тонкое одеяло сбилось, едва прикрывая бедра и грудь. Когтями она вцепилась в мою руку и проткнула кожу. Во сне она морщилась, скалилась, на щеках виднелись дорожки недавно высохших слез. На мгновение я растерялся, порываясь разбудить ее, но неожиданно передумал. Вспомнил ту ночь в лесу и первое объятие, стиснул зубы, чтобы стерпеть боль ее хватки, и, наклонившись, осторожно погладил бледные щеки.

— Все хорошо. Все хорошо, верь мне.

Правда, я сам себе не верил. Я не знал, что происходит в ее голове, и совершенно не понимал, с чего вдруг решил, что моя ласка вырвет ее из дурного сна, но неожиданно у меня получилось. Ее лицо расслабилось, возвращая знакомые острые черты, губы плавно сомкнулись, скрыв клыки. Она отпустила мою руку и мирно задышала. В комнату ворвался ветер, заиграл ее волосами, разметавшимися по всему футону. Одна из прядей неожиданно потянулась ко мне и скользнула по щеке.

Я невольно улыбнулся. Удивительное создание. Что бы ни сулил нам рассвет, я больше никогда не должен обижать ее.

Натянув хакама, я нашарил в темноте свою трубку и подошел к распахнутому окну. Пол еще не просох, ступни приятно холодила влага. Скрестив ноги, я сел и закурил, всматриваясь в небо. Боялся разглядеть просветы между тучами и молил безымянных богов, чтобы рассвет никогда не наступил.

Сейчас мир замер. Эта комната словно попала в другое измерение, существовала вне пространства и времени. Но скоро солнце развеет иллюзию. Под солнцем Рэйкен снова исчезнет, а я вернусь к болезненным мыслям о Мидори.

Что же делать? Что же мне делать?

Из мыслей меня вырвал ее запах. Завернувшись в покрывало, Рэйкен села лицом ко мне. От недавнего кошмара не осталось следов. Рыжие глаза смотрели на меня с такой нежностью, что в животе защекотало. Я обнял ее и ласково поцеловал в щеку, но Рэйкен перехватила мои губы и наградила долгим, медленным поцелуем. Она пила мою душу, мой разум, каждую клеточку, способную мыслить здраво, вырывала с корнями. Я тонул. Снова пьянял и терял связь с реальностью.

— В конечном счете ты меня уничтожишь, — прохрипел я.

Рэйкен хитро улыбнулась мне в губы. Она устроилась на мокром полу передо мной, откинулась на мою грудь и поднесла руку с трубкой к себе.

— Хороший запах, — шепнула она.

Я обнял ее за плечи, сильнее прижимая к своей груди.

— Не хочу тебя уничтожать. Мне кажется, у тебя есть способности сделать этот мир интереснее, — жеманно протянула Рэйкен, поглаживая коготками мою руку. — Когда-нибудь.

— Тогда как же мне выжить? Скоро рассвет, — я перенял ее игривый тон.

— О, Шиноту, представь, что я внущила тебе все эти чувства.

По спине пробежал холод, рука, обнимавшая Рэйкен, напряглась.

Она же шутит?

— Хочешь сказать, что манипулируешь моим сознанием?

— Ну конечно.

— Зачем?

— Да просто из вредности.

— А если я решу, что ты моя единственная, и буду таскаться за тобой повсюду?

Откинув голову мне на плечо, Рэйкен едко рассмеялась. Я скорчил недовольную гримасу.

— Об этом я не подумала. Но не переживай, глупый хого, как только я уйду, внушение перестанет действовать.

Рэйкен ловко развернулась и обхватила мое лицо руками.

— Но пока я здесь и это дурацкое солнце спит, ты вынужден сходить с ума и потакать прихотям эгоистичной полукровки. — Она лизнула мою щеку и расхохоталась, упиваясь краской на моем лице.

Мысленно выругавшись, я схватил ее за плечи, дернул на себя и жадно поцеловал. От неожиданности Рэйкен вздрогнула, напряглась и вдруг обмякла в моих руках.

Я наслаждался. Наслаждался тем, как ее тело реагирует на мои порывы. Придумала ли она эту манипуляцию или действительно внущила чувства к себе — неважно, — но сейчас, в эту самую минуту, нам было так хорошо. Этого она не могла придумать. Ее тело не умело лгать. Не должно.

Рэйкен мягко отстранилась и пронзила меня хищным взглядом. От игривой улыбки не осталось и следа. Она тяжело дышала и смотрела так странно, словно увидела то, что не должна была увидеть.

— Что? — нахмурился я.

Облизав губы, Рэйкен качнула головой и натянула сползшее покрывало обратно на грудь. Она выглядела... смущенной.

— Расскажи, что случилось с Мидори на самом деле.

Вопрос застал меня врасплох, и я растерянно уставился на нее.

— Что это изменит?

— Хочу знать. Возможно, я совершила глупую ошибку, встретившись в Ёми с инугами. Если он и вправду все еще верен моему преследователю, то сможет найти меня. Я имею право знать, ради чего рисковала.

Рэйкен отстранилась от меня и села рядом. Без ее тепла стало холодно, обнаженную кожу вмиг покрыли мурashki.

— Я не знаю.

— Хорошо, — вздохнула Рэйкен. — Как ты думаешь, что с ней случилось на самом деле?

Я хмуро уставился в ночь. Меньше всего сейчас хотелось говорить об этом. Но вдруг Рэйкен взяла меня за руку и переплела наши пальцы.

— Ты можешь просто найти ее?

— Шин... — Я почувствовал на себе ее испытующий взгляд. В рыжих глазах не было злости, только просьба. Шин. Так меня мало кто называл, разве что Кацу и... Мидори. — Я имею право знать.

— Секрет за секрет? — рискнул я и поднес ее пальцы к губам.

— Это против правил, — буркнула она, наблюдая за моими губами. Я ласково целовал костяшки пальцев, а часть сознания, самая эгоистичная, равнодушная ко всем бедам и жаждущая только наслаждения, подсчитывала мурashки, выступавшие на ее руках. — О, ну хорошо. — Рэйкен закатила глаза, пряча улыбку. — Расскажи мне, и я отвечу на любой твой вопрос.

Я сдался и кивнул. Потом вытянулся на полу, положив голову ей на колени, и закрыл глаза.

— Будь по-твоему. Что бы ни случилось с Мидори, это произошло по моей вине. Я любил... люблю ее, очень люблю, но так же, как люблю Коджи. Возможно, были моменты, когда я решил, что разглядел в ней нечто большее, но... Нет, ерунда, никогда не было большего. Накануне ее исчезновения мы гуляли, и она меня поцеловала. И когда это случилось, все показалось... неправильным.

Я живо вспомнил этот момент, ее разочарованный, полный обиды взгляд. Темноту, затягивающую ее глаза. Именно о ней говорил Коджи, когда рассказывал нам, как менялась его сестра.

— Да, именно так. Не потому, что мне понравилось целоваться с ней, а потом вдруг голос разума забубнил, что это неправильно. Неправильно — это скорее про то, что между нами. А поцелуй с Мидори был неправильным, потому что целовать ее было — все равно что целовать родную сестру. Понимаешь? Одна у нас кровь или нет — неважно, она мне родная. Поэтому в случившемся не было никакой романтики. И я сказал ей об этом. Она разозлилась, сорвала защитный амулет Такимару и убежала. Мы с Коджи искали ее весь день до вечера, обошли все поселения, а в сумерках увидели, как она спрыгнула с обрыва. Вот и вся история.

— А для Коджи... он знает о том, что произошло между тобой и Мидори?

— Да, я рассказал ему.

Мы замолчали. Рэйкен лениво гладила меня по щеке, погружая в дрему и невольно насыщая мои воспоминания красками. Я прокручивал в голове тот день снова и снова, но впервые кроме тихой тоски ничего не ощущал. В этот момент я всерьез задумался о том, что Рэйкен и вправду могла внушать другим необходимые ей чувства. От этой мысли стало не по себе.

— Так... значит... как ты сказал? То, что происходит между нами, тебе нравится, но какой-то загадочный голос разума говорит, что это неправильно?

Я довольно улыбнулся.

— Аморально.

— Потому что ты мне не веришь?

— Конечно, ты же лгунья.

Рэйкен фыркнула и выпустила когти, но я перехватил ее руку и потянул на себя. Теперь ее лицо нависало над моим.

— Но... твое тело — оно другое. Руки, когда касаются меня. Губы... — Я провел пальцем по ее нижней губе. — Дыхание... Когда ты обнимала меня в гостевом зале, я вдруг понял, что это единственный шанс узнать тебя. Когда ты говоришь, ни один мускул не дрогнет на лице. Голос не выдаст эмоций. Наверное, в твоем мире иного пути нет, кроме как оставаться бесстрастной или филигранно контролировать чувства. Но тело... Кажется, над ним ты не властна. Почему?

Рэйкен стряхнула мою руку и выпрямилась, а я остался лежать головой на ее коленях.

— Этот секрет я должна тебе раскрыть?

«Нет», — порывался сказать я, но вовремя прикусил язык. Эта ночь скоро закончится. Хотел ли я тратить остатки драгоценных минут на то, чтобы в очередной раз вернуться к Такимару или Коджи? Хотел ли я свои законные минуты абсолютного наслаждения и покоя отдать

мрачным мыслям, которые непременно вызовет правда, если я начну задавать Рэйкен вопросы, которыми терзаюсь последнюю неделю?

— Почему бы и нет. Раскрой секрет, — улыбнулся я.

Рэйкен оперлась руками в пол и откинула голову, и теперь я мог видеть лишь ее подбородок.

— Чтобы научиться что-то контролировать, нужна практика. А в делах любовных я недалеко продвинулась, — беззаботно сказала она и внезапно рассмеялась. — О, ты же наверняка считал, что все демоны распущеные и ни во что не ставят близость. Так?

Я надул щеки и с шумом выпустил воздух. Да, виновен. Откуда взялись эти мысли — знать не знаю, но я вправду так считал.

— А призрак на поляне — ты любила его? Сколько лет?

— Это еще два вопроса.

— О, ну прекрати.

Рэйкен обхватила себя за плечи и, нависнув надо мной, наградила приторной улыбкой и нехотя протянула:

— Всю свою жизнь, больше ста лет. И готова дать тебе один совет. Заметь, совершенно бесплатно. Никогда не надейся провести с кем-то вечность — это самое глупое желание. Рано или поздно кто-то из пары обязательно пойдет своим путем. А второй никогда не избавится от надежды вернуть его. Потому что, когда проводишь с одним существом столько лет, это уже не вопрос одной лишь любви. Привязанность, зависимость, привычка — называй как хочешь. Ты просто не знаешь, как это — жить без него. Потому что он и есть сама жизнь. Без этого существа страшно и одиноко. Будто ты снова стал младенцем и оказался в поле без навыков ходьбы.

— Но я был уверен, что это ты оставила его... Разве нет?

Рэйкен быстро отвела взгляд, и я вытаращился:

— Но ты же говорила, что он охотится на тебя!

— Уж не ради того, чтобы вернуть в свою спальню, поверь, — фыркнула она. — Хэджам... так его зовут. Хэджам Чироши. Он первый предал меня, и его предательство вынудило меня ответить тем же.

Я сел, обдумывая услышанное. Тело, эмоции... дурак, на что же я надеялся? Столько лет Рэйкен любила того призрака! Мы провели вместе волшебную ночь, но что значит эта ночь в сравнении со столетием? Я поймал ее нежную улыбку, но не смог улыбнуться в ответ.

— Как же он предал тебя?

— Как мужчина предает женщину: разделил постель с ее подругой. В этом плане демоны ничем не отличаются от людей. — Рэйкен беззаботно пожала плечами. И если бы я раньше не уловил волнения, с которым она озвучила имя своего преследователя, то наверняка поверил бы в ее безразличие.

Возможно ли провести с кем-то столько времени и не пожелать кого-то другого? Я смотрел на нее, очарованный изысканностью лисьего лица, мягким свечением волос и пленительными изгибами тела. Всего лишь оболочка. Совершенная, невообразимо прекрасная, но оболочка. Все это я разглядел в ней с самого начала, но чувства родились позже. Что же на самом деле притягивало меня к ней? Почему все внутри переворачивалось, стоило ей лишь коснуться меня, обнять или — какой пустяк! — назвать по имени?

— Рассвет, — шепнула Рэйкен.

Я нехотя проследил направление ее взгляда. Сквозь дождевые тучи проклевывались розовые лучи пробуждающегося солнца. Вот и всё... Когда я вновь повернулся к ней, Рэйкен была совсем рядом. Наши взгляды встретились. Мы одновременно потянулись, прижались друг к другу губами и замерли. Я держал ее лицо в ладонях, бережно поглаживая щеки большими пальцами. И всё.

Прощание? Обещание? Что? Мне хотелось большего.
Черт возьми.

— Выход там.

Уже на пороге, когда я готов был распахнуть двери, она окликнула меня:

— Если бы ты обладал могуществом, способным запечатать солнце, не дать этому рассвету случиться, ты бы сделал это?

Я обернулся. Рэйкен сидела на том же месте, боком ко мне, завернувшись в покрывало, и смотрела в стену.

— Не раздумывая, — ответил я.

Ее губы растянулись в улыбке, но головы она так и не повернула.

— Доброго дня, Шин.

— Доброго... Рэйкен.

Глава 3

Гостья

Коджи

Я вернулся в спальню на рассвете. Уставший, выбившийся из сил, но абсолютно счастливый. Уже засыпая, я все еще нашептывал мелодии, кружившие нас минувшей ночью: пробиравшее до мурашек сплетение нежных звуков сямисэна, ранимые перезвоны струн кото* и трепетное журчание сякухати — флейты, мелодию которой я услышал на холме, перед тем как увидеть огни Блуждающей крепости.

Впервые за последние два года я отпустил все гнетущие мысли о сестре и наслаждался волшебством народа Мэйко. Их магия заразительно проникала под кожу, струилась по венам. Я насыпался ею. Их силой, их безграничным могуществом. Словно то, чего мне всю жизнь не хватало, часть меня, по ошибке не заложенная богами в мое новорожденное тело, наконец нашла свое место.

Я любил дом, в котором вырос, ценил жизнь, которую дал мне дядя, но в Блуждающей крепости среди птичьих духов впервые понял, что нахожусь там, где должен находиться. Я бы хотел жить здесь и позволить своей силе раскрыться.

* Щипковый музыкальный инструмент.

Мэйко сказала, что я могу остаться с ними. С ней.

Она мне нравилась. Нет, я не заблуждался в своих чувствах к ней, как когда-то в чувствах к Рэйкен. Мэйко сразу показалась мне такой теплой, родной. Она просто смотрела на меня, и я знал, что в этом игривом детском взгляде зеленых глаз понимания больше, чем в самой искренней молитве. Не знаю, зачем я нужен ей. Но я бы не задумываясь принял ее предложение. Если бы не...

Шиноту. Дядя потерял все. Он хорошо держался, узнав о моей природе, держался, когда умер Кацу. Что будет, если и я оставлю его?

— Не оставишь, потому что я еще могу вернуться.

Шелест ее голоса словно удар хлыста рассек морок, захвативший мое сознание. Я сел на футоне и часто заморгал. Несмотря на светлеющее небо, в спальне все еще было темно.

— Мидори? — выдохнул я.

— Здравствуй, братец.

Она появилась из ниоткуда, вышла из темноты — так, как уходила в другие миры Рэйкен. Боги, это была она! Голубое кимоно, расписанное розовыми бутонами и подпоясанное белоснежным оби, вороные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Я бы никогда не забыл этого облика: точно так же выглядела Мидори, когда в последний раз взглянула на нас с Шиноту и сделала шаг в пропасть.

Сестра подошла ко мне и опустилась на колени. Я невольно подался вперед, пытаясь разглядеть хоть какой-то намек на смерть, но лицо Мидори не изменилось: все те же прекрасные черты, живой румянец на щеках и голубые глаза, слегка прищуренные, мечущие подозрительные искры.

Она пристально смотрела на меня, на губах застыла снисходительная улыбка. И меня захлестнула такая волна чувств, что я рванулся к ней, хотел обнять, но Мидори внезапно отстранилась.

— И я скучала, милый братец. Но у меня мало времени, не будем тратить его на нежности.

Правоучительный тон пригвоздил меня к месту. Я растерянно уставился на сестру.

— Ты умерла. Я видел...

— Глупости. Я не умирала. Просто мне нужно было время, чтобы найти...

— Кого найти, Мидори?

— Отца. Ты же знал, что Такимару и Анда были нам не родными. Знал же?

Я нехотя кивнул. В голове была буря мыслей.

— И наверняка чувствовал, что мы не такие, как наш дядя. Чувствовал эту силу? В какой-то момент я просто не способна была больше делать вид, что могу жить по-прежнему. Я должна была найти нашу семью.

— Но, Мидори, я тоже этого хотел! Почему ты не сказала мне?

Сестра скептически закатила глаза, и я вдруг понял, как сильно скучал по ней!

— Никогда ты этого не хотел. Ты всегда был другим. Тебя устраивала наша жизнь в поместье. Тогда я решила сама найти. — Мидори вдруг ловко вскочила на ноги (как ей удалось в таком узком кимоно!), и в голубых глазах вспыхнуло ликовение. — Но не знала, возможно ли это! Думала, что раз мы оказались у смертных, значит, наши настоящие родители умерли или с ними что-то случилось. Ведь никто не откажется от своих детей по доброй воле, понимаешь? Я не хотела тешить тебя пустой надеждой.

— И что? Ты их нашла?

Мидори широко улыбнулась.

— Отца, Коджи, я нашла отца!

Сердце гулко забилось. Когда Рэйкен подтвердила мою догадку, что я не принадлежу миру людей, мне даже в голову не пришло искать своих настоящих родителей.

Я думал лишь о том, как Шиноту справится с известием, сможет ли он принять меня. Но вот Мидори рассказала, что нашла отца, и от волнения я уже не мог усидеть на месте. Забыл и о дяде, и о том, что два года считал сестру самоубийцей.

— Кто он, Мидори? Кто? — Я вскочил с футона. Тонкая полоска света просочилась сквозь приоткрытое окно прямо к ногам сестры, и она сделала шаг назад, по-прежнему широко улыбаясь.

— Он потрясающий, Коджи! Самый великий демон из всех! У него такие же глаза, как у нас! И еще... нет, ты даже не представляешь... еще он потомок Сусаноо!

— Ничего себе совпадение! Птичий духи тоже потомки бога ветра, — удивленно выдохнул я.

С ума сойти, в моих жилах течет кровь бога! Поэтому мне удалось поднять нас с Рэйкен в воздух на том холме?

— Птичий духи? — переспросила Мидори.

— Ну да. Те, что живут здесь.

— Где это «здесь»?

Я так и замер, глупо улыбаясь. В комнате становилось все светлее. Сестра пытливо смотрела на меня, медленно отступая в тень.

— В Блуждающей крепости, — неуверенно ответил я. На смену эйфории пришла тревога. Что-то было не так. — Мы все здесь, я и Шиноту. Пришли, чтобы найти тебя...

— Шин тоже здесь? — ее голос прозвучал удивленно, хотя лицо оставалось бесстрастным.

— Он больше всех хотел найти тебя. Мы даже обратились к демону, который может попасть в Ёми, потому что думали, что твоя душа там...

— Да-да, отец говорил про этого демона. Надеюсь, ты не веришь ей.

— Почему? Она...

— Нет, Коджи, она совсем не такая, какой ты ее считаешь! — резко сказала Мидори.

По спине пробежал холодок. Как изменился ее голос... Сколько властности и надменности было в нем.

— Отец мне все рассказал. И тебе расскажет. — Глаза Мидори сузились, превратились в зловещие щели, а потом вдруг напряжение в чертах сошло на нет и губы растянулись в знакомой теплой улыбке. — Ты даже не представляешь, какая у нас будет жизнь! Я отведу тебя к нему в замок! Коджи, ты бы видел его! Только... только тебе нужно проснуться.

— Что?

— Это сон, милый братец. Я не могла найти тебя. Поэтому отец и научил меня приходить к тебе во сне. Но я хочу увидеть тебя во плоти. Коснуться, вновь обнять. Чтобы мы опять стали семьей. А ты хочешь?

Синие глаза сестры увлажнились. От былой надменности не осталось и следа. Она смотрела на меня с такой мольбой, что сердце защемило.

— Конечно хочу, Мидори!

— Тогда проснись и открой ворота. Я буду ждать тебя за порогом.

Рассвет окутал спальню мягкой розово-золотистой дымкой. Я молча смотрел, как силуэт Мидори блекнет, как ее улыбка стирается и тускнеют цветы на кимоно. Сон ли это был, вызванный тоской по сестре, или реальность? Я не знал. Но когда открыл глаза, первые лучи солнца уже грели мои босые ступни, а на сердце было и тяжело, и радостно одновременно.

Так бывает, когда страх встречается с надеждой.

Когда я выбежал на главную улицу крепости, гирлянды из фонарей испустили последнюю вспышку света и погасли. Празднество закончилось, и у нас бы в поместье сейчас все

давно спали, но птичий народ жил по своим правилам. Из кухни доносился звон посуды и бодрые голоса, запах подсоленной рыбы проникал в нос и манил. Но я не обращал внимания, направляясь прямиком к спальню дяди.

Меня окликали ёкаи в птичьих масках, махали руками. Я наспех кланялся всем с нелепой широкой улыбкой, плохо соображая, кто передо мной.

Мидори жива.

И когда до спальни Шиноту оставались считанные шаги, я остановился. Но что, если это неправда? Что, если мне действительно приснился сон — странный сон? Ведь Рэйкен предупреждала, что сны в крепости могут сыграть жестокую шутку, что птичий народ насыщает морок, способен манипулировать сознанием. Я не могу так поступить с дядей. Весь прошлый вечер я боялся подойти к нему — видел же, что он в своих мыслях снова и снова винит себя. Сам я считал его вину выдуманной и глубоко в душе боялся, что нам все же удастся встретиться с Мидори. Слишком хорошо я знал свою сестру, знал ту ее темную, эгоистичную сторону, которая вряд ли будет считать себя виноватой. Нет. Мидори, которую я узнал перед смертью, внушит Шиноту, что единственный путь, чтобы покаяться, — это пойти с ней. А потом утащит его за собой и глазом не моргнет.

Но что, если я ошибался? Что, если темнота, годами расцветавшая в глазах моей сестры, была не чем иным, как способом отгородиться от меня и без помех воплотить задуманное? Вдруг Мидори и вправду эти два года искала отца и теперь готова вернуться?

Надоело гадать. Я тоже хочу понять, что с ней случилось. Нужно найти Мэйко и убедить ее открыть ворота. Она единственная, кто поймет. Должна понять!

— Эй, Коджи!

Я вздрогнул и поднял голову. Сам не заметил, что сижу на земле, уткнувшись лицом в колени. Передо мной

стоял Тэйго. Улыбчивый здоровяк в аскетичном коричневом хаори на голое тело и черных хакама, стянутых шнурками на лодыжках. Когда два часа назад я шел спать, этот хого еще ворковал с какой-то девушки, а теперь вот стоит здесь, передо мной, бодрее всех, словно выспался на целую жизнь вперед.

— А, привет! — улыбнулся я. Тэйго протянул мне руку и помог подняться. — Шел к дяде, задумался и уснул.

— Забавный ты малый, — усмехнулся хого. — О чем задумался? Может, помочь чем?

— Да я... наверное, неважно...

Тэйго нахмурился и уставился на меня так пристально, что стало неловко. Не привык я еще, что в этом новом мире существа совсем по-другому воспринимают границы друг друга.

— Мне сон приснился о... о Мидори.

— Твоей сестре?

— Ага. Она заверила меня, что жива, но не может найти нас, потому что... потому что здесь мы под защитой.

Тэйго нахмурился еще сильнее. Он скрестил руки на груди, отчего даже из-под широких рукавов хакама показались его надутые мышцы.

— Она знает, где ты?

— Да... я... вот черт, так глупо вышло, я сказал ей про крепость. — Я с опаской заглянул Тэйго в глаза. — Но это же не страшно?

— Не болтай во сне лишнего. Это мог быть просто сон, а могли быть происки кого-то. Только очень сильные демоны могут приходить во снах.

— Но... Мидори не демон, — сказал я и сам посмеялся над тем, как жалко это прозвучало. Конечно, Тэйго все знал. Всех своих хого Мэйко держала в курсе происходящего.

Мужчина скептически выгнулся бровь, но спорить не стал.

— Я, кстати, тоже хотел поговорить о ней. Плохо вчера получилось. Эта ваша подруга поступила нехорошо. Инугами нам не друзья.

— Мне жаль, что так случилось с твоей семьей...

— У меня еще две сестры остались. Правда, я ушел от них, чтобы уберечь. Если однажды инугами вышел на твой след, его уже никакая защита хого не остановит, — в голосе Тэйго проскользнула печаль, а потом он вдруг переменился в лице и взгляд стал виноватым. — Вчера я вспылил. Сложно было стоять там и просто смотреть, как Рэйкен говорит с ним. Притаться, словно я трус какой-то. Я даже порывался вызвать его. Выйти за ворота и вызвать этого пса из Ёми...

— Как это — вызвать?

— Есть заклинания призыва, она вчера им воспользовалась.

— Почему же ты тогда раньше его не вызывал, если знал...

— Для заклинания нужно знать, как пишется его имя.

Тэйго выхватил из потайного кармана хаори нож и вывел на земле черточки. Иероглифы. Са-ва-ни. Савани?

Меня озарила мысль, и сердце пустилось в пляс.

— Значит... мы можем вызвать Мидори? Если... если это был не сон и она жива, мы можем вызвать ее?

— Не выйдет, Коджи. Во-первых, не каждого демона можно вызвать — чтобы это стало возможным, он должен наложить заклинание на свое имя, а я сомневаюсь, что твоя сестра это сделала. А во-вторых, в крепости я тебе не позволю этого сделать: ты можешь подвергнуть опасности всех жителей. А если выйдешь за ворота, вряд ли сможешь зайти обратно: ворота закроются и крепость исчезнет.

Обратно... Лишь на миг, но меня пробрало сомнение: если Мидори умерла, то заклинание не сработает, а я лишился места, в котором хочу остаться. Я взглянул на Тэйго

и вспомнил ночь, когда мы впервые увиделись с Мэйко и хого Нобу: они ждали нас у открытых ворот.

Мы с дядей проделали такой путь. Я должен рискнуть и наконец понять, жива моя сестра или нет. Надоело жить прошлым!

Жить. Жить! Я ведь только начал понимать, чего был лишен.

Шин

— Ты должен знать, что сегодня Коджи снилась его сестра.

Серая птичка клювом ущипнула меня за мочку уха. От неожиданности я вздрогнул и мысленно выругался.

— Она заверяла его, что жива. Коджи верит в это, но ты не должен быть таким наивным.

Птица Мэйко устроилась на моем плече, смяв лапками пройму хаори. Я глубоко вздохнул.

Мне тоже снилась Мидори. Только силуэт ее был расплывчатым и шатким, словно тень сакуры на ветру. Я угадал блеклые линии цветов на кимоно и увидел, как шевелились кончики ее волос, когда она перемещалась по комнате. Помню, как звал ее, но она не откликнулась: просто застыла у моих ног — тихая, прозрачная, с черными провалами вместо глаз и зияющей пустотой под грудью.

— Почему? А если...

— Никаких если, Шиноту. Ты видел, как твоя племянница спрыгнула. Если она не умела летать, то разбилась.

Я зажмурился. Легкая усталость и приятная пустота в голове сменились ворохом мыслей. Мидори жива. А я ведь даже не допускал такой возможности. Я искал ее в мире мертвых. Мэйко права: я видел, как она спрыгнула. Но... Я видел также, как Коджи поднялся в воздух там, на холме.

Послеполуденное солнце окутало крепость мягким светом. Я стоял на мосту и смотрел на сверкающую гладь озера, простиравшуюся под ногами. Когда Коджи приснился этот сон? И почему он не нашел меня сразу, а рассказал Мэйко? В груди защемило. Я терял его. Может, с той самой минуты, как подслушал их с Рэйкен разговор в лесу, а может, еще раньше, когда Мидори решила свести счеты с жизнью... или с нами? Если существует хоть малая вероятность, что она действительно жива, то... нет, я даже думать об этом не мог!

— Зачем ты мне это рассказала? Я как раз хотел найти Коджи, он бы сам...

— Вместо того, чтобы обратить внимание на живого, ты гоняешься за мертвым, — прощебетала Мэйко и перелетела на другое плечо. — Очнись, Шиноту, время близится к вечеру, а я все узнала утром от Тэйго. Он не собирался тебе ничего рассказывать. Интересно почему?

Я невольно взглянул на ворота: там стояли все защитники Блуждающей крепости, включая самого Тэйго. Они что-то увлеченно обсуждали, сгрудившись в кучу.

— Если она жива, то рано или поздно найдет вас.

— А если ей нужна помощь?

Мэйко вдруг взвилась в воздух и через мгновение обернулась человеком. Она зависла над землей — так, чтобы наши глаза были на одном уровне. Но я бы предпочел снова слушать ее щебет, потому что смотрела она на меня с таким гневом, словно готова была превратиться в пламя и сжечь заживо.

— У тебя есть Коджи! Когда ты последний раз говорил с ним? Ты скорбишь о брате, гоняешься за Мидори, гоняешься за Рэйкен — боги милостивые, неужели ты думаешь, что по-настоящему нужен ей? — и напрочь не замечаешь единственное существо, которое любит тебя безмерно. Может, он не сказал тебе, потому что боялся давать ложную надежду? — Мэйко скжала губы и ткнула

меня пальцем в грудь. — Я говорю это тебе только потому, что он может натворить глупостей.

Она как будто хотела добавить что-то, но в последний момент снова обернулась серой птицей с длинными желтыми лапами. Проводив ее взглядом, я посмотрел на компанию заговорщиков хого и на этот раз поймал взгляд Тэйго. Он улыбнулся мне и поклонился. Отчего-то мне не захотелось отвечать.

На ужин Коджи не явился. Я ходил к нему в спальню, спрашивал жителей крепости, но тщетно. Стражи заверили, что ворота никто не открывал, значит, мой племянник прятался от меня. Боги, как глупо! Нам нужно было решить, что делать дальше. Не оставаться же здесь! И каждый раз, когда я думал об этом, другой голос, эгоистичный и лишенный переживаний, шептал, что можно подождать. Я искал Коджи и вместе с тем высматривал Рэйкен, хотя и знал, что до заката она вряд ли появится.

Боги, какая каша была в моей голове! Я уже не понимал, о чем думать, чего想要. Тревога за Коджи и гнетущая надежда, что Мидори жива, разбивались о жадный, голодный стук сердца, напоминавший о Рэйкен. Но стоило мне хотя бы на секунду забыться, раствориться в фантомных касаниях ее пальцев, как перед глазами вспыпал тот день, тот обрыв и прыжок... или, может, полет? Я превращался в ходячий комок нервов и понятия не имел, как распутать себя, как докричаться до разума.

Когда я очнулся, то с удивлением обнаружил, что сижу на лестнице храма — на той же ступени, где совсем недавно сидели мы с Рэйкен. Время близилось к закату, еще один день безвозвратно уходил. Янтарные блики отражались от кристально-голубой воды, наполнявшей чаши

по периметру лестницы. Стрелы на изогнутой крыше колыхались от ветра. Я медленно поднялся по лестнице, щурясь от навязчивых отблесков, исходивших откуда-то изнутри храма. Подошел к чаше омовения, зачерпнул ковшом немного воды и омыл руки, сделал глоток, чтобы прополоскать рот, и застыл.

Я что, всерьез собирался молиться?

Интересно, стоял ли кто-то на моем месте с такими выпученными глазами. Я гонял воду от одной щеки к другой, раздумывая, а что я вообще хотел сказать? Что же такого хотел попросить, что во мне впервые в жизни зародилась надежда, будто какой-то летучий бог может исполнить мое желание? Я ведь никогда не был против богов. Ну живут себе и живут, подумаешь. Просто не верил в их могущество.

Вытянув губы трубочкой, я выпустил струйку воды под ноги и оглянулся: не хватало, чтобы птичий народ заметил мое неуважение. Однажды я уже был в храме, за пару лет до исчезновения Такимару. Это случилось в ноябре, перед полнолунием, в период молений богине Инари. Я стоял в очереди у чаши омовения и то ли переволновался, то ли слишком тепло оделся, но мне было так жарко, что, когда настал мой черед, я схватил ковш и залпом опустошил его. Помню, Такимару тогда очень разозлился и еще долго извинялся перед священниками.

В тот день я все же нашел Коджи. Он присоединился к компании Мэйко и защитников, которые сидели на земле прямо перед обеденным залом и пили чай из глиняных пиал. Птичья принцесса одарила меня широкой улыбкой, а я в который раз опешил, никак не способный привыкнуть к такой перемене настроения.

Я уже хотел отвести Коджи в сторонку, но вдруг уловил обрывок разговора и прислушался.

— Птичий народ сражался на войне, мы тогда много кого потеряли, — говорила Мэйко. — Меня еще на свете не было, но матушка рассказывала. Видела, на что способны ёкаи, как чернеют души ханъё, соблазненных воинами. Они обещали им лучшую жизнь в обмен на преданность. Смешно! Скольких обманули — подумать страшно! И тогда, раз в год, мой народ устраивал ночь сновидений. Это значит установить контакт с разумом всего мира. Наши сновидения никогда не лгут, они чуткие. И являются только достойным.

— Как мне? — с придуханием прошептал Коджи. Рука с чашей застыла у губ.

— Да, мой милый, как тебе, — заботливо, по-матерински кивнула Мэйко. — Все, кому снилась крепость, находили нас — кто-то быстро, кому-то требовалось больше времени, чтобы решиться на дорогу. А мы всех принимали. Так нас нашли и Нобу, и Тэйго.

— Значит, я тоже могу остаться? Честно-честно?

Внутри меня все похолодело. Я вытаращился на Коджи, а племянник с вызовом уставился в ответ. Никогда он не смотрел на меня так.

— А что, дядя, может, так будет правильно?

Все они глядели на меня со сдержаным любопытством. Мэйко прищурилась, а Тэйго сжал губы — да так сильно, что они побелели.

— Правильно? Земли Сугаши — твой дом! — отрезал я.

— Но ты же теперь знаешь, кто я.

— Но? Да мне плевать, чья кровь течет в твоих жилах!
Ты мой племянник и должен вернуться домой!

Лицо Мэйко затянуло темной пеленой. Нобу шумно вздохнул и покачал головой. Мое сердце болезненно стучало — от страха. Впервые я осознал, что и вправду могу потерять его.

Коджи поджал трясущиеся губы, от обиды на глазах у него выступили слезы.

— Тебе плевать, — эхом откликнулся он. — Да. Ну конечно.

Я тяжело задышал и отвернулся, тщетно пытаясь унять клокотание сердца. А потом появилась Рэйкен. Она подошла бесшумно, привалилась плечом к балке и, скрестив руки на груди, взглянула на меня. Уголки ее губ дрогнули, исказившись в едва различимой ухмылке, говорившей: а на что ты рассчитывал?

От этой насмешки злость резко вспыхнула во мне, но тут же присмирела. Я стал рассматривать ее, словно в неприступном высокомерном облике пытался увидеть то, что видел ночью, то, что Рэйкен так усердно скрывала от мира. И неожиданно мне стала ясна правда: под ухмылкой, которую я принимал за насмешку, проглядывали стиснутые зубы — то ли от злости, то ли от обиды; я вспомнил ее смех и вдруг понял, что он звучал только в голосе и трогал губы, но из глаз сочились бездонная тоска и холодная пустота. Так было всегда.

Скольких еще людей не разглядел я в своей жизни? Сколько печали не заметил за улыбками? Мне казалось, сам я никогда не надевал маску, и судил остальных по себе.

Я взглянул на Коджи — на доброе, юное лицо, исаженное обидой и разочарованием, — и в сердце защемило. Он рос веселым и открытым, меня заряжали его любопытство и детская непосредственность, сохранившиеся до сегодня несмотря на ранние потери. Я бы мог давно разглядеть в нем все это. Я бы мог давно увидеть, что за неуемной жаждой жизни скрывалась тяга к потустороннему, что взгляд Мидори с возрастом стал тяжелее, мрачнее, словно в нем и вправду поселилась та темнота, о которой говорил племянник. Они — не я! И я не имел права равнять их с собой. Но мне было проще закрыть на все глаза. Я просто боялся, что если разгляжу в их

поведении нечто мне непонятное, то еще глубже погрязну в том, что действительно тяготило меня. Боги, получается, я сам всю жизнь носил маску — делал вид, что со мной все хорошо. Я стал одержим предсказуемой стабильностью нашей жизни и не заметил, что все давно летело к черту.

Люди носили маски на своих лицах, а я надел маску на мир.

Я смотрел на Рэйкен, борясь с постыдным желанием открыться ей, вывалить все, что терзало мысли, и попросить о решении. Она могла бы меня спасти — отчего-то я точно это знал. Я прикрыл глаза. Так нельзя. Рано или поздно я смогу разобраться в происходящем и обязательно найду решение. Пойму, как жить дальше... в соседстве с этим новым миром.

Когда я опять посмотрел на нее, Рэйкен уже исчезла. Но не успел я оглянуться, как в нос ударил приторно-сладкий запах, а потом холодные пальцы обхватили мою ладонь. Мы молча прошли мимо Коджи и остальных и направились к озеру. Зеркальная поверхность засияла в красках ночи, заиграла невиданными огнями, покоившимися на дне. Мы спустились с моста и остановились на берегу.

Ну вот, опять.

Когда она была рядом, я делался дураком и забывал обо всем. Как будто она заполняла весь мой мир, становилась настолько важной, что на ее фоне остальные мысли теряли значимость. Но в тот момент именно это мне и было нужно. Я понимал, что снова бегу от реальности, но в очередной раз давал себе поблажку. Устал быть один. Устал в одиночку отвечать за свою жизнь и жизни тех, кто во мне нуждался.

— Что...

— Ш-ш-ш, — Рэйкен приложила палец к моим губам и слабо улыбнулась. Одной рукой крепко обняла меня за шею, пальцами другой скользнула в волосы и прижалась щекой к моей щеке. — Закрой глаза.

Я подчинился, неуверенно обнимая ее в ответ. Рэйкен перебирала пальцами мои спутанные волосы, а я стискивал одежду у нее на спине, прижимая к себе все сильнее. Задыхался. Умирал и воскресал в ее объятиях. Хотел жить и вместе с тем молил сердце остановиться, будучи не способен выносить неистовую силу его ударов.

И вдруг все звуки мира стали глухими. Я по-прежнему слышал голоса птичих духов и ветер, игравший с дубовыми листьями, но все это словно погрузилось под воду. По рукам пронеслись мурашки.

— Все хорошо. Все хорошо, верь мне, — шептала Рэйкен, касаясь губами моей шеи, возвращая слова, которыми Анда когда-то успокаивала мои сны.

Я хотел открыть глаза, но вместо этого еще сильнее прижал ее к себе и уткнулся губами в висок. Ритм сердца вернулся, дыхание стало ровным. Меня окутало умиротворение, ощущение покоя и свободы, которой я, пожалуй, никогда еще так рьяно не чувствовал.

Кажется, я люблю тебя.

— Смотри, хого.

Я распахнул глаза и не удержался от возгласа. Мы парили. Где-то не знаю где, в центре или на окраине полной темноты, усеянной мириадами далеких звезд. И вокруг нас не было абсолютно ничего. Ни ветра, ни звуков, ни башен Блуждающей крепости. Я недоумленно посмотрел на Рэйкен и вдруг заметил за ее спиной белоснежный меховой плащ. Нет, сейчас он не был ее частью, — он просто завис в нескольких метрах от нас.

Рэйкен обвила мою шею руками и улыбнулась.

— Моя бесконечность. Секретное место.

— Здесь ничего нет.

— Абсолютно ничего. Но иногда мне кажется, что в этом мире живет бессмертие.

— И оболочка твоей души, — улыбнулся я.

— Да. Но сейчас моя душа в надежных руках.

Рэйкен нежно коснулась моей щеки, и я почувствовал, что действительно лечу.

Боги, неужели я люблю тебя?

Как невероятно — быть с ней в абсолютной неизвестности, держать ее в своих руках и чувствовать, что весь мир... нет, вся вселенная принадлежит нам.

Рэйкен взяла мое лицо в ладони и, прижавшись лбом к моему лбу, зашептала:

— Я хочу поблагодарить тебя за то... за то, что помог почувствовать себя нужной.

— Рэйкен, я такой дурак. Глупый, как мальчишка. Сколько раз я обижал тебя...

Рэйкен быстро замотала головой и облизнула губы.

— Ты заботился обо мне. Ты старался любить меня. Был нежным и чутким. В какие-то мгновения я чувствовала себя частью твоей жизни. Это ценно.

Засосало под ложечкой, и я нахмурился. Зачем мы здесь? Кончики пальцев закололо, и я сжал лисьи плечи и коснулся губами ее губ. Рэйкен судорожно вздохнула, прижалась ко мне, отвечая на поцелуй.

— Ты была права, — шептал я. — Я всю жизнь любил то, что оставила мне семья, но хотел найти свое.

— Т-с-с, — Рэйкен приложила палец к моим губам. — Ты заблуждаешься, милый, ты так заблуждаешься. Мир, из которого мы пришли, — он не твой.

— И я так думал, но...

— Нет-нет. Не твой. — Рэйкен водила носом по моей щеке, касалась горячими губами, оставляя на коже легкие поцелуи. Она была такой нежной, от нее исходило столько любви, что мне стоило больших усилий оставаться в сознании. — Я знаю, я была на твоем месте. Дай мне рассказать кое-что.

Я нехотя кивнул, начиная понимать, к чему идет этот разговор. Смешно, как еще вчера я отчаянно хотел узнать о ней больше, злился, что она отказывается доверять мне

свои тайны. Но сейчас я бы отдал все, чтобы она просто продолжала ласкать меня холодными пальцами и молчаливо обещать разделить со мной вечность.

— Я утаиваю от тебя свое прошлое, потому что не хочу, чтобы оно касалось того, что между нами. Ты думаешь, мне все равно, но это не так. — Рэйкен заглянула мне в глаза и, прильнув, зашептала на ухо: — В детстве я столкнулась с жестокой стороной этого мира, пока Хэджам не спас меня. Он показал мне другое. Дал почувствовать, что я не ошибка, что и для меня есть место, что я значима. Я была молода и ничего не понимала в жизни. И, конечно, поверила ему. Всем сердцем. Всей душой. Я знаю, как это бывает. Но изнанка этого мира притягательна только поначалу. Я была слишком юна, чтобы выбирать самой, поэтому доверились выбору, который сделали за меня, и застряла на много лет. Куда бы я ни шла, что бы я ни делала, прошлое уже никогда не отпустит меня. Выбрав, как мне казалось, родной мир, населенный такими же существами, я лишила себя выбора. Но не ты...

— Рэйкен...

— Послушай, Шиноту. — Она вновь посмотрела на меня. Молчи, Рэйкен. Просто будь со мной.

— Ты попался так же, как и каждый из нас. Но еще не поздно. Поверь, стоит только уйти — и ты все забудешь, поймешь, что все это тебе не нужно. Прими смерти тех, кто покинул тебя, возьми с собой Коджи и возвращайся. Ты хороший человек, не отдавай жизнь моему миру — он тебя не заслуживает.

Я взял руки Рэйкен в свои и крепко сжал, не зная, что сказать. Смотрел в эти странные звериные глаза, изучал высокие скулы и плавный изгиб алых губ и вдруг понял, что пытаюсь их запомнить. Вздор! В голове закрутился ворох мыслей. Сотни слов, которые я мог бы сказать, чтобы возразить, оспорить ее мнение, заставить замолчать

и оставаться со мной, но незнакомый, непрошеный голос говорил мне не делать этого.

Не обещай того, что не в силах выполнить. Ты не знаешь, о чём речь.

Я глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

— Побудем здесь еще немного? — тихо спросила она.

В ответ я снова поцеловал ее. Жадно, с вызовом, стремясь передать всю глубину своих противоречивых чувств. Может быть, так она поймет все раньше меня. Любил ли я ее или просто был одурманен? Готов был рискнуть жизнью, чтобы быть с ней, или боялся, что всего лишь поддался искушению? Я провел так мало времени с ней. Меня ждало столько неоконченных дел — важных, терзавших многие годы. Образ жизни — слаженный и привычный. Мог ли я откаться от всего ради нее? Я не знал. Мое сердце бешено билось из-за нее, мое тело не знало покоя из-за нее. Но моя душа — на самом ли деле я хотел, чтобы она забрала ее? Слишком мало времени прошло, чтобы так легко рискнуть.

Рэйкен с улыбкой откинула спутанную прядь волос с моего лица и опустила голову мне на грудь.

Мы медленно кружились в невесомости под звуки убаюкивающей тишины. Под ногами не было ничего, и в то же время ступни всякий раз уверенно находили опору. В голове зазвучал тихий мелодичный голос — заговор Рэйкен, который она пропела для меня в лесу, чтобы защитить от мертвых жриц:

...Слушай мой голос. Слушай меня. Я страшнее, я опаснее.

Вспоминай мой голос, Шиноту, а иначе сгинешь навек.

Закрыв глаза, я прижался губами к ее волосам. Глубоко вдыхал ужасный приторно-сладкий запах ее сущности и обещал себе никогда его не забывать.

Я успею разобраться. Должен. Время еще есть.

В какой-то момент мелодия сменилась звенящей тишиной, а потом в нее вторглись знакомые звуки. Я посмотрел

по сторонам: спокойная гладь озера, безмятежное звездное небо и стражники крепости, парившие у смотровых вышек. Рэйкен исчезла.

Я же сгину без тебя.

Потому что я люблю тебя.

Как это возможно?

Глава 4

Оковы

Рэйкен

— Значит, ты была права: девочка у него.

Голос Мэйко прозвучал отстраненно. Словно она вовсе и не мне говорила.

— Не понимаю, расстроена ты или удивлена?

Мэйко пожала плечами. День выдался пасмурным.

Впервые за все время, проведенное мной в Блуждающей крепости, над головой не было яркого солнца. Рябь на поверхности озера застыла, лишенная своих привычных слепящих бликов. И я невольно вспомнила берег озера в поместье Сугаши и ту одинокую сакуру — шапки ароматных соцветий, плотно окутавших ветки, таких тяжелых и напитанных, что, казалось, им было сложно оставаться недвижимыми: еще чуть-чуть и ветер сорвет бархатные лепестки и развеет по миру. Под той сакурой я впервые встретила хого Такимару.

— Я плохая мать, да? — внезапно спросила Мэйко. — Потому что в отношении девочки я спокойна. Это не моя дочь — в ней лишь часть души моего ребенка.

— Так же, как и в Коджи. — Я чувствовала, что начинаю злиться.

— Не делай вид, что понимаешь. Я с первого дня знала, что рожу сына. И я его родила. Он говорил тебе, что случается с потерявшими душу ёкайами? В отличие от людей они умирают сразу, потому что их сила — это жизнь, а сила зарождается в душе. До рождения оставалась неделя, но мне хватило, чтобы подготовиться к оплакиванию. Тело ребенка я сожгла, а пепел развеяла без сожаления. Мной руководила надежда, что душа моего ребенка в надежном месте. Душа моего сына, Рэйкен. Но не дочери.

Меня раздирали противоречия. Я никогда не спрашивала у Мэйко, что случилось с телом малыша, когда оно лишилось души. По правде сказать, даже не задумывалась об этом. Как не задумывалась и о том, что она чувствовала все эти годы. Передо мной стояли ее ясные, полные решимости глаза в ночь, когда я видела замок Чироши в последний раз. Ёкаи, подобные Мэйко, способны отключать эмоции, быть холодными и расчетливыми. Такой я и считала ее, хорошо понимая, почему она равнодушна к Мидори. Но моя человеческая часть, все еще боровшаяся за место под солнцем, внезапно пожалела эту девочку. Мидори не виновата, что должна была родиться мертвой и что в ее теле живет всего лишь половина души. И не виновата в том, что потянулась к темноте, соблазнилась обещаниями Хэджама, хоть я и не знала еще, какими словами он достучался до нее. Она так же, как и я, боролась за жизнь, искала свой дом. И наверняка, как и я когда-то, не подозревала, для чего нужна Хэджаму на самом деле. Но мне-то все было известно. Коджи ищет сестру, потому что половина его души жаждет обрести целостность. А Шиноту? Нужна ли она Шиноту на самом деле? Нет. Мидори — дверь в темный мир, которого хого избегал все двадцать семь лет своей жизни. Он должен ее найти, чтобы получить прощение. Убедиться, что исполнил мнимую волю брата, и спокойно жить дальше. Что бы он там себе ни нафантазировал. Я вдруг поняла, что жалею эту девочку,

потому что увидела в ней себя — маленькую Рэй, которой мать предпочла другое дитя. Нормальное.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросила Мэйко.

Мы спустились с моста и остановились друг против друга у запечатанных ворот. Мне не хотелось отвечать. Странно планировать будущее, когда уже смирился с неизбежным уходом. Я разучилась. А может, никогда и не умела. Не понимала, куда идти и, главное, зачем. Метка на запястье вспыхнула фантомной болью, и я машинально потеряла ее, а потом натянула рукав кимоно на ладонь. Если Мэйко увидит, сразу поймет, что к чему. А мне совсем не хотелось умирать в Блуждающей крепости.

— Вчера я просила хого забрать Коджи и вернуться в поместье.

— Это глупо, — буркнула Мэйко. — Если сон моего сына правдив, значит, Хэджам знает о поместье Сугаши и найдет их. Слабая сила хого не поможет.

— Поможет, — прошептала я, зажмутившись. — Если хого согласится вернуться, я расскажу, почему его сила до сих пор не пробудилась.

— Рэйкен... — Во вздохе Мэйко было столько укора, что мне стало не по себе. Признаться честно, то, что я сделала с Шиноту двадцать лет назад, никогда не казалось мне чем-то постыдным. Тогда я убедила себя, что приняла единственно верное решение, но сейчас ее короткий вздох в считанные секунды разнес мою веру в пух и прах и заставил наконец взглянуть правде в глаза.

— А что мне оставалось делать? — огрызнулась я. — Не убивать же!

— Отличное решение, знаешь ли! — прошипела она. — Самому сильному роду Сугаши пришел бы конец, и у нас появилось бы много времени, прежде чем Хэджам нашел ему замену! По крайней мере, ты бы точно не дожила до этих дней. Черт возьми, Рэйкен! Я же знаю, чем вы

с ним промышляли! Про все эти души и контракты! Хватит корчить из себя милостивого посланника богов. Да открай глаза наконец и подумай, что сейчас важно! Неужели после стольких лет ты до сих пор обманывалася?

— Ох, ну прости, что не оправдала твоих ожиданий! Ты влезла в мою жизнь, вынудила пойти на обман, взвали на меня своего ребенка! Может, достаточно?

Казалось, впервые за тридцать с лишним лет знакомства со мной Мэйко лишилась дара речи. Она вытаращилась, раскрыв рот, маленькие ноздри раздувались, а к нарумяненным щекам прилила краска, сделав их кроваво-красными, как спелые яблоки. Я прищурилась, мучительно скрывая истинные эмоции. Какой же жалкой надо быть, чтобы спустя столько лет обвинять кого-то в том, что, по сути, сама и заварила. Сколько злости во мне было!

— Ладно, забыли, — процедила я, махнув рукой. — Пойду подумаю, как мне выпутаться из всего этого.

Я уже шла по мосту, когда мне в спину вонзился ее свистящий шепот:

— Я не знала, что ты любила его. Честное слово, я не знала.

Скажи, что тебе все равно. Скажи, что тебе все равно. Я и вправду думала, что мне все равно, — до этого самого момента. Но вот я снова вижу его возбужденное лицо, слышу приглушенный смех, и... Нет, моя боль родилась не из банальной и пошлой измены. Ее корни питались гораздо глубже, но мне не хватало какой-то детали, чтобы понять, что же на самом деле послужило истинной причиной, чтобы предать Хэджама и поставить под удар свою жизнь. Я медленно вернулась к Мэйко, задумавшись о том, что мне не стоило держать язык на привязи, а нужно было чаще показывать характер и озвучивать все, что тревожило и злило меня. Только в такие моменты рождается

правда. Только тогда понимаешь, что важно, а что можно отпустить. Споры ведет разум, а ссоры — сердце.

— Это была глупость, Рэйкен, ужасная, детская глупость. — Мэйко смело взглянула на меня, и в отражении ее глаз я разглядела свое искаженное, раздавленное лицо. — Хэджам никогда и ничего для меня не значил.

С тихим стоном я закрыла глаза, зажала уши ладонями и отвернулась. Замолчи. Хватит. Не могу больше. Выносить это. Вспоминать. Возвращаться в те дни. Что за страшная обида гложет меня? И какая сила способна избавить от нее? Глупые вопросы... Но один ответ я знала наверняка: если бы в те дни я посвятила ее в свою мечту, она бы никогда не предала меня, а я бы никогда не ушла от Хэджама.

Что это? Снова чертово чутье Странника?

Теплая ладонь Мэйко опустилась мне на спину. Я вздрогнула и разжала уши. Взгляд уперся в офуда, которыми хого запечатывали ворота крепости. Глубоко дыша, я лихорадочно раздумывала, что мне делать дальше — бежать, остаться, молчать или наконец заговорить, — как вдруг застыла.

— Мэйко... — Я сорвала с ворот одну из полосок рисовой бумаги. На ней чернилами были выведены символы — кривые и набросанные явно в спешке, но все же хорошо читаемые: «Савани».

— Кто такой Савани? — Мэйко дрожащими руками забрала у меня офуда.

— Не Савани, а Саваки — это ошибка. Кто-то написал имя инугами с ошибкой...

Я стала всматриваться в символы на остальных офуда. Где-то надорванные, где-то стерты чернила. Что...

— Они испорчены, Мэйко... Все они испорчены, ворота не защищены.

Считаные секунды мы с ужасом осознавали случившееся. Грудь налилась свинцом, горло онемело. Я судорожно

сглатывала, часто моргая в жалких попытках прогнать видения ближайшего будущего. Сколько прошло времени? Как давно крепость лишилась защитной маски?

Когда сам воздух стал тяжелым, когда небо начало темнеть, Мэйко издала пронзительный крик. Она подпрыгнула, вздымая столбы песка и пыли. Изящный силуэт растворился в исполинских серых перьях. Птица кричала, яростно взмахивая крылья. Стражи на смотровых башнях вторили ей, и через мгновение крепость утонула в гомоне свирепых птичьих голосов.

Сбросив дзори, я бросилась вверх по мосту. Все, кто мог превратиться, уже кружили над крепостью, сверкая заточенными когтями. Остальные выбегали на улицу, спрятав лица под деревянными птичьими масками, с оружием наготове. Где Коджи? Где Шиноту?

Не отвлекайся. Тебе нужен темный угол и несколько секунд, чтобы достать плащ.

Едва увернувшись от двух девушек с колчанами, я нырнула в проулок между ближайшими домами и без церемоний запустила руку в тень. Пальцы на мгновение провалились в неизвестность и скоро ухватились за воожделенный мех. Я лишь успела набросить плащ на одно плечо, как почувствовала запах гари. Мимо моего укрытия пронеслись двое хого. Пронзительно заплакал ребенок.

— Детей в храм! Живо! — крикнул кто-то.

Но процесс уже был запущен. Мимо меня пробежали мужчины в масках: один прижал к себе испуганного мальчика, второй, широкоплечий и очень высокий, держал под мышками двух девочек. Я растерянно смотрела им вслед, презирая себя за замешательство и одновременно не понимая, что мне делать.

Я не боец. Я обманщица.

День был в самом разгаре, но небо поглотили темные тучи. Крики стражников на смотровых вышках летали над крепостью, смешиваясь с яростным гомоном.

— Рэйкен! Рэйкен!

Знакомый возглас разрезал толпу, и через мгновение ко мне вынырнул запыхавшийся Коджи.

— Что случилось? Где Мэйко?

— Печати взломаны, тебе нужно укрыться. — Я схватила его за руку и потащила к храму.

— Глупости! Я лучше здесь помогу! — Коджи ловко высвободился.

— А где Шиноту?

— Не знаю. Кажется, переносит детей в храм! — Коджи махнул мне и устремился в глубь толпы.

— Стой!

Стой, дурак! Он придет за тобой!

Я должна была схватить его, оглушить, спрятать, но вместо этого, поддавшись инстинкту, бросилась к храму, на ходу подхватив какую-то девочку.

Это Тэйго. Единственный, кто знал имя инугами. Мне следовало быть осторожнее, следовало завязать ему глаза. Если бы я рассказала о своем плане Мэйко, она бы предупредила меня о трагедии с семьей Тэйго. А теперь он воспользовался моментом и решил выманить инугами, чтобы отомстить? Рискуя жизнями своего народа? Какой дурак!

Девчонка вцепилась мне в плечи, с силой зажав мех между пальцами, и я стиснула зубы. У ступеней храма столпилось около сотни существ. Женщины заносили младенцев, а те из детей, кто уже мог ходить, сами ловко взбирались по ступеням. Священник бил в гонг, и эта катафасия из звона, птичьих и человеческих криков сводила с ума.

Кто-то выхватил девочку из моих рук. В толпе мелькнули знакомые локи.

— Шиноту!

Он вынырнул из-за спины грузного мужчины и побежал ко мне. Зрачки расширены, на лбу испарина.

— Коджи побежал к озеру! — выпалила я, хватая его за руки. — Ты должен найти его и спрятаться.

— Что? Зачем? Если это нападение, мы поможем...

— Нет-нет! — Я затрясла головой, с ужасом осознавая, что единственный способ убедить его обезопасить себя — рассказать правду. — Сейчас не время для подробностей, но, пожалуйста, — я изо всех сил сжала его пальцы и сделала шаг вперед, сокращая расстояние между нами, — раз в жизни просто поверь мне: вам нужно спрятаться. Это он пришел. Хэджам! И нужны ему вы.

Шиноту нахмурился. Он смотрел на меня как на не-нормальную. Еще бы! С чего могущественному ёкаю понадобились бессильный хого и его племянник-полукровка...

Мужчина в орлиной маске промчался мимо, задев меня за плечо. Толчок вывел из оцепенения. Я встряхнула хого за руки и набрала в грудь воздуха. Будь что будет, нужно рассказать, иначе...

— Не знаю, что ты несешь, но сейчас на это точно нет времени, — отрезал Шиноту. Запах гари усилился. Я вскинула взгляд к небу и вдруг поняла, что стражники крепости разожгли костры из жухлого сена, чтобы окутать ее дымовой завесой. — Мы никуда не уйдем, пока здесь творится такое. Я не трус! И Коджи тоже!

— Знаю, — вздохнула я и ослабила хватку.

Но вдруг глаза Шиноту вспыхнули, он схватил меня за плечи, притянул к себе и поцеловал. В этом поцелуе не было ничего медленного и сладкого. Жадность, вызов и... стремление доказать, что это его осознанный выбор, то, чего он на самом деле хотел. В голове взорвались тысячи непонятных чувств, я стала задыхаться. На долю секунды мир потух, оставив в погасшем прошлом крепость, храм Инари, мертвый лес и замок Чироши. Я жила лишь в этом моменте, обласканная молчаливым обещанием хого защищать меня и всех, кто был дорог ему.

— Ты дурак, — выдохнула я.

— Ну и что. — Шиноту лишь пожал плечами. И, резко наклонившись, шепнул мне на ухо: — Уходить я не собираюсь. Не смей больше прогонять меня.

Оставив влажный след на моей щеке, он побежал по брускатке к озеру. Я до боли прикусила губу, впервые за долгое время почувствовав, как к горлу подступают слезы. И зачем я только упомянула о Хэджаме? Ведь когда все это закончится, мне придется рассказать правду и разрушить маленькую иллюзию жизни, в которой кто-то хороший абсолютно бескорыстно думает, что влюблен в меня.

Я взбежала по узким лестницам и оказалась на крыше. На крепость опустился дымный шатер. Под этим пологом кружили птицы, стражники на башнях натянули стрелы. Я бежала вперед, к озеру, всматриваясь в ворота. Странно, но они до сих пор были плотно заперты. Никто не стремился пройти через них. Что не так?

Может быть, никто на нас не нападет?

Или без защиты в крепость можно попасть с воздуха?

И стоило подумать об этом, как густые клубы дыма пробили темные сгустки — похожие на призрачных демонов из леса Пойманных Душ, но чернее и быстрее. Птицы яростно закричали, забили крыльями и ринулись в атаку. Стражники держали небо под прицелом, но стрелять не решались, опасаясь задеть своих.

Я стояла на краю крыши обеденного дома, высматривая внизу Коджи и Шина. Но как же сложно было что-то разобрать! Птицы сдерживали демонов в небе, но кто-то то и дело прорывался и пикировал к земле. Крики и предостерегающие возгласы заполонили все вокруг. Один из демонов полоснул меня по щеке, ступни соскользнули, но я успела сгруппироваться и спрыгнуть.

Яркая вспышка осветила небо, и огненный шар устремился к берегу озера. Тогда я увидела Коджи. Он размахивал

своим вакидзаси, отбиваясь от черных бесплотных демонов и не замечая опасности.

— Коджи! В сторону! — закричала я, бросаясь к нему, но не успела: из толпы прыгнул Шин и повалил его на землю, а огненный шар разился у их ног и тут же погас.

А потом голос, усиленный неведомой мне магией, пронзительным эхом раздался над крепостью:

— Мы заберем защитника и мальчишку, и никто не пострадает.

Меня пробрал холод, а тело сковала немочь. Я в панике пыталась разглядеть говорившего в хаосе из птичьих тел и черных демонов, но тщетно. Это был его голос. Но самого Хэджама нигде не было видно.

Еще один демон несся мне навстречу. Я едва успела полоснуть его когтями, как пролетевшая мимо птица отбила его крылом, подбросив высоко в небо. Мерзкая тушка утонула в дымовой завесе.

Где ты? Покажись!

Шин и Коджи сражались спина к спине с другими, а голос продолжал:

— Хого Сугаши, ты хорошо воспитал его. Теперь отдай мне моего сына.

Я бросилась сквозь толпу к другому берегу озера, стараясь не выпускать их из поля зрения. Увидела, как Шин на мгновение замер и птица чуть не сбила его с ног, как Коджи удивленно уставился на небо, сильнее скжав рукоять вакидзаси. Кто-то на башне отдал команду, птицы резко спикировали, и стражники окропили небо стрелами.

— Это мой сын, я дал начало его душе. Верни его мне.

Шин пригнулся и подхватил с земли древко стрелы, и в этот момент одна из птиц — большая и серая, похожая на огромного чижа, — впилась исполинскими желтыми лапами в плечи Коджи, как пушилку подняла его в воздух и понесла в сторону храма.

Под ноги упал еще один огненный шар. Я успела отскочить, но споткнулась о камень и, рухнув на колени, тут же перекатилась в сторону и вскочила, освобождая дорогу двум мужчинам в масках. Они бежали к воротам.

Раздался еще один залп, стрелы взмыли вверх, прямо в плотный слой черных тварей, сгустившихся под дымным куполом. Наконечники замерли в нескольких сантиметрах от них, резко, словно от невидимой руки, сделали оборот вокруг своей оси и устремились к земле, пронзая все на своем пути, и все вокруг сотряслось от криков. Птицы, пронзительно крича, разлетались в стороны, падали в озеро, сбивая края крыш. Люди разбегались, пытались отбиться, прикрывали головы руками и щитами, а в центре всего, на другом берегу, Шин со всех ног мчался к какому-то мужчине. Он только успел, что прыгнуть на него, толкнуть в воду, как...

Я закричала. Или взревела. Не знаю. Из меня вырвалася вопль такой силы отчаяния и боли, что ноги подкосились и я рухнула на колени. Десятки стрел впились в его тело — руки, ноги, живот. И пока он падал на спину, за-прокинув голову назад, мир стал очень медленным. Кажется, я ползла по земле, каким-то неведомым образом подмечая, как мелкие камушки впивались в ладони, как несколько серых перьев упало в шаге от меня. Как в небе, среди десятков огромных кричащих птиц, слившихся в единую массу, стало проявляться черное пятно.

Я ощутила запах крови — соленой, горячей, с примесью чего-то свежего, похожего на грибной дождь. Я слышала едва различимые звуки — хриплые, прерывистые, — звуки угасающей жизни.

Но он был еще жив.

Рэйкен, он жив.

И стоило мне это осознать, как в голове раздался жуткий голос — голос, который шептал мне в день, когда

я в последний раз виделась с Такимару. Расчетливая, но, увы, здравомыслящая змея.

Дай ему умереть.

Если Шиноту умрет, то план Хэджама провалится. Он потеряет самого сильного защитника. Ему потребуется время, чтобы найти нового, а я успею скрыться, затаиться, а может, даже вернусь в храм и снова попробую угаснуть.

Мама. Касси. Как вы выглядели?

В тот момент я пыталась вспомнить их лица, извлечь из памяти черты, но едва различимые видения разбивались о картину окровавленного тела. Я была совсем близко — еще чуть-чуть и я смогу увидеть его угасающее лицо.

Но я могу подарить ему жизнь. Снова.

Хотела ли я этого? Все, чего я хотела, — вернуться домой. Даже если Хэджам проведет свой ритуал, вряд ли после моего предательства он выполнит свою часть уговора. Но я так хочу домой...

Черное пятно на небе стало приобретать человеческие черты. Оно неслось на нас. Мои глаза расширились. Это существо заберет Шиноту, и Хэджам успеет добраться до его силы. Я могу помешать. Я ближе. Всего пять секунд. Я вырву стрелу из руки и всажу в сердце. Он не будет мучиться. А я скроюсь с него...

Меня задушили рыдания, и я зажала рот ладонями. Все повторяется. Черт возьми, все повторяется!

Нет уж. Больше я такого не сотворю.

Всхлипывая, я стиснула зубы и в два прыжка оказалась возле Шиноту. Он распластался на земле, ногами в почерневшей озерной воде. Из приоткрытых губ вырывалось хриплое дыхание, подбородок разрезала вязкая струйка крови. Дрожащей рукой я дотронулась до древка стрелы, торчавшей из правого предплечья, краем глаза наблюдала за черным пятном. Оно стало больше, но, кажется, спуститься ему не давали птицы крепости.

— Не смей спасать его!

Исполинские крылья Мэйко взметнули столп пыли, и через мгновение ее цепкие пальцы схватили меня за плащ. Я предупреждающее рыкнула — и она тут же отпустила меня.

— Если ты этого не сделаешь, это сделаю я! — процедила Мэйко.

Она стояла позади. И по ее голосу я поняла, что птичья принцесса напугана. Как бы Мэйко ни храбрилась, но сама мысль о том, что ей придется лишить жизни человеческое существо, пусть и угрожающее ее ребенку, потрясала ее.

— Отстань, Мэйко, — зарычала я, сильнее сжимая пальцами древко. Ногти заострились, я чувствовала, как зубы превратились в клыки, а грязные пряди волос разметало в стороны. Они застыли за моей спиной, защищая. — В день, когда ты отдала своего ребенка, ты потеряла право на него. Между вами нет никакой связи.

Она молчала. Боги, почему она молчала? Я слышала лишь ее дыхание, подсознательно ожидая удара. Но ничего не произошло.

Иногда я думаю, что Мэйко не остановила меня, потому что тоже верила в эту чертову судьбу Странников и в то, что глупо вмешиваться в их — мои — поступки.

Я вновь посмотрела на лицо Шиноту и убрала руку с древка. Мой разум вопил, противился, но решение я приняла сердцем, а оно никогда ни с кем не советуется. Распахнула его рубашку и положила пальцы на шрам чуть ниже грудной клетки.

— Я бы хотела полюбить тебя так, как ты этого заслуживаешь. Всем сердцем, — прошептала я. Шиноту слабо кашлянул и снова захрипел. В уголках губ собрались кровавые пузыри. — Но сейчас в нем слишком мало места...

Пальцы скользнули сквозь его плоть так легко, словно и не было преграды. И что-то внутри забилось, заскулило. Неправильно. Запрещено. Против природы. Скверна. Мне

больше не требовалась сосредоточенность — притяжение его души было таким сильным, что стоило проникнуть под кожу, как ее сила вцепилась в подушечки моих пальцев и потащила внутрь, к эпицентру.

В последний раз. Честное слово, в последний раз.

Вот они — мои оковы, все еще здесь, прочные, неповрежденные. Лишь на мгновение, но я замерла, перебирая пальцами незримые звенья, державшие силу хого все эти годы. Сдавлю сильнее — уничтожу его. Всего миг, и его душе конец. Ощущение могущества... Я забыла, как дышать. По вискам струился пот, а внутри меня все горело, искрилось, и кровь стала тяжелой, колючей. Я поняла. Впервые за столько лет вдруг поняла, что держу в руках душу бога, и только мне решать — родиться ему или умереть навсегда.

Я зажмурилась и заставила себя вздохнуть — так глубоко, что защемило легкие. Подушечки пальцев, касавшиеся сокровенного, пульсировали. Его душа билась, вызывала ко мне.

Замолчи. Замолчи!

Так только хуже. Ведь я была уверена, что мне не нужна власть. Не хочу я владеть никакими жизнями. Мне бы покоя. Разве это похоже на власть?

Я вдруг посмотрела в озеро, встретилась взглядом со своим отражением и все поняла. В этом бледном лице я наконец увидела свои настоящие мотивы. Цену, которую запросила у Хэджама за свою жизнь. Бесконечную секунду я всматривалась в загнанные рыжие глаза, крупица за крупицей осознавая всю глубину своего гнева на него.

Не хочу я владеть никакими жизнями. Лишь своей...

Слезы градом брызнули из глаз. Я оскалилась, и ненависть, что сжириала меня изнутри, ненависть, которую я растила, чтобы однажды вернуть ему, обернулась против меня. Казалось, этот дикий рев сотряс все вокруг. Удивительно, как он не разорвал меня изнутри — с такой мощью

вырвался наружу. Я сжала пальцами звенья и резко дернула на себя. Никто не услышал, но я отчетливо различила, как что-то порвалось, и меня отбросило назад.

Тело Шиноту стало непомерно объемным, засветилось изнутри и медленно оторвалось от земли. Чем выше он поднимался, тем ярче сиял ореол вокруг него. Я инстинктивно отползла, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища. Тело выталкивало стрелы, и они с глухим звуком ударялись о землю и с тихим всплеском падали в воду. Он выгнулся, запрокинул голову, ноги согнулись в коленях и напряглись так, что на оголенных икрах выступили вены. И только руки безвольно висели, словно никогда не принадлежали ему.

Я завороженно смотрела на него. Не верила в то, что дожила до этого момента, заталкивая подальше мысли о том, что приняла неверное решение. Будь что будет. Но в этот самый миг мир за считанные секунды обернулся вспять, унесся на тысячи лет назад — в день, когда боги создали первого хого.

Свечение вокруг Шиноту стало слабеть, и сквозь слепящий ореол прорезались пасмурные контуры неба. Он начал падать. Я едва успела подскочить к нему. Подхватила голову прядями волос, чтобы смягчить удар. Он распластался на земле. Грудь вздымалась, дыхание стало шумным, но он все еще был без сознания. Зачерпнув воды, я села рядом, бережно омыла его лицо и тогда увидела их: три божественных символа — на висках и на лбу. Отметины Аматэрасу, Сусаноо и Цукиёси*. Они напоминали шрамы — блеклые, едва различимые. Я невольно потянулась к вороту его хаори — хотела снять, рассмотреть другие отметины, — но тут же отдернула руку.

Больше не имею права.

* Бог луны, младший брат богини Аматэрасу.

Я легла рядом, положила голову ему на грудь и дотронулась пальцами до отметины, через которую в последний раз касалась его души. Дыхание хого выровнялось, и я закрыла глаза. Слышались птичий крики — уже не яростные, а скорее жалостливые. Где-то в небе на невидимых струнах сямисэна играл ветер. Но все это было так далеко, возможно, в одном из тех миров, где мне уже не суждено побывать. Я вдыхала успокаивающий запах Шиноту, думая о свежести дождя, о малине в корзине мамы и о рисовом пироге, который мы ели на мое пятнадцатилетие. Вспоминала шуршание ветвей одинокой сакуры на берегу озера в поместье Сугаши и сидевшего рядом Такимару. Просила его смотреть на меня и улыбалась коварному воображению, которое вместо лица старшего брата рисовало мне упрямые черты Шиноту.

Последнее, что я помню перед тем, как уснуть, — едкий голосок, вспыхнувший где-то на краю сознания.

Теперь у Хэджама есть все, чтобы закончить ритуал. И вернуть тебя домой. Отлично ты все провернула, хитрая лиса.

Глава 5 Тот самый Сугаши

Шин

У Коджи было что-то вроде задержки в развитии. Мидори уже вовсю болтала, а он только учился складывать слова в предложения и держаться на ногах. Кажется, у него были проблемы с коленями, и до пяти лет он практически не бегал, да и ходил плохо. Помню, как мы с Кацу допоздна играли в полях с деревенскими ребятами, а за близнецами присматривала наша кухарка, да еще дедушка друга помогал. Никто не упрекал меня — я был ребенком и не стремился посвящать свое время близнецам.

Когда я возвращался в поместье, запыхавшийся и раскрасневшийся, мне навстречу выбегала Мидори. Останавливалась передо мной всякий раз, грозно так, с вызовом смотрела, словно упрекала в чем-то, а потом резко разворачивалась и забегала в дом.

— Да что ты понимаешь, малолетка, — бурчал я, встречаясь взглядом с Коджи.

Он ковылял ко мне по вымощенной желтым камнем дорожке, а я, дурак, стоял и даже не пытался идти к нему навстречу, хотя и знал, как тяжелодается ему этот путь. И вот Коджи подходил, оглядывал меня своими странными

голубыми глазами и непременно с робкой улыбкой спрашивал, что я делал сегодня.

Но в тот день он ничего не спросил. Просто обнял меня — обхватил руками так сильно и искренне, как может сделать только ребенок, уткнулся носом мне в живот и прошептал:

— Мне приснился сон, что ты уйдешь. Как папа.

Было ли что-то, что могло достучаться до сознания недолюбленного двенадцатилетнего подростка? Только голос этого больного мальчишки, для которого я оказался самым важным существом на свете. Именно в тот вечер все изменилось.

Совершенно сбитый с толку, я отстраненно гладил его по макушке и вдруг заплакал.

Не уйду. Никогда не уйду!

«Ты хорошо воспитал его. Теперь отдай моего сына».

Несколько раз я пытался открыть глаза, но веки были такими тяжелыми, словно их придавили камнями. Тело изнывало от невесть откуда взявшейся усталости. Что произошло? Попробовал пошевелить руками: пальцы нашупали что-то мягкое, и я уловил приторно-сладкий запах. Рэйкен? Я провел ладонью вверх-вниз. Плечо. И вдруг ощутил тяжесть на груди. Она лежала рядом со мной.

Как странно. Ничего не помню.

Сделав над собой усилие, я все же открыл глаза. Темноту разрезали блеклые отблески звезд. Подбородок упирался в ее голову, светлые волосы закрывали мне грудь. Я осторожно снял ее руку со своего живота, положил Рэйкен на землю и сел. Тело ныло, каждая кость отзывалась жалобным скрежетом. Как будто я умер и воскрес. Взгляд невольно упал на ее окровавленные пальцы и метнулся

к лицу: между бровями залегли глубокие складки, бледные щеки были разукрашены размытыми красными полосами.

«Верни моего сына».

— Что... — выдохнул я, с тихим стоном хватаясь за голову.

Попытался встать, но ноги подкосились, и я упал на колени. Подполз к берегу озера и опустил руки в прохладную воду. Блуждающая крепость. Значит, я все еще здесь. В памяти замелькали обрывки битвы. Птичий крики, взмахи крыльев. Сильно пахло гарью, кто-то стрелял. Где-то здесь должен быть мой колчан.

Зачерпнув воды одной рукой, я плеснул на лицо и вдруг увидел на тыльной стороне ладони шрам. Сев прямо в воду, я поднес руку ближе к лицу. Что это за иероглифы? Фактура напоминала ту же отметину, что у Нобу и Тэйго.

— Не может быть...

Я стал машинально ощупывать лицо и вдруг наткнулся пальцами на шероховатости на висках. Сердце бешено забилось. Глаза ослепило от вспышки воспоминания: десятки стрел летели в мою сторону, готовые пронзить...

«Ты воспитал моего сына. Верни его».

— Хого...

Я резко обернулся и тут же поморщился от колющей боли в затылке. Рэйкен медленно подошла ко мне. Выражение ее лица испугало — столько страха было в нем. Она опустилась на колени, кимоно тут же промокло.

— Его сын? — прошептал я.

Она что-то говорила про Хэджама — там, у храма, бесчисленное количество часов назад. Спрятаться, он пришел за нами... Мной и Коджи.

Его сын.

Рэйкен коротко взглянула на меня — так вымученно, с мольбой — и тут же потупила взгляд. Нет-нет-нет. Ничего этого быть не может. Я казался себе чужим — с этими

отметинами, с этим незнакомым телом. Как будто мое сознание переместили в другой сосуд.

— Хого...

Я все уже знал. Все факты были у меня, оставалось лишь соединить их в складную историю. И все, что я мог позволить себе, — подарить минуту, одну чертову минуту, чтобы задержаться в прежней жизни, в последний раз ощутить то, что мучило меня и делало счастливым в минувшие несколько дней. Я протянул к ней дрожащие руки и обнял, но Рэйкен не ответила. Все равно. Я дышал ей в плечо — глубоко и надрывно, яростно стискивая пальцами ее одежду. Какой же я трус! Даже сейчас, когда до правды оставалось всего ничего, я пытался отдалить ее, удержаться в мире, который сам создал и в который отчаянно хотел верить.

— Значит, все было манипуляцией?

Рэйкен робко погладила меня по плечу и прерывисто вздохнула:

— Прости.

— Если бы моя природа была другой...

Рэйкен мягко отстранилась и заглянула мне в глаза. Когда я вспоминаю этот момент, то больше всего ненавижу этот взгляд — болезненный, сломленный и виноватый. Но вот ее губы шевелятся, и голос звучит жестко и уверенно:

— Задавай вопрос, хого.

— Чтобы возненавидеть тебя?

— Непременно. Все вернется на круги своя. Задавай вопрос.

Я задержал ладонь на ее щеке, не удержался и провел пальцем по губам.

Хорошо. Пора.

— Расскажи мне, что случилось с Такимару. Ты ведь знаешь?

Рэйкен коротко кивнула, и рыжие глаза затянуло темным барьером, разрывая последние нити, связывающие нас. Вот и все. Я сел, согнув ноги в коленях, и приготовился слушать.

Пелена, защищавшая небо над крепостью, рассеялась, и на темной глади озера отразились блеклые звезды. На постах мелькали призрачные фигуры стражей. Наверное, за спиной, наверху птичий народ устранил последствия вторжения. Смотреть не хотелось. Я не представлял, что расскажет мне Рэйкен, но вдруг понял, что давно знал: эта правда перевернет все, отрежет мне путь как в прошлое, так и в настоящее. Эту правду не удержат ни разрушенные улицы крепости, ни мой страх. Она всегда была, существовала вне этого мира, вне моего желания.

Когда Рэйкен заговорила, ее голос звучал тихо, но твердо, словно она всю жизнь готовилась к рассказу.

— Впервые я увидела Такимару чуть больше двадцати лет назад — там, под сакурой у вашего озера. Я оказалась там случайно...

Рэйкен

Когда в моей жизни появилась Мэйко, я стала реже покидать замок. Так, иногда, по старой привычке, проходила через первые попавшиеся двери, чаще — в Ёми, чтобы провести несколько часов на берегу одной из рек, под монотонное журчание желтой воды наблюдая за тем, как течение уносит еще одну потерявшуюся душу. Вид чужого исхода напоминал мне о том, что моя надежда еще жива. Что я могу умереть на своих условиях и вернуться домой. Мне повезло — гораздо больше, чем созданию, проплывающему мимо моих ног.

И в ту роковую ночь, когда все полетело к черту, я тоже была в Ёми и вернулась в замок глубоко за полночь, когда звездный свет вовсю танцевал в мирном потоке водопада. Столько раз я стояла на этом выступе, погрузив ноги в воду. Знала каждый камушек, каждый шелест вишневых листьев над головой, каждое расположение звезд, и все

равно ни разу не прошла мимо — должна была задержаться, еще раз посмотреть с обрыва, представить, как могу прыгнуть, затеряться в потоке, почувствовать холодное влажное волокно на своих руках и ногах, потом встать под вишню, обязательно тряхнуть веткой (весной это особенно прекрасно — когда сверху падают отжившие свое кремовые лепестки) и посмотреть на небо. Эта ночь была моей — я увидела розовую звезду.

Ночь моего рождения.

Ночь ее рождения.

В каком бы из миров я ни была, мне всегда нравилось возвращаться в замок именно в этом месте. Потому что отсюда я могла зайти в спальню Хэджама. Раздвижные окна были приоткрыты, и на мощенную дорожку выливался тусклый янтарный свет фонарей, паривших под потолком. Я улыбнулась и, расправив полы зимнего плаща, не спеша направилась туда. В проеме мелькнуло голубое кимоно, а затем Хэджам опустился на футон. Он сидел спиной к окну, и бесконечные секунды я любовалась блестящими черными прядями его волос, собранными в низкий хвост. И вдруг чьи-то маленькие руки обвились вокруг его шеи.

Мое сердце все поняло раньше разума, оно забилось — сильно, болью отдавая в груди. Я замерла, в полном оцепенения разглядывая руки незнакомки. Хэджам подался вперед, послышался тихий смущенный смех. А потом он потянул женщину на себя и резко перевернулся, уложив ее на футон и накрыв своим телом. Если бы он поднял голову — хотя бы чуть-чуть — и посмотрел вперед, наши глаза бы встретились. Но Хэджам что-то с улыбкой прошептал ей в губы, большими пальцами убиравая со лба незнакомки непослушные волосы.

И я безмолвно взмыла. Мэйко. Неизменный бледно-розовый румянец на круглых щеках, маленькие ровные губы. Хэджам нежно поцеловал ее, а я, сделав шаг в сторону и покинув полосу света, сочившуюся из раздвинутых

окон, упала на колени и зажала рот ладонями. Что-то внутри меня с треском разлетелось на куски. Что-то, что мне удавалось подпитывать жизнью в замке после смерти Касси и мамы, безвозвратно умерло. Пальцы онемели, и эта гнусная немота ползла вверх, к плечам, захватывая мое тело, накрывая волной густого гнилого одиночества.

Я беззвучно плакала, уставившись в темноту перед собой. Хотела зажать уши, чтобы не слышать звуков из спальни Хэджама, но вместо этого прижимала ладони к губам, хватая ртом воздух и при каждом вдохе пригибаясь к земле все ниже и ниже.

Когда лоб коснулся земли, я вскочила и бросилась в водопад, желая, чтобы пронзительный холод забрал меня всю, уничтожил жизнь, что все это время яростно билась во мне.

Когти яростно разрывали темноту, я переходила из одного мира в другой, не осознавая, куда ступала и где окажусь через секунду. Хотелось одного — скрыться, убежать, забыть все, что видела. Тело налилось свинцом и с каждым шагом казалось лишь тяжелее. В какой-то момент темнота, уставшая от моего яростного вторжения, вытолкнула меня, и я очнулась лежащей на сырой земле.

Почему она?

Я оказалась на берегу незнакомого озера, под голыми раскидистыми ветвями сакуры. С другого берега мягко светили огни, виднелись очертания светлого поместья. Наверное, меня занесло во владения какого-то помещика.

Я села и, подтянув колени к груди, набросила плащ на голову и плотно завернулась в него.

Почему?

Мы никогда не обещали друг другу хранить верность. Может, именно поэтому столько лет возвращались друг к другу? Снова и снова чувствуя, как сердце заходится, словно в первый раз? Я никогда не задумывалась, есть ли у Хэджама кто-то еще, — не потому, что верила ему,

а потому, что мне было все равно. Ведь что бы он ни делал — но рядом со мной он всецело принадлежал мне. Рядом с ним мне никогда не было одиноко. Я завещала ему свою жизнь и мечтала сгореть у подножия Такамагахары счастливой — зная, что ухожу из мира, в котором меня любили.

Так почему именно Мэйко?

Я изводила себя, снова и снова прокручивая все встречи — с первого дня, когда ее маленькие ножки переступили порог замка Чироши, когда ее маленькие губки улынулись Хэджауму. Как он смотрел на нее? Как говорил? Но то ли я была слепа, то ли так глупа — не знаю, ничего не знаю! — но я ни разу не заметила между ними и намека на взаимное влечение.

Я вздрогнула и одним лишь чудом удержала плащ на голове. Справа от меня кто-то стоял.

— Если это ваша земля — не гневайтесь, господин. Посижу здесь немного и уйду, — прошептала я.

— Очаровательный у вас голос. Верно, вы еще очень молоды, — вдруг заметил незнакомец.

У него самого был приятный голос. Теплый, бархатный. Не в силах справиться с любопытством, я скосила взгляд. Он был высок, наверное, даже выше меня, и широкоплеч, в простом коричневом кимоно и черных хакама. Я бы решила, что передо мной рабочий, но вдруг заметила темно-зеленую косынку на голове, из-под которой выбивались кончики каштановых локи. На мгновение я даже забыла о предательстве Хэджаама. О боги, передо мной стоял самый настоящий хого!

— Вы чем-то опечалены? — спросил он, присаживаясь на землю на почтительном расстоянии. — Могу я вам помочь?

— Вы очень добры, но мои беды... Кстати, я Рэйк... Рэй Кеноки.

— А я Такимару Сугаши. Это мое поместье, — он небрежно махнул рукой в сторону светлых стен на другом берегу. — Мы выращиваем рис. Я и моя жена Анда.

Сугаши... С ума сойти! Сколько лет Хэджам искал потомков этого рода. Если бы он знал, что в попытках убежать от его поступка я невольно нашла одного!

Я ликовала и одновременно чувствовала себя ничтожеством. На что мне эта информация? Я была так зла на Хэджама... Я ненавидела его, мысленно насылая гнев сотни богов. Последнее, что я готова была сделать, — это раскрыть ему местонахождение хого Сугаши.

Что сделал Саваки?

Он скрыл от меня местонахождение хого.

Теперь я понимаю тебя, мой друг.

Единственное, что я должна была сделать в ту ночь, — уйти и навсегда забыть о поместье. Но часть меня, рациональная и расчетливая, понимала, что раз судьба сделала мне этот подарок, отказываться от него нельзя, а как им воспользоваться — можно решить и потом. Мы с Такимару немного посидели на берегу. Он тактично молчал, а я не знала, о чем говорить. Было приятно просто дышать этим воздухом, понимать, что я, возможно, первая из ёкаев за долгое время сама пришла сюда и любуюсь этими видами. Такимару не знал, кто я, а я наслаждалась своим инкогнито.

Он ушел первым, сказав напоследок, что если этот берег дарует мне спокойствие, то я могу приходить сюда в любое время. Я смотрела ему вслед, видела, как он подошел к поместью и вошел внутрь, потом наблюдала за рыбью на озере, а когда собралась уходить — внимательно изучила материю этого места. Я хотела ее запомнить, чтобы знать, как сюда вернуться.

Я была уверена, что утро смирит мою уязвленную гордость. Но когда рассвет коснулся выступа замка, я застыла, не понимая, что делать дальше. Окна спальни были закрыты.

Может быть, они еще там. Что я скажу? Не знаю. Требовать объяснений? Молитв о прощении? Что бы он ни сказал, я вдруг поняла одно: это конец. Никогда я не забуду этого предательства, никогда не смогу выполнить свое обещание с чистым сердцем. Мне нужно набраться сил и попытаться сохранить в душе прежний образ Хэджама. Рано или поздно нам придется встретиться. Потому что я все еще хочу вернуться домой.

Прошло три месяца. Лето пронеслось жарким потоком знойного солнца, ветров и великолепных закатов. Я наблюдала за ними с вершины горы Фудзи, считала звезды над макушками деревьев в лесу Аокигахары, бродила в тумане вокруг Эдо и обедала на склоне вулкана Нантай. Много раз меня заносило в Ёми, и я предавалась любимому занятию — наблюдала за течением желтых вод и с прискорбием замечала, что все чаще хочу нырнуть в одну из речушек и отдаваться потоку. В одном из таких походов я увидела Саваки. Вдалеке, среди пожухших деревьев, в той части Ёми, где обитали упокоенные души. Всего лишь образ, размытые черты, но я узнала его сразу. И то ли за столетие жизни в замке, то ли оттого, что за последние дни я вмог очерствела или наконец поняла, как он мог решиться на предательство, видение единственного друга не взодновало меня. В тот момент я покидала Ёми с легкой улыбкой. Всему свое время. Всему свое место. Если нам с Саваки суждено еще раз заговорить, это обязательно случится. В тот момент мне было достаточно знать, что он все-таки жив.

За эти три месяца я дважды наведывалась в поместье Сугаши: просто сидела на берегу, высматривая Такимару. Однажды мне удалось увидеть его. В сумерках они с женой

брели вдоль воды. Женщина опиралась на его руку и держала осанку.

Куда бы я ни пошла, жизнь продолжалась. Мир по-прежнему был прекрасным. Дышал, расцветал, благоухал силой. И с каждым днем я все чаще ловила себя на мысли, что мне в нем не место. Контракты, которые придали цель моей жизни, обещание покоя и невероятное стеченье обстоятельств, продиктованных загадочной судьбой Странника, — все показалось неправильным. Ошибкой. Роковой случайностью или затянувшимся сном, а на деле я давно умерла — под градом камней у храма Инари, где Хэджам нашел меня позже, окровавленную и бездыханную.

Странно, как легко из-за одного поступка переосмыслить и обесценить жизнь длиною в сотню лет.

Но все равно я каждое утро неизменно возвращалась к подножию водопада. Смотрела на окна спальни, изучала башни замка, хоть и знала их как свои пять пальцев. Я словно проверяла свои чувства. Все ждала, что вот сегодня вместо злости и опустошения почувствую прежний трепет. Я ждала условного сигнала, чтобы прийти к Хэджаму, но с каждым визитом ощущала, что пропасть между нами становилась все шире. Пока он молчал, пока от него не было никаких объяснений, я могла думать что хочу, могла перебирать версии и в итоге принять ту, которая меня устраивала, версию, с которой я смогу исполнить обещание со спокойным сердцем. Я просто боялась, что если откроюсь ему, задам терзавшие меня вопросы, то услышу неприятную правду.

Однажды (кажется, прошел еще один месяц) я сидела в тени вишневого дерева, размышляя о том, что мне пора прекратить визиты в замок Чироши. И вдруг по мощеной дорожке, огибавшей замок слева, застучали деревянные гэта. Я вскочила, жалея о том, что пришла сюда в меховом плаще и сейчас была слишком яркой на фоне зелени.

Ко мне шла Мэйко. Лицо осунулось, под глазами появились круги, болезненно контрастировавшие с румяными щеками. На ней было простое, но нежное розовое кимоно, расшитое цветастыми узорами и подпоясанное офуда золотистого цвета. Я смотрела на этот пояс и чувствовала, что задыхаюсь. Живот. Мэйко была такой миниатюрной, что никакие многослойные одежды не могли скрыть сейчас изменений ее тела.

— Рэйкен! — воскликнула она, и ее звонкий голос показался мне неправильным, противоестественным. Ему не было места в этом закутке.

Я медленно отступала, переводя взгляд с выпирающего живота на ее растерянное лицо.

— Пожалуйста, Рэйкен, — взмолилась Мэйко, терзая меня своим взглядом. — Я не знала. Рэйкен, во имя богов, я не знала о вас...

Я замотала головой и прыгнула с обрыва. Холодные брызги зловеще хлестали по щекам, смывая слезы. Странно, я думала, что уже выплакала все, что было.

— Значит, вам не легче?

— Временами. Сейчас сижу здесь с вами, и, кажется, стало... спокойнее. Знаете, иногда просыпаешься, а внутри так тревожно. Мыслей нет в голове, точнее, нет чего-то конкретного, за что можно зацепиться, а все такое тяжелое, тягучее, словно что-то вот-вот должно произойти, а ты весь день проводишь в ожидании и даже не знаешь, как это исправить, потому что понятия не имеешь что. А сейчас нет такого.

Я удивилась своей откровенности. Но Такимару Сугаши излучал невероятную энергию. Рядом с ним я чувствовала себя не просто спокойной, а... защищенной.

Возможно, так проявлялась сила хого, а может, он просто был таким. В этом они с братом похожи: те же чувства я испытала ночью с Шиноту. И потом каждый раз, когда была рядом с ним.

— Понимаю, — в голосе Такимару скользнула улыбка. — Я и сам часто сижу здесь, смотрю на озеро, на поместье. Оно так близко и в то же время далеко. Я могу позволить себе вообразить, что все это не мое, что я лишь гость. Могу представлять все что угодно: кто там живет, как они счастливы, как выглядят их дети.

— А вы несчастны?

Я осторожно выглянула из-за капюшона: на широком лице Такимару залегли глубокие тени. Он едва заметно нахмурился.

— Нет... нет. — Он вдруг улыбнулся и покачал головой, обращаясь к озеру. — Наоборот, я очень счастлив. Моя жена Анда, она беременна.

— О-о-о, — протянула я. Перед глазами возник образ Мэйко. — Что ж, поздравляю. Это чудесное событие.

— Благодарю. Мы этого давно ждали. Правда... нет, неважно.

Я не стала допытываться. Отчасти потому, что снова мыслями переключилась на Мэйко и Хэджама, в который раз задаваясь вопросом: почему она? Королевская кровь? Высокий статус? Я ни разу не слышала, чтобы Хэджам говорил о детях. Он доверил мне свой самый сокровенный секрет, но умолчал о таком простом желании? Глупости. Но даже если так, даже если он хотел ребенка, то почему... О боги, у меня даже в мыслях не поворачивался язык произнести это. И все же... Мы провели вместе столько лет! Так почему именно она?

— А вы... вы ведь тоже несчастны?

Тихий голос Такимару словно просочился мне в голову, и я вздрогнула. Глубоко вздохнула вместо ответа и плотнее завернулась в плащ.

Так проходили наши встречи. Я сидела под сакурой после заката, скрыв демонический лик под темным плащом. Такимару приходил позже. Он говорил, что с самого детства всегда посвящает прогулке время перед сном. Обходя озеро, садился на берегу в нескольких метрах от меня, с большим уважением относясь к моему инкогнито. Мы были странными собеседниками, из разных миров, из разных поколений. Наши сердца терзала боль, но у каждого она была своей, непонятной другому. Однако именно в его присутствии я находила умиротворение. А он... нет, мне неведомо, что он чувствовал.

— Мы ведем очень уединенный образ жизни, — сказал однажды Такимару. Солнце давно скрылось за горизонтом — и мягкая темнота окутала поместье, поля и озеро. Было удивительно тепло и уютно, звуки цикад умиротворяли, стирали границу между сном и явью. Я сидела очень близко к озеру, погрузив ступни в прохладную воду. — Почему-то так сложилось... не спрашивайте. Иногда мне кажется, что поместье Сугаши оторвано от мира, что мир даже не знает о нашем существовании. Сколько помню свою семью, мы никогда не покидали этих земель.

— И вам даже не хотелось?

— Не знаю. — Такимару усмехнулся и пожал плечами. — Я не задумывался об этом. Когда изначально нет выбора, не возникает и фантазий.

Наверное, кто-то другой на моем месте удивился бы и пустился в расспросы, но я-то знала, кем был Такимару. Понимала, что все хого ревностно оберегают свои жизни. Он был прав: для мира их семья не существовала, о Сугаши знали только те, кого они сами впустили в свою жизнь, под магический купол защиты.

— А вы... вы, наверное, много путешествуете?

— Это так, — кивнула я и неожиданно для себя рассмеялась. — Но я ищу дом.

— И что для вас — дом?

— Покой. Я потеряла его, но когда-нибудь обязательно найду.

Когда человек хранит большую тайну, он становится прекрасным собеседником. С ним можно размышлять о своей жизни, свободно делиться разрозненными мыслями. Он чувствует грани дозволенного, не задает лишних вопросов. Да, наши разговоры были нечестными, ведь я знала тайну Такимару и подыгрывала ему. Мне нравилось думать, что мы друг для друга совершенно чужие, незнакомцы, лишь по воле случая встретившиеся на берегу его озера.

Когда-то моим самым верным собеседником был Хэджам. Я не думала, о чем говорить, не просила молчать, если нуждалась только в том, чтобы меня выслушали. Но дни моих скитаний неизменно росли, и каждый новый рассвет отдалял от Хэджама. Воспоминания о прошлом казались теперь несуществующими, фантазиями маленькой Рэй, которой я была тогда — и остаюсь сейчас. Годы жизни в замке потихоньку стирались, разбиваясь о его предательство, и между мной и смертью мамы и Касси снова выросла пропасть из тысячи миров, в которых их не было.

Глубоко в душе я хотела, чтобы Хэджам нашел меня, хотя так и не смогла придумать объяснений его поступку. Но мне не хватало его. Мне нужно было знать, что я все еще могу вернуться, как раньше, и он снова уверит меня, что все будет хорошо, что совсем скоро он станет

готовиться к путешествию в Такамагахару, а я смогу увидеться с родными. Но скорее всего, он даже не заметил моего отсутствия, ведь мы и раньше исчезали из жизни друг друга на долгие месяцы.

Со дня моего бегства прошло почти восемь месяцев, когда Такимару перестал приходить на берег. Несколько раз я видела его у поместья с женой. Он придерживал ее за талию, а Анда шла медленно, едва передвигая ногами. Женщина осунулась, держала голову опущенной, словно та была очень тяжелой. Ее тонкие бледные руки покоились на большом животе. Я не чувствовала ее запаха, но отчего-то решила, что от нее должно пахнуть отчаянием.

В семье хого Сугаши что-то случилось.

Размышляя об этом, я покинула земли поместья, заглянула в несколько незнакомых миров — больше по привычке, чем с целью разыскать маму и Касси, — и вдруг оказалась на выступе под родной вишней. Я даже не успела оглядеться и осознать, как попала сюда, как Мэйко схватила меня за руку. Отчаяние в ее зеленых глазах отдавало безумием, и я невольно отшатнулась.

— Нет-нет, не уходи! — взмолилась она.

— Мэйко, ты не понимаешь, я даже смотреть на тебя не могу, — прошептала я.

Птичья принцесса болезненно вздохнула и привалилась ко мне, вцепившись руками в мою одежду. Она была ниже меня на целую голову, поэтому изо всех сил потянула на себя, чтобы заглянуть в глаза. Я нехотя подчинилась.

— Рэйкен, помоги мне. Я здесь взаперти, в пределах замка хожу где хочу, но если вздумаю покинуть — они тут же схватят меня и вернут обратно. Я уже месяц ишу тебя. Ребенок... мой ребенок в опасности.

Она взяла меня за руку и насилино приложила ладонь к своему животу. Я едва успела почувствовать биение маленького сердца и тут же оттолкнула ее от себя.

— Плевать.

Я резко развернулась, но шепот Мэйко пригвоздил меня к месту:

— Путь в Такамагахару через труп моего ребенка. Об этом ты знала?

— Что?

— Души, которые ты ему приносила, — он их поглотил, ведь ему нужна сила, чтобы жить и чтобы выиграть бой. Не думаешь же ты, что боги примут его с распостертыми объятиями. Но этих душ недостаточно! Не могу поверить, что он не рассказал тебе пророчество целиком!

Злость и отчаяние в ее голосе заставили меня обернуться. Мэйко застыла в непонятной позе, как будто хотела броситься на меня, но в последний момент передумала и сверлила сумасшедшим взглядом. Я до боли прикусила щеку, чтобы унять трясущиеся губы.

— «Седьмая дочь седьмого сына ветра родит тебе ребенка, чья душа восполнит украденную силу и откроет дверь в родное царство, — зашептала Мэйко. — Душа самого сильного защитника окутает твою плоть нерушимым барьером, и уже никто не сможет лишить тебя вновь приобретенного. Но сам ты не найдешь ни дочь сына ветра, ни защитника, даже дорогу в Такамагахару не найдешь — всех к тебе приведет белая лисья полукровка, рожденная холодной ночью под розовой звездой».

— Хэджам не может забирать души, а я ничего ему не дам!

— Может... если это душа его ребенка.

Слезы брызнули из глаз раньше, чем я успела осознать услышанное. Сын ветра — предок Мэйко, почитатель бога Сусаноо, самый сильный защитник — хого Сугаши, которого я так неожиданно встретила, пытаясь убежать

от Хэджама, и белая лисья полукровка, рожденная под розовой звездой... Я невольно вспомнила нашу первую встречу и его взгляд — ясные голубые глаза, полные восхищения. Я еще подумала тогда, что он смотрит на меня так, словно нашел настоящее сокровище.

Значит... вся моя жизнь с ним, с самой первой секунды, всего лишь часть плана? Значит, он с самого начала знал, что я должна умереть? Но я сама предложила провести его, сама... когда узнала, что моя семья находится в мире, в который мне не попасть живой. Потому что он так сказал. Сказал в тот момент, когда не было пути назад. Ведь я стала настолько одержима желанием — уже не встречи с семьей, а больше страхом, что навсегда застряну на земле.

Боги...

— Забери душу моего ребенка, Рэйкен, — взмолилась Мэйко, подходя ближе. — Ты же можешь вытащить ее и унести в любой другой мир? Отдай ее мертвому ребенку или просто спрячь где угодно. Но не позволяй ему забрать...

Она схватила меня за руку и снова приложила ладонь к своему животу.

— Чувствуешь? Он такой живой и сильный...

— Я должна подумать...

Мэйко оглянулась по сторонам, а потом шагнула ко мне и горячо зашептала:

— Через три недели в моей спальне. Я буду ждать тебя сразу после заката. О безопасности не беспокойся — я позабочусь. Обещай, что придешь! Обещай...

— Я должна подумать!

Казалось бы, все шло по плану. В этом и был смысл сделки: ценой своей жизни я нахожу для Хэджама путь в Такамагахару, а взамен он вернет меня домой, к семье. Мне

лишь стоило отойти в сторону, позволить этому ребенку родиться, а потом привести хого. Я же так долго этого ждала, и вот наконец мой век подойдет к концу. Я перестану мучиться виной, перестану просыпаться в кошмарах и бояться. Я смогу увидеть маму и Касси и попросить прощения... Но какой ценой?

Получить желаемое, закрыв глаза на смерть двоих? На смерть ребенка? Или разрушить планы Хэджама, потому что он недостоин силы, которую получит в Такамагахаре? А может, дело в том, что вся моя жизнь изначально была обманом? Я не скажу этого Шиноту, но в мыслях лукавить не буду: я до сих пор не знаю, что повлияло на мое решение. И до сих пор не знаю, как должна завершить эту историю.

Демоны внущили мне одно: они свободны. Их жизни не обременены желанием обрести семью, посещать храмы, крутиться в жалких попытках прокормить себя, они не думают о верности и выборе спутника. Демоны свободны. И я тоже думала, что свободна. Ведь только я решала, где начнется мой день, а где закончится. Но, лишившись Хэджама, вдруг поняла, как заблуждалась. Все это время он был моим якорем. Маяком, к которому мне неизменно приходилось возвращаться.

И я возненавидела его. За непроизнесенные обещания быть для него единственной, сокровищем, которого так ему не хватало. За всех, кого я лишила души. За игры с тьмой, которые он поощрял. За неспособность справиться со своей болью, которую он так ловко заключил в мой меховой плащ — подобие шерсти, которой у меня никогда не было. И за обманчивую откровенность, ведь я думала, что он во всем был честен со мной. Пророчество гласило, что я родилась для него. Пусть значимая, но всего лишь деталь в плане одного обиженного ёкяя.

Моя жизнь никогда не принадлежала мне.

Наверное, во мне взыграли гордость и глупая девичья обида, но я, забыв о своем желании, ужасно, до боли захотела отомстить ему. И когда мы с Такимару наконец снова встретились, я едва не рассмеялась, услышав от него ужасную правду.

— Анда согласилась на уединенную жизнь со мной, потому что я обещал ей счастье. Она хотела большую семью, и я согласился на столько детей, сколько ей будет угодно.

— Вы выполнили свое обещание?

— Близнецы. Это должны были быть близнецы, — прошептал Такимару.

— Должны?

— Мертвые. Через несколько недель моя жена родит мертвых близнецов, потому что боги забыли послать души в их маленькие тела.

— Что вы такое говорите?

— Их маленькие сердца бьются, по венам течет кровь, но у них нет души, Рэй Кеноки. А человек без души — все равно что мертвый, правда же?

Я готова была заться в припадке истерического хохота, но изо всех сил прикусила губу, изображая сочувствие. Нет, я и вправду сочувствовала ему, но это было так ничтожно по сравнению с тем, что сулило откровение хого. Невероятно! Нет, этого не может быть! Мне даже придумывать ничего не пришлось — все само шло ко мне в руки. Как можно противиться судьбе?

Я уже готова была рискнуть и раскрыть все Такимару, но вдруг поняла, что провернуть задуманное будет не так-то просто.

Весь следующий день я украдкой наблюдала за поместьем. Видела крестьян, спешащих в поля, играющих детей в простых кимоно. Однажды я спрашивала Такимару о семье, и он ответил, что живет в поместье с женой. Но мне нужно было убедиться, что Такимару действительно единственный в своем роде. Честное слово, я не знала о существовании

Шиноту. И до сих пор не понимаю, как смогла проглядеть его.

Если я украду душу ребенка Мэйко и помешу ее во чрево Анды, Хэджам весь мир в порошок сотрет, чтобы найти меня. Мне следовало продумать пути отступления, не попасться в его руки, чтобы не раскрыть местонахождение души его ребенка. О сведении счетов с жизнью я не думала — самоубийцы недостойны хорошей жизни в загробном мире, а с моей одержимостью путь мне туда и вовсе заказан. Поэтому единственное, что я могла сделать, — защититься силой хого Сугаши и умереть так, как умирают ёкаи. По своей воле.

Я пришла к поместью Сугаши через несколько дней поздней ночью. Такимару как раз возвращался в дом, и я бесшумно следовала за ним от самого озера, но, когда его руки коснулись раздвижных дверей, намеренно задела ветки кустарника — и он обернулся.

Он удивленно уставился на меня, и я инстинктивно натянула капюшон на лицо, до самых губ.

— Рэй Кеноки, это вы?

— Обещайте, что не будете поднимать шум и выслушаешь меня. Я знаю, как вернуть жизнь вашим мертвым детям.

Такимару странно вздохнул и оглянулся по сторонам.

— Кто вы?

— Обещайте.

— Я не буду поднимать шум. Но если пойму, что мне или моей семье угрожает опасность, буду защищаться всеми доступными способами.

— Я знаю, кто вы, хого Сугаши, — придав голосу уверенность, начала я. Из-за капюшона не видела его лица,

но ощутила, как накалился воздух вокруг, и его свежий дождевой запах — такой же, какой источала сущность Шиноту, — стал терпким. — Но вы не должны думать, что я пришла, чтобы навредить вам. Несколько месяцев назад мы и вправду встретились совершенно случайно. Я набрела на ваше поместье, странствуя между мирами.

— Нет... не может быть. Ты... демон?

— Ханъё, — с этими словами я наконец открыла лицо.

Такимару впился в меня пылающим взглядом. Он стиснул зубы, и широкие скулы стали остree.

— Ровно до вчерашней ночи мне ничего не нужно было от вас — лишь молчаливая компания или ни к чему не обязывающий разговор. А потом вы сказали, что ваша жена носит под сердцем мертвых детей, и я поняла, что меня к вам послали боги, хоть и сделали это самым жестоким образом...

Не знаю, правда это была или нет, но я верила в превратности судьбы и точно знала, что все хого почитают силу богов и уважительно относятся к их дарам. По крайней мере, Хэджам говорил об этом.

Я неотрывно смотрела ему в глаза, считывая, как меняются эмоции. Злость, недоверие, замешательство. Он едва заметно хмурился и вскидывал брови, всматриваясь в мое лицо, ожидая разглядеть подвох, но я точно знала, что ничем не выдала себя. Что-что, а каменную маску я носить умела.

— Зачем это тебе? — голос Такимару прозвучал пренебрежительно, но я различила волнение. Значит, мне удалось его заинтересовать.

— Мой дар и мое проклятье — я вижу души. Могу касаться их, забирать, помещать в другие тела. Так вышло, что один нерожденный ребенок в опасности, и единственное, что я могу сделать, это дать ему убежище под защитой самого сильного хого в мире.

На лице Такимару отразилось недоверие, смешанное с отвращением.

— Я слышал о тебе. Ты — Странница. Ты заключаешь контракты с людьми...

Я показательно вздохнула и устало прикрыла глаза.

— Избавьте меня от своего предвзятого осуждения. Правды вы не знаете — лишь домыслы. А сейчас не время и не место пускаться в объяснения. Всего в тысяче шагов от нас люди. Если вы будете медлить с ответом, я уйду и больше не вернусь.

Возможно, я сильно рисковала, а может, была настолько самоуверенна, что могла позволить себе говорить что вздумается и манипулировать его желаниями. Теперь не знаю.

— Какой это ребенок? Достойный?

— Это ребенок. Чистый и непорочный. Он еще даже не родился, чтобы совершить какие-либо недостойные поступки.

Такимару снова задумался и наконец кивнул.

— Но есть одно условие, хого Сугаши.

Он резко напрягся и прищурился. И я вдруг почувствовала, что готова дать волю слезам.

— Вы правильно заметили, что я заключала с людьми контракты: их душа в обмен на желание. Ваше желание — подарить жене детей.

— Ты... вы... хотите мою душу? Я должен умереть?

Я медленно кивнула. Сердце скулило, не веря, что я принимаю это решение. В моей жизни было много темного, но впервые я намеренно обрекала кого-то на смерть. Зачем я делала это? Зачем спасала ребенка? Не ради него. Вот ведь правда. Никакого контракта у меня не было, и Такимару мог бы жить дальше с женой и воскрешенными детьми. Но мне нужна была душа этого хого, чтобы защититься самой.

— Я обещаю вам, что часть вашей души похороню на землях Сугаши, чтобы ваша семья оставалась под куполом силы хого.

— Часть? — отрещенно спросил Такимару.

— Вторая часть нужна мне самой. Демон, который представляет опасность для души ребенка, будет искать меня. Если я верно осведомлена о силе души Сугаши, то эта сила может укрыть от него и он никогда не узнает, что случилось с его ребенком, и никогда не навредит вашему.

Плечи Такимару поникли, и он обессиленно опустился на землю рядом с крыльцом. Я терпеливо ждала. Вспомнила, как разделась с мучителем матери, как заключала контракты с десятками людей, как задушила Касси и держала на руках умирающую маму. Но та боль и близко не могла сравниться с чувствами, которые вызывала во мне грядущая смерть хого Сугаши. Я убивала его намеренно, чтобы получить возможность умереть самой. Умереть порочной, с кровью на руках. Я собиралась разделить его душу, и, возможно, она уже никогда не упокоится, никогда не найдет путь к жене — когда та оставит этот мир.

— Ваш ответ, Такимару.

Он поднял на меня покрасневшие от усталости глаза и какое-то время молча смотрел, а его безнадежная печаль вязкой пеленой разливалась вокруг. Когда он обреченно закивал, я ощущала разочарование. Где-то глубоко в душе я все же надеялась, что у меня ничего не получится. Без уверенности нельзя полагаться на судьбу: она всегда благоволит желанию что-то изменить.

— Через двадцать ночей ждите меня здесь, в это же время.

— Увижу ли я своих детей?

Исходившая от него печаль давила со всех сторон. Мне хотелось бежать, забыть все, как страшный сон. Но я застыла на месте и едва заметно покачала головой. Такимару отстраненно кивнул. И я уже повернулась, чтобы уйти, но в последний момент выдохнула:

— Вы уже знаете: когда человек лишается души, жизнь в нем продолжается. Сердце бьется, кровь течет по венам. Но это плохая жизнь, в ней больше нет ни целей, ни желаний, мир теряет краски, становится черно-белым и безвкусным. Но... вы не человек, хого Сугаши, ваша душа есть сама суть вашего существования. Когда вы лишитесь ее, то умрете мгновенно.

Я сразу поняла, что что-то не так. В замке было слишком тихо, хотя солнце едва село. Обычно в такое время в саду копошились слуги, собирая травы для вечернего чаепития, а из кухни доносились привычные звуки, которые сопровождают приготовление ужина. У меня был хороший слух, я все улавливала. Но в ту ночь все на этом выступе замерло. Даже шум воды сталтише.

На дорожке показалась миниатюрная фигурка служанки. Завидев меня, девушка съежилась, но махнула мне рукой и юркнула в тень. Мы зашли в замок через черный ход. По спине пробежала дрожь. Знакомые стены набросились на меня призраками воспоминаний, и каждый шаг словно переносил в былые дни.

В спальне Мэйко горели лишь две свечи у изголовья футона, отбрасывая зловещие тени на блестящий атлас, застилавший пол. Сама она лежала на спине, зажмутившись, но, услышав, что мы вошли, резко распахнула глаза и приподнялась на локтях. Ее живот стал еще больше, а лицо, казалось, наоборот, похудело, осунулось, и вены вокруг глаз плелись чудовищной паутиной.

— Я навела морок на весь замок, но в таком состоянии долго не продержу, — процедила она, не утруждаясь приветствием. Даже не удивилась, что я все-таки пришла.

— Госпожа, — позвал тоненький голосок за спиной.

Потупив взгляд, служанка протягивала мне кованую шкатулку — ту самую, в которую я все эти годы прятала души, чтобы отдать Хэджаму.

Я даже спрашивать не стала, откуда Мэйко знала. Не зря ведь она принцесса: поди, в ее власти всегда получать то, что хочется.

— Давай, — прошептала она, и в изумрудных глазах мелькнул страх.

Но во мне не было ни жалости, ни сочувствия. Все внутри похолодело и отмерло, казалось, навсегда.

Я плохо помню, что было дальше, наверное, отчасти потому, что хотела забыть. Как опустилась перед ней на колени, как ни разу не взглянула ей в глаза и скользнула пальцами в утробу. Что я почувствовала? Отличалась ли душа этого ребенка от душ тех, чьи я забирала все прошлые годы? Наверное, нет. Сияние скользнуло мне в руки просто, угнездилось на ладони и так же легко переместилось в шкатулку.

Мэйко лежала, глядя в потолок и морщась, будто сдерживала рыдания. А может, отвращение — все равно.

— Прощай, Мэйко, — прошептала я, прижимая каменную шкатулку к груди. Взглянула на нее в последний раз, и сквозь холодный расчет прорвался образ девчонки, болтавшей ногами на ветке в лесах Бандая.

— Прощай, Рэйкен, — одними губами ответила птичья принцесса. Прежде чем я ушла, она сложила трясущиеся руки на животе и закрыла глаза, молча глотая слезы.

Такимару я увидела сразу, как только мои ноги коснулись земли под сакурой. Хого сидел на крыльце поместья, низко склонив голову. Я не позволила себе ни на секунду

остановиться. Мне удалось подчинить эмоции и видеть перед собой только одну цель: завершить последнюю часть плана и найти убежище.

Пустившись бегом, я обогнула озеро, и когда до поместья оставалось совсем немного, замедлила шаги. Такимару поднял голову, и наши глаза встретились. Ни печали, ни обреченности — одна решимость. Он принял свою судьбу, и я едва удержалась от вздоха облегчения.

— В глубине души я надеялась, что вы передумаете, — вырвалось у меня.

— Я тоже, Рэй Кеноки, я тоже, — бесцветно ответил он, без стеснения разглядывая мой преобразившийся облик в плаще, и поднялся. — Следуйте за мной.

Приближаясь ко входу, я удивилась, как хого, который всю жизнь скрывался от мира, мог жить в таком открытом и светлом доме. Вокруг — ни дерева, ни высокого кустарника, и, наверное, днем ни одной тени. Комнаты были просторными и без изысков, но краем глаза я подметила старинные свитки, небрежно оставленные в углу, словно их кто-то хотел спрятать, да забыл.

Анда спала на футоне в окружении мягких льняных подушек. На ней было легкое белое кимоно, плотно облегавшее большой живот. Некогда блестящие черные волосы потускнели и разметались вокруг маленькой головы. Благородные черты лица казались размытыми, со щек исчез румянце. Она мирно спала, но я ощущала запах ее боли — жженое сено с примесью подгоревшего пшена.

Опустившись на колени рядом с футоном, я выудила шкатулку и оглянулась на Такимару: хого замер, прижавшись к закрытым дверям, и смотрел на жену. Он видел ее в последний раз и, кажется, только сейчас осознавал это. Пусть так. В конечном счете это не только мое решение. Я не принуждала и была откровенной. Хого не отдал бы мне свою душу, если бы цена за нее того не стоила.

Открыв шкатулку, я выудила из нее светящийся голубой сгусток.

— Это... это и есть душа? — прошептал Такимару.

— Такая маленькая, да? Но это ничего не значит. Только в обнаженном виде душа имеет размер, на свободе она неизмерима. Вы смотрите на неокрепшую, едва родившуюся силу — в теле достойного человека она обретет должную стать и могущество.

Мои чувства обострились до предела, и я услышала, как Такимару затаил дыхание. Пора. Я внимательно осмотрела сверкающий сгусток, отметив все переплетения. Непорочная. И единая. Когда я разделю ее, эти дети получат жизнь на равных условиях.

Я выпустила когти и медленно, волокно за волокном, стала разрывать связи, игнорируя жжение в пальцах. Странно, как ни один из богов не спустился. Я совершила преступление. Надругательство над святыней. Разрывала невинную душу, а никому из них не было дела. Значило ли это, что я поступаю правильно, или им просто было плевать на меня и все, что со мной связано?

Бережно убрав одну половину в шкатулку и плотно закрыв крышку, я поднесла руку со сгустком к животу Анды и медленно скользнула под кожу. За спиной у меня Такимару судорожно вздохнул. Веки женщины затрепетали, и я замерла, не смея дышать. Но она не проснулась. Хорошо. Соберись. Моя рука сама двинулась в глубь утробы и скользнула в уже сформированное тело плода. Когда я разжала пальцы, подушечки пронзил едва заметный разряд.

И я проделала то же самое со второй частью души.

Я никогда не узнаю, кого коснулась первым — Коджи или Мидори. Я лишь уверена в том, что дала им равные возможности. Любой из них мог пойти по пути, который выбрала девочка. И моей вины в этом не было.

Я вышла на улицу и несколько раз глубоко вздохнула, обнимая себя за плечи. Зарылась пальцами в мех и крепко сжала в слабых попытках призвать свою душу к ответу. Но она молчала в знак согласия. «Ты все сделала правильно». Как бы я хотела поговорить с кем-то, кого боги обременили таким же даром. С кем-то, кто делал нечто подобное. Маялись ли они от чувства вины или думали, что, если кто-то создал подобную силу, значит, ее нужнопускать в ход?

Я взглянула на небо, усыпанное прекрасными звездами, в надежде, что одна из них загорится ярче, подаст знак. Но небо отвечало лишь молчанием.

Когда Такимару вышел, я даже не стала смотреть на него. Просто молча пошла вдоль озера — к месту под сакурой, где мы впервые встретились. Хого застыл, уставившись на поместье, и я позволила ему попрощаться. Когда мы повернулись друг к другу, над нами засияла полная луна.

— Вы жалеете? — тихо спросила я, сжимая шкатулку.

— Странный вопрос. — Уголки губ Такимару дрогнули. — С одной стороны, не ваше лицо я хотел бы видеть в последние минуты жизни. Но, с другой, — вы помогли мне исполнить мое обещание жене. Я жалею лишь о том, что не смогу насладиться жизнью со своей семьей. Но я знаю, что о ней будет кому позаботиться. С Андой остался защитник, а скоро появятся еще двое прекрасных малышей.

Я сдержанно улыбнулась, цепляясь за слова о том, что помогла ему исполнить обещание. Не убийца, а помощница. Меня так волновала эгоистичная сторона моего поступка, что я даже не придала значения остальным его словам.

— Сядьте. И закройте глаза. Прошу вас.

Такимару бросил взгляд на поместье и подчинился.

Сила его души едва не сбила меня с ног. Ее мощь проникла под мою кожу и заструилась по венам. Я никогда не знала такого могущества! Она была испещрена сотнями мельчайших линий, и я, задыхаясь, всматривалась, судорожно пытаясь понять, как разделить их. Бездыханный Такимару сидел, привалившись спиной к стволу дерева, и отметины ками на его лице больше не излучали божественного сияния.

Я похоронила Такимару прямо там, под сакурой, в одной могиле с частью его души. Другую часть спрятала в шкатулку. Когда мое скверное дело было закончено, в воздухе заблагоухали едва ощущимые свежие ноты рассвета. Я взглянула на поместье, прокручивая в голове последние слова хого Сугаши, с какой-то непонятной грустью думая о том, что мир лишился потомка самого сильного рода защитников. Как вдруг замерла.

— С Андой остался защитник... — прошептала я.

Нет. Я никого не видела. Но что, если...

Мне потребовалась всего пара минут, чтобы вернуться в поместье. Беззвучно ступая, я обошла все комнаты, но кроме крепко спавших слуг никого не обнаружила. Заглянула к Анде и удостоверилась, что она одна и с ней все хорошо.

Зашитник? Что ты имел в виду, Такимару?

Хотелось рвать и метать. Ну почему я так невнимательна! Как можно быть такой дурой!

— Кто вы?

Этот шепот парализовал меня. Руки затряслись, и я сильнее сжала шкатулку с частью души Такимару, а потом медленно обернулась. Передо мной стоял ребенок. Лет шести или семи, не больше. Он выглядел заспанным, но темные глаза сверлили меня с любопытством и невиданной для такого маленького существа уверенностью. Но не это заставило меня потерять дар речи. Его

маленькую голову украшали короткие каштановые локи. Еще один защитник.

— Кто вы? — повторил мальчик, скрещивая руки на груди и прищурившись.

— Я... я друг твоего папы.

— Это невозможно, — фыркнул он, делая шаг вперед. — Мой пapa умер.

Боги... Нет-нет-нет. Голова закружилась. Я готова была потерять сознание от заметавшихся мыслей. Я думала, что, даже если Хэджам каким-то образом найдет меня и ребенка Мэйко, у него все равно не будет защитника, потому что с моей подачи только что умер самый сильный хого. Но... вот же он. Раньше они делили силу на двоих, а теперь, как только остаток души Такимару упокоится в земле, сила Сугаши в полной мере перейдет к этому мальчику. Как я могла так ошибиться?

— И как же тебя зовут?

— Шиноту.

Убей его, Рэйкен. Немедленно убей.

Но я не могла. Где-то в глубине души я знала, что раз в моем идеальном плане возникла такая непредвиденная брешь, это имело смысл. Не ради же того, чтобы я забрала еще одну жизнь! Нет. Есть только один шанс не дать Хэджаму найти этого хого — лишить его силы.

Я действовала быстро, но двигалась осторожно, чтобы не спугнуть мальчика. Если он закричит и перебудит слуг, мне уже не выйти отсюда чистой. Я подошла к нему и опустилась на колени, а шкатулку поставила рядом.

— Ничего не бойся, хого Шиноту, — ласково сказала я, касаясь его щеки.

— Какая холодная, — вздрогнул он, и, к счастью, в голосе мальчика я не услышала страха.

— Когда взойдет солнце, ты ничего не вспомнишь, — мурлыкала я, прижимая другую ладонь к его груди. — Я только хочу защитить тебя, хорошо?

Шиноту неотрывно смотрел на меня. Из темных глаз исчезла уверенность, они затянулись блеклой пеленой, словно мальчик погрузился в дрему.

— Только защитить...

Его душа горячо билась внутри. И я удивилась — так удивилась! — когда почувствовала, что мощь в этом маленьком теле была почти такой же, какую источала душа взрослого Такимару. Между ними было столько лет разницы, но этот хого был невероятно силен. Я на ощупь блуждала пальцами по граням его души, соединяя невидимые материи. Ткала эту незримую цепь, поглаживая Шиноту по щеке.

— Ты плачешь, — удивленно сказал он и вдруг коснулся моего лица и вытер слезу.

— Ты ничего не вспомнишь, хорошо? Кроме одного... скоро у Анды родятся прекрасные дети, твои племянники. Береги их. Защищай ценой собственной жизни. Ты очень сильный, хого Шиноту, об этом не забывай никогда.

Последняя тайна, которую я все же не решилась открыть Шиноту, терзает меня по сей день. Коснувшись его души, я связала нас до скончания дней. Мне следовало разорвать связь сразу, следовало сказать, что я отпускаю его. Но я промолчала. Первые десять лет, проведенных в заточении в храме Инари, я убеждала себя, что не сделала этого по растерянности. Что просто забыла. Но когда мое тело начало терять влагу и покрываться морщинами, я больше не могла игнорировать правду. Мне нужна была эта связь, потому что я так и не поверила, что смогу окончить свою жизнь вдали от Хэджама. Знала, что настанет день, когда он вернется, и тогда мне может понадобиться наша связь, чтобы иметь возможность повлиять на решения хого. Другой вопрос: к чьему благу?

Этого я не знаю до сих пор.

Глава 6

Агунья

Шин

— Все это время... Все эти дни рядом...

Нет, не могу. Слова не шли. Я потерял себя, исчез из собственного тела, уступив место потерянному существу, не способному связно мыслить.

— Я только хотел знать, почему он... так... почему...

Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Злость ядовитой змеи ползала внутри, поражая орган за органом, пока не добралась до головы. Внутри себя я кричал, рвал, крушил, осыпал вопросами. Столько мыслей, столько разрушительных мыслей — но я не понимал, что важно.

Рэйкен молча сидела рядом и, кажется, перестала дышать. Мне хотелось взглянуть на нее, встряхнуть за плечи, увидеть лживые рыжие глаза, но я испугался, что не смогу держать себя в руках и натворю глупостей. Во мне проснулась дикая сила, я чувствовал ее каждой клеточкой кожи, но не знал, могу ли ей управлять.

— Столько лет... я терзал себя одним чертовым вопросом: куда делся Такимару? — Я зачерпнул ладонью воду и плеснул на пылающее лицо. — Наверное, нас нашли. Наверное, кто-то причинил ему зло, скорее всего, убил. Но... — Я запнулся и стиснул зубы, уставившись в темную

сверкающую гладь озера. — Подумать не мог, что Такимару сам решил... Что он пошел на поводу у твоих...

Рэйкен поднялась, постояла немного рядом, а потом внезапно ударила ногой по воде, окропив меня холодными брызгами. В рыжих глазах пылала ярость, в свете звезд и озерного блеска на бледных щеках виднелись дорожки слез.

— Я его не заставляла, — процедила она. — Это был его выбор! Выбор взрослого человека! Я не утаила от него ничего! Он мог отказаться в любую минуту, сто раз мог!

— Но именно ты принесла ему новость об этом ребенке! — заорал я, ударив ладонью по земле, и вскочил на ноги.

— Неужели ты думаешь, что твой брат захотел бы лишиться жизни, если бы цена ничего не стоила?! Тебе ли не знать, что делают с нами невыполненные обещания!

От вспыхнувшей ярости потемнело в глазах. Я схватил ее за плечи и встряхнул:

— Это была даже не его просьба! «Охраняй их ценой своей жизни!» Я был уверен, что слышал последние слова брата, а он даже не попрощался со мной! Это была ты! Все это время — в лесу и здесь — ты выуживала из меня правду, наблюдала, изучала, но ни разу не призналась, как давно присутствуешь в моей жизни! С самого начала, Рэйкен, с самой первой минуты ты все знала и даже не заикнулась...

Она смотрела на меня круглыми глазами, безмолвно шевеля дрожащими губами. А потом вдруг опустила голову и повела плечами, сбрасывая мои руки.

— Тогда бы ты не понял.

— Поэтому ты дождалась, когда я начну сходить по тебе с ума, и все выложила. Думала, что мои чувства к тебе заставят по-другому взглянуть на ситуацию? Ты права, я и вправду смотрю по-другому. Я узнал, что смогу жить и с демонами, и с духами, и вообще с любыми существами, крылья у них, рога или что там еще. Но одно не изменилось: я никогда не впущу в свою жизнь лжеца.

А ты лгунья, Рэйкен. — Она бросила на меня гневный взгляд, и я прищурился. — Плачешься о том, что этот подонок играл твоей жизнью, а сама... во что ты сама превратила мою? Могла бы все сразу рассказать, и мы... Боги! — Слова кончились, и я в отчаянье заломил руки.

— И что бы изменила эта правда? — вкрадчиво спросила она. — Ты бы не отправился искать Мидори? Или вернул бы брата? Я не была уверена, что именно Хэджам забрал Мидори!

Какое-то время я молча изучал ее, пытаясь разглядеть в пленивших меня чертах хоть что-то, что могло бы уверить меня в правильности ее поступков. Змея! Я быстро прощупывал услышанное — всю историю, шаг за шагом, и вдруг одна мысль стала ярче других, и от нее по телу пробежала дрожь.

— А может... может, ты просто разыграла весь этот спектакль, а когда поняла, что обуздала женскую гордость, что... что предательство этого Хэджама больше не ранит тебя, то решила вернуться к нему с дар...

Она ударила меня по щеке, оставив на коже жженый след от когтей, а потом замахнулась второй раз, но я успел схватить ее за запястья и прижать руки к груди.

— Не смей, — шипела она мне в губы, — не смей... Никогда не смей так говорить! Делаешь вид, что тебя заботит, сказала я правду или нет. Но единственное, что тебя гложет, — это выбор твоего брата. Он выбрал желание своей жены! Такимару был твоей единственной настоящей семьей, но наплевал на тебя, оставил одного, взвалил наследство, и все ради нерожденных детей...

— Замолчи, — в ужасе прошептал я, сильнее сжимая ее руки.

— Я тебя знаю, хого. Все, что тебя гложет. Знаю, как это больно. Моя мать прогнала меня, чтобы спасти другого своего ребенка. Так больно, когда тебя не выбирает тот, кого ты любишь больше всех на свете...

За ее спиной замаячила чья-то тень, и послышались тихие шаги.

— Замолчи, Рэйкен...

Я бы мог заставить ее молчать, но где-то в подсознании голос шептал мне не делать этого. Я хотел, чтобы она договорила, потому что... потому что сам бы никогда не посмел озвучить эти мысли.

— Ты двадцать лет внушал себе любовь к Коджи и Мидори, а теперь узнал, что именно они были причиной того, что ты лишился последнего члена своей семьи. Такимару сделал это ради жены. Не ради тебя, а ради жены. Он выбрал ее и нерожденных детей. А ты всю жизнь выбирал чтить память брата. Вот и вся любовь, Шиноту.

— Что?

Я резко разжал руки, и Рэйкен отошла в сторону. За ее спиной стоял Коджи. Мой племянник застыл, устремив на меня полный недоверия взгляд. В тусклом свете луны его лицо казалось болезненно бледным, губы сжались в тонкую полосу. В нескольких метрах от него застыла Мэйко в человеческом обличье, переводя растерянный взгляд с меня на Рэйкен.

— Ты правда так думаешь, да? — выдохнул Коджи.

— Неправда... — прошептал я. Хотел покачать головой, но мышцы одеревенели. Тело прошиб холодный пот.

— Коджи... — жалобно протянула Рэйкен, поворачиваясь к нему, но племянник даже не удостоил ее взглядом. Он по-прежнему смотрел только на меня, и на его бледном лице разливалось разочарование.

— Ты так разозлился в лесу, когда я начал рассказывать о Мидори. Все спрашивал, почему же я ничего тебе не говорил. Да вот почему! — голос Коджи дрожал, и его слова били в меня подобно плевкам. — Ты сам все видел. Я знаю, ты даже не смотришь на свое отражение, чтобы лишний раз не замечать этот шрам — ее поступок. Счастье тебе, когда все вокруг остается таким, каким оставил Такимару.

Ты так ненавидишь все, что связано с нами, что готов вычеркнуть весь мир! Я не говорил тебе о нас, потому что боялся твоей ненависти!

По его щеке скатилась слеза, голубые глаза стали еще светлее, практически побелели.

— Пожалуйста, Коджи, — прошептал я. — Дай мне сказать.

— Это я их впустил. Я открыл ворота! — крикнул он. — Я раньше думал, что в мире есть только люди и те, кто живет по ту сторону. Но вы все показали мне, что это неправда. Мир не делится на тех и других! Никому из вас дела нет до Мидори, никто из вас не стремится ее найти. Она была права с самого начала. А я так тебя любил и верил тебе, что сам предал ее, отгораживался от своей сущности. Ей нужна была поддержка, а я принял твою сторону!

Всхлипнув, Коджи нетерпеливо вытер щеку. Он развернулся и побежал к воротам, но Мэйко схватила его за руку.

— Куда ты? Не делай глупостей!

Коджи окинул ее презрительным взглядом.

— Вы с Рэйкен одинаковые. Думаете только о себе. И ты, и она — вы с самого начала знали, кто мы с Мидори! Не смей даже прикасаться ко мне! — Коджи вырвал руку. — Мне плевать, что ты причастна к моему рождению. Если уж быть честным, — он вдруг посмотрел на Рэйкен, — она сделала куда больше для моей защиты. А ты просто отдала нас.

— Чтобы спасти...

Коджи презрительно фыркнул и зашагал к воротам. Я никогда не видел его таким. Яростным, решительным. Эти вспышки были присущи Мидори. Но, видимо, Рэйкен не солгала, когда говорила, что, разделив душу ребенка Мэйко, дала мертвым детям равные возможности. Вина сжириала меня изнутри, но я не мог сейчас заниматься

самокопанием. Да, из-за меня, да, из-за моего недостойного поведения он стал таким. И единственный путь исправить это, доказать ему свою преданность — отправиться вместе с ним.

— Шин... — Рэйкен коснулась рукой моего плеча. — Пожалуйста, останься.

— Сама останься, если хочешь. — Я крепко сжал ее запястье, впервые ощущив, что, если захочу, смогу сломать его. — Ты права. Я всю жизнь маялся мыслями о том, как могло бы быть, если бы Такимару остался, даже не зная, что он выбрал их, а не меня. Но эти фантазии не противоречили моим чувствам к близнецам. Я люблю их, они — моя семья. И я умру за них. Это не про родство, Рэйкен, и не про чувство вины.

И как только эти слова слетели с губ, я испытал облегчение. Настоящее, искреннее облегчение. Это было правдой: я действительно их любил. Даже несмотря на злость на Такимару, я искренне любил этих детей, где-то глубоко внутри всегда понимая, что они уж точно не виноваты в моих бедах.

Рэйкен хотела что-то сказать, но я покачал головой и убрал ее руку. Часть меня взбунтовалась, взмолилась о том, чтобы она подтвердила, что понимает меня, что пойдет с нами вызволять Мидори. Но Рэйкен лишь молча смотрела на меня потухшими рыжими глазами.

В последний раз взглянув на нее, я решительно зашагал к воротам. Коджи уже успел избавиться от половины защитных офуда. Как вдруг за спиной закричала Мэйко:

— Не позволю! Задержите их!

Не успел я оглянуться, как ко мне уже бежали два защитника — Нобу и Тэйго. Первый попытался схватить меня, но я инстинктивно вскинул руку — и его отбросило на несколько метров. Ничего себе. Я растерянно уставился на свои руки, запылавшие бледным голубым свечением, и вдруг почувствовал, что кожа горит. Это

не причиняло мне боли — наоборот, я ощутил невиданный прилив сил!

Тэйго переводил растерянный взгляд с меня на Нобу и обратно, а потом дернулся, но я предупредительно скрестил руки перед собой.

— Расклад сил поменялся. Лучше просто отойди.

Сила бурлила во мне, ее мощь нарастала с каждой секундой. Тэйго неопределенно хмыкнул, нахмурился и вдруг бросился на меня. А я раскинул руки в стороны, давая выход своим новым способностям. Невидимая глазу волна сбила защитника с ног, взметнув столбы пыли. Откуда-то я знал, что делать, как управлять этой мощью. Подбежав к Коджи, я схватил его под локоть и уверенно шагнул вперед. Мы должны были удариться о ворота, но они просто распахнулись навстречу незнакомой темноте.

Рэйкен

— Ты! Да как ты...

Мэйко обернулась ко мне, тыча пальцем. Круглое лицо пылало от гнева, чистые зеленые глаза заволокло темной пеленой.

— Мы стольким рисковали тогда. И все ради этого?!

Я несколько раз моргнула. Шин и Коджи ушли. Когда Хэджам пошлет за ними своих демонов и заберет в замок Чироши — лишь вопрос времени. Я все поняла неправильно. Когда Мэйко призналась, что девочка для нее ничего не значит, я подумала, что, может, и для Шина будет достаточным спасти Коджи. Может, когда он узнает правду и поймет, насколько опасно идти за Мидори, то заберет племянника, укроет его. А теперь у Хэджама появится все, чтобы провести ритуал. Всё, кроме меня.

Стоило об этом подумать, как шорох гигантских крыльев заполнил пространство вокруг, взметнув клубы пыли.

По обе стороны от меня приземлились две черно-красные птицы. Через считаные секунды они обернулись стражниками и сцепили когтистые пальцы на моих предплечьях.

— Я понятия не имею, что движет тобой, Рэйкен, — вкрадчиво сказала Мэйко, подходя ко мне совсем близко. — Но Коджи прав: я ничего не делала, чтобы защитить его, за все эти годы. Больше такого не повторится. Не для этого я тогда рискнула всем. Хэджам его не получит.

— Так убей меня, — спокойно сказала я, хотя внутри меня разрасталась буря.

— Твоя смерть ничего не решит. Убью тебя — родится новый Странник. А твой дух до конца жизни будет изводить меня.

— Ты выиграешь время.

Налетевший ветер заиграл с моими волосами, и Мэйко поднялась в воздух. Наши глаза находились теперь на одном уровне, и я могла сосчитать ее дрожащие ресницы.

— Это была игра, Рэйкен. Ни к чему не обязывающее веселье. Мы делили ложе, мне было хорошо, — неожиданно сказала она. — Но если бы ты заикнулась о своих чувствах к Хэджаму, если бы поделилась своей привязанностью к нему, я бы никогда... слышишь, никогда...

Мэйко протянула руку и коснулась моей щеки. Темная пелена с ее глаз склынула, и в отражении кристальной зелени я разглядела свое ошеломленное лицо.

— Я тянулась к тебе. Боготворила тебя. Милостивый Сусаноо, как я любила тебя, с каким трепетом ловила твоё одобрение и искала общения. Только ты, Рэйкен, ты была для меня всем.

Я ответила бесстрастным взглядом. Мэйко слабо улыбнулась и вздохнула:

— Тебе так хотелось любви, я понимала это и думала, что смогу хотя бы частично заполнить пустоту в твоей

душе. Но тебе никогда не нужна была моя любовь, как и любовь многих, подобных мне. Ты нас не замечала, потому что желала любви только тех, кого сама выбрала.

Мэйко ласково погладила меня по щеке и опустила руку.

— Но, как бы то ни было, я никогда не смогу взять на себя твою смерть. Поэтому ты останешься здесь, а мы сами вызволим Коджи и...

Я резко подалась вперед и ударила ее лбом. Мэйко вскрикнула, а я выпустила когти и вонзила пальцы в своих стражей. С шипением они отскочили от меня, и я, воспользовавшись моментом, скользнула в темноту.

На этот раз он ждал меня. На том же месте, где мы простились всего несколько дней назад.

— Да ты жить без меня не можешь! — усмехнулся Саваки, едва я открыла глаза и ощутила теплый ветер на щеках.

Собачьи глаза смотрели на меня с любопытством и нежностью. И на долю секунды я отпустила случившееся, позволила себе насладиться радостью нашей встречи.

— Ты узнала, что я все еще служу ему, и все равно пришла? — озадаченно спросил он. — Признайся, тебя ко мне тянет.

Саваки деловито сложил лапы на когтистой шапке трости. Я не сдержала улыбки, но она тут же погасла.

— Все плохо. И как бы то ни было, но, кажется, ты все еще мой единственный друг.

— Твои представления о дружбе далеки от идеала, — хмыкнул он. — Собственно, как и у моего тюремщика.

Я вздохнула, не зная, что делать дальше. Разрывалась между желанием попросить о помощи, просто поговорить или сесть на жженый песок и помолчать. Я боялась

обдумывать то, что случилось, боялась выводов, к которым приду. Не понимала уже, за что борюсь и против кого выступаю. Запуталась, кого люблю, а кому желаю зла.

Сокровище. Редкое создание. Странница. Или просто жалкая девчонка. Неудивительно, что боги лишили меня привилегий кицунэ. Я не достойна ничего хорошего.

Воткнув трость в песок, Саваки терпеливо смотрел на меня. И я не выдержала. Шагнула к нему и... колени подкосились, я рухнула в его объятия. Инугами прижал меня к себе, и я дала волю слезам. Уткнулась носом в его шерстяную собачью грудь, отдаваясь судорожным рыданиям. Он гладил меня по спине и шептал неразборчивые слова. Незаслуженное умиротворение разливалось по телу, вытесняя тяжесть безысходности. Я почувствовала, как он менялся, как стал ниже ростом, а когтистые лапы обернулись теплыми человеческими пальцами. Я с жадностью вдохнула запах этой его сущности.

— Все и вправду плохо. — Саваки заботливо погладил меня по голове и запечатлел на ней поцелуй.

— Ты знаешь обо всем, что ему нужно для восхождения в Такамагахару?

— Знаю.

— План был идеальным. Самый сильный хого в мире захотел заключить контракт — подарить жене детей в обмен на свою жизнь. Так Хэджам лишился сразу двух козырей из трех.

— Но осталась ты.

— Знаешь, почему ты ни разу не вышел на мой след за эти годы? Часть ки Такимару похоронена у торий храма, его последняя защита создала барьер.

— Действительно, идеальный план. Но я не могу понять, зачем ты решила медленно гнить там? Я не хочу сказать, что ты заслужила смерти, нет! Но ты и так бы умерла. Могла бы найти менее мучительный способ, чем высушить себя под солнцем.

С тихим стоном я отстранилась от Саваки и вытерла слезы. В мертвых лучах солнца Ёми он был по-прежнему прекрасен. Такой, каким я видела его в последний раз в замке Чироши — с темными вьющимися волосами и кожей цвета теплых сливок. Заискивающий взгляд медных глаз и соцветие мягких морщин вокруг.

— Я надеялась, что, раскаявшись во всем, смогу наконец достучаться до... — боги, как же жалко звучали мои слова! — достучаться до Инари, и она позволит мне увидеться с мамой и Касси... Всю жизнь я только этого хотела, Саваки, — по своей воле или благодаря стараниям Хэджама, не знаю. Но с того самого дня, как убила брата, я жила только для того, чтобы найти способ встретиться с ними. Да я и сейчас...

— Так давай мы снова запрем тебя где-нибудь!

Я набрала воздуха в грудь.

— Я бы с радостью, но... но уже не могу.

— Почему? Боги, Рэйкен, ты все еще любишь его?

— Я сказала, что не могу! Хочу, но не могу! Есть вещи сильнее одного лишь желания.

Во взгляде Саваки мелькнуло недоверие. Он бесцеремонно схватил меня за руку и оголил рукав, выставляя напоказ отметину на запястье.

— Подожди... ты... ты серьезно заключила с ним контракт?

По моим щекам заструились слезы, и я раздраженно смахнула их свободной рукой.

— В день назначенного ритуала ребенок, рожденный от принцессы ветра, защитник, отмеченный богами земли и неба, и ребенок темноты, рожденный под розовой звездой... В прошлый раз мне удалось уйти, потому что у него не было защитника и он не был готов к ритуалу. Но теперь... Когда хого сам идет к нему в руки, когда Мидори уже у него, а от Коджи его отделяют считаные шаги, у меня нет выбора. Как только он определит день

ритуала, я буду обязана провести его в мир богов. Вопрос времени, когда эта метка вспыхнет.

«В день, когда все необходимое будет в моих руках, чтобы отправиться в путь, ты будешь обязана провести меня в Такамагахару, где бы ни находилась сама. Пока я жив и живу в этом мире».

...И живу в этом мире.

Был еще один способ разорвать контракт, но об этом я Саваки сказать не могла. Хэджам не должен узнатъ, что сорок лет назад я внимательно слушала его.

— Значит, единственный способ — убить тебя сейчас? Ты за этим сюда пришла? Но тогда ты никогда не встретишься с родными.... Боги, Рэйкен, ты продала свою жизнь, чтобы попросить прощения у матери? Ты до сих пор этого хочешь?

— Это единственное, чего я хочу. А иначе что мне останется? Вернуться сюда озлобленным духом и скульть вечность? Моему желанию больше сотни лет, внутри меня — злость и пустота, и если оно не осуществится, других вариантов для меня не будет.

— Да уж, мононоке тебе нельзя становиться. Но и я убивать тебя не буду. Как ты сама сказала, твой дух не вознесется, а останется на земле. Есть два способа уйти с миром: первый ты пробовала, когда пыталась умереть естественной смертью, а второй — это боги.

Я удивленно посмотрела на него:

— Боги? Если меня убьет ками, моя душа очистится от злости?

— Да, так говорят. Если ками захочет, то сможет избавить тебя от груза. А иначе с чего Хэджам обещал после своего вознесения разыскать твою душу и проводить к семье? Он же метит в боги.

Я едва не завыла. Боги никогда не замечали моего существования, и шанс, что сейчас кто-то из них смилиостивится и подарит мне прощение, равнялся нулю. И все

снова вернулось к Хэджаму. Если он попадет в Такамагахару и обретет утраченное могущество ками, то сможет и мне даровать свободу. Только мне придется убедить его в своей преданности, придется лгать и позволить лишить жизней близнецов и хого. От этих мыслей все внутри перевернулось. Еще один огромный грех на моей совести ради эгоистичного желания полукровки.

— Я не знаю, что делать, Саваки, — прошептала я. — Если останусь в живых, то ценой жизней хого и двоих детей, но я получу желаемое, а если умру сейчас, то... Боги, я же так мало прошу...

— Ты же вернула хого из рода Сугаши его силу. Он способен укрыть вас всех. Разве нет?

Я тяжело вздохнула и качнула головой. Я неправильно разложила карты, и теперь слишком поздно. Какая же я дура! Хого прав, мне следовало с самого начала все ему рассказать. У нас было время. Не сразу, но он бы принял правильное решение.

— С чего бы? Тебе не удалось его очаровать?

— Удалось... Пожалуй, даже переусердствовала.

— О-о-о... Постой-постой, что это я вижу в твоих глазах? Печаль? — Саваки ухмыльнулся, но в его голосе мелькнула плохо замаскированная обида. — Поверить не могу, малышка Рэйкен, этот человек тебе небезразличен? Эх, хотел бы я быть на его месте...

— Я не твоя судьба. Как и ты не моя.

— В тебе всегда было слишком много трагизма. Ёкаи не позволяют себе подобных сантиментов. Может, если бы Хэджам вместо своих глупостей научил тебя наслаждаться жизнью, ты бы не вляпалась во все это. Уму непостижимо, заключить с ним контракт — это ж надо!

Я пнула ногой песок и крепко зажмурилась. Какой прок от хождения между мирами, если я ничего не могу исправить. Лучше бы меня лишили самонадеянности и наделили даром обращать время вспять.

Саваки поддел пальцем мой подбородок и заставил посмотреть на себя. Его глаза играли десятками разных чувств, взгляд был глубоким, словно пытался проникнуть мне в душу и в то же время просил его понять.

— Ты же догадываешься, что мне придется рассказать о тебе.

— Не нужно. Я сама пойду в замок.

— Сейчас не пройдешь: Хэджам позаботился о защите, еще когда узнал, что ты украла душу его ребенка.

Я фыркнула, на секунду позволив упиться радостью от своего поступка. Все летело к черту, но мне удалось хотя бы пошатнуть его могущество.

— Значит, отведешь меня к нему.

— Нет.

— Ах, нет? Ты струсила тогда и не рассказал мне о его плане, хоть и знал все с самого начала! — мне пришлось это сказать, хоть Саваки не заслуживал подобного.

Он нахмурился, и я ответила ему решительным взглядом.

— Ладно, не нужно оправдываться. Ты не должен рисковать своей жизнью ради меня. Просто сделай то, что от тебя требует служба.

— Я бы сделал больше, — вздохнул Саваки, взяв меня за руку.

На секунду я замешкалась, вспоминая о душе Кацу, о том, что сделала с ней... и чего не сделала. План был шатким и малоосуществимым, но я должна была попробовать. Сейчас или никогда.

— Саваки... — Я крепко сжала его длинные пальцы. — А ты будешь там?

— Вероятно. Я же служу ему.

Хорошо. Очень хорошо.

— У меня только одна просьба. Когда придет время... ты поймешь когда... Забери меня из замка.

— Вынуждаешь предать его? В этот раз я умру навсегда.

— Умрешь. Но не трусом. А может, и не умрешь.

Саваки удивленно вскинул брови, и, честное слово, уголки его губ дернулись.

— Куда забрать? В Ёми?

— Нет... нет. В мертвый лес — туда, где обитают жрицы.

Глава 7

Замок

Шин

Как только ворота за нами захлопнулись, Коджи вырвался из моей хватки и побежал не оглядываясь. Я окликнул его, но он не остановился. Хорошо. Я это заслужил.

Мы вышли в пшеничное поле, под темное небо с грозными тучами. Колоски были мокрыми — видимо, совсем недавно прошел дождь. Интересно, где мы? Я обернулся, но от крепости не осталось и следа: вдалеке замаячили слабые огни селения, и только. Дороги назад не было. Наверное, даже если Рэйкен или кто-то из людей Мэйко бросятся за нами, они выйдут совсем в другом месте. Хотя кто знает до конца, как эта крепость работает. Может, птичий народ способен управлять ее маршрутом — в конечном счете они же каким-то образом выходят туда, где можно раздобыть еду.

Ладно, теперь уж неважно.

Я еще раз позвал племянника, и когда он не отреагировал, просто заговорил:

— То, что сказала Рэйкен, — это правда. Точнее, отчасти. Я действительно очень скучал по Такимару и терзался вопросом, почему он нас оставил. Да, признаю, когда

я узнал, что на самом деле случилось, меня захлестнула обида, ведь он лишил себя жизни ради того, что не имело смысла, — от его детей осталась лишь оболочка! А я был живой, его родной брат! Но, Коджи, все остальное — ложь. Вы — ты и Мидори — моя семья, и я люблю вас и отдаю жизнь за вашу безопасность!

— Не нужна мне твоя жизнь! — на ходу буркнул Коджи.

Я облегченно вздохнул. По крайней мере, он слушает меня.

— Я баран. В моих методах воспитания не было ничего хорошего. Но тогда я думал, что это правильно. Хого должен охранять свою семью от зла, а главное зло — это демоны.

— Ага. И как только в твоей жизни появился демон, ты затащил ее в постель! — насмешливо ответил племянник. — Так держать!

Удар ниже пояса. Я хорошо понимал, почему злится Коджи, и в полной мере осознавал, сколько дров наломал, когда растил его, но вот странно: когда все маски были сорваны и не осталось надобности закрывать глаза на правду, я вдруг понял, что о том, что было между мной и Рэйкен, не жалею. Потому что это открыло во мне не только способность любить, но и заставило переосмыслить многое из того, что я раньше считал единственным правильным.

— Только не надо раскаиваться!

— Да я и не собираюсь. Впускать ее в свою душу было безрассудством.

— Ха! А кто тебя спрашивал — это же было двадцать лет назад!

Я не сдержал улыбки и тут же обрадовался, что нас окружала кромешная тьма. Было странно в такой ситуации обсуждать мои чувства к Рэйкен, но Коджи легко поддерживал эту тему, хоть и не без иронии в голосе.

— Думаешь, она мне все внущила?

Племянник вдруг замедлил шаг, и я смог догнать его. Когда мы поравнялись, он посмотрел на меня:

— Не знаю. С одной стороны, мне слабо верится, что ты со своим образом мыслей за несколько дней потерял голову от полукровки, но с другой... я никогда не видел, чтобы ты заботился о ком-то, кто тебе противен. Успокаивал ее во сне, смотрел на нее. Знаешь, на твоем лице отражалась такая борьба — как будто ты сам не верил, что искренне желаешь этого по отношению к такой, как она. И нет, это не было похоже на внушение. Хотя откуда мне знать, как это внушение выглядит. Но... я ни разу не видел, чтобы Рэйкен... в общем, все, что ты делал для нее, мне казалось, смущало ее. Странная реакция для того, кто хотел вызвать к себе симпатию. Но, может быть, она просто чертовски хорошая актриса.

Я медленно кивнул, удивляясь проницательности своего племянника. Боги, знал ли я вообще его?

— Ты знаешь, куда идти?

— Нет, но Мидори сказала: стоит мне выйти за ворота — и она нас найдет.

— Коджи, ты уве...

— Не смей! — угрожающе отрезал он, ткнув в меня пальцем. — Если я говорю с тобой, это не значит, что все по-старому. Это я ушел, а ты увязался следом. И если у тебя нет информации, как найти Мидори, то либо заткнись и иди молча, либо прова... Тихо!

Коджи вдруг замер и оглянулся по сторонам. Я тоже почувствовал. Что-то похожее на присутствие демонов-призраков в мертвом лесу. Мы стояли спина к спине, всматриваясь в темноту. Воздух стал тяжелым и вязким, свежесть дождя испарила, и в горле запершило.

На какое-то время мир полностью замер, а потом в небе завыл ветер. Я было подумал, что это взмахи птичьих крыльев и нас настигли люди Мэйко, но это нечто не имело формы. Черное и размытое, оно неслось на нас. Я едва

успел вскинуть руки в надежде защититься так же, как сделал это в крепости, но вдруг почувствовал жуткую боль в затылке.

Очнулся я лежа на холодном полу. Открыл глаза и увидел Коджи: он был без сознания, но живой, судя по вздымавшейся груди. В голове пульсировала тупая боль, и тело плохо слушалось, но я кое-как сел и огляделся.

Мы оказались в просторном светлом зале. По периметру были разбросаны желтые шелковые подушки, рядом стояли низкие столики для чайных церемоний. Здесь были окна — огромные, от пола до потолка, и через них сочился яркий солнечный свет. Я прищурился и разглядел очертания зеленого сада и колышущиеся на ветру ветви вишнен.

А потом мой взгляд остановился на нем. Призрак из леса, но уже реальный, из плоти и крови, с длинными блестящими волосами цвета воронова крыла, в белых одеждах и шелковых туфлях. Его холодные ярко-голубые глаза пристально смотрели на меня, и я вздрогнул от того, насколько они были похожи на глаза Мидори и Коджи.

Значит, это и есть Хэджам.

Он криво ухмыльнулся и откинулся на спинку высокого плетеного стула, задрапированного голубой тканью.

— Где Мидори? — спросил я, поднимаясь на ноги.

Хэджам взглядом указал в сторону, и только сейчас я увидел ее: хрупкую, маленькую, в роскошном розовом кимоно и с украшениями в длинных волосах. Племянница сидела на подушке невдалеке от Хэджама с застывшей на бледных губах ухмылкой, но во взгляде потемневших глаз читалось замешательство.

— Я искал тебя, — прошептал я, растерявшись. Сердце зашлось, я хотел броситься к ней и заключить в объятия,

но отчего-то не мог пошевелиться. — Мы с Коджи искали тебя с того самого дня, как...

— Я знаю, дядя. Это очень мило.

Голос, некогда звонкий и страстный, звучал отстраненно, с каким-то деланным равнодушием. Я нахмурился.

— Он убьет тебя.

— Знаю. — Мидори вытянула руку и оголила запястье, обнажив небольшую метку. — Он нас всех убьет. Так надо.

Мое собственное запястье отозвалось внезапной болью, и я увидел у себя такую же метку.

— Мы — звенья одного исхода, части ритуала. Из-за этой штуки сбежать не получится: где бы ты ни оказался, она вернет тебя обратно. У меня тоже есть такая.

Я часто заморгал. Что происходит?

— Ты внушил ей так себя вести?

Хэджам холодно рассмеялся.

— Дочь, это я тебе внушил?

— Нет, — спокойно сказала Мидори, улыбаясь ему. — Мое сознание в порядке. Я помогу отцу вновь обрести силу ками, а он вернет нас с Коджи обратно.

— Ах да, конечно, — фыркнул я. В тот миг чувства, связанные с утратой Мидори и новой встречей, отошли на второй план. Даже не зная ничего о ритуале и возможностях, которые открываются Хэджаму, я понимал, что дети ему не нужны.

— Мне нужна семья, Шиноту. Я ее заслуживаю.

— Скажи давай, что еще младенцем планировал вернуть ребенка к жизни.

— Не планировал. — Хэджам только пожал плечами. — Но моя Рэй все сделала правильно. Благодаря ее стараниям я познакомился со взрослой дочерью и понял, что хочу разделить с ней часть своей жизни. Надеюсь, что и мой сын к нам присоединится.

«Моя Рэй». В сердце кольнуло. Я стиснул зубы, и Хэджам отметил это приторной улыбкой. У меня было много вопросов к Рэйкен, но я всерьез не верил, что она собиралась вернуться, чтобы помочь ему с ритуалом... даже когда обвинил ее в этом. Но то, с какой уверенностью Хэджам это произнес... Рэйкен отсрочила его вознесение в Такамагахару на целых двадцать лет, а он говорит так, словно никогда и не злился, словно все шло по его плану.

— Для того, кто живет сотни лет, время идет совсем в другом ритме, — сказал он, будто прочитав мои мысли. — Ты потратил два года, чтобы найти Мидори. Так почему я не могу подождать двадцать лет, чтобы осуществить то, о чем мечтал с рождения? Все относительно, дорогой хого. Когда ты поймешь, что выхода отсюда нет, то подумай, пожалуйста, вот о чем: ты всю жизнь охранял моих детей, защищал их от хищного мира — и я говорю тебе спасибо! — и твоя жизнь в моих руках обеспечит им защиту даже после смерти. Они будут жить долго — и все благодаря тебе.

— Да пошел ты, — процедил я.

Хэджам театрально вздохнул и, поднявшись, протянул руку Мидори.

— Хочешь остаться или проводить тебя в спальню?

— В спальню, — не раздумывая, ответила она.

— Хорошо. — Хэджам холодно взглянул на меня. — Помни, хого, отсюда не сбежать. Хотя ты можешь, конечно, попробовать, но она никуда не уйдет — ты уже понял это. Скоро вам принесут горячую еду — рекомендую не игнорировать. А иначе во время ритуала у вас не останется сил, чтобы попытаться остановить меня.

Как только они покинули зал, я бросился к Коджи и растолкал его. Племянник что-то забурчал и нехотя открыл глаза.

— Ничего не болит? Встать можешь?

— Я... — Коджи поморщился, но вдруг встрепенулся, мгновенно сбрасывая с себя сонливость. Он огляделся по сторонам и вперил в меня встревоженный взгляд.

— Мы в замке. Мидори только что была здесь.

Я быстро пересказал ему разговор с Хэджамом и свои ощущения от поведения племянницы.

— И давай договоримся сразу, — резко заключил я, не давая Коджи вставить слова, — я, конечно, виноват перед вами и обещаю считаться с тобой, но только не в этом. Даже не думай заикаться, что веришь этой волосатой гадине.

— Волосатая гадина? Ты про Рэйкен?

На губах Коджи играла глупая улыбка, и я растерянно заморгал. А потом вдруг рассмеялся. Странное ощущение: я всегда был старшим, вел себя как защитник и наставник, а сейчас почувствовал, что мы на равных.

— Пойдем осмотримся.

Я помог Коджи подняться и, задержав взгляд на отмене, венчавшей его правое запястье, подошел к окнам и распахнул их. Предзакатное солнце было сказочным — ярким и теплым, но прикосновения лучей раздражали кожу, казались искусственными. Я потянулся к спине и тихо выругался: колчан и лук остались в крепости, ну конечно. Хорошо. Придется в короткие сроки научиться управлять своими новыми способностями, что бы они ни значили.

Мы ступили на вишневую аллею, и от свежих запахов закружилась голова. Ласковый ветер трепал листву, подбрасывая вверх белые лепестки, которыми была усыпана дорожка. Мы шли осторожно, все время оглядываясь по сторонам. Стены замка были белыми, а верхушки темных башен тонули в застоявшемся тумане где-то очень высоко. Такой же туман разлился далеко впереди. Казалось, до него несколько часов ходьбы, но мы прошли всего ничего, как волокнистая стена вдруг резко выросла

перед нами. Обман зрения. Я протянул руку: кончики пальцев утонули в тумане и тут же уперлись в невидимую преграду.

— Барьер. Он не обманул.

Коджи тоже проверил и вяло кивнул. Слева от нас послышались шаги. Я заметил силуэт девушки с подносом. Коротко взглянув на нас, незнакомка скрылась из виду.

— Если честно, я ожидал увидеть толпы всяких демонов, а здесь так тихо и... спокойно, — признался Коджи.

— Усыпляет бдительность, — буркнул я.

— И что нам делать с Мидори?

— Пока не знаю. Этот хмырь так уверен в себе, что даже не запрещает ей разговаривать со мной. Другое дело, что она сама не хочет. Почему?

— Может, злится? — Коджи адресовал мне долгий взгляд.

— Или боится, что мне удастся ее переубедить.

Коджи поджал губы и отвернулся. Мы побрали в сторону распахнутого окна. Я глубоко вздохнул. Все вокруг казалось искусственным и безупречно правильным. Не в таком месте мне бы хотелось умереть. Не в таком месте мне бы хотелось сражаться.

— Коджи, — неуверенно начал я, — а ты сам... Я хочу сказать, он ведь твой отец. Да, плоть тебе подарили другие люди, но сущность — все, что есть в тебе...

— Испытываю ли я волнение? Предвкушение? Не знаю. Мне любопытно. И я... да, я немного боюсь встречи — боюсь, что... ох, — Коджи зажмурился и покачал головой, — что ему удастся переубедить меня.

Я удивился такому откровению. Мы остановились перед окнами. В зале появились слуги с подносами, и маленькие столики постепенно заполнялись тарелками с ароматной едой.

— Почему? Ты светишься, когда вокруг тебя происходит что-то... ну, не знаю, что-то потустороннее. Вся эта

магия — это твоя сущность, ты тянешься к этому миру. А Хэджам — неотъемлемая его часть.

— Тянусь. И вряд ли уже смогу жить без этого. Но... как я уже говорил, мир не делится на людей и демонов, и мне не нужно выбирать либо одних, либо других. В отличие от Мидори. Да, я не знаю этого Хэджама — только со слов Рэйкен и твоих, — но я не выберу его только потому, что он причастен к моему рождению или может научить меня тому, о чем я долго мечтал. В конечном счете, если бы не Мэйко и Рэйкен, он бы меня убил. И Мидори тоже. Просто я боюсь, что сестра сделала свой выбор от отчаяния. И хоть сейчас так здраво рассуждаю, но и сам нахожусь в отчаянии. Привычная жизнь рухнула, и я понятия не имею, что будет завтра. А мне очень хочется, чтобы это завтра наступило.

Я положил ладонь на его плечо и крепко сжал. На ум невольно пришли слова Рэйкен: «Я и то, и другое». Нас определяет не наследственность, а выбор. Гармония трех составляющих: решений разума, желаний души и чувств сердца. В тот момент я как никогда это понимал. И кто бы мог подумать, что именно Коджи объяснит мне это.

Хэджам восседал на подушке в центре зала, а по обе стороны от него стояли по два столика с дымящимися чашами. Он переоделся, сменив белое одеяние на легкое небесно-голубое кимоно, а вороные волосы заплел в косу. Я покосился на Коджи: тот замешкался лишь на мгновение, устремив на ёкай пристальный взгляд, но быстро расслабился и как ни в чем не бывало окинул зал.

— Где Мидори? — с деланным равнодушием спросил он.

— Отдыхает. Но скоро она присоединится к нам. Я не сторонник раздельных трапез, — просто ответил Хэджам.

Казалось, Коджи не вызывал в нем никакого любопытства. — Садитесь.

Конечно, хотелось послать его к черту, взбунтоваться, показать силу, но что-то подсказывало мне проявить терпение. Все в нем было напускным — по крайней мере, я не верил в его спокойствие, — и следовало присмотреться, возможно, заметить что-то, что поможет мне сделать правильный шаг.

Дернув Коджи за рукав, я кивком указал на столики, и мы молча сели рядом. Еда восхитительно пахла, но голодя я не чувствовал. Я через силу сделал несколько глотков рамена. Хэджам как ни в чем не бывало ловко орудовал палочками, один за другим отправляя в рот ломтики белой рыбы. На нас он не смотрел — был сосредоточен на еде, но несколько раз я заметил, как его взгляд задумчиво упирался в стол.

— Ну и какой план, па-па? — насмешливо спросил Коджи. Я мысленно ухмыльнулся, испытывая дурацкую эгоистичную радость от поведения племянника. Ведь на самом деле меня ужасно испугали его слова о том, что он боится поддаться воззрениям Хэджама.

— Не обязательно так меня называть. — Демон стрельнул глазами в нашу сторону. — Как бы там дальше ни было, я все равно собираюсь тебя убить.

— Но я хоть имею право знать, как это будет?

— Конечно. Мы ждем еще одного гостя.

— Да ну? Думаешь запудрить нам мозги так же, как ей?

Голубые глаза Хэджама налились кровью, и он посмотрел на меня с таким возмущением, словно я вовсе не имел права упоминать ее. Ёкай отбросил палочки и поднялся. Я тоже встал. К черту спокойствие!

— Не думаешь же ты, что она ничего о тебе не рассказывала? — процедил я. Пальцы закололо, и все еще незнакомая мне сила завибрировала под кожей. — Ты не тайна! Обычная тварь и эгоистичный манипулятор.

Хэджам зарычал и схватил меня за грудки. В ту же секунду я вцепился ему ногтями в кожу.

— Ты... трусливое ничтожество, — хрюпал он, сверкая клыками. Шея его почернела, сквозь кожу стали пробиваться колючие, острые... перья! — Сидишь всю жизнь в своем коконе. Ты недостоин крови богов, которая течет в тебе. Жалкий...

Я резко дернулся и ударил его по лицу. Костяшки свело от боли, я завопил и бросился на него, но Коджи успел схватить меня.

— Что на тебя нашло? — прошипел племянник.

— Это моя семья! Ты их не получишь! — заорал я. И после этих слов злость в глазах Хэджама отступила, лицо снова стало спокойным. Он небрежно вытер кровь с разбитой губы и едко улыбнулся, отчего мне захотелось придушить его — мгновенно, в ту же секунду. Но Коджи еще крепче стиснул мои руки, призывая успокоиться.

— Как только все соберутся, я посвящу вас в события завтрашнего вечера, — отрезал Хэджам, возвращаясь на подушки.

По спине пронесся холодок. Завтра вечером. Так мало времени, а я до сих пор не знал, что делать. Хотя, с другой стороны, глупо было думать, что Хэджам устроит недельное пиршество в нашу честь. Он, конечно, терпеливый — ждал несколько столетий, но... Я взглянул на пустые столики напротив. Один для Мидори, а другой... Ну конечно.

— А вот и она, — протянул Хэджам, и к своему ужасу я впервые увидел животный блеск в его глазах. Жуткий и пугающий — как у волка, готового вот-вот задрать добчу.

А затем в нос ударили ее запах.

— Милый, твоя Странница вернулась домой.

Ироничный голос Рэйкен эхом завис над нашей трапезой. Сердце зашлось в неистовом ритме. Я медленно

опустился за стол и спрятал руки, чтобы не выдать своего волнения, и уставился на нее, совершенно сбитый с толку. Рэйкен стояла в дальней части зала, вся в белом, обвязанная меховым плащом и водопадом светящихся волос. Даже на таком расстоянии я чувствовал молнии, которые метали ее разъяренные глаза. Сама она пришла или...

— Саваки? — громко спросил Хэджам, поднимаясь.

— Любезно проводил меня к тебе.

Хэджам обогнул столики и остановился в метре от нас. В воздухе застыло напряжение, а меня терзали совершенно неуместные, глупые, эгоистичные мысли. Что она чувствует, вернувшись сюда через двадцать лет? Ее ярость такая же напускная, как ирония Коджи? На что она злилась — на предательство многолетней давности или же на обстоятельства, которые привели ее в замок снова? Я многое понял о Рэйкен за дни нашего странствия, но одна мысль никак не давалась мне: ощущение времени — у долгожителей оно другое. Какой срок у скорби и вины? Сколько зреет прощение?

С непроницаемым лицом Рэйкен двинулась к Хэджаму, и я заметил, как его пальцы сжались в кулаки. Что это — злость или волнение? Она остановилась в нескольких шагах от него, и блестящие волосы подхватил невидимый ветер. Пряди заплясали за ее спиной, резко скрутились в мощный жгут и, устремившись к Хэджаму, оплели его шею с такой силой, что лицо демона, надменное и бескровное, покраснело. Голубые глаза выпучились, скулы напряглись. Рэйкен оскалилась, пронизывая его взглядом. Затаив дыхание, я смотрел на них и слишком поздно заметил, как Хэджам вскинул руку в сторону и из недр зала к нему полетел кинжал.

— Нет! — крикнул я.

Но он уже перехватил ее волосы и резким движением отрезал половину. Пряди безвольно упали на спину, едва закрывая ее. Хэджам сорвал с шеи мерцающий жгут

и отбросил на пол. Рэйкен тихо зарычала, сжала кулаки, но осталась неподвижной — только смотрела на него с лютой ненавистью. Грудь Хэджама вздымалась.

И вдруг ее плечи опустились, и взгляд рыжих глаз потух. Рэйкен подалась вперед, приникла лбом к его лбу и закрыла глаза.

— Я так устала, Хэджам. Так устала... — прошептала она. И я пожалел, что сидел к ним так близко. Меньше всего на свете я хотел услышать этот шепот — шепот отчаявшегося существа.

— Ты так долго играла со мной в прятки, — тихо ответил он и, тоже закрыв глаза, опустил ладони на ее плечи.

— Ты обидел меня.

— Поэтому ты так долго не хотела приводить ко мне хого?

— Ты очень сильно обидел меня.

— Знаю. Прости. — Пальцы Хэджама устремились вверх и спрятались в ее волосах.

— Ты отведешь меня домой? Я так хочу домой...

К моему ужасу, по ее щеке скатилась слеза. Словно в замедленном действии она подняла руки и положила на его шею, притянула пальцами выбившиеся из косы пряди чернильных волос и сжала. Меня замутило.

— А я уж подумал, что ты отказалась от своего желания, — в тихом голосе Хэджама проскользнула грустная усмешка. Рэйкен слабо улыбнулась.

Даже после всего, что она рассказала, часть меня верила, что Рэйкен играет, что она все еще на нашей стороне. На моей. Но я смотрел на них — двух существ, так трепетно держащих друг друга в объятиях, — и чувствовал себя последним дураком. Я будто заглянул в чью-то спальню, увидел то, что навсегда должно было остаться в тайне, между любовниками, пусть даже природа их любви мне и не была понятна. Рэйкен и вправду играла. Только

не с ним. Со мной. С самого первого дня она просто играла моим разумом, сердцем, телом, играла моей душой.

Хэджам обнял ее за талию и медленно повел прочь из зала, даже не взглянув на нас. Как только они скрылись из поля зрения, я вскочил и, не отдавая себе отчета, пнул столик с едой. Тарелки со звоном покатились по полу, горячий бульон брызнул на ноги. Откуда-то появилась служанка и, рассыпаясь в извинениях, принялась устранять последствия разгрома.

Но мне было все равно. Из груди вырвался вопль. Как же я позволил себе обмануться! Как я мог! Сердце отбивало барабанную дробь, дыхание перехватывало. Я склонился, упираясь ладонями в колени, и вперился взглядом в жгут из волос: их мерцание уже было едва уловимым. Блеск тускнел. Я зарычал сквозь зубы, желая, чтобы так же исчезла и моя боль.

Рэйкен

Крепкая рука Хэджама сжала мое дрожащее тело. Концы непривычно коротких волос стали такими тяжелыми, что, казалось, я чувствовала их давление на спину даже через плащ. Мое оружие, неотъемлемая часть меня — мне как будто руку отрезали. Я судорожно вздохнула и ощутила покалывание когтей, впивавшихся в мою талию через тонкую ткань кимоно.

Покинув зал, мы оказались в просторном коридоре, вымощенном белым шершавым камнем. В конце виднелись раздвижные двери, ведущие в гостевое крыло. В одной из комнат когда-то жила Мэйко. Я невольно вздрогнула.

И тогда Хэджам остановился, резко развернул меня к себе и прижал к стене. Напряженная челюсть и пульсирующие вены на висках, в голубых глазах играла ярость, смешанная с до боли знакомым животным возбуждением,

которое охватывало его всякий раз, когда мы встречались после долгого расставания. Тело онемело. Я боялась вздохнуть, отчаянно борясь с волной противоречивых чувств и воспоминаний. Сегодня я была его противником, но внутри меня все еще жила Рэй — преданная, без памяти влюбленная в своего спасителя девочка. И эта Рэй готова была забыть все, просить прощения и умолять принять ее обратно. Эта Рэй по-прежнему боготворила голубоглазого ёкай и хотела наплевать на доводы своего сердца, лишь бы Хэджам пообещал забрать ее в прежнюю жизнь. Ведь в той жизни было так хорошо и безопасно.

Одной рукой он уперся в стену возле моего лица, а пальцами другой больно сжал подбородок. Между нами не было пространства, и я чувствовала дикое биение его сердца. Губы Хэджама побледнели, он приблизил их к моей щеке, обжег кожу ядовитым дыханием и дотронулся кончиком языка. Все внутри меня заледенело.

— Какая мука, — прошептал он и жадно впился в мои губы.

Я тихо пискнула. Мне было больно, но вместе с тем стало жарко и сладко. Я не могла контролировать этот порыв: схватила его за руку, удерживавшую мой подбородок, и, с силой отдернув, обхватила лицо ладонями. Целовала в ответ — неистово, опасаясь, что если прекрасную, то умру от голода. Тело все помнило и предательски откликалось на ласку, больше похожую на наказание. Он выпустил клыки, они ранили мне губы, а пальцы с когтями до крови раздирали плечи. Я все понимала, абсолютно все, но намеренно не хотела сдаваться. Мне это было нужно, чтобы понять, куда идти — с ним или против него. Я ведь до сих пор не знала!

— Ядовитая стерва, — прорычал он, отталкивая меня.

Наше рваное дыхание звенящим эхом рикошетило от стен. Хэджам вытер рот, размазав по щеке капли моей крови.

— Все, что есть во мне, — плод твоего воспитания, — огрызнулась я шепотом. Руки тянулись к губам — так они горели! — но я сдержалась.

— Я не учил тебя предательству! — рявкнул Хэджам.

— Да что ты?

Все во мне взбунтовалось, кровь закипела, стала жечь изнутри. Нужно было броситься на него, вцепиться когтями в безупречное наглое лицо и рвать до тех пор, пока он не взмолится о пощаде. Но я лишь презрительно выгнула брови.

— Ты знаешь, зачем я это сделал и почему именно с ней. Не надо драмы!

— Никакой драмы, Хэджам, — хмыкнула я. Злость вдруг отступила, обнажая в сознании постыдную, пугающую мысль: внезапно мне стало ясно, почему же я на самом деле пошла до конца в своем якобы предательстве. — Ты сделал что хотел, я ответила тем же.

Хэджам в сердцах ударила кулаком по стене.

— Поведение ребенка!

Ширма треснула, и напускное спокойствие разбилось о настоящие чувства. Я злорадствовала, краем глаза наблюдая за дальними дверьми: они беззвучно разъехались и в проеме показалось лицо юной девушки. Даже никогда прежде не видя ее, я сразу поняла, что это она. Мидори.

— Хочешь правду? — тихо спросила я. К горлу подступила тошнота. Я никогда не хотела об этом говорить, но что-то во мне изменилось. Я верила, что стала лучше... что могла бы стать лучше. Но давняя связь с Хэджамом все это время не давала мне принимать себя новую. Я должна была признаться — в первую очередь самой себе: иногда только лишь попробовав слова на вкус, можно понять, насколько они правдивы. — Если бы ты посвятил меня во все детали своего плана, я бы смирилась. Может, не сразу, но я бы приняла все и осталась верной тебе даже ценой жизни других людей. Так что спасибо... спасибо, что обманул.

Взгляд Хэджама прожег насквозь. Я не понимала, какие мысли крутятся в его голове, но, черт возьми, как же мне хотелось знать! Эта маленькая, глупая Рэй все еще тянулась к нему и ждала слов, которые убаюкают ее злость. Дура!

— Но разве это важно теперь, да? — прошептала я. — Для ритуала все готово, семья в сборе. Расскажи, что ты пообещал дочурке, раз она сбежала к тебе?

— Успокойся, Рэйкен, и отправляйся в спальню. Не желаю видеть тебя сегодня, — отрезал Хэджам.

Я разразилась холодным смехом, от которого зазвенело в ушах.

— Скажи! Давай же! Какой лапши ты ей навешал на уши! — весело крикнула я.

— Воскресить меня! Вернуть к жизни!

От неожиданности Хэджам вздрогнул, и только я по-прежнему злобно улыбалась, сверкая клыками. Мидори подошла к отцу, вязала его под руку и с ненавистью уставилась на меня.

— Вернуть к жизни тебя? А Коджи? Ах, ну конечно, вернуть вас обоих, чтобы зажить счастливо всем вместе. А что с Шиноту, а?

— И Шиноту тоже! — огрызнулась Мидори.

Ее прекрасное лицо, в котором было так много от Хэджама, перекосило от злости, которой я не заслуживала. И от этого я потеряла контроль. Хотела ее ударить — со всей дури, чтобы вышибить вранье, которое вложил ей в голову отец, и уже дернулась, но вдруг сзади меня схватили чьи-то руки.

— Не смей, — прошипел хого мне на ухо.

Коджи замер в нескольких шагах от него. Я дернулась, но хватка Шиноту была на удивление чудовищной. В глазах Хэджама заиграло веселье, и я выпалила:

— А ты ей все рассказал, а? Рассказал, сколько лет я тебе души поставляла, а ты поглощал и поглощал, и чтобы

после вознесения все эти бедняги остались в тебе, им нужна защита. Защита хого, который так любезно держит меня. А раз так, значит, ни о каком воскрешении и речи быть не может! — Хэджам сверкнул глазами, и я посмотрела на Мидори: — Как тебе, детка? Как ты будешь жить, зная, что причастна к смерти любимого дяди? Что, тебе все равно, раз он не ответил на твои чувства? А ничего, что он заботился о тебе столько лет, маленькая эгоистичная дрянь! Да отпусти ты! — Мне наконец удалось оттолкнуть Шиноту.

Сколько злости бурлило вокруг меня! На Хэджама, на это странное трио, на себя и обстоятельства, которые я сама же и создала. Хэджам схватил меня за руку, взглядом призывая замолчать, но я уже не могла остановиться:

— А про детей, которые делят душу пополам, ты тоже рассказал? Она и на это согласна?

Впервые в темно-голубых глазах Мидори мелькнуло сомнение. Она мельком взглянула на Коджи и снова повернулась к Хэджаму.

— Потом, — бросил он в ее сторону и усилил хватку, пытаясь оттащить меня в сторону. Я начала брыкаться, упиралась босыми ступнями в холодный пол. В какой-то момент Хэджам замахнулся, как вдруг отлетел от меня и ударился спиной о стену.

Я растерянно оглянулась. Тяжело дыша, хого стоял напротив ёкая, держа раскрытую ладонь у груди. Вокруг его пальцев плясала едва различимая голубая рябь — сила души, его ки, которую никто, кроме нас, видеть не мог. Мидори и Коджи безмолвно таращились на дядю.

— Что ты хотела рассказать про детей с одной душой? — вопрос был адресован мне, хотя смотрел хого на Хэджама.

— Что... что они способны делить душу на двоих только вдали от своей сущности. Как только в них проснется ки, душа устремится к объединению. — Я взглянула на Коджи и тихо добавила: — Один поглотит другого. Независимо

от ритуала. Так природой заведено — в скором времени для одного из вас жизнь закончится.

Мидори вытаращилась на Хэджама, и я уловила все, что она чувствовала. Мне снова стало жаль ее. Что я сделала сейчас? Разрушила все ее убеждения, мечты и фантазии о будущем. Веселого мало! Я взглянула на хого, но он переводил печальный взгляд с Мидори на Коджи и обратно.

— Довольно, — сказал Хэджам. — Сейчас вас отведут в спальню. — Расправив складки кимоно, он вдруг подошел ко мне и, наклонившись, прошептал на ухо: — Если ты думала, что сила твоего хого защитит вас на ритуале, — спешу тебя огорчить. Я давно подстраховался. — Он прикоснулся к моей щеке. — И еще. Хочешь теперь мою правду? Как-то я сказал тебе: если ты проведешь меня в Такамагахару, то сама умрешь, а значит, мы не будем вместе. Но ты ответила, что тебе все равно. Если бы ты сказала, что хочешь остаться со мной, я бы прожил еще столетия в поисках нового Странника. Впервые, Рэйкен, впервые за все время кто-то значил для меня больше, чем давнее желание вернуть могущество.

Поцарапав кликами мою щеку, Хэджам схватил за руку растерянную Мидори и потащил в гостевой коридор.

— Я тебя ненавижу. Ненавижу, — шептала я им вслед. Из глаз брызнули слезы, я раздраженно утирала их, уже не сдерживая всхлипов. — Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Мои крики сотрясли коридор. Сил совсем не осталось, и я рухнула на колени.

— Рэйкен, — тихо позвал Коджи.

— Мидори в том крыле. Он так убежден в своем успехе, что вряд ли будет охранять ее, — пробурчала я, вытирая глаза рукавом.

— Да я не об этом. — Коджи присел рядом на корточки и протянул ко мне руку, но я резко дернула плечом.

— Не нужно искать во мне союзницу. Каждый сам по себе.

Коджи немного помолчал. Его пронзительный взгляд раздражал, и я уже готова была толкнуть его, но парень поднялся.

— До последнего не верил, что ты такая же, как все эти... — Он тяжело вздохнул и убежал обратно в зал.

Всхлипнув, я подняла голову и поймала пристальный взгляд Шиноту. Скрестив руки на груди, он молчал. Хмурился, отчего глаз со шрамом полностью закрылся, а второй стал почти черным. Поджав губы, я отбросила с лица непривычно короткую прядь. О чем он думает? Разочарован? Куда уж больше! Злится? Пусть встает в очередь. А может, боится? Я зацепилась взглядом за его напряженные руки, объятые слабым свечением ки. Как странно было видеть его в этом коридоре. Когда-то мы с Хэджамом проходили здесь, и я наслаждалась волшебными рассказами о хого Сугаши. А теперь он сам стоит здесь, даже не подозревая, какую бурю эмоций во мне вызывает. В нем словно столкнулись две эпохи, которым никогда не суждено было встретиться: долгая, мечтательная, наполненная радостью и болью жизнь с одержимым ёкаем и короткая, мимолетная фантазия, в которую я по глупости позволила себе окунуться.

Милостивые боги, как же я запуталась.

Глава 8 Инари

Рэйкен

Из-за защиты Хэджама в пределах замка мне не были доступны границы темноты. Поэтому я скинула плащ на пол и обессиленно упала на футон. В этой спальне ничего не изменилось, даже в шкафу висела моя старая одежда.

Завтра я умру.

Столько сил, столько невероятных стечений обстоятельств, а я все равно здесь и завтра умру так, как мы планировали больше полувека назад.

Ни страха, ни сожаления — только растерянность. Сердце скулило от старой раны сильнее обычного. Я пыталась вызвать в памяти размытые образы мамы и Касси, отчаянно желая, чтобы они обрели четкость. Скоро. Очень скоро. Но почему сейчас это не приносит мне радости, а ощущается тяжелым бременем, от которого я уже не могу избавиться, хотя и хочу? Неужели завтра я готова рискнуть своим желанием?

Не знаю. Ничего не знаю.

С тихим стоном я зарылась лицом в подушки.

«Если ты думала, что сила твоего хого защитит вас на ритуале, — спешу тебя огорчить. Я давно подстраховался».

Эти слова Хэджама не давали мне покоя. Что же он сделал? Хого сейчас окружен таким барьером, что через него ни один демон не прорвется. Что же тогда? Внушение? Сомневаюсь, что Шиноту подвластен хоть каким-то манипуляциям. Он совершенно не умеет управлять своей силой: все, что вырывается из него, — это всплески эмоций. Чтобы обуздить эту магию, ему придется многое осознать. Дело тысячи дней, а возможно, и лет. Со временем он бы превратил свои способности в ту самую защиту, которой наделили боги первого хого. Но сейчас... Я бы не удивилась, если бы стены этого замка рухнули от неконтролируемой энергии.

Но...

Я села на футоне, уставившись в окно. В саду было темно, туманный барьер скрывал звезды. Преступление. Звездное небо на территории замка неподражаемо красиво.

Так что же сделал Хэджам? Неужели просто сбил меня с толку?

Одна мысль не давала покоя. Столько всего случилось за минувший вечер, что у меня до сих пор не было сил дать ей ход. Почему Хэджам приказал напасть на крепость? Неужели только ради того, чтобы эффектно сообщить о своем отцовстве? Но тогда зачем поднимать такой шум и устраивать бойню? Каким бы ни был Хэджам, он без весомой цели не нападал на других ёкаев. А в крепость прислал не только своих очеловеченных сторонников, но и они.

Ох. Ведь я освободила силу Шиноту в конце. Более того, в него полетели десятки стрел, и только поэтому я решилась... Все было спланировано. Каким-то образом Хэджам знал, что я не дам ему умереть. Вынудил меня вернуть хого его могущество, запечатал... Чтобы защитить демона, который успел проникнуть в его тело?

Я вскочила на ноги и бросилась в коридор. Это маловероятно, ведь прошло так много времени. Только если демон в теле Шиноту из тех искусственных тварей, которые

днями способны выжидать, не выдавая себя, и молча красться к сердцу.

Я бесшумно останавливалась возле каждой двери и принюхивалась в надежде по запаху отыскать его спальню. Слуги проводили их с Коджи в гостевой коридор еще до того, как я ушла.

Маловероятно, но, возможно, он уснул, и тогда я смогу втихаря проверить свою безумную догадку и уйти незамеченной. Боги. Сейчас в нем бурлит необузданная сила! Даже если демон уже взял под контроль хотя бы часть его сознания, он никогда этого не поймет!

Запах Шиноту я уловила в самом конце коридора. Он по-прежнему напоминал мне дождь, но в нем больше не было теплоты. Терпкий, соленый и такой холодный, что по моим рукам пробежали колючие мурашки. Я осторожно раздвинула двери и скользнула внутрь. Спальня Шиноту была немного меньше моей, но с такими же распашными окнами, выходящими в сад камней, и с россыпью маленьких бумажных фонарей по обе стороны от входа, сейчас излучавших тусклый желтый свет. Хого лежал на футоне с закрытыми глазами, подложив руки под голову. И, кажется, мне повезло: судя по мерному дыханию, он и вправду спал.

Опустившись рядом с ним на колени, я нагнулась к его лицу и глубоко вдохнула. Кроме нового запаха — ничего. На обнаженной груди светили символы других камы. Мне хотелось их коснуться, еще раз ощутить эту невероятную силу. Но я лишь занесла ладонь над его грудью и сосредоточилась на ощущениях: даже если демон в его теле под защитой, была надежда, что связь с душой хого поможет уловить изъяны.

И снова ничего.

Может быть, Хэджам все же манипулирует мной? Сбивает с толку, чтобы завтра я терзаясь мыслями о несуществующем демоне и ничего не выкинула? Что ж, умно.

Я смотрела на свою дрожащую ладонь, борясь с желанием опустить ее на грудь хого, как вдруг он резко схватил меня за запястье.

— Сожрать меня — решение всех проблем? — буркнул он без тени улыбки, все еще держа глаза закрытыми.

— Я... я все еще не ем баранье мясо.

— Зачем ты пришла?

— Убедиться, что тебе ничего не угрожает.

Шиноту холодно рассмеялся и приоткрыл глаза. На лице застыла каменная маска.

— Хэджам приказал проверить скот к убою?

Я выдернула руку и, вскочив на ноги, отвернулась. Сердце болезненно забилось.

— Почему ты так спокоен? Как ты можешь просто лежать здесь?

— Я не спокоен, Рэйкен. Мне страшно так, как никогда в жизни не было, — с расстановкой ответил он. — Я хочу немного побыть в тишине и все осмыслить. Поэтому уди.

В другой раз я бы могла его успокоить. У разрушительной связи с его душой было одно преимущество: я так тонко чувствовала его настроение, что могла исцелять. Но сегодня мы поменялись местами. Это мне нужны были его руки. Или голос. Крики, обвинения, проклятья, а может, просто молчание. Я хотела быть рядом, в тишине, ничего не обещая и не забирая взамен.

Но права просить у меня больше не было. Я медленно кивнула и, не оборачиваясь, сделала шаг к двери, но Шиноту неожиданно коснулся моих пальцев.

— Стой. Боги, Рэйкен... Иди сюда.

Он стоял на коленях и вымученно смотрел на меня. Ничего не понимая, я опустилась на колени перед ним. Из жгута, в который сплелись его локти, он выудил одну прядь.

— Отрежь.

Я нахмурилась.

— Давай режь. У меня нет под рукой ничего острого.

Выпустив когти, я выполнила его просьбу. Хого взял меня за руку и повязал прядь вокруг запястья с меткой. Я уставилась на нее, ожидая, что она вот-вот потускнеет и рассыплется, но ничего не произошло. Этот жест значил больше, чем признание в любви, чем обещание вечности. В горле защипало.

— Я... я не заслужила этого.

Хого отпустил мою руку.

— Я уже не знаю, кто и что заслужил. Запутался, Рэйкен, так запутался. Я просто не умею принимать решения спонтанно, привык все анализировать и обдумывать. Но... есть вещи, о которых мне нужно думать.

Я замотала головой, глотая слезы. Я столько раз твердила Шиноту, что он не готов — ко мне, к этому миру, к выбору, который ему когда-нибудь предстоит сделать. Но как же я ошибалась. Я еще никогда не видела, чтобы кто-то так отчаянно пытался меня любить. У него не получалось, он все время сталкивался с противоречиями, которые не вписывались в его жизнь. И все равно пытался. Пробовал и так, и эдак. Я же понимала — боги, как никто понимала! — чего ему стоило идти наперекор своим принципам, каждый раз так стойко мириться с удивлением и отторжением моего мира и снова пробовать.

Я робко взглянула на Шиноту и увидела слезы в его глазах.

В своих попытках научиться любить он сделал меня такой важной, дал мне почувствовать, что я не ошибка. И на этот раз мне не требовалось ничего отдавать взамен. А главное (и, черт возьми, самое жестокое!) — хого дал мне надежду, что дорога в мир, который закрыл для меня Хэджам, снова доступна.

Сегодня я убедилась в неизбежности нашего исхода. Завтра все закончится. И даже если есть ничтожный шанс помешать ритуалу, я все равно не получу жизнь, о которой

теперь тайно мечтала. И я не имела права чувствовать то, что чувствую.

— Рэйкен...

Я всхлипнула, и Шиноту вдруг притянул меня к себе и прижался щекой к моей щеке.

— Чего ты хочешь, Рэйкен? Скажи, чего ты на самом деле хочешь? Я совершенно не понимаю...

— Сейчас или... вообще?

— Разве есть разница?

— Увы, есть.

— Тогда начни с сейчас.

— Я... я... — Я зажмурилась, сжав его предплечья. Шиноту вздрогнул. — Тебя. Сейчас, завтра и...

Хого застонал.

Я понимала, что сейчас произойдет, поэтому мягко отстранилась. Почему Шиноту так ведет себя — после всего, что узнал? Он должен ненавидеть меня! А вместо этого... Всему виной связь с его душой, не иначе. И я больше не должна повторствовать этим обманчивым чувствам. Даже если мне хотелось другого.

— Но больше этого... больше тебя... — я взглянула на защитную прядь волос на запястье, — я хочу другого.

— Чего же?

— Хочу домой.

— Домой? Но разве ты не дома?

— Нет. Нет... Мой дом рядом с моей семьей.

Хого сосредоточенно уставился на меня. Он так пристально всматривался, и с каждой секундой в его глазах появлялось все больше недоверия. Кажется, только сейчас он понял всю глубину моего противоречивого поведения. Я поднялась на ноги и отошла к окну.

— Ты же не нашла их...

— Не нашла. Но не отказалась от желания найти. Помнишь историю о мононоке?

Я уставилась на темный двор под туманным куполом.

— Я никогда не думала, хочу ли семью. Хочу ли детей. Потому что у меня уже была семья и я отказывалась принимать то, что они умерли. Мой мир, наполненный магией, силой богов, — жестокий, потому что сила дает обманчивое ощущение могущества. Она стирает границу между жизнью и смертью. Кажется, что ты можешь все. Вместо того чтобы оплакать умершего, принять его уход, вместо того чтобы помнить, что, когда настанет твой час, ты на законных правах — так, как природой заведено, — пересечешь черту и встретишься с ними, ты отвергаешь смерть. Ишешь способы вернуть мертвых к жизни. И редко когда можешь остановиться. Пробуешь и пробуешь, даже не замечая, что от тебя уже ничего не осталось, что ты променял удивительную жизнь на гонку за мертвыми. А когда понимаешь, как ошибался, уже поздно. Твоя душа изношена. Ты на пороге смерти, а в твоей душе столько дыр, понимаешь? И смерть больше не благодать. Нет за плечами радости жизни, нет ощущения, что твоя семья и так все время была с тобой, потому что твое существование было тому доказательством. Потому что каждый из нас — продолжение своих родных. Я должна была принять смерть с миром, уйти, зная, что кто-то сохранит нашу семью среди живых. А вместо этого доживаю последние дни в ужасном страхе, что даже там, за чертой, никогда не обрету покой. Во мне столько усталости, злости и разочарования. Никто не должен покидать этот мир с такими чувствами. Мирная смерть — это дар. Но я даже этого себя лишила. Я пыталась доказать всем, что счастлива быть полукровкой. Что я и демон, и человек, и это мое наследство. Это то, что дали мне отец и мать. Я должна была это принять, а вместо этого наделила свое имя пророчеством. Чистый дух. Ни живая. Ни мертвая.

Скупая слеза скатилась по щеке, я всхлипнула и, резко смахнув ее, обернулась к хого. Он стоял в шаге от меня, сжав челюсти, и в темноте его божественные символы сияли.

— Что бы дальше ни случилось, помни об этом, — шепнула я. — Когда не станет меня, когда не станет тех, кого ты защищаешь, вспомни наши голоса и отпусти. Ты могущественный, но не всемогущий.

Обхватив ладонью защитный амулет из пряди волос, я зашагала к выходу.

— Стой.

Резко замотав головой, я перешла на бег, но он догнал, схватил меня за руку и с силой развернул к себе.

— Да стой же!

Хого переплел наши пальцы и дотронулся до моего лица, призывая посмотреть на себя.

— Рэй Кеноки... или Рэйкен... Одна цепляется за жизнь, которой не суждено продолжиться в этом мире, а другая никак не может принять свою сущность, хоть и доказывает всем, что она и то, и другое. Я не знаю, кем ты на самом деле себя считаешь, но, если нужно, я принесу обещание вам обеим: я отдам тебе свою жизнь до последней капли крови, я отрекусь от всех своих желаний, чтобы сопровождать тебя в поисках твоей семьи, даже если придется вторгнуться в Такамагахару. Если тебе это действительно нужно, я и глазом не моргну, но сделаю это и ни разу не выражу сомнений. Если мы завтра выживем, забирай меня. Я твой.

Грудь обожгло, и я несколько раз глубоко вздохнула. Это пытка. Какая же эта пытка! Он говорил правду или верил в нее так сильно, что у меня не было возможности усомниться. Еще одна надежда. Невыносимая и глупая, но все же...

— Если выживут Коджи и Мидори?

— Рэйкен, — Шиноту глубоко вздохнул и поднял на меня усталые глаза, — если ты решила нарушить планы этого мерзавца только ради мести ему, я знаю, что в этом случае не смогу тебе помешать. Полагаю, между любовью и ненавистью тонкая граница и ей ничего не стоит купить

твою преданность снова. Но если ты действительно сделала это, чтобы владеть своей жизнью, ты сможешь прислушаться к совести. Я касался твоей души, мне никогда не забыть этих ощущений. Ты не спасительница, но и не убийца. Я... я просто не верю, что ты сможешь спокойно смотреть, как он убьет их. Неужели их смерти принесут покой твоей душе?

Не смогу. Конечно не смогу! Так же, как не смогу лишить себя шанса наконец упокоиться.

Шиноту терпеливо ждал моего ответа, а я по-прежнему не знала, какой выбор сделать. И вдруг он рассмеялся — совсем не весело, но как-то дико, с вызовом.

— Что?

— Не знаю, что меня пугает больше: неизвестность завтрашнего дня или то, что я понимаю тебя — все, что ты сделала и зачем.

Я растерянно улыбнулась и сжала его пальцы.

— Понимаю, но пока не могу принять. Слишком мало дней и так много всего... с ног на голову. Я ведь не ребенок, не способен в одночасье поменять свое сознание.

— Я знаю. Мне следовало сделать это раньше. — Я медленно опустила ладонь на его грудь и повела вниз. — Я хочу разорвать нашу связь. Нужно только еще раз... Если ты позволишь...

— Не надо, — взгляд хого резко стал хищным, и он перехватил мою руку. — Не смей. Прекрати убеждать меня в этом. Чувства из-за связи — ерунда. Они мои. Понятно? И плевать мне...

— Надо, хого! У тебя не должно оставаться никаких сомнений в том, что любой твой выбор — именно твой. Ты должен нести ответственность за все, на что решаешься, и никогда не задумываться о том, что на это мог кто-то повлиять. Мысли, — она мягко коснулась моего виска, — чувства, — переместила руку на грудь, к сердцу, — и могущество, — ее пальцы задержались на отметине под грудной

клеткой, — никто не имеет права контролировать их. Только ты. Позволь мне отпустить...

— Нет!

Шиноту резко развернул меня и прижал спиной к груди, крепко обняв.

— Если выживем завтра, тогда и сделаешь, — упрямо шепнул он мне в ухо.

Я тихо заскулила от отчаяния. Хого баюкал меня в своих объятиях, и каждый из нас думал о своем.

— Подожди... — вдруг встрепенулся он. — В лесу, когда умер Кацу... Ты не отпустила его душу. Я не слышал, что ты сказала...

Я напряглась и невольно выпустила когти ему в руку.

— Что ты задумала?

Нет, как же он запомнил это!

— Мне бы так хотелось, чтобы ты верил мне, — шепнула я.

Мой запасной план, но никто не должен знать.

К счастью, хого понял меня. Поверил или нет — не знаю, но спрашивать не стал. Он прижался губами к моему виску и снова начал баюкать в своих объятиях. Я слабо улыбнулась, закрывая глаза.

— Что ты чувствуешь со своей новой силой?

— Возбуждение. И это отвратительно: голове нужно спокойствие, чтобы все обдумать, а тело бурлит.

Я поводила пальцем по символу на тыльной стороне его ладони, а потом повернулась к нему лицом и, взяв за руки, отвела к футону. Мы опустились на колени.

— Никто не сможет научить тебя, как ей пользоваться. Со временем ты сам поймешь. Но я могу сделать другое.

Я осторожно взяла его лицо в ладони.

— Наша ки зарождается в душе. Именно поэтому ёкай без души — не жилец. Но душа — это только вместилище. Когда ты обладаешь контролем, то можешь запирать ки

внутри и давать ей выход в любой момент, посыпать сигнал любой части тела.

Хого накрыл мои руки своими. Мы почти касались друг друга губами.

— Как твои волосы?

— Именно. — Я улыбнулась. — Поначалу это сложно понять. Нужно отречься от любых мыслей и заглянуть внутрь себя. Закрой глаза. — Хого подчинился. Я призвала к нашей связи, как делала уже несколько раз, и направила энергию в кончики пальцев, чтобы успокоить его терзания. — Попробуй представить свою силу. Горячая, мерцающая лава. Она течет по твоим венам, объединяет тебя. Сосредоточься на ней...

Дыхание хого успокоилось, тело расслабилось, и руки уже едва касались меня.

— Представь, как сила течет по рукам... ногам... как обжигает органы... щекочет волосы. Представь, как ты касаешься ее. Ведешь к эпицентру.

На мгновение не только его пальцы, но и все тело объяло бледное голубоватое свечение, а потом все прекратилось.

— Теперь ты знаешь, как успокоить ее. Ты сможешь тренироваться. Зная, где она спит, ты в любой момент способен разбудить часть и направить ее куда угодно: в пальцы, волосы, выпустить целиком — окружить этой силой себя или раздвинуть границы. Раньше ты делал это неосознанно, потому что не знал своих возможностей. Такимару рассказал тебе только про барьер — что твоя защита способна окутать любого, кого только захочешь.

— И даже запечатать солнце? — шепнул он, сдерживая улыбку.

В тот момент мне как никогда захотелось спасти его жизнь. Я так рьяно чувствовала эту силу и живо представила, в какое могущественное существо со временем превратится этот хого. Если боги создали дитя, подобное

себе, ему стоило быть частью этого мира. Несправедливо, что такая душа достанется Хэджаму. Это я была его предназначением, но хого... Нет, я не верила, что хого родился, чтобы Хэджам Чироши вернулся в ряды богов.

Шиноту приоткрыл глаза.

— Я люблю тебя, Рэйкен. Вопреки всему я люблю тебя.

Как жаль, что ни одни руки не могли избавить меня от мыслей и освободить место в сердце, заполненном давними болезненными желаниями. Мне хотелось снова и снова слушать это признание, чувствовать его, не отягочая бременем, заполнить им всю себя. Целиком.

Шиноту накрыл мои губы своими. Прижал к себе крепко, удерживая за талию и затылок. Я не могла вырваться из его объятий, да и не хотела. Сдалась и приоткрыла губы, целуя его в ответ. Кровь била в виски. Я запустила пальцы в его спутанные волосы и из последних сил сжала. Не могла произнести этих слов, но жадно хотела, чтобы он сам понял. Чтобы, когда меня не станет, знал, что хотя бы в этом я была искренней.

— Останься со мной на ночь, — прошептал он.

— Шин...

— Просто останься. Дай мне в последний раз обмануться. Дай почувствовать, что ты моя, за меня и на моей стороне.

— Шин...

— Пожалуйста. — Хого убрал прядь волос с моего лица.

— Их нет в этом мире, Шин, — прошептала я. — И ни в одном из всех миров, которые я могу посетить... живая. Чтобы их найти, мне нужно умереть — правильно. Ты никогда не сможешь мне помочь.

Растерянность в его глазах медленно сменялась пониманием.

— Значит, завтра каждый за себя, да? — с горечью сказал он.

Я отвернулась, сдерживая новый поток слез. Никогда еще ситуация не была настолько безвыходной. Боги, что мне делать!

Шиноту сел на футоне и, громко выдохнув, провел рукой по волосам. Его лицо снова стало бесстрастным, во взгляде читалась задумчивость.

— Скажи... то, что ты... про детей, которые делят душу на двоих... Это правда?

— Сама я не была свидетелем подобного, но в этом заключается природа души: ее нельзя делить.

Шиноту какое-то время помолчал, а потом отстраненно кивнул.

— Хорошо. Ладно. Мне нужно подумать.

Я могла бы остаться с ним, но это было нечестно. Что бы ни случилось, завтра он лишится одного из племянников. Не знаю, возможно ли принять такое заранее (нет! боги, нет, конечно же нет!), но ему требовалось время все обдумать и больше не бежать от правды.

Я бесшумно поплелась к выходу. Фонари у дверей почти погасли — значит, полночь уже наступила.

— Боги...

В комнате завис жуткий гортанный всхлип. Я резко обернулась. Хого спрятал лицо в ладонях и уткнулся в колени. Голые плечи вздрагивали от болезненных рыданий, напоминающих хриплый кашель. Я бросилась к нему, упала рядом на колени и обхватила руками. Прижала к груди его голову и склонилась, приникая всем телом.

Он вцепился в полы кимоно, давясь слезами, и я невольно ощутила, каким ядовитым стал его запах.

— Я не могу лишиться их... Не могу. Не хочу выбирать.

— Тебе не придется, это не твое бремя, — заверила я, осыпая его голову поцелуями, судорожно глядя по рукам, плечам.

— Я чувствую. Чувствую, черт возьми, что этим все закончится!

— Неправда. Нет!

Хого стиснул зубы и отчаянно завыл, ударив кулаком по полу. Я прижимала его к себе, раскачиваясь, стараясь убаюкать и хоть немного приглушить эту боль. Если Хэджам доберется до душ близнецов — уже никому не придется выбирать, потому что, когда половинки душ покинут их тела, они тут же сольются воедино. Возможно, кому-то из нас удастся остановить Хэджама, не позволить ему поглотить эту ки, но разъединить душу обратно — нет, невозможно.

И тогда... кому-то придется решить, в какое тело вернуть душу. Только я заранее знала ответ, а хого этого не понимал.

Я прижалась губами к виску Шиноту и зажмурилась. Вообразила, как увижу их смерти, и вдруг поняла, что не смогу уйти спокойно, зная, что могла хотя бы попробовать это предотвратить. Может быть, я и родилась для Хэджама, но каким-то чудом обрела волю. Я могла наделить свою жизнь другим смыслом, дать жизнь этой странной, не родной по крови семье Сугаши. В конечном счете можно же потом потратить еще одну сотню лет, чтобы найти какого-нибудь бога и умолять его упокоить мою душу.

Шин

Эта ночь была бесконечной. Рэйкен ушла, а я еще долго сидел, тяжело опершись на стену, в жалких попытках успокоить свои голову, сердце и душу. На что я рассчитывал, отправляясь в это путешествие? Хотел найти Мидори — и ведь не ради нее, ради себя. Хотел успокоить совесть. Но неужели я всерьез думал, что потом смогу возобновить прежнюю жизнь с того же места? Неужели думал, что вернусь в поместье и буду так же спокойно влечь уединенные дни Сугаши?

Меня прежнего больше не было. Я стремился найти племянницу, а вместо этого потерял обоих. Даже если завтра все чудесным образом разрешится в нашу пользу, нам уже никогда не стать прежними. Я изменился. Я даже больше не человек. И пусть тело осталось прежним, даже несмотря на отметины ками, внутри оболочки живет неизвестное мне существо — потерянное, не оформленное. Оно достаточно смелое и своеобразное, границы его мира широки, а еще оно умеет любить — глубоко и сильно, — и мне это нравится. Но это существо неуправляемо, и еще оно ужасно боится. И как побороть этот страх — пока не знаю.

Снедаемый этими мыслями, я в какой-то момент все же провалился в сон. Последнее, что помню, — тихий призыв к Инари. Да, отчего-то я неосознанно начал молиться ей.

Сколько я спал — минуту, час, — не знаю, но вскоре меня разбудил звук раздвигающихся дверей. Нехотя открыв глаза, я различил смутный силуэт девушки. Я поморгал — и ее очертания обрели четкость: простое хлопковое кимоно, темные волосы, гладко зачесанные назад. Она выглядела как служанка, которая провожала меня в эти покои, если бы не одно но: в карих глазах не было смиренности, свойственной людям ее сословия, — наоборот, они сияли властью и с вызовом изучали меня.

— Ты кто такая? — буркнул я, нехотя поднимаясь на ноги.

— Ты молился мне, юный хого. Вот я и пришла, — спокойно ответила она.

— Что? Инари? — Остатки дремы моментально покинули меня, и я уставился на нежданную гостью с широко распахнутыми глазами. — Все это время вы были здесь?

— Юн и неопытен, — хмыкнула она и небрежно потянула ворот дешевого кимоно. — Это всего лишь тело, я его

позаимствовала, чтобы поговорить с тобой. В истинном облике ками не может спуститься в этот мир.

Я вдруг понял, что смотрю на нее с отвисшей челюстью, и поспешил закрыть рот. С ума сойти. Богиня. В одной комнате со мной. Рэйкен взывала к ней столько лет, а мне стоило один раз позвать ее в полудреме, и вот...

— Вы знаете, что здесь происходит? — я решил сразу перейти к делу.

— Ты про Хэджама Чироши? О, не переживай, в Такамагахаре он не получит свою силу. Нас больше, и мы куда сильнее, — Инари беспечно махнула рукой.

— Постойте... Он собирается провести ритуал и убить...

Усталый вздох Инари заставил меня замолчать. Она подошла ко мне и ласково коснулась щеки.

— Милый хого, ты — дитя ками, наше дитя. Только твоя жизнь имеет смысл. Странница выполнила свое предназначение — воскресила тебя истинного, и только это действительно важно. Как бы мы ни хотели спасти каждую душу, нам это не под силу, ведь в мире есть вещи куда важнее.

— Странница выполнила свое предназначение?

— Да, дорогой. Эти существа рождаются с целью. Белая полукровка была рождена, чтобы вернуть нам первого защитника. Теперь ее миссия выполнена.

— И она получит свободу?

— Смерть — вот свобода. Странникам подвластны материи миров, и открывают они эти двери только до тех пор, пока не выполнят предназначение. Никто не вправе просто так тревожить природу.

В глазах Инари заплясало пламя, хрупкий силуэт объяло рыжим свечением, и за спиной ее вдруг заплясали хвосты — девять гигантских лисьих хвостов! Я как последний дурак пялился на нее, переваривая услышанное. Но когда до меня дошло, я резко дернулся и сбросил ее руку.

— Вы убьете ее?

— Нет. Все случится само собой, — просто сказала Инари, никак не реагируя на мой тон. — Ты, кажется, удивлен?

Не то слово! Меня захлестнул гнев. Богам плевать на судьбу моих племянников, плевать на то, что будет со мной, — главное, сохранить мою ки, и уж я-то уверен, даже если Хэджам заберет мою силу, они найдут способ поместить ее в другое тело. И им плевать на Рэйкен. Расходный материал, значит.

Скрестив руки на груди, я злобно уставился на богиню в человеческом теле.

— Иногда миссия Странника растягивается на годы или столетия, как в этом случае. Мы не знаем всех деталей, не можем предугадать ход вещей. Но, рано или поздно,вольно или невольно, Странник исполняет свое предназначение. Если бы белая полукровка не нашла твоего брата, Хэджам Чироши для своих целей убил бы тебя. Но Такимару Сугаши не обладал должной силой, в его теле никогда бы не ожила ки, подобная силе первого защитника. Мы ждали твоего пробуждения.

— Зачем? Что от меня зависит?

— Войны, которые мы, боги, ведем с подобными Хэджаму. Он — мелкая сошка, есть вещи куда страшнее. Мы не можем жить на земле, поэтому наши посланники в мире смертных охраняют баланс. Люди, природа, ёкаи — все должно быть в гармонии, и защитник — неотъемлемое звено, важнейший посланник. — Инари заложила руки за спину и обернулась к распахнутому окну. — Ты сам — бог, единственный бог огромной силы, способный жить в мире смертных. Не вижу смысла пускаться в подробности: когда ты научишься управлять своей ки, мы еще встретимся.

В висках закололо, и я тряхнул головой. Это уже слишком. Я бог? К этому жизнь меня не готовила. Я даже не пытался

осмыслить услышанное. Инари плевать на моих любимых, а мне — на их божественные планы.

— Интересно, насколько я силен? Могу ли я создать такую защиту, что даже боги меня не найдут?

Девушка резко обернулась, и это было ошибкой. На молоденьком лице застыла скептическая гримаса, но я уже все понял. И попал в яблочко. Трепет и злость, странным образом смешавшиеся в отношении к богине, исчезли, и остался лишь голый расчет. Я хотел заключить сделку. Рэйкен бы точно гордилась мной.

— Ее семья — мама и брат — где они?

— В мире мертвых, как и положено.

— Она была там — ты наверняка знаешь. И еще в сотне миров. Она уверена, что ее семья там, куда живым дорога заказана.

— И что?

Инари прищурилась, девять призрачных хвостов угрожающе затрепыхались на неощутимом ветру.

— Забери ее душу и проводи к семье, а потом верни — вот мое условие.

— Невозможно. Странница выполнила свое предназначение, в ее существовании нет ничего личного. Она умрет и попадет в Ёми. Будь спокоен — ее душе ничто не угрожает.

— Проводи к семье, а потом верни сюда, — упрямо повторил я. Грудь резко обожгло, и пламя ки снова заструилось по венам. Мои руки пылали синим свечением, кожу на голове закололо, и я ощущил, как шевелятся концы скрученных в жгут локи.

— Не верну. Это против природы.

— Вернешь, куда ты денешься. Если я вам нужен.

— Не факт, что она сама захочет вернуться. Когда душа жаждет покоя столько лет... — Инари прикрыла глаза и вдруг тяжело вздохнула. Плечи девушки опустились, и пламя хвостов сделалось тусклым, едва различимым. — Я не могу,

хого Сугаши. Не я опекала ее семью, не я спрятала их в мире, недоступном живым...

— Что?!

Я подскочил к ней раньше, чем успел осознать, о чём речь. Схватил за горло и вдавил в стену.

— Кто-то из твоих специально укрыл ее семью? Зачем?

Инари вцепилась в мое запястье обеими руками.

— Отпусти! Не хочешь же ты поранить невинное дитя!

Я ослабил хватку, и девушка сделала шаг в сторону.

— Если бы белая полукровка нашла то, что искала, не случилось бы предназначения.

В какие игры играли эти боги, уму непостижимо!

— Это же твоя кровь. Разве ты не опекаешь всех своих кицуэн?

— Именно поэтому я непричастна к планам моих братьев и сестер, — выдохнула Инари. Молоденькое лицико болезненно скривилось. — Я бы не смогла игнорировать ее мольбы, если бы знала, что могу помочь.

Я сжал кулаки, с трудом сдерживая желание схватить эту женщину и разорвать на кусочки. Сложно было поверить, что Инари действительно переживала за Рэйкен, если для них она всегда была лишь винтиком в большом плане.

— Когда с Хэджамом Чироши будет покончено, белая полукровка покинет этот мир. Душа ее отдохнет и очистится и возродится в новом теле, в новом качестве, когда природе понадобится новый Странник. Сила Странника уникальна, одна жизнь всегда является продолжением другой, ее нельзя завершить. Поэтому я не могу упокоить ее, хого Сугаши. И Хэджаму Чироши никто не позволит это сделать.

Я обессиленно опустил руки и глупо уставился на Инари. Свечение ее ки погасло, она снова стояла передо мной в облике обычной служанки. Карие глаза наполнились жалостью — то ли ко мне, то ли к судьбе Рэйкен.

— Ками должен искренне желать этого. Лишить жизни Странника и облечь желания в слова. В устах ками эти слова обретут могущество, — зачем-то сказала Инари.

Ее взгляд стал пристальным.

— Ты — наш сын, хого Сугаши. Ты сам — бог.

Когда она исчезла, спальню заполнила звенящая тишина. Я смотрел во двор, на залитый ночной тоской сад, объятый туманным куполом. Возможно, по какой-то причине Инари задумала это с самого начала, а может, прониклась состраданием ко мне и к судьбе Рэйкен, но она пошла наперекор планам других ками и подсказала мне выход. Я мог подарить любимой женщине покой.

Я взглянул на свои руки, объятые свечением ки, и тихо заплакал.

Глава 9

Ритуал

Шин

Служанка вернулась утром, принесла поднос с завтраком и стопку свежей одежды ярко-красного цвета. К ней вернулись покорность и услужливость, она глубоко кланялась и обращалась ко мне почтительно — Шиноту-сан.

— Господин просил надеть к ужину, — тихо сказала она, протягивая мне одежду.

Я хотел поговорить с Мидори. В голове по-прежнему была каша, и пара часов сна не поправила дело, но я просто не мог сидеть сложа руки. Внутренний голос подсказывал, что только мне под силу достучаться до нее. Потому что единственное, что я точно решил делать, — это бороться. И она тоже должна.

Но выйти из спальни мне не позволили. За раздвижными дверьми стояли четыре охранника — в черных хаори и хакама, с яркими красными поясами, их руки покрывали витиеватые темные рисунки, а на ушах и висках виднелась жесткая звериная шерсть. Стоило мне сделать шаг, как два стражника выхватили мечи из ножен и скрестили их передо мной.

Что же изменилось, раз Хэджам решил усилить охрану?

Закрыв глаза, я глубоко задышал и попытался успокоиться — так, как учила Рэйкен. Ее имя отклинулось болью. Мне нужно успеть поговорить с ней до ритуала, рассказать, что я могу сделать.

— Боги милостивые, дайте мне сил.

Я горько усмехнулся. Раньше мне казалось, что с исчезновением брата на мои плечи легла непосильная жестокая ноша — забота о близнецах и поместье в удручающем одиночестве. Дурак, не стоило гневаться на судьбу. Теперь моя ноша в разы хуже: я могу исполнить желание Рэйкен, лишив ее жизни, и вернуться домой лишь с одним из племянников.

К горлу подступил ком, и я замотал головой, отгораживаясь от реальности. Интересно, в этом новом мире, населенном ёкайами, призраками и расчетливыми ками, есть место чуду?

Время тянулось бесконечно. Я сидел на полу и пытался отвлечься, тренируясь в управлении своей ки. Но слух то и дело отвлекался на звуки, доносившиеся из коридора. Голоса, громкие шаги, шелесты, шорохи. Наконец в спальню снова вошла служанка и тихим шепотом попросила меня одеться.

Мне не терпелось оказаться снаружи. В груди поселилось волнение такой силы, что затошнило. Я спешно надел жуткий кроваво-красный наряд — короткое атласное кимоно и хакама с белоснежной рубашкой, кожаные дзори на ноги — и вышел. Два охранника встали позади меня, два — спереди.

Подходя к залу, в котором нас впервые встретил Хэд-жам, я услышал гул голосов. С каждым шагом он нарастал,

пока не обрушился лавиной криков, смеха и еще каких-то шумов, напоминавших то ли лай, то ли рычание. И вскоре я увидел их.

Ёкаи. Десятки существ, о которых я только слышал из рассказов дедушки Кацу. Женщины и мужчины, с собачьими и вороными головами, шерстью и крыльями, жуткими кроваво-красными или ярко-желтыми глазами. Некоторые больше походили на людей, некоторые явились в зверином обличье. Они рассредоточились по периметру зала, увлеченные разговорами друг с другом. На их низких столиках стояли дымящиеся чашки и подставки с благовониями и палочками для еды. А в центре, как и вчера, на высоком кресле восседал Хэджам в кипенно-белых одеждах. В другой раз я бы посмеялся и спросил, по какому поводу этот змей в трауре*, но мое внимание переключилось на четыре столика по обе стороны от него: Мидори, Коджи и Рэйкен, все трое в таком же красном, на лицах — отрешенное выражение.

— Мой трофей! — провозгласил Хэджам, и гул голосов сразу смолк. Человеческие лица и звериные морды — все как один повернулись в мою сторону.

Охранники проводили меня к единственному незанятому столику рядом с Коджи. Мы обменялись взглядами, племянник едва заметно кивнул. Бледный, под глазами — глубокие тени. Наверняка тоже провел бесконную ночь. Я взглянул на Мидори, но она лишь задумчиво смотрела на витиеватый дымок благовония. Рэйкен скользнула по мне равнодушным взглядом и стала выискивать кого-то в толпе гостей.

— Садись, Шиноту-сан. Мне не терпится начать! — торжественно объявил Хэджам.

* Белый цвет в синтоизме — цвет богов, но также и цвет смерти, траура и скорби.

Я опустился на подушку, и вдруг невидимые ранее металлические браслеты сверкнули в воздухе и сомкнулись на моих запястьях. По инерции я напрягся, пытаясь высвободиться с помощью новой силы, но внезапно сердце защемило, и я резко вздохнул. Что за чертовщина! От браслетов тянулись мерцающие цепи, и их концы терялись где-то под столиком. Я взглянул на руки Коджи, Мидори и Рэйкен: их запястья тоже были скованы.

— Зачем это? — с вызовом спросил я, поднимая руку.

— Чтобы вы не мешали мне. Все должно идти по плану. Начните бегать здесь — потеряем драгоценное время.

— Почему бы просто не лишить нас сознания?

За спиной раздался смешок. Рэйкен стрельнула взглядом в мою сторону.

— Это почетный ритуал, а не разбой, — бесстрастно ответил Хэджам, и вслед его словам раздался тихий гул рычащих голосов.

— Значит, твой трофеи — хого Сугаши? — неожиданно сказала Рэйкен — дерзко и надменно. — Милый, десятки лет ты внушал мне то же самое.

— Каждый в этом зале — мой трофеи, дорогая, — снисходительно ответил ёкай, адресовав ей долгий, приторно-нежный взгляд. От ярости в час столкновения в коридоре не осталось и следа. — Но ты — да, именно ты! — моя главная награда. Мое предназначение.

Хэджам встал и поднял вверх чашу с вином. Гости снова загадели, вторя его жесту. Я воспользовался моментом и быстро зашептал через столик:

— Не его ты предназначение, не верь в эту чушь. Ты родилась, чтобы вернуть силу мне, а не ему. Я это вчера узнал, когда встретился с...

Но конец моей фразы утонул в громком голосе Хэджама:

— И это правда, друзья! Посмотрите на мою Рэйкен. Посмотрите смелее! Все вы знаете, как я желал этого дня.

Но вы даже не догадываетесь, что без нее ничего бы не случилось!

Затаив дыхание, Рэйкен смотрела на меня. Между бровями залегла глубокая складка, рыжие глаза источали растерянность. Как же я хотел рассказать ей о встрече с Инари!

— Инари, — одними губами сказал я.

— Что, о чем ты говоришь? — шепнул Коджи, схватив меня за рукав.

Я было открыл рот, но, поймав сосредоточенный взгляд Мидори, передумал. Инари плевать, чтостанется с моими племянниками. Но Рэйкен должна знать, что Хэджам не сможет выполнить ее желание. Она должна сражаться на нашей стороне.

— Когда Рэйкен ушла двадцать лет назад, вы решили, что наша лиса предала нас, — тем временем продолжал ёкай. Десятки глаз неотрывно следили за каждым его движением. Хэджам остановился за спиной Рэйкен. — Признаюсь, я тоже так думал. Но посмотрите на моих детей, посмотрите на хого из рода Сугаши — все они здесь! Моя лиса утверждает, что сделала это вопреки мне, но я-то знаю, что за глупой девицей обидой всегда жила преданность единственному существу, которое она любила и будет любить.

Хэджам опустил ладонь на ее голову и ласково погладил. Стиснув зубы, Рэйкен дернулась, и тогда он схватил ее за плечо и резко поднял. Цепи звякнули, и я заметил, что металлические браслеты сползли с запястий и она придерживает их пальцами, чтобы не выдать своего освобождения.

Хэджам грубо обнял Рэйкен за шею, прижимая спиной к своей груди, и обратился ко мне:

— Знаешь, хого, откуда взялся ты и тебе подобные? Очень давно. Еще до моего рождения великие боги объединили силы, чтобы защитить прекрасные миры. Богиня солнца Аматэрасу, мой далекий предок бог ветра Сусаноо, покровительница земледелия и богиня изобилия

Инари, бог луны Цукиёси, бог воды Фудзин. И Риндзин — повелитель драконов, морей и океанов. Отбросив разногласия, все они снизошли на землю и провели ритуал, отдав магическому огню частичку своей силы. И из огня появился младенец. Он ничем не отличался от любого другого человеческого детеныша, но под кожей его горели божественные знаки, а волосы скручивались в жгуты, свидетельствуя о единении сил, которыми одарили его боги. Когда младенец вырос, он сражался вместе с богами и защищал миры, как те того и хотели, пока однажды не влюбился. Боги противились его чувствам, но юный хого не устоял перед женщиной и у них родился ребенок. В тот самый момент, когда земля услышала плач, былые силы хого исчезли, потому что часть из них он невольно передал своему ребенку.

Хэджам сделал театральную паузу, ожидая моей реакции, но я молчал, внешне сохраняя хладнокровие, хотя внутри все переворачивалось.

— Боги не дали ему ни имени, ни фамилии, но родившийся ребенок получил фамилию матери. Так начался род Сугаши, — продолжал Хэджам. Рэйкен замерла, при克莱ившись взглядом к кому-то в толпе. Меня так и подмывало обернуться, но я сдержался. — Боги не стали гневаться на свое творение. Они поняли, что если род хого расширится, то со временем на земле появится много защитников. Каждый в разных уголках мира будет выполнять свою роль, и хотя бы на земле будет поддерживаться мир. Так со временем первого хого не существовало ни одного защитника с абсолютной силой, потому что всегда у них были кровные отцы и братья, которые делили его силу. Пока не появилась полукровка с рыжими глазами. Существо, не признанное ни людьми, ни богами. Знаешь ли ты, Шиноту Сугаши, как горячо она молилась Инари, покровительнице своего отца, как гневалась на то, что богиня ни разу не обратила свой взор на ее жалкое

существование? О, мое сердце кровью обливалось от ее печали. Я жалел ее, защищал, я давал ей жизнь, в которой она могла бы быть счастлива. Но это существо оказалось коварным и расчетливым. Когда моих даров ей стало мало, она решила привязать к себе бога. Она создала тебя. Прекрасным обманом избавилась от твоего брата и потом много лет защищалась от меня его посмертной силой. Да, Шиноту Сугаши, ее усилиями ты стал равным первому хого. Ты стал богом. Точнее... мог бы им стать уже очень давно. Но Рэйкен все предусмотрела. Ей не нужна была необузданная сила, в любой момент способная добраться до нее и отомстить. Поэтому она забралась грязными пальцами в твои внутренности и осквернила невинную душу своими прикосновениями. Сковала силу, которая только-только была готова разгореться, и привязала тебя к себе. Ты ведь уже знаешь, да, что, когда одно существо касается души другого, образуется связь.

Сам того не желая, я верил ей, потому что любил. До этой самой минуты ее мотивы были мне ясны, хоть и болезненны для понимания. И я вправду надеялся, что, несмотря ни на что, Рэйкен защитит нас. Но неожиданно слова Хэджама разбудили во мне ту часть сознания, которая все время старалась разглядеть в поступках и словах этой женщины скрытые мотивы. Нет. Нет!

Я взглянул на нее, но Рэйкен по-прежнему смотрела поверх моей головы и на ее прекрасном лице не было совершенно никаких эмоций.

Хэджам обхватил ладонью ее шею, наклонился и, касаясь губами ее уха, громко зашипел:

— Рэйкен, моя расчетливая лживая лиса, скажи мне наконец: в какую сторону ты продвинула ваши отношения? Связать кого-то — не значит расположить к себе. Связь может быть как преданной любовью и дружбой, так и лютой ненавистью. А ты пустила его в свою постель.

Скажи, этого хватило, чтобы такое существо, как Шиноту Сугаши, слепо верило твоим действиям?

— Спроси у него сам, — процедила она.

Ёкай холодно рассмеялся.

— Хватит! — неожиданно рявкнула Мидори, ударив кулаком по столу. Все это время она смотрела на меня и по щекам у нее текли слезы. Глаза стали совсем синими и источали настоящую звериную ярость. — Я не желаю больше этого слушать!

Хэджам оттолкнул Рэйкен, и она упала на колени, едва не опрокинув столик. Ёкай взмахнул рукой, и оковы Мидори и Коджи исчезли.

— Подойдите ко мне.

— Ну уж нет! — крикнул я, вскакивая на ноги, но короткие цепи дернули меня вниз, и я задел коленом чашу с вином: красная жидкость окропила пол вокруг, попала на кимоно. Горло свело, мне стало дурно. Неужели сейчас все случится?

Мидори подчинилась и встала рядом с ёкаем, но Коджи остался стоять у своего столика, сверля Хэджама взглядом, полным ненависти.

— Что ж, — протянул ёкай, недовольно оглядев его, — я наделся, что ты одумаешься и примешь мою сторону, но, видимо, влияние твоего названого дяди куда сильнее крови.

— Как раз крови твоей во мне нет, — прошипел Коджи.

— Мидори, — позвал я.

Но племянница даже не посмотрела на меня, лишь потупила взгляд. Я всеми силами старался сосредоточиться на своей ки, но при каждой попытке сердце снова болезненно сжимало. В груди нарастала паника.

Хэджам подошел к своему креслу и выхватил из-за спинки блестящий самурайский меч. Я принялся судорожно дергать цепи, испепеляя Рэйкен взглядом. Что же

ты сидишь! Но она, казалось, вообще не обращала внимания на происходящее, только концы обрубленных волос едва заметно колыхались.

— Я знаю, милая, минувшую ночь тебя терзали сомнения, — сказал Хэджам, подходя к Мидори. — И сейчас я предлагаю тебе прислушаться к зову твоей души. Чего ты хочешь? Чувствуешь ли ты себя здесь как дома? На своем ли ты месте? Я верну тебя, и мы будем жить в безграничном могуществе, к которому тянутся твои сердце и душа.

С этими словами он неожиданно вложил меч в ее трясущиеся руки. Она вздрогнула и ошеломленно взглянула на него.

— Увы, Рэйкен была права: два существа не могут всю жизнь делить одну душу. Твоя сила пробудилась, ты уже не человек, но и сила в теле Коджи вот-вот вырвется. Вопрос: кто из вас?

У меня внутри все похолодело. Хэджам хочет, чтобы Мидори убила Коджи!

— Не смей, Мидори! Посмотри на меня!

Она медленно покачала головой, не сводя глаз со сверкающего лезвия.

— Убьешь меня? Правда? — выдохнул Коджи, делая шаг к сестре.

— Мидори, подумай хорошенъко, — взмолился я. — Только ради тебя мы проделали этот путь. Я бы отдал все, чтобы не быть слепцом. Если бы я понял, как это важно для тебя, я бы принял любой мир, в котором вы с Коджи были бы счастливы! Посмотри на меня, пожалуйста.

По щекам Мидори вновь побежали слезы, она крепко зажмурилась.

— Жить вечно в мире, который тебя принимает, или умереть, так и не узнав, какая она — жизнь, в которой твое сердце не ощущает пределов могущества, — сказал Хэджам.

— Да заткнешься ты или нет! — рявкнул я, со всей силы дернув руками, но цепи лишь жалобно звякнули. Десятки

глаз воткнулись мне в спину, отчего я злился еще сильнее. — Мидори, послушай. Ты слышишь? Я люблю тебя, ты — моя семья. И все, что я делал, было только ради твоей защиты. Ужасный из меня воспитатель, знаю. Я не разглядел в тебе жажды этого мира, но увидел многое другое. Ты не убийца, Мидори. Совсем не такая. Это не сделает тебя счастливой.

— Ты не знаешь меня, Шин, — прошептала она, глотая слезы. — Ты не знаешь, что сделает меня счастливой.

— Уж точно не могущество, которое он тебе обещает, — сказала Рэйкен. Ее слова прозвучали так неожиданно, что даже Хэджам удивился. Она выпрямилась. — Могущественное существо обладает безграничной властью только до тех пор, пока в действительности не получит это могущество.

Я еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Ужас и паника сковали каждую клеточку тела, внутренности скручивало в жгуты, я словно онемел, хотел пошевелиться, но не мог. Как же мне помочь им? Хэджам схватил Коджи за плечи и, развернув грудью к сестре, требовательно смотрел на Мидори.

Руки племянницы тряслись, когда она занесла меч. Коджи смотрел на нее со смесью ужаса и недоверия.

— Не смей! Нет!

Я снова дернулся и закричал — так сильно браслеты впились в запястья. Коджи забился в цепких лапах Хэджа. Мидори судорожно хватала воздух ртом, переводя взгляд с меня на брата и обратно, и вдруг закричала:

— Простите меня! Простите меня!

Острие вошло в ее тело так легко, словно и не было никаких преград. Казалось, целую вечность она падала на блестящий пол, и рот ее стал красным от крови — под стать одежде. Меч выпал из рук и с гулким звоном ударился о камень. А потом зал взорвался криками. Рэйкен наконец избавилась от кандалов и бросилась к Мидори. Кажется, я завопил в голос или мысленно — не знаю!

Коджи забился сильнее, и я только успел взглянуть на него, различить размытый от слез силуэт, как Хэджам резко развернул его к себе и пробил рукой грудь. Кожа ёкая засияла бледно-голубым светом — это ки моего племянника насыщала его тело и подобно крови теперь бежала по венам. Я закричал, снова дернувшись, когда прямо перед носом сверкнуло окровавленное лезвие меча: Рэйкен одним движением ударила по цепям, освобождая меня. Она бросила меч к моим ногам.

— Шин! Сoberись! — зарычала она.

Воздух стал соленым и тяжелым. Прежде я никогда так рьяно не чувствовал запах крови. Горло обжигало, я задыхался. Мидори лежала в нескольких метрах от меня, и ее некогда голубые глаза превратились в бездонные белые глазницы, уставленные в потолок. Рядом с ногами Хэджама бесформенно сгрудилось тело Коджи. Он лежал ко мне спиной, и я отрешенно смотрел на племянника, задаваясь одним и тем же вопросом: жив ли он?

Вдруг Рэйкен ударила меня по щеке, и кожа вспыхнула от ее когтей, призывая сосредоточиться.

— Что ты говорил про предназначение? Что?

Приспешники Хэджама, другие ёкаи, обступили тела моих племянников, и краем глаза я уловил, как несколько стражников спешат в мою сторону.

— Инари, — прошептал я. — Вчера мы говорили. Ками всегда знали про план Хэджама и никогда не позволят ему вернуть силу. Он тебе не поможет!

Рэйкен недоверчиво посмотрела на меня, едва заметно качая головой.

— Нет... ты врешь...

— Ты говорила, что человек может жить без души! Они же люди, да? Так вытащи из него душу моих племянников!

Рэйкен словно впала в транс и совсем не слушала меня — только глаза становились все шире. Стражники были совсем близко. Я сжал рукоять меча.

— Ты не его предназначение, а мое! Ты должна была вернуть силу первого хого, и ты это сделала. Все, Рэйкен! Ты свободна! Ты больше никому ничего не должна!

Мне следовало сказать и обо всем остальном, но времени больше не было. Стражник уже тянул ко мне руку, и я резко развернулся. Ноги подкосились, я рухнул на одно колено, но успел вытянуть руку с мечом, и он упал грудью на лезвие. В этот момент Рэйкен закричала:

— Саваки!

Я отбросил мертвого стража в сторону и обернулся. Оставив бесчувственное тело Коджи на полу, Хэджам устремился к Мидори. В ту же секунду рядом с Рэйкен появилось исполинское темное существо с собачьей головой. Лишь на мгновение, но наши взгляды встретились. Лицо ее снова стало бесстрастным, но в пристальном взгляде читалось обращение. Она пыталась мне что-то сказать, но в тот момент я не мог понять ее молчание.

Их силуэты растворились в невидимой завесе. А затем зал сотряс оглушительный грохот. Я едва успел увернуться от второго стражника, как волна сбила меня с ног, осыпав мелкими осколками разлетевшихся вдребезги стекол. Где-то над головой послышались яростные птичьи крики.

Рэйкен

— Он не мог меня обмануть, правда же?

Я яростно била когтями по ветвям, расчищая путь. Саваки перенес нас в лесную глушь, где все поросло мхом и ссохшимся колючим кустарником.

— Кто? Хэджам?

— Нет, хого! Ты же видел его! Мог он обмануть? Нет... нет... он сказал, что я уже исполнила его предназначение, что я родилась, чтобы вернуть на землю силу первого хого.

Саваки зашелся тихим лающим смехом, а я в сердцах ударила по веткам, в которых запутался подол ненавистного красного кимоно.

— Я никогда не верил, что ты — предназначение Хэджама. Слишком он мелкая фигура, чтобы боги посыпали ему в помощь Странника.

Милостивая Инари, почему же ты раньше не сказала мне! Почему пришла к хого, а не ко мне!

Я так злилась, так злилась! Все, что я делала, все, что наделяла смыслом, в одночасье обесценилось и разбилось. Сто лет — и все впустую. Я зарычала, окропив дерево золотистыми искрами от когтей. Ноги запнулись о корягу, и Саваки подхватил меня.

— Что мы здесь делаем, скажешь наконец?

Прищурившись, я заглянула ему в глаза.

— Эй, я только что предал его. Ради тебя, черт возьми! Мне уже не вернуться, понимаешь хоть?

— Ты помнишь текст своего контракта?

— Еще бы, — мрачно хмыкнул Саваки. Я высвободилась из его хватки и одернула кимоно. — «В день, когда все необходимое будет в моих руках, чтобы отправиться в Такамагахару, ты освободишься от службы мне. Но до этого дня будешь служить мне, где бы сам ни находился. Пока я жив и живу в этом мире».

— «Пока я жив и живу в этом мире», — повторила я.

Саваки нахмурился. Как только наши ноги ступили в этот лес, он вернул себе человеческий облик, и теперь я могла читать его лицо. Мой друг был растерян (редкое явление!) и усердно соображал, к чему я веду.

— В этом мире, — наконец сказал он. — Ты хочешь запереть его где-то?

Я кивнула. Когда мне в голову пришла эта мысль — не знаю. Я тогда зацепилась за нее, удивилась даже, подумала, что нет в ней ничего ценного. Но со временем, чем больше я слышала о том, что в устах могущественного

ёкая слова приобретают силу, тем больше убеждалась, что сказанное Хэджамом не случайно. Ему не были доступны другие миры, и единственный шанс избавить всех от его контракта — сделать так, чтобы Хэджама больше не было в мире смертных. Никогда.

— Но как ты оставишь его там? Он найдет способ выбраться, — сказал Саваки, словно прочитав мои мысли. — Лучше подумай, как убить его.

— Я все думала о судьбе мононоке. Много думала, уж поверь. — Я медленно двинулась вперед, в глубь леса. — Кто они такие? Души, одержимые желанием, которое уже никогда не исполнится. Они застряли, потому что их бестелесные сущности не могут найти смысла. Но что, если им этот смысл дать?

— Лес Пойманных Душ, — выдохнул Саваки, и наконец в его голосе я ощущила понимание.

— Помнишь Кену? С нее все началось — и мои контракты, да и вообще моя встреча с Хэджамом. Но недавно в лесу погиб друг хого. И я... я коснулась его души, создала эту чертову связь, чтобы...

— Чтобы найти его?

Еще один поворот в загадочной судьбе Странника. У меня был крохотный шанс завершить нашу с Хэджамом историю правильно, замкнуть кольцо, собрать все детали воедино. Отпуская Кацу, я просила его душу найти Кену:

«Ты умер здесь и будешь заперт в этом чертовом лесу навеки. Твоя душа не упокоится. Я не могу обещать тебе, но обещаю попробовать: если представится шанс, я найду способ освободить вас. Я в долгу перед той жрицей. Перед Кеной. Если увидишься с ней — передай мои слова».

— А как ты...

— Т-с-с!

Я замерла, обращаясь к своей ки. Гнала из сознания давящую тишину леса и образы, оставленные в замке. Все должно уйти на второй план.

«Кацу. Я здесь».

Я еще ни разу намеренно не призывала душу, с которой держала связь. Шиноту сам нашел меня. Но Кацу... Когда я убила его и коснулась души — это был порыв, глупый, жалкий и ничем не обоснованный, я понятия не имела, зачем мне это нужно, но поддалась чутью и, возможно, не прогадала.

«Кацу. Где ты?»

Я скользнула рукой в темноту, в мой мир-тайник, и выудила кованую шкатулку, в которой когда-то приносила Хэджаму души. Я стала прятать ее там с тех пор, как получила в подарок плащ, чтобы иметь возможность в любой момент воспользоваться. Какая предусмотрительность, надо же.

«Кацу, как работает наша связь? Чувствуешь ли ты меня?»

Я шла на ощупь, ступала бесшумно и будто проходила сквозь ветви, хотя, скорее всего, Саваки расчищал для меня путь. Не знаю. Внешний мир умер, я слушала лишь себя, пытаясь уловить любые изменения в ощущениях.

— Рэйкен.

Саваки громко выругался, и я, вздрогнув, обернулась. Он кружил на месте, размахивая когтистыми пальцами в попытках отбиться от души óни.

— Глупая тварь! Смотри хоть, на кого нападаешь! — рычал он, разрывая призрака на части.

— Рэйкен...

— Кацу?

Я вертела головой, крепче сжимая шкатулку. Вдалеке замаячило слабое свечение — неоформленное и размытое. Я никогда не видела душу, оставшуюся на земле. Она так и должна выглядеть?

— Шин в опасности, ты должен помочь.

Саваки ступал следом, бормоча ругательства. Я же, словно загипнотизированная, шла вперед. Светлое пятно заметалось между деревьями, над головой зловеще зашелестели мертвые листья.

— Я не хотел умирать, Рэйкен. Только узнать, что же случилось с матерью.

— Я знаю, Кацу. Знаю.

— Во что превратилась моя жизнь, Рэйкен? Я застрял здесь. Мне плохо. Как мне выбраться?

Казалось, его голос звучал внутри моей головы — так звонко и надрывно, что череп готовился вот-вот треснуть. Я сильнее прижала к себе шкатулку.

— Я могу вытащить тебя из леса. Это не принесет тебе покой, но придаст потусторонней жизни смысл. Шину нужна помочь. Ты помнишь своего друга? Помнишь?

Свечение за деревьями резко отдалилось от меня и замерло. И тогда за ним я разглядела еще десятки точек — не таких ярких, больше похожих на призрачных ёни, и все же отличающихся. Остальные «пойманные» души.

— Мы нашли Мидори, — прошептала я. — К сожалению, спасти ее не получится, но у Коджи есть шанс. Только если ты поможешь остановить Хэджама...

— Полукровка!

Чудовищный голос вырвался из недр леса и сшиб нас с Саваки с ног ударной волной. Мы упали, мой друг накрыл меня плащом и прижал к себе. От рева зазвенело в ушах, пыль попала в глаза и рот. Я закашлялась, осторожно выглядывая из-под плаща. Мутный, едва мерцающий сгусток исполинских размеров несся на нас, а за ним следовали другие. Саваки подхватил меня и резко поставил на ноги. Я ощутила, как он начал меняться, и пожалела, что мой плащ остался в спальне замка.

— Полукровка! — раздалось снова.

— Может, уберемся к чертям отсюда, пока не поздно? — пролаял Саваки, принимая боевую стойку.

— Это она. Должна быть она, — шепнула я. Сердце выбивало барабанную дробь.

Я инстинктивно зажмурилась, готовясь к удару, но вдруг нечто замерло передо мной, обдавая лицо ледяным дыханием. Саваки коснулся мохнатой лапой моей ладони, и я коротко сжала ее в ответ. Все хорошо.

— Кена, — прошептала я, не открывая глаз. — Кена, это ты?

— Кена... — скрипнул голос в ответ.

Боги, на что я рассчитывала? Этому духу десятки лет, неужели она могла помнить о себе живой?

Хорошо. Успокойся. Помни, это единственный шанс все прекратить.

— Кена, это я, Рэй Кеноки. Помнишь меня? Вспомни, пожалуйста.

Казалось, это существо просачивалось внутрь меня — так сильно я ощущала лед на коже.

— Рэй...

— Да-да, Рэй. Ты нашла меня у ворот. Помнишь Янтарное озеро? Вы с Дороши жили там.

— Мама...

И вдруг она взревела! Уши пронзил настоящий раскат грома, и я распахнула глаза. Существо взметнулось ввысь, затем резко спикировало и закружилось вокруг нас. В то же мгновение остальные души ринулись в нашу сторону и влились в поток. Саваки обхватил меня могучими лапами, и мы съежились, не зная, что будет, если мононоке коснется живого.

— Слушай, я не боюсь, но это порядком утомляет, — прорычал Саваки.

— Замолчи, — шикнула я на него и закричала: — Кена! Ты помнишь еще одного? Господина помнишь? Демона

с голубыми глазами, который всегда был добр к тебе. А потом ты заболела. Помнишь?

Они продолжали кружить, поднимая с земли клубы пыли. В голове помутнело, и я снова зажмурилась, изо всех сил прижимая к себе шкатулку.

— Твоя мама... Дороши! Помнишь Дороши? Она умерла, потому что хотела спасти тебя. Она заключила с ним контракт!

— Не вздумай сказать, что это ты ее порешила, — шепнул Саваки. Я ткнула его локтем в бок.

— Она не могла жить, зная, что ты умрешь! Она хотела умереть! И Хэджам забрал ее душу. Это он виноват в смерти Дороши! Кена! Вспомни, черт возьми!

Не знаю, возможно, мне только показалось, но вихрь из призрачных существ стал ослабевать, хотя контуры мононоке по-прежнему сливались в одно большое светящееся кольцо.

— Я знаю, тебе плохо. Вам всем здесь плохо! Но вы можете сделать хорошее дело! Хэджам причинил много вреда, и я хочу запереть его в мире, где он не сможет никому навредить!

Я так громко кричала, пытаясь пробиться через гулкий вихрь, что сорвала голос. Уловила ли она хоть слово?

— Но без вас мне не справиться! Вы должны... вы должны проследить, чтобы он остался там! Кацу! Кацу! Ты слышишь? Он убьет Шина, возможно, уже сейчас он... Кацу! — отчаянно хрипела я. По щекам вдруг заструились слезы, и я впервые в полной мере ощутила, как сильно боюсь потерять его. — Пожалуйста...

В этот момент все обрело смысл, я обрела себя. Шин прав, я больше никому ничего не должна, и то, что я собираюсь сделать, — это мой выбор, только мой. Умру ли я здесь или буду жить, одержимая желанием отыскать свою семью, — уже не так важно. Я боюсь этого, но не настолько,

чтобы пожертвовать тем, что действительно правильно. Я должна спасти хого, должна спасти душу ребенка Мэйко и помешать Хэджаму — не ради мести и обуздания девичьей гордости и не ради любви к этому хого, нет. Ради себя. Ради того, что это правильно.

— Столько лет я была ведома... Столько лет он внушал мне... — бормотала я. Колени подкосились, и я упала. Чувствовала, как Саваки держит меня, пытается поднять, но тело вдруг стало таким тяжелым, тянуло к земле. — У меня просто не было возможности услышать себя. Я была слабой трусишкой, мне было проще позволить ему все решить.

— Рэйкен, не дури! Поднима...

Саваки вдруг взревел от боли: одно из существ пролетело сквозь него, и от одежды повалил дым.

— Злобная тварь! — закричал он. — Поднимайся! Пора убираться отсюда!

Но я лишь мотнула головой и, набрав воздуха в грудь, закричала из последних сил:

— Я убедила себя, что все делала правильно! Ведь каждому из нас нужна цель! Хочется быть нужным, хочется знать, что родился не зря! Неужели вам нравится быть здесь! Вы даже не помните, кем были при жизни! Кацу! Кена! Кена...

Еще одно существо отделилось от общей массы и пронеслось сквозь меня. Я даже опомниться не успела — все тело пронзила жгучая боль, а потом стало очень холодно. Словно жизнь покидала меня — медленно и болезненно, вынимая из меня орган за органом, клетку за клеткой.

Я упала навзничь, и шкатулка покатилась по земле. Саваки бросился за ней, но мононоке сбил его с ног.

Милостивая Инари, сжалась надо мной.

И вдруг никого не стало. Тишина опустилась на лес резко и стремительно, отгородив этот закуток от всего остального мира. Существа исчезли, и вокруг зависла непроглядная темнота. Кряхтя, я поднялась на локтях и огляделась. Раскрытая шкатулка лежала в метре от Саваки, сам

он сидел на коленях в человеческом обличье, глубоко дыша.

А потом между деревьями появились вспышки — блеклые, скорее серые, чем голубые, — это были «пойманные» души. Они медленно приближались к нам, и их неоформленные тела обретали черты. Я увидела Кену, узнала ее лицо, некогда показавшееся мне самым красивым лицом на свете.

— Прости меня, Кена, — прошептала я, едва справляясь с дыханием. — Прости меня.

— Я тебя помню. Ты была хорошей девочкой, — прошелестел дух. Она приблизилась к шкатулке, в одночасье съежилась, обрела шарообразную форму и устремилась внутрь.

Не веря своим глазам, я наблюдала за тем, как другие души делают то же самое. Невероятно. Мононоке — злобные, одержимые местью существа, лишь по воле обстоятельств запертые в этом лесу, — а я смогла достучаться до них. Как это возможно?

Когда вокруг не осталось никого, кроме одной фигуры, я встала и на трясущихся ногах подошла к шкатулке.

— Кацу, — я подняла ее и, закрыв крышку, прижала к груди. — Прости меня, Кацу. Я связала нас, чтобы когда-нибудь найти путь к Кене. Я знала, что ты будешь с ними, и единственный выход — сделать это через тебя. Но я бы никогда не пожелала тебе зла, если бы не тот демон... Я никогда не хотела твоей смерти.

— Я знаю. Я сам виноват. Гонка за мертвыми ни к чему хорошему не приводит, — проскружетал он. Его призрак был ярче других, жизнь в нем не успела померкнуть или окраситься злобой, да и не был он никогда мононоке — простой смертный, случайно погибший из-за демона. — Я нашел свою мать, Рэйкен. Но какой ценой.

Какой ценой. Если бы я знала, какую цену сама заплачу за желание найти свою семью, я бы вовсе перестала чего-либо желать.

Я открыла шкатулку, и лицо обдало блеклым сиянием покоившихся в ней душ. Кацу подошел ко мне и заглянул в глаза.

— Береги Шина. Он был мне хорошим другом.

Когда душа Кацу скользнула в шкатулку, я плотно закрыла крышку и обернулась к Саваки. Инугами выглядел растерянным, и в то же время на его лице читалось облегчение от того, что все закончилось.

— Не передумал?

— Шутишь! Возвращаемся. — Саваки привлек меня к себе.

— У нас все получится, — твердо сказала я, обнимая его. Еще мгновение, и мы скользнули в темноту.

Едва босые ступни коснулись холодного пола, я отскочила к стене, в тень. Солнце уже село, и мне ничто не мешало в любой момент укрыться в другом мире... или забрать кого-то с собой.

Перед глазами разверзлась битва. Хаос, разруха, злобные крики и кровь — все, что так презирал Хэджам в прошлой жизни. Здесь мы провели чудесные мгновения, здесь он впервые рассказал мне о многом, что в дальнейшем повлияло на мою судьбу. А сейчас я вжималась в стену и наблюдала за тем, как все рушится.

Мэйко и ее народу удалось прорваться в замок. Исполинские птицы кружили под потолком и сражались на земле, размахивали крыльями, закручивая в воздушных потоках ёкаев. Их клювы окрасились красным, рвали всё, до чего могли дотянуться. Ужасно! Никогда я не видела, чтобы птичий народ проливал кровь! Я судорожно скользила взглядом от одного к другому в надежде отыскать Шиноту. Может, у них хватило ума спрятать его? Должна

же Мэйко понимать, что теперь его нужно держать как можно дальше от Хэджама!

— Но где же ты? — шептала я.

У дальней стены мелькнули каштановые локи, и я едва не задохнулась от облегчения и разочарования. Он жив, но все еще в большой опасности!

— Ищи Хэджама! — рявкнул в мою сторону Саваки.

Он пронесся мимо, уворачиваясь от черно-серой птицы, метившей клювом ему в спину. Воспользовавшись моментом, я нырнула рукой в темноту и оставила шкатулку в своем тайнике. И тогда увидела его. Хэджам в облике черного ворона ворвался в зал с улицы и спикировал к полу, прямо на Шина. Хого зацепил его мечом по крылу, но упал, и ворон, издав злобный крик, снова устремился к нему, целясь когтистой лапой в лицо.

Я едва сдержалась, чтобы не крикнуть самой себе: «не отвлекайся!»

Хэджам подхватил Шина и резко взмыл вверх, но вдруг раскрыл клюв и заверещал: острие меча вонзилось ему в бок. Он разжал лапы, и хого полетел вниз, но одна из птиц — бело-желтая, с красным от крови клювом — схватила его в воздухе и, приблизившись к полу, отбросила к стене, за перевернутый кованый трон, на котором еще недавно торжественно восседал Хэджам.

Ох.

Бездыханные тела Мидори и Коджи все еще лежали там, под охраной серой птицы. Я узнала ее по влажным зеленым глазам. Мэйко. Она ухватила лапой Шина за плечо и подтянула к себе. Хого пытался подняться, но от каждого движения лицоискажала гримаса боли.

Хэджам застрял под потолком, вступив в схватку с бело-желтой птицей. Они сцепились лапами и клювами, метались то вверх, то вниз, их мощные тела бились о потолок, оставляя новые дыры и осыпая всех внизу осколками камней.

Это мой шанс. Наверху достаточно темно, я смогу...

Не теряя ни секунды, я оторвала от подола кимоно кусок, обязала им голову, чтобы светлые волосы не привлекали внимания, а потом бросилась через весь зал, ловко уворачиваясь от птиц и ёкаев. Кровь бушевала в жилах, я не видела никого и ничего — кроме цели.

— Мэйко! — закричала я. — Мэйко! Подбrosь меня! Живо!

Птичьи глаза пронзили меня насквозь, она раскинула огромные крылья, защищая тела детей. Я чувствовала взгляд Шина, но изо всех сил игнорировала его.

— Давай же! Я могу спасти их!

Изумрудные глаза Мэйко вспыхнули, она покорно пригнула голову, и как только я забралась ей на спину, взмыла вверх.

— Спасти Коджи?

— Подлети ближе, мне нужно подобраться к нему спереди.

Ворон яростно клевал своего противника и, кажется, не замечал нас.

Еще чуть-чуть. Ну же. Умница, девочка.

И тогда фортуна улыбнулась мне. Бело-желтая птица сделала резкий поворот и ткнула клювом ворона прямо в шею. Тот взвыл, откинув птичью голову назад, и я прыгнула, выпуская когти. Пробила рукой его тушку — там, где у Хэджама-человека была душа, — обхватила пальцами беснующуюся ки и крепко прижалась к нему, закинув вторую руку ему за голову. Языки темноты коснулись ладони, я ухватилась за них и потянула на себя.

Еще мгновение, и мы провалились в пустоту.

Считаные секунды занял наш путь из замка в мой тайный мир. Ворон оглушал своими криками, извивался и в любой другой ситуации давно бы отбросил меня в сторону,

но я так крепко вцепилась в его душу, что шансов отдельяться у него не было. Пальцы яростно ковали незримую цепь, посыпая телу болезненные разряды. Его ки была не просто сильной — обжигающей, тяжелой и упрямой, она не поддавалась мне, и со всех сторон к ней тянулись витиеватые силы, украденные у Коджи и Мидори. Я не видела их, но чувствовала, как никогда. Знакомая сила, я ведь уже держала ее в руках.

В какой-то момент ворон начал меняться. Сопротивление ослабло, и мне уже не требовалось сдерживать его. Черные перья блекли, пока вовсе не растворились в светлой коже Хэджама.

— Что ты... прекрасна... прекрасна... — хрипел он, едва ощутимо дергаясь.

Я зажмурилась, боясь ненароком взглянуть на него, отвлечься и упустить единственный шанс воплотить свой план в жизнь. Никогда еще я не работала так быстро. Раз, два, три — одно звено за другим. Пальцы с бешеною скоростью соединяли оковы для ки Хэджама, и когда последнее перо исчезло с его головы, все было готово. Держа ладонь внутри его груди, я вытянула пальцы, цепляя когтями ки его ребенка. Не знала, что делаю, не верила, что сработает и что мне хватит времени, — лишь отчаянно молилась всем богам, имена которых удалось вспомнить. И сила хлынула в мою руку. По телу пронеслась волна дрожи, и как только я ощутила яростный вес души на ладони, то резко дернула руку на себя и отскочила от Хэджама.

Глубокий вдох.

Как больно.

Словно все это время я не дышала вовсе.

Мир вокруг был таким, каким я увидела его впервые, каким запомнила, когда целовала Саваки десятки лет назад, каким ощущала, когда спрятала плащ и попыталась проститься с Шиноту. Бескрайний, усыпанный мириадами

звезд — таких далеких и близких одновременно. Я парила в этой невесомости, в который раз удивляясь, как ногам удается найти опору, и, тяжело дыша, смотрела на Хэджа.

Я никогда не видела его таким беззащитным. Стать исчезла, растрепанные, забрызганные кровью черные волосы лежали безжизненной грудой, голубые глаза стали светлыми — почти белыми, как хрусталь, готовый треснуть от любого неосторожного движения.

Этот взгляд. Я думала (надеялась!), что в последний раз увижу ненависть, запомню, с какой злостью он будет смотреть на меня, но столкнулась лишь с разочарованием, и это чувство укололо похлеще предательства.

— Ты лишила меня силы, — просипел он, едва шевеля губами. — А я всегда боялся, что рано или поздно ты это сделаешь со мной.

Сжимая душу его ребенка, я потянулась за шкатулкой. Движение — и она оказалась в моей руке.

— Я никогда не хотела лишить тебя силы. Я любила тебя. — Я взглянула ему в глаза, пытаясь улыбнуться, но лицо окаменело.

Я победила, но ни одна из потерь не принесла мне столько боли, как эта победа. Потому что сейчас, в эту самую минуту, мне придется уничтожить жизнь длиною в столетие. Все, что я любила, все, чем жила, что заставляло меня улыбаться, желать и мечтать, — все это останется здесь навсегда. Жизнь без Хэджа показала, насколько я слаба и глупа в принятии решений и сколькому мне еще нужно научиться. Но до этой самой минуты я не переживала. Знала, что он где-то есть, знала, как найти к нему путь и что сделать, чтобы он снова принял меня, защитил и помог во всем разобраться. Я думала, что была зависима от него, но на деле — только от мысли, что там, где Хэджам, мне всегда будет хорошо и безопасно.

Шкатулка зависла в воздухе передо мной, и я открыла крышку. Блеклые души мононоке и Кацу, казалось, сплелись воедино, в один большой мерцающий ком.

— Еще немного, — прошептала я им.

— Я найду способ выбраться отсюда, ты же знаешь. — Хэджам говорил спокойно, но в его голосе я уловила тревогу. Он переводил взгляд с меня на шкатулку, однако спрашивать не спешил. Делал вид, что контролирует ситуацию.

Я грустно усмехнулась, глядя на шкатулку.

— Помнишь, ты как-то спросил... давно, еще до контрактов... что... если бы я могла предложить Мацу другое тело, отдала бы я ему матушку? Я тогда неправильно ответила. Не подумала, что мой выбор был шире.

— О чём ты?

— Я... я бы отдала ему себя. Но дело в том, что тогда я этого не понимала, никогда не думала, что не будь меня — не было бы и этих страданий. Мне ведь всегда хотелось жить. Только парадокс в том, что жила я, чтобы найти свою семью. Поэтому, да, если бы у меня был выбор, я бы пожертвовала собой, и ничего бы этого не случилось.

— Ерунда, — отмахнулся Хэджам, сделав шаг в мою сторону, но я резко выставила руку, и он замер. — Все это должно было случиться, потому что ты родилась для этого! Боги, Рэйкен! Неужели ты готова пожертвовать нашей жизнью? Оглянись, вспомни! Сколько мы вместе прошли, чего добились! Неужели все это для тебя ничего не значит? И ради чего? Ради мальчишки?

— Ради себя, — прошептала я.

— Я знаю, что тебе нужно! — разозлился Хэджам. — Что ты будешь делать без меня? Никто тебе не поможет!

— Получается, ты меня не знаешь...

Сколько всего мне хотелось сказать. Сколько всего вспомнить, спросить, услышать ответы — возможно, лживые, но все же. В голове звучал голос маленькой Рэй — полный надежды и восторгов, там, на берегу Янтарного

озера, когда господин с голубыми глазами мановением руки закружил в воздушном потоке снежинки и этим простым жестом зародил в ней желание обладать могуществом, способным избавить ее от бед.

Я хочу отпустить тебя, Рэй. Если бы я могла отпустить тебя вместе с Хэджамом, я бы сделала это. Жалею ли я, что вы встретились? Нет. И ты не жалей. Никогда больше не жалей о прошлом.

Я совершила столько ошибок — и все же в последний момент смогла сделать правильный выбор. Свой выбор. Как бедная Мидори. Она тоже гналась за мечтой, поддалась зову сердца и лживым обещаниям отца, который подвел ее к краю пропасти. Она могла выбрать легкий путь. Могла убить Коджи. Но решила иначе.

Если когда-нибудь я снова окажусь перед сложным выбором, я всегда вспомню о тебе, храбрая девочка. Мне жаль, что я не узнала тебя лучше.

Слезы подступили к горлу, я больше не могла говорить. Значит, пора. В тот момент, когда я занесла руку над шкатулкой, Хэджам бросился ко мне, но нас мгновенно разделила стена из блеклых душ мононоке. Вырвавшись из шкатулки, они устремились к нему.

— Я надеюсь, что боги проявит к вам милость. К вам и ко всем храбрецам, которые пожертвовали собой во имя любимых, но вместо покоя застряли в его теле. Вы достойны свободы. Но пока этого не случится, сторожите его. Станьте его тюрьмой.

Хэджам корчился на коленях, пока мононоке кружили вокруг, поочередно проникая в тело ёкай. Некогда прекрасное лицо исказилось от боли, рот открылся в немом крике. Я не жалела его, хотя и не испытывала удовольствия от уготованной ему участи. Каким бы ни был Хэджам, что бы он ни сделал, для Рэй Кеноки этот ёкай навсегда останется господином, который придал ее жизни смысл и раскрыл в ней истинную сущность.

— Прости, если сможешь, — прошептала я, поместив душу его ребенка в шкатулку. — Надеюсь, рано или поздно ты обретешь покой.

Если и существует другая судьба — жизнь, которая идет параллельно этой, — я буду верить, что в той жизни возле замка с белыми башнями под раскидистой вишней каждое утро двое существ встречают рассвет и нет для них большего счастья, чем просто быть вместе.

Упав на колени перед телами близнецов, я положила ладонь на живот Мидори. Рана от меча не затянулась. Она мертва. Два года жизни с отцом — и демоническая сущность вырвалась на волю. Девочка превратилась, а ёкай без души не жилец. В отличие от Коджи.

Сколько прошло времени? Кажется, бесконечность, но еще даже полночь не наступила. Он придет в себя, обязательно очнется, но я не знала, можно ли вернуть человеку душу, когда он в сознании. И я уже потянулась к нему, но вдруг замерла.

Но это не твой выбор. Не тебе решать.

— Рэйкен! — Мэйко в птичьем воплощении опустилась рядом со мной и сложила крылья.

— Его больше нет, — одними губами произнесла я, инстинктивно спрятив руку со шкатулкой за спину. — Больше нет...

Птица какое-то время всматривалась в мое лицо, словно проверяя, говорю ли я правду, а потом резко взмахнула крыльями и вылетела на середину зала:

— Хэджам мертв! Он мертв!

На мгновение в зале воцарилась тишина, и я поймала взгляд Шиноту. Он замер у противоположной стены и недоверчиво смотрел на меня. Лицо в царапинах и грязи,

из раны на лбу сочилась кровь. Но вот его губы дрогнули, и он со всех ног бросился ко мне, перепрыгивая через поверженных ёкаев. Зал взорвался криками. Воспользовавшись замешательством, птицы окружили последних оставшихся в сознании сторонников Хэджама, и Саваки среди них не было. Я лишь надеялась, что он успел спастись.

— Стой! — крикнула я, когда Шин приблизился к перевернутому трону.

— Мэйко охраняла их, сказала, что все еще можно исправить, — выдохнул он. — Рэйкен, скажи...

Я показала шкатулку. Шин непонимающе нахмурился. Открыв крышку, я выудила душу ребенка Хэджама.

— Раздели снова.

В его глазах читался неподдельный страх. Он переводил взгляд с души на тела племянников, нервно слатывая. Жилка на окровавленном виске вздулась, над губой выступил пот.

— Раздели, — отстраненно повторил он.

— Я не смогу.

— Пожалуйста...

Сердце стучало так сильно, что меня затошило. Невыносимо было смотреть на него, заставлять выбирать. Я же обещала, что этого не будет.

Тогда скажи, что у него и выбора-то нет. Мидори мертвa, ничто не воскресит ее.

— Я тебе обещала, что ты не будешь выбирать, поэтому...

— Мое решение. Это должен я решить. — Шин заломил руки за голову и глубоко зажмурился, стиснув челюсти. За его спиной, избавившись от птичьих обличий, люди Мэйко выводили из разрушенного зала поверженных ёкаев, а сама принцесса замерла в нескольких метрах от нас, не смев пошевелиться. Перехватив ее взгляд, я едва заметно качнула головой.

Не вмешивайся.

— Кого бы я ни выбрал, — прошептал Шин, и по его щеке скатилась слеза, — всегда будет тот, о чьей смерти я буду жалеть, и тот, кто в той или иной мере ощутит, что я жалею...

— Глупости. Ты изменился. Ты сможешь вести себя правильно.

Слезы брызнули из его глаз. Он жмурился, смахивал их грязными ладонями, смешивая на щеках грязь и кровь, а они все текли и текли. Шин опустился на колени рядом с Мидори и притянул ее к себе.

— Коджи, — прошептал он, целуя племянницу в лоб.

И в тот момент я как никогда поняла разницу между нами. Если бы Шин мог, он бы отдал свою жизнь за них, за любого из тех, кем дорожил, а я никогда не рассматривала себя как жертву, я всегда пытлась найти причину, чтобы жить.

Услышав ответ Шина, Мэйко бросилась ко мне, упала рядом с сыном и положила его голову к себе на колени. Она улыбалась, заботливо поглаживая Коджи по щекам, а мое сердце окончательно разбилось. Больших усилий стоило, чтобы игнорировать Шина и его прощание с Мидори.

Тело Коджи с благодарностью приняло душу, его веки затрепетали, он глубоко вздохнул, но глаз пока не открывал.

— Мальчик мой, — приговаривала Мэйко, перебирая пальцами его волосы.

— Поздравляю, — прошептала я, поднимаясь.

Этот зал. Перевернутый трон и обрывки атласа, некогда блестящего, драпировавшего стены. Голубой цвет, который так любил Хэджам, сейчас смешался с грязью и кровью. И было так тихо, тревожно тихо, и звуки, доносившиеся с улицы, оседали на развалинах.

Какое странное чувство. Все закончилось, мы выжили. Больше не нужно думать о том, как поступить. Выбор сделан, и я должна испытать облегчение, ощутить, как эта тяжесть склынула, но вместо легкости чувствую другое.

Впервые я не забрала душу, а вернула ее обратно. Рискнула своей жизнью ради других, но оказалась в неизвестности, словно откатилась обратно, на сто лет назад, когда еще не было ни контрактов, ни путешествий в другие миры, и я не знала, что делать со своей жизнью.

К Мэйко подошел мужчина с толстой вороной косой, и в нем я с полным безразличием узнала Хэру. Он кисло улыбнулся мне и подхватил Коджи на руки.

— Мы отнесем его в крепость и проследим, чтобы он поправился, а вы приходите, как будете готовы, — сказала Мэйко, касаясь моего плеча.

Не глядя, я кивнула.

— Шин...

— Я хочу похоронить ее в поместье, как дочь Такимару, а не как...

Он шмыгнул носом, поднимаясь. Хэру вынес Коджи из зала, Мэйко пошла за ним, но Шин даже не посмотрел в их сторону.

— Как бы больно сейчас ни было, помни, что она закончила жизнь достойно. Она выбрала вас, не себя, — прошептала я, подходя к нему. Невыносимо было видеть его таким раздавленным и не иметь возможности облегчить его боль. Я бы могла, конечно, могла — как тогда, в чайном доме, — но разве это правильно? Мидори заслужила хорошее прощание, а Шин не должен прятать свои чувства, как делала я с плащом на протяжении стольких лет.

— Верни нас в поместье.

Я перенесла нас на земли Сугаши. На берег озера, рядом с сакурой, под которой когда-то похоронила Такимару и часть его ки. Наверное, кости хого все еще покоились

здесь, но сила — стоило мне снять оковы с души Шина, как сила его брата устремилась к нему. Должна была, как случается всякий раз с родом хого.

Сакура. Поместье. И мы — два чужака: уже не незнакомцы, но все еще так плохо знавшие друг друга существа. Я глубоко вдохнула воздух, который двадцать лет назад пытался спасти меня от разрушительной тоски, вызванной предательством Хэджама. Сколько всего случилось, сколько всего я узнала и переосмыслила. Думала ли я, что когда-нибудь окажусь здесь снова, по-прежнему потерянная, без знаний о будущем, но с надеждой на то, что рано или поздно все образуется. Я останусь с Шином или буду навещать его, пока ему не станет легче. Я познакомлю его с этим новым миром, покажу другие его стороны. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы он пережил свою боль и принял то, что теперь будет с ним до конца жизни.

Но пока мы здесь, под сакурой, где обречены вкусить покой члены его семьи.

— Ничего не изменилось, да? — тихо сказал Шин.

Он опустил тело Мидори рядом с деревом, да так и остался сидеть, уставившись в землю.

— Уединенная, стабильная, безопасная жизнь рода Сугаши. Как ты чувствуешь себя, Рэй Кеноки?

Что?

Я нахмурилась, медленно подходя к нему. Шин обернулся ко мне, и, к моему ужасу, его лицо исказил лукавый оскал.

— Чувствуешь ли ты могущество от того, что разрушила столько семей?

— Шин?

— Я обнимаю его сердце, Рэй Кеноки. Как хорошо-о-о.

Понимание обрушилось на меня удушливой темнотой. Я часто моргала, мотая головой. Нет, невозможно. Я проверяла...

— Мацу? Но я...

Задушила Касси, чтобы это дрянное отродье не завладело его юным телом. Он должен был погибнуть — задохнуться, раствориться, исчезнуть! Должен! Но я вдруг поняла, что никогда не задумывалась об этом. Какая участь настигала демонов, которым я не позволила осесть в телах людей?

— Прощальный подарок от Хэджама. Я и подумать не мог, что мне достанется такое сильное тело!

Все казалось нереальным. Губы Шина двигались, но этот голос — этот ненавистный голос, который я никогда не забуду...

— Шин! — закричала я. — Борись с ним! Пожалуйста, Шин!

Он сказал, что любит меня. Я не поверила, но что, если это правда? Что, если его чувства настоящие, а не порождение нашей связи? Тогда я смогу освободить его.

— Рэйкен...

Голос хого скрипучим шепотом прорвался сквозь рычащие звуки демона. Ухмылка Мацу дрогнула, он стиснул зубы, словно боролся с внезапно нахлынувшей болью. Выставив ладонь перед собой, я медленно двинулась к нему. Дыхание сперло, и мне стало очень страшно.

Почему тогда, в замке, я не почувствовала демона?

Потому что сила, которую ты ему вернула, защитила хого от любого вмешательства, даже от твоего.

Значит, я была права. Значит, нападение на крепость лишь предлог. Хэджам заранее все спланировал, а Мацу хватило ума вести себя тихо в теле, которое он так желал забрать себе.

Когда между нами остались считанные шаги, хого дернулся, но я резко подалась вперед, коснувшись пальцами его груди и тут же скользнула внутрь, под кожу. Боги милостивые, как больно! Я будто погрузила руку в огоны! Я отпрянула, прижимая к груди обожженную ладонь.

Как же так...

— Сколько злости в нем, да? — издевался Мацу губами Шина. — Ты причинила ему столько боли, Рэй Кеноки. Сто-о-олько боли! Он не может тебя любить, глупая!

Глаза наполнились слезами. Я пятилась назад, а это существо наступало, злобно скалясь. В карих глазах, окрашенных ненавистью, не было ничего живого — я видела лишь демона, обманувшего меня сто лет назад.

В панике я оглядывалась по сторонам, словно ждала, что вот-вот появится Мэйко или, может, Саваки, что они помогут, знают, что делать. Знают, как спасти его. Но вокруг стояла тишина. Водная гладь безмолвно отражала мерцающее звездное небо и светлые стены поместья, ветер лениво играл с травой и ветвями сакуры. Предательское спокойствие. Ни шороха, ни звука.

— Шин... — беспомощно звала я. — Шин, пожалуйста. Шин...

Я всматривалась в лицо в надежде разглядеть хотя бы намек на его присутствие, но все впустую. Боролся ли он где-то там внутри, или защита хого, которой я вернула абсолютное могущество, обернулась для него ловушкой, защищавшей теперь не только его самого, но и демона внутри?

Ты родилась, чтобы вернуть мне силу.

Милостивая Инари, почему же ты бездействуешь?

И вдруг это существо бросилось на меня, и у меня осталась секунда на раздумья. Я могла бы провалиться в пустоту, в любой из тысячи доступных мне миров, отышатся, отправиться на поиски ответов и когда-нибудь вернуть Шину его сердце, душу и разум. Но когда руки этого существа коснулись меня, я поддалась инстинктам. Пронзила его грудь когтистыми пальцами.

И закричала.

Такой боли я не чувствовала никогда! Все мое естество, каждая клеточка тела, каждая капля крови загорелась, раскалилась так, словно меня охватило пламя. Перед глазами все расплылось, но я из последних сил собрала все,

что осталось во мне, и сосредоточилась на пальцах. Я чувствовала его внутри, прикосновения кожи к этому отвратительному отродью отдавали новой болью.

Я умру, но дай мне успеть.

— Шин, пожалуйста. Помоги мне, — шептала я.

Его сердце было таким горячим, билось сильно и упрямом, отторгая мои прикосновения, отталкивая от себя. Мои пальцы онемели, ноги едва держали. Я могла упасть. Я готова была упасть и уже никогда не подняться — только успеть вытащить демона из него.

— Рэйкен... Боги... ты...

Голос Шина вспыхнул в сознании, и тогда я ухватилась за него, за этого Мацу, и уже готова была дернуть на себя, как вдруг ощутила другое. Шею с левой стороны прожгло огнем, и горячая кровь заструилась вниз, по груди.

Мир вокруг неотвратимо потухал. Я глотала ртом воздух, словно со стороны слышала свои судорожные вздохи и ощущала ее — липкую, вязкую кровь.

Клинок в моей шее. Откуда он взялся?

Тишина земель Сугаши взорвалась в голове миллиардами звуков, и я против воли падала в это призрачное море, отчаянно цепляясь за последние секунды своей жизни. Мацу, мерзкая тварь, я должна забрать тебя с собой.

— Рэйкен! Рэйкен...

Голос Шина звучал вдалеке, но я слышала его. Помню, как пыталась открыть глаза, как хотела увидеть его, убедиться, что все получилось, но потеряла контроль над телом.

Он что-то говорил, но так тихо. Так тихо.

Громче, Шин! Я не слышу!

Кто-то подхватил меня, я чувствовала.

Это ты? Это ты держишь меня? Все получилось?

— Рэйкен, услышь меня... пожалуйста... Я должен сказать...

— Так тихо...

ЭПИЛОГ

Занимался рассвет. Сидя в траве перед домом Сугаши, я в четвертый раз за ночь набил трубку и отхлебнул из чашки саке, когда впереди послышались шаги. За минувший год Коджи, конечно, много чему научился, но искусством бесшумной ходьбы так и не овладел. Всякий раз, когда он выскользывал из дома — глубокой ночью или под утро, — я тут же просыпался и не мог закрыть глаза, пока его шаги и вовсе не стихали. Хотя, не знаю, может, дело не в нем, а в моих способностях — до сих пор не разобрал границ своего проклятого могущества.

— О, ты уже не спишь.

Коджи растерянно замер, отводя виноватый взгляд.

— Еще, — буркнул я. — Еще не сплю. А ты крадешься как тать в夜里.

— Ну... я...

— Коджи, брось. Ты волен делать все, что тебе вздумается. До сих пор не пойму, что ты вообще здесь забыл? Мэйко ясно дала понять, что ты можешь остаться с ними навсегда.

Взгляд Коджи переменился, и от растерянности не осталось и следа. Он внезапно нахмурился, лицо осуждающее скривилось. А я в очередной раз удивился, каким взрослым он стал. Племянник опустился на траву рядом со мной и, забрав чашку из моих рук, понюхал содержимое.

— Опять пьешь?

— Раз в семь дней, Коджи, встречаю солнце навеселе. Мы же договаривались.

— Вот поэтому я никуда не уйду. Бог-пьяница нашему миру не нужен.

Я рассмеялся, но тут же закашлялся.

— Бог! Если бы я знал, что боги могут быть такими, то давно бы отсоветовал всем молиться.

Я скосил притворно-веселый взгляд на Коджи, но тот лишь вымученно улыбнулся в пустоту. Бог... Бог! Злость кишила во мне миллионом мерзких червей. Стоило на секунду забыться, как один из них спешил подавить чувство успокоения, и я снова злился. Какой толк в могуществе, когда единственное, чего ты хочешь, тебе не подвластно?

— Смотри-ка, — вдруг сказал Коджи, оглядываясь на дом. — А саженцы уже покрылись листьями. Несколько лет, и здесь будет настоящий лес.

Я эти деревья высадил вокруг поместья через месяц после случившегося. В бреду или в сознании — уж не помню, — но тогда это казалось очень важным. Такимару ненавидел темноту. Он избавлялся от всего, что отбрасывало тени и могло заслонить солнце. И до прошлого года я был таким же. Я ненавидел ночь и боялся темноты, но не из-за демонов, которыми пугали детей, а из-за того, что темнота забирала. Мать, отец, Такимару — все они ушли ночью. Всю жизнь ночь была для меня предвестником бед, пока из этой самой ночи не явилось существо, которое я полюбил.

Ей бы понравилось, что скоро здесь станет темно.

Но я убил ее.

Страшно вспоминать, что я чувствовал, когда тот демон завладел моим разумом. Находиться в своем теле, но в полном бессилии, ощущать, как нечто управляет руками и ногами, заставляет губы шевелиться, а голос — озвучивать

слова, которые я никогда бы не произнес. Я хотел похоронить Мидори и рассказать Рэйкен о том, что когда-нибудь смогу исполнить ее желание. Я хотел просить ее о времени — принять случившееся и дать нам шанс на будущее вместе. Я бы защитил ее от всего, я бы никогда не допустил ее смерти. Ее душа никогда бы не обернулась мононоке, потому что мы бы прожили в безопасности прекрасную жизнь вместе, а когда пришло время, я бы был готов отпустить ее и упокоить, потому что оказался потомком сына богов.

Но ничему этому не суждено было сбыться. Когда Мацу, управляя моим телом, бросился на Рэйкен, а ее пальцы пробили мою грудь, я был в сознании. Не мог ничего сказать ей, не мог воспротивиться воле демона настолько, чтобы вытолкнуть его из себя. Но я все чувствовал. И испугался, что если она прикоснется к моему сердцу, то умрет. Потому что в одном Мацу был прав: я очень злился. И боялся, что могу злиться на Рэйкен и что моей любви недостаточно, чтобы она вынесла это прикосновение. Но если бы ее убило мое чертова упрямое сердце, Рэйкен никогда бы не обрела покой, о котором так грезила.

Поэтому я убил ее. Помню, как пальцы Рэйкен схватили демона и его влияние на мой разум ослабло — совсем немного, но этого хватило, чтобы действовать. Считаные секунды — одна, две, три, — я хотел ударить в сердце, но не смог достаточно контролировать свою руку.

Никогда мне не забыть запах ее крови — единственный запах, который смог перебить тот приторно-сладкий аромат. Как она смотрела на меня — удивленно, отрешенно, не понимая, как клинок угодил в ее шею, — как изо рта вырвались хрипы и кровь, а потом ее глаза стали гаснуть, потеряли желтизну и медленно закрылись. А я лишь успел

подхватить ее на руки и кричать, кричать, что отпускаю ее душу, что желаю для нее покоя.

Как это работало — Инари мне не сказала. Я думал, что Рэйкен должна услышать меня, я думал, что если буду кричать громче, то все получится.

Я не знаю, получилось ли. До сих пор не знаю.

С того дня прошло уже семь лет.

В первый год я даже не старался делать вид, что живу, и все деликатно оставили меня в покое. Коджи вернулся в поместье спустя пару дней после того, как я похоронил Мидори и Рэйкен (там же, под сакурой, где лежали останки Такимару). Помню лишь, что обнял его — крепко, от всего сердца, — а потом сказал, что зря он вернулся. Несправедливо, знаю, но так надо было. Я его выбрал. Решил, что именно Коджи должен жить, но не мог так вот сразу смотреть на него и не пытаться выискать в чертах племянника ее черты. Знаю, теперь их душа — одна, но невозможно так просто принять эту правду. Я видел ее маленькой, видел, как она росла, как злилась на меня и как любила. Она — со своим характером, со своими чувствами и желаниями. Да как можно говорить, что теперь Мидори — часть Коджи? Нет. Мидори умерла. А Коджи не заслужил видеть на моем лице печаль всякий раз, как я буду смотреть на него.

Моя боль. Я должен пережить это. Когда-нибудь.

Коджи не настаивал на откровенных разговорах. Более того, он вообще никогда не заговаривал о случившемся. Иногда мы встречались в саду и пили чай, иногда молча сидели на берегу озера. Я не был готов расспрашивать его о жизни с Мэйко и ее народом, но, когда придет время, обязательно спрошу. Узнаю, как изменилась его сила, чему

он научился, и смогу искренне разделить радость от его успехов.

Я стал бессмертным, и теперь у меня была целая вечность, чтобы забыть о десяти днях жизни. У судьбы действительно прекрасное чувство юмора.

В первые пять лет жизнь проходила мимо меня, пока я упивался злостью, уверенный, что должен со всем спрятаться сам. Я много пил, но недостаточно, чтобы прослыть пьяницей и забыться беспробудным сном. День и ночь поменялись местами, и я стал покидать дом с закатом. Коротал время на берегу озера, в разговорах со своими мертвыми. Злился, кричал, плакал, обвинял и просил прощения. Наверное, со стороны выглядел безумцем, но по прошествии времени я понимаю, что эти разговоры принесли пользы больше, чем могла бы помочь любая беседа с живым человеком.

Я много размышлял о поступке Такимару и, только посмотрев на него через призму собственного опыта, взглянул на случившееся по-другому. Наш отец умер, и на плечи брата легло непрошеное бремя рода Сугаши. И единственное, что он мог, — распорядиться своей жизнью по-своему. Тот самый эгоистичный поступок, на который он имел полное право. И дело было не во мне. Я знаю, Такимару любил меня, и я не вправе требовать его жизнь для себя. Он отдал ее во имя будущего жены или, может, увидел в этом шанс положить конец наследственности хого хотя бы по своей линии. Или, наоборот, знал, что таким образом позволит мне вернуть силу Сугаши к истокам, даст шанс разрастись нашей ки в полной мере. Я никогда не узнаю, о чём он думал на самом деле, но я должен (обязан!) уважать его выбор.

Так же, как должен отпустить Мидори. Рэйкен права, как бы она ни запуталась, что бы ни совершила, итог ее жизни определился финальным выбором. Она все сделала правильно, и мне не в чем себя винить. Я просто не имею

права держать ее в своих мыслях и размышлять о том, а что было бы, если... Ничего бы не было. Все уже случилось.

Когда-нибудь я посмотрю на Коджи чистым, незатуманенным призраками взглядом и, возможно, увижу в нем что-то от сестры. Мимику, жесты? Может, замечу знакомую интонацию в голосе?

Хотя какое это имеет значение? Я смотрю на свое отражение в озере и больше не отвожу взгляда. Шрам, перечеркнувший мой левый глаз, — вечное напоминание, но не о дурном нраве Мидори, а о том, что она была жива. Она. Была. Здесь.

Я отпускаю ее, но никогда не забуду.

Однако Рэйкен я отпустить не мог. Меня изводило неведение. Успел ли я? Услышала ли она мои слова или все же умерла, касаясь моего сердца? И если так, неужели моей любви было недостаточно?

Не знаю, ничего не знаю.

Моя любовь была ядовитой. Рвала меня на куски, жалила кожу, отравляла душу и разум. Я изнывал от тоски и как сумасшедший каждую чертову секунду ждал и надеялся. Мне нужно было видеть ее, держать в руках, целовать, говорить с ней. И доказывать, что я любил ее по-настоящему! Хотя порой я сам в это не верил.

Но со временем я исцелился от яда и тогда ощутил, как все-таки широка и неэгоистична была моя любовь к ней.

В какой момент это произошло? Что из случившегося повлияло? Сложно сказать.

В ту пятую годовщину я в последний раз посетил храм Инари и увидел в деревьях кицунэ. Я разозлился на богиню так, как не злился давно! Сколько раз кричал ей, взвывал, требовал и плакал, но она ни разу не удостоила меня даже словом. Но в тот момент в моей голове будто что-то щелкнуло.

А что, если ей нечего сказать?

А что, если ее приход даст мне очередную несбыточную надежду?

Эта странная мысль не оставляла меня в покое много дней, а потом, в один из теплых вечеров, на берег озера пришел гость. Он выглядел как человек — богатый и с манерами, в черном атласном плаще и с лакированной тростью в руках. И если бы не волосы, туго закрученные в кудри, я бы решил, что кто-то из господ случайно забрел в наши земли. Но господа таких причесок не носили. Я всматривался в его светлые глаза, смутно припоминая, где мы виделись.

— Меня зовут Саваки, — он низко поклонился, держась на почтительном расстоянии.

Ах, вот оно что. Приди он годом раньше, я бы взбесился и набросился на него. Но в тот год во мне и вправду что-то изменилось, и, к своему глубочайшему удивлению, я испытал радость от встречи с ним.

— Знаю, вы живете уединенно и не жалуете таких, как я, но... — Он выхватил из-под плаща сверток и протянул мне. — Я лишь хотел оставить это здесь и немного посидеть. Если позволите.

— Как вы нашли меня... нас?

— Ваш племянник. Мне пришлось проследить за ним. Но не переживайте, никому и никогда я не выдам этого места.

Я развернул сверток и в тот же миг крепко зажмурился. Синее сукно. Старое, выцветшее.

— Она любила его, — тихо сказал Саваки. — Этот костюм достался ей от отца. Помню, Сора — одно время жила с нами служанка, прекрасная, отважная дикарка, знаете ли! — все время заставляла Рэйкен носить кимоно, но девчонка при любом удобном случае надевала это тряпье.

Я смахнул слезу, сжимая пальцами ткань. Холодная, как и ее руки когда-то.

Саваки сел рядом со мной, и какое-то время мы молчали. Впервые с того дня я вспоминал наши скитания в лесу, как она висела на мне, заставляя молчать, когда на поляну явился призрак Хэджама, как мы потеряли Кацу, а потом я впервые обнял ее у дерева. Это были мои воспоминания, только мои, но внезапно мне захотелось рассказать их этому существу.

Я начал говорить, когда солнце только скрылось за горизонтом, а закончил, когда над озером воцарилась безмятежная звездная ночь. А потом слушал Саваки. Он поведал мне о первом знакомстве с Рэйкен, рассказал, какой она была, когда еще не умела ходить в другие миры, как загоралась, когда желала чем-то обладать, и как усердно тренировалась. Поведал о Соре и ее занятиях и еще много о чем. Когда Саваки рассказал о том, что случилось с родным селением Рэйкен, и упомянул, как она справилась с Исаму, я покачал головой:

— Не надо. Мне достаточно и того, что я уже знаю.

Саваки ушел с рассветом, попросив лишь разрешения иногда приходить сюда, и я не раздумывая согласился. Так в моей уединенной жизни появился первый ёкай. А спустя несколько дней у футона в своей спальне я нашел небольшой сверток с обгорелой деревянной фигуркой, которую наконец смог хорошенъко рассмотреть. Кодама, защитник. Та самая кукла, которую Рэйкен забрала с собой из развалин родного селения, когда мы вышли из леса. К фигурке прилагалась записка:

Нашила в ее спальне в крепости. Верни ей. Пусть этот дух защищает ее покой.

Надеюсь, вскоре ты найдешь в себе силы встретиться со мной.

Мэйко

Одежду Рэйкен я закопал в земле рядом с ее телом, а фигурку повесил на ветку сакуры.

Вскоре я увидел Коджи и обронил ему невзначай, что если Мэйко или любой другой из ее народа хочет приходить сюда, то я противиться не буду.

Да, мне потребуется время, чтобы встретиться с ними, захочет заговорить или разделить трапезу. Но для начала я могу наблюдать со стороны, в укрытии под сакурой, рядом с ее вещами.

Мне жаль, что нам было отведено так мало времени и я не научился любить ее так, как следовало бы. Чувства обрушились на меня ливнем, закрутили в хаосе мыслей и необузданных толчков сердца, кидали из дикой одержимости и желания в ярость и ненависть от того, что я не понимал логики ее поступков. Человеку, привыкшему держать под контролем всю свою жизнь, неподвластно приручить этот умопомрачительный поток за считанные дни.

Я вижу ее во сне в окружении светящихся волос, я тянусь к ней всякий раз, когда языки темноты хватают ее за лодыжки, хоть и не могу коснуться. Она ушла. Знаю, она ушла, но я по-прежнему ищу ее следы в других. Любопытство в глазах прохожих и лукавую улыбку, раздражающий пряный запах. Иногда мне кажется, что чувствую его, — но он совсем другой. Не такой сладкий. Не такой пряный. Я замираю, когда чьи-то руки касаются меня, и не чувствую ничего, кроме разочарования, потому что покоя, который дарила ее холодная кожа, мне никто не может дать.

Я знаю, что со временем научусь жить без нее. Мое восприятие мира изменилось, теперь я замечаю то, что раньше было незримо. Я снова смогу дышать мирно и тихо спать по ночам, смогу искренне улыбаться солнцу и с прежним воодушевлением работать в полях Сугаши. Научусь со временем. Знаю.

Я не успел полюбить ее так, как она того заслуживала, но я могу полюбить то, что любила она. Прогулки босиком, яркие перья облаков на предрассветном небе, дым от курительной трубки, темноту. Я могу научиться любить этот новый мир — хаотичный и непредсказуемый, полный потусторонних существ, для которых нет черного и белого.

Возможно, когда-нибудь мне даже захочется состариться, и тогда я найду женщину, которая родит мне ребенка. Я отдаю ей свою силу. Возможно, так и будет. Я свободен в выборе, даже несмотря на обязательства перед богами. И может быть, через много-много лет я даже перестану надеяться, что она вернется.

Женщина, с которой я наконец стал бесстрашным.

В конечном счете мне хочется верить, что я подарил ей покой. Если ее предназначением была моя бессмертная жизнь, то мне полагалось отплатить ей исполнением сокровенного желания — как бы мне ни хотелось, чтобы этим желанием стала вечность со мной.

Рэйкен научила меня главному: на собственном жестоком примере показала, во что может превратиться моя жизнь, если гоняться за прошлым. Что могущество — деньги, власть, сила, бессмертие — это ложное обещание, что все можно исправить. Смерть — это естественный ход вещей, и вовремя отпускать умерших — мудрость, с которой не рождаются, но которую можно приобрести. Могущество не должно оборачивать время вспять и внушивать, что любой закон природы можно изменить. Могущество — это талант жить полно, сохраняя баланс между личными желаниями, совестью и добротой своего сердца.

Когда-нибудь я похороню тоску по Рэйкен и впущу эти мысли не только в голову, но и в свои новые бесчисленные дни.

Семь лет спустя

Кажется, их звали Аридзу и Аки — я честно пытался расслушать их имена, но они так быстро щебетали, что задача была невыполнимой, а переспрашивать было неудобно. Эти птицы были ровесниками Коджи и стали его лучшими друзьями. Когда они наведывались к нам в поместье, вся округа на ушах стояла. Все их удивляло здесь: и светлые стены, и высокие деревья, которые окружали дом, и крестьяне, работавшие в полях. Они носились кругами, радостно вереща, создавая в воздухе вихри, отчего наша старая кухарка не раз хваталась за сердце, ругаясь на них, но все же любила от души. Это я видел по ее улыбке, от которой вокруг глаз расползались десятки морщинок. Коджи превращаться не мог, но уже здорово поднатаскался в левитации. Я неоднократно видел, как он задумчиво прохаживался вверх-вниз, ступая по воздуху, как по невидимым ступеням. Не думаю, что он расстраивался из-за того, что не мог обрасти перьями, и все же Аридзу и Аки (или как их там?) во имя дружбы никогда не превращались рядом с ним.

В тот день стояла жара, и хорошо было оставаться во дворе, в тени каштанов, но я так устал от их щебета, что без зазрения совести сбежал на берег озера и устало прислонился спиной к стволу сакуры, погрузив босые ступни в холодную воду.

— Нет, ты видишь это? — усмехнулся я, с ужасом наблюдая, как Аки пикирует прямо на крышу: еще чуть-чуть и пробьет настил своим длинным носом. — Я уже жалею, что позволил им развиться здесь. Это поместье столько лет жило, бед не знало!

Вытянув руку вверх, я по привычке задел фигурку кодама — и она закрутилась вокруг своей оси.

— Жаль, что ты не видишь, — шепнул я и помрачнел. — Знаешь... я хоть и обещал, что больше не буду плакаться, но... хм... тебе не кажется, что это несправедливо? Рэйкен, ты приложила руку к моему созданию. Из-за тебя я похож на гирлянду из фонарей. Именно из-за тебя я слишком долго буду жить в этом мире. Нужели ты думаешь, что могла спокойно умереть, а я останусь здесь один? Ну уж нет. Возвращай свою наглую задницу сюда! Немедленно!

— Это что, ты так изысканно предлагаешь мне вечность с тобой разделить?

— Как умею, — буркнул я, не сразу сообразив, что ответивший мне голос не плод моего воображения.

И замер.

Сердце зашлось в неистовом ритме — давно оно так не стучало. В жарком воздухе нос уловил другой запах. Далекий, почти забытый.

Я распахнул глаза.

В дневном свете ее силуэт показался невозможным и каким-то неправильным. Свечение, к которому я так привык, никуда не делось. Пшеничные волосы покоились на плечах, на алых губах, которые я все еще целовал в своих снах, играла дрожащая улыбка. Я всматривался в янтарные глаза, переводил взгляд на ее руки и босые ступни, очерчивал силуэт, облаченный в легкое светлое кимono, и не мог поверить.

— Ты кто? — вырвалось у меня.

Голос показался чужим и сломленным.

Она вдруг нахмурилась и растерянно уставилась на меня, а потом посмотрела поверх моей головы — туда, где болталаась фигурка кодама, — и рыжие глаза расширились.

Нет. Не может быть. Как жестоко...

Я медленно поднялся, хватаясь рукой за ствол дерева: так сильно меня затрясло, что тело едва слушалось.

— Шин...

— Я... столько лет звал ее.

— Кого?

Казалось, это существо и вправду не понимало.

— Рэйкен! Я звал ее, просил вернуться, дать мне хотя бы намек. Но ничего не происходило! Я же могущественный! Но не всемогущий...

— Видимо, я ошиблась. — Губы этого существа, так жестоко похожего на мою Рэйкен, дрогнули в улыбке. — У Инари от твоих воплей разболелась голова.

— Что?

— Шин, это я.

Не понимаю. Ничего не понимаю.

Я зажмурился, делая вдох за вдохом. Горячий воздух обжигал горло, и я чувствовал, что задыхаюсь.

— Это я. Рэйкен. Все, чего я хотела, — подарить себе, маленькой девочке, покой. Потому что без этого покоя в моем сердце не было места ни для чего другого. И у тебя получилось... ты дал ей то, что...

— Я так любил ее. Любил Рэйкен... До сих пор... — Я резко обернулся к ней, сдерживая ярость. Если это жестокий розыгрыш богов, я перестану скрываться. Найду каждого и задам такую трепку, что они навсегда пожалеют о моем создании.

— Подожди... Ты что? — Существо снова нахмурилось. — Я умерла, Шин. И наша связь исчезла.

Я часто заморгал, снова всматриваясь в ее лицо. Сколько раз я касался этой кожи. Сколько раз мечтал снова держать его в руках, целовать эти губы...

Неужели...

— Ты действительно думала, что внушила мне чувства?

— Не совсем... я же никому ничего не умею внушать. Но наша связь...

— Но я не знал! Зачем ты убеждала меня в этом?

Она вдруг прищурилась и стиснула зубы, и тогда я понял. Убедился, узнал. Рэйкен. Боги милостивые.

— Потому что не могла поверить, что такой упертый баран, как ты, действительно мог полюбить меня!

— А такая лгунья, как ты, способна?

Я медленно приближался к ней, сгорая от чувств, которыми готовилось разразиться мое сердце. Это она. Моя Рэйкен.

— Способна, — буркнула Рэйкен, обхватывая себя руками. — Я проверяла.

По ее щеке скатилась слеза. Я хотел смахнуть ее, но заставил себя остановиться. Если коснусь ее, то уже никогда не смогу отпустить. Но я до сих пор не знаю, зачем она вернулась.

Боги, да как же это возможно!

Рэйкен повернулась к озеру и, казалось, целую вечность смотрела вдали. Над светлым поместьем, скрытым раскидистыми каштанами, кружили Аридзу, Аки и Коджи. Один из ёкаев не выдержал и все же обернулся птицей и теперь задорно верещал, задевая настил когтистой лапой. Озеро безмолвно отражало безоблачное небо и искажало наши силуэты. Я смотрел на нее, очерчивал взглядом профиль и с замиранием сердца ждал. Видел, как ее глаза расширились, как она взглянула на меня, потом на фигурку кодама на ветке сакуры и снова на поместье.

— Там достаточно темно? — прошептал я, протягивая к ней руку.

Одно неосторожное движение — и я коснусь ее. Рэйкен зажмурилась, из ее глаз полились слезы.

— Тебе этого достаточно?

И когда она отчаянно закивала, я схватил ее за плечи, развернул к себе и яростно впился губами в ее губы. Целовал ее — единственную женщину, которую так нелепо и внезапно полюбил и которую буду любить всю оставшуюся жизнь. Женщину, которую обещали мне боги задолго до моего рождения. Ту, что подарила мне вечность, а теперь отчего-то вернулась, чтобы разделить ее со мной.

Позже она расскажет мне о встрече с Инари и о том, как богиня проводила ее душу к семье. Как боги решили подарить Страннице второй шанс, потому что ее хого окружил себя такой сильной защитой, что ни одному ками не пробиться через нее. Расскажет о Кацу и остальных мононоке, которых ками освободили и подарили покой. Скажет, что проводила Инари к Хэджаму и что боги решили отправить его на перерождение. Вместе мы посетим тысячи миров, и Рэйкен покажет мне свою жизнь, в которой уже не будет призраков ее прошлого. Мы узнаем, что ее способности открывать двери в другие миры не ограничиваются темнотой, а моя сила так прекрасна и необыкновенна, что хватит на тысячи поступков, которые сделают этот мир лучше.

Но это потом. Завтра или через много лет — как захотим.

А пока мы стоим на земле, возле сакуры, где умирала и возрождалась моя семья, я отчаянно целую ее, прижимаю к себе и вдыхаю этот приторно-сладкий аромат — слишком пряный и слишком сладкий — и не могу надышаться.

Благодарности

Меня до сих пор поражает, сколько людей еще на этапе создания «Полусолнца» поверили в эту историю! И какой фантастической силой обладает поддержка.

Дорогие читатели блога @kristinabrober, вы — мои! За каждое слово, каждый репост и трогательные послания в директ — возможностей русского языка не хватит, чтобы в полной мере выразить всю глубину моего «спасибо» вам. Именно вы оживили «Полусолнце» и заставили поверить, что эта история достойна увидеть свет. С вами горы можно свернуть. Ценю безмерно.

Любимая Линту, ты уже столько лет читаешь мои рукописи, столько часов посвящаешь моим текстам. Всем сердцем, всей душой благодарна тебе за то, что так веришь в мои истории, не теряешь бдительность и даешь такие ценные комментарии.

Милая Варя @icequeen.art, мы с тобой стали командой, когда финал «Полусолнца» даже не маячил на горизонте. Я всем желаю таких иллюстраторов — чтобы с первого слова и на одной волне. Ты так точно уловила характеры персонажей и атмосферу истории, так ревностно подошла к созданию их визуальных образов — восхищалась и всегда буду восхищаться тобой и твоим подходом к работе.

Алина @melanchallina, ты — лучший книжный скаут и хороший друг! Появилась из ниоткуда и так мощно

ворвалась в процесс, что мне до сих пор не верится в случившееся. Спасибо за тонны переписок в директе, за то, что всегда готова выслушать и поделиться мнением. Я очень ценю тебя и твой труд, все, что ты делаешь для нас, молодых писателей.

Аня @asevella, я и подумать не могла, что работа с издательством может быть настолько крутой, и все благодаря тебе. Какое же это счастье — отдать книгу редактору, с которым ты на одной волне. С тобой так комфортно и спокойно! Аня, ты настоящий подарок для любого автора. Очень счастлива быть частью издательской семьи «МИФ».

И моей второй половинке. Мы с тобой такие разные, и, знаю, тебе зачастую нелегко выносить меня и мой фэнтезийный мир, который из раза в раз вторгается в нашу жизнь, но ты принимаешь меня и гордишься моими успехами. Люблю.

Оглавление

Пролог	6
------------------	---

ЧАСТЬ I

СТРАННИЦА	11
Глава 1. Пленница	12
Глава 2. Мертвые мико	30
Глава 3. Преследователь	49
Глава 4. Кокоро	59
Глава 5. Мацу	85
Глава 6. Минус один	109
Глава 7. Хозяин замка Чироши	140
Глава 8. Блуждающая крепость	168

ЧАСТЬ II

ДУША ИЗ ЧУЖОГО МИРА	199
Глава 1. Знакомство с материей мира	200
Глава 2. Падение	214
Глава 3. Первый контракт	234
Глава 4. Птичья принцесса	258

ЧАСТЬ III

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СТРАННИКА	285
Глава 1. Ёми	286
Глава 2. Близость	310
Глава 3. Гостиya	335
Глава 4. Оковы	355
Глава 5. Тот самый Сугаши	371

Глава 6. Лгунья	403
Глава 7. Замок	418
Глава 8. Инари	438
Глава 9. Ритуал	458
Эпилог	493
Благодарности	508

МИФ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА ХХI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

*Литературно-художественное издание
Серия «Red Violet. Магия Азии»*

Робер Кристина

Полусолнце

Руководитель редакционной группы *Ольга Киселева*

Ответственный редактор *Анна Неплюева*

Литературный редактор *Анна Баскаева*

Арт-директор *Яна Паламарчук*

Дизайн обложки *Юлия Русакова*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Надежда Лин, Лилия Семухина*

В книге использованы иллюстрации
по лицензии © shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

ЯПОНИЯ. ЭПОХА ВРАЖДУЮЩИХ ПРОВИНЦИЙ.

РЭЙКЕН

ШИНОТУ

ХЭДЖАМ

Наполовину смертная, наполовину кицунэ.
Странница, способная проникать в мир мертвых
и мечтающая отыскать там свою семью.

Молодой господин, владелец рисовых полей,
в жизни которого нет места магии и демонам —
до тех пор, пока он не встречает Рэйкен.

Чистокровный демон, воспитавший Странницу.
Он пойдет на все, чтобы найти и вернуть Рэйкен.
Но захочет ли она возвращаться?

Каждый из них преследует собственную цель. Каждый скрывает свою тайну. И только мертвым известно, кто из них сумеет дойти до конца.

На что вы готовы, чтобы спасти дорогих вам людей? Шиноту Сугаши согласен на все — даже объединиться с одним из демонов, которых всегда ненавидел. Невероятное приключение, которое не отпустит вас, пока не перевернете последнюю страницу.

АЛИНА @MELANCHALLINA

администратор группы «Чердак с историями»,
книжный скаут

Чарующая атмосфера старой Японии, божества камы и демонов ёкаев, которые живут среди обычных людей. Приключения, волшебные создания, переплетения судьб и, конечно, любовь. Я очарована.

АННА @BOOKS_HOLY_ANNA

книжный блогер

Отправляйся за белой лисицей в погоню за призраками прошлого, ведь только так ты отыщешь дорогу домой. Не открывай душу демонам — она тебе пригодится. «Полусолнце» — это про интриги ради власти, обманы ради любви и жертвы ради семьи.

АЛЕКСАНДР @RACCOON_DEMIGOD

книжный блогер

Иллюстрация на обложке — Саша Рейн

Иллюстрации в книге — Варвара Железнова (icequeeen.art)

МИФ mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

#yamif

9 785001 953990 >